

№ 4(40). 2020

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Август 2020 № 4 (40)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Евгений Журавли – поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев – секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Валентин Курбатов – член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Дата выхода номера в свет: 27 августа 2020 года. Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка – Елена Балантаева

Корректурa – Валентина Куртяк

Отпечатано в типографии «Страж Балтики»

г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчеркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, его эл. адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Александр Чумиков. Непал. Винтажный роман. Часть 4. Начало в № 1 (37)-2020	4
Геннадий Гусаченко. Китобойная одиссея. <i>Роман</i>	37
Алексей Полубота. Промысел. <i>Рассказ</i>	76
Анастасия Чернова. Разлад. Баранки к чаю. <i>Рассказы</i>	87
Николай Толстик. Приходинки	96
Владимир Яцкевич. Лучшие из лучших. <i>Рассказ</i>	103
Светлана Савицкая. Свет отражающий. <i>Отрывок из романа</i>	110

Поэзия

Наталья Егорова. <i>Стихи</i>	119
Андрей Растворцев. Где шёпотом любовь... <i>Стихи</i>	122
Татьяна Грибанова. <i>Стихи</i>	125
Александр Орлов. <i>Стихи</i>	128
Ольга Флярковская. Синичка Севера. <i>Стихи</i>	131

Берега юбилеев

Владимир Костров. <i>Стихи. Поздравление с 85-летием</i>	134
Сэда Вермишева. Гармония в поэзии Григория Блехмана. <i>Поздравление с 75-летием</i>	138

Берега Памяти

Михаил Фёдоров. Егор Исаев: «От нерва Бондарева можно прикурить»	143
Юлия Кирияк. Тайны Балтики. Истории затонувших кораблей Балтийского флота	146

Берега прочтения

Людмила Воробьёва. «Божьего слова родник...» О поэзии Натальи Егоровой	156
Григорий Блехман. Впечатление о сборнике поэзии В. Коростелёвой «И всё-таки – в дорогу!...»	161
Владимир Подлузский. Сказ о романе в стихах	165

Русский мир без границ

Берега Австрии

Интервью Нелли Холлер с Виктором Клыковым	170
--	-----

Берега США

Вера Зубарева. Колыбельная для взрослых. <i>Стихи</i>	177
--	-----

Берега Франции

Николай Вырубов. Генерал Пешков	180
--	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	184
---	-----

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессорала». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е». Эта полижанровая трилогия вышла в 2020 году отдельной книгой в издательстве «Питер». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

Непал

Винтажный роман

ЧАСТЬ IV

«МЫ СДЕЛАЛИ ЭТУ..!»

Пролог

Клаймер

Однажды владыка подземного царства Ямарадж вздумал прогуляться по земле. Вылез он наружу и оказался на большом ледяном плато, вокруг которого стояли высокие неприступные горы. Долго смотрел Ямарадж на горы и, наконец, увидел маленького человечка, который ловко карабкался по стенам горы вверх. Он развешивал верёвки, вбивал в скальные стены какие-то металлические крючки, а другие железки вкручивал в лёд, быстро и уверенно продвигаясь к вершине.

Подивился Ямарадж: такая огромная гора и так послушна маленькому человеку, который делает с ней что хочет. Разве что иногда гора пускает на человека камни и делает трещины во льду, но он от камней увёртывается, а трещины преодолевает с помощью мудрёных приспособлений.

Не удержался Ямарадж и спросил у горы:

– Послушай, гора! Ты такая огромная и высокая, у тебя столько камня и льда, что ты легко можешь победить всё живое, что пытается тебя покорить. Так почему же ты повинешься тому, кто мал и слаб? Неужели тебе не хочется освободиться от этого жалкого маленького человечка, чтоб никому не подчиняться?

– О владыка! – ответила на это гора. – Не берись судить о том, что неведомо тебе. В твоём царстве одни мёртвые, у них и впрямь какая сила? Потому ты и мучаешь их, как тебе вздумается. Живой человек хоть и невелик ростом, зато силён телом и разумом. Все звери, и рыбы, и растения, и даже такие большие горы, как я, подчиняются ему. Попадётся тебе когда-нибудь живой, а не мертвец, и ты поймёшь, что это такое. Посмотрим тогда, кто кого одолеет.

Не понравились Ямараджу эти слова. Вернулся он в свои владения, кликнул слуг и приказал доставить в подземное царство мёртвых того самого живого человека. Отправились слуги на землю и увидели, что человечек уже залез на огромную гору. Подошли ближе к человечку, а он вдруг, как дракон, задышал на них паром через железную маску. Испугались слуги и стали ждать, что человек будет делать дальше. А он спустился по верёвкам с вершины и спрятался в свой маленький полотняный домик. Жилище качало от ветра, но не уносило, а человек как ни в чём не бывало разжёл огонь, вскипятил на нём воду, напился чаю и завалился спать.

Вот тут-то слуги приободрились:

– Это вполне подойдёт нашему господину, – решили прислужники Ямы, подхватили человека вместе с палаткой и помчались в подземное царство.

Неслись они как угорелые и так трясли палатку, что человек проснулся. Видит, что тащат его куда-то, и соображает: если это йети – снежный великан, то с ним легко справиться, он убегал от йети много раз. А если нечистая сила, как тогда быть? И сначала немного струсил. А потом, будучи не из робкого десятка, стал выпрашивать у своих носильщиков, почему они так стараются и куда его несут.

Услыхал человек, что забрали его по распоряжению самого Ямараджа, и приуныл, потому что не хотелось в царство мёртвых, а хотелось покорить ещё много неприступных вершин. Но разве зря он наделён человеческим разумом? Думал-думал и наконец придумал. Обмакнул перо в чернильницу и написал на листе бумаги письмо:

«Всевышний бог Вишну – владыке подземного царства Ямараджу.

Дошли до меня слухи, о Ямарадж, что ты хочешь заполучить в свои владения живого человека, да ещё клаймера – восходителя на неприступные горы. Видно, забыл ты, что тебе положено забирать только погибших, замёрзших на горе клаймеров? Чтобы напомнить тебе об этом, решил я сам принять образ живого восходителя и самолично предстать перед тобою. Так и быть, не стану отчитывать тебя при твоих подданных, потому и написал это послание. Однако, чтобы избежать моей кары, как только увидишь меня, немедленно залезай на ту самую гору. А с неё отправляйся за решением своей судьбы ко мне на небеса.

Кстати, знаешь ли ты, безмозглый, что эта гора носит имя моей жены – Аннапурны? Не знаешь? Тогда горе тебе!...»

Добежали прислужники до преисподней и поставили палатку с клаймером перед Ямараджем. Не теряя времени, вскочил клаймер на ноги и вручил владыке мёртвых своё послание. Прочёл его Ямарадж и тут же приказал всем выйти, а когда удалились прислужники, спустился с трона и склонил перед восходителем голову.

– Прости меня, великий Вишну!

– Что же ты медлишь? Выполняй приказание! Здесь говорить не будем – встретимся у меня на небесах! – величественно произнёс человек.

Кликнул Ямарадж слуг, приказал им во всём подчиняться пришельцу с земли и поспешил на гору Аннапурна, а с неё – во владения бога Вишну. С большим трудом, но взобрался Ямарадж на вершину, затем достиг небесной обители и предстал перед всевышним. Увидел Вишну дрожащего от страха владыку подземного царства и воскликнул:

– О Яма! С какими новостями ты пожаловал ко мне? Уж не случилась ли беда в твоих владениях?

– О великий бог! – удивился Ямарадж. – Ты же сам повелел мне явиться сюда. Как видишь, я исполнил твою волю. Я знаю, велика моя вина, и всё-таки прошу тебя, о всевышний, смени гнев на милость!

С этими словами Ямарадж склонился перед Вишну. Но всевышний удивлённо посмотрел на испуганного Яму. И только когда владыка преисподней рассказал обо всём, что с ним приключилось, Вишну наконец понял причину его страха и покатился со смеху.

– Ну и поделом тебе, Яма. Хотел померяться силами с клаймером? Вот он тебя и проучил! Как видишь, не так-то легко справиться с живым, наделённым силой ума и ловкостью тела человеком. Недаром даже моя жена Аннапурна считает его самым достойным в мире и подчиняется человеческой воле. Возвращайся домой и с уважением проводи клаймера обратно на гору, где ему и подобает находиться. А тех, кто уже замёрз и чьё сердце остановилось, так и быть – возьми в своё царство.

ГЛАВА I

Портер и сагиб

Находясь в эти майские дни в Непале, я, как, впрочем, и всегда, был погружён в заботы об очередном восхождении и не задумывался о том, что это за дни. Болтаясь по вечно толпящемуся, шумяще-гремящему, пыльному и дымному Катманду, я то и дело замечал какое-то дополнительное к обычному оживление. По городу двигались оркестры, колонны людей с транспарантами, школьников с флагами. Надо сказать, что, несмотря на общую бедность, в школах страны существовала единая ученическая форма сине-голубых, розово-бордовых, серых, зелёных и, разумеется, белых оттенков; и школьники были всегда узнаваемы. Но их привели что-то слишком много.

В какой-то момент колонны выстроились вдоль улицы Нью Роуд, оркестры заиграли, а на самой улице, где закрыли автомобильное движение, появились кареты, запряжённые белыми лошадьми. Ну, наверное, очередной праздник. У индуистов-буддистов праздники частые и большие, поэтому, посмотрев – далеко не в первый раз – на это разноцветье и разнолюдые, я уж собирался продолжить путь по своим делам, но вдруг заметил...

В каретах сидели явно неординарные люди: не смуглые и маленькие непальцы, или индийцы, или другие представители азиатского континента, а белые и объёмные европейцы и американцы, в основном пожилого возраста. Я остановился, почитал надписи на транспарантах, а потом и спросил у кого-то из зрителей о сути происходящего. И тут наконец осознал – ба! – да это ж 50-летие первого покорения Эвереста!

В каретах находились восходители-ветераны, а более молодые шли следом. Не занимаясь глубоко историей освоения высочайшей вершины мира и не особенно интересуясь биографиями тысяч её покорителей, пару десятков имён я всё же знал, и большинство из них составляли мои современники и даже товарищи. Но это же нормально, да? Скажем, вы лишь на бытовом уровне знакомы с космонавтикой, и вдруг спрашивают: назовите известных космонавтов. Наверняка вы вспомните Юрия Гагарина, Валентину Терешкову, Алексея Леонова, а из зарубежных и вообще никого. Так и я, хоть бы и во сне, мог произнести имена первопроходцев Эвереста – Эдмонда и Тена, да и фотографии их многократно видел. А сейчас наблюдаю живём. Один, высокий даже в сидячем положении, с продолговатым лицом, явно узнаваем. Неужели Эдмонд, или Эд, как его обычно именовали? Да, это был он. А где *второй*?

Сразу подобралась шальные мысли о том, как бы подобраться к старику, зацепить его, раскрутить на воспоминания-откровения? Но удастся ли?! Впрочем, вопрос был не совсем уж нерешаемым. К тому времени я обзавёлся в Катманду друзьями, знакомыми – как непальцами, так и россиянами, и, вернувшись в отель, начал им названивать и просить о помощи. Выяснил, что именно в этот день, 27 мая, в английском посольстве состоится большой приём в честь знаменательной даты. Как попасть на него? Все ответы выходили абсолютно неутешительными: никак! Наши посольские, разводя руками, конфиденциально поведали, что на этот приём не приглашён даже посол. И не только российский, но и другие послы. В принципе, причины лежали на поверхности. И та, почему приём организовали британцы на своей территории: самая первая удачная экспедиция 1953 года на Эверест была всё же английской. И другая: приём предназначался исключительно для альпинистов. Н-да...

А что у них дальше? Мы стали изучать программу торжеств и увидели, что на следующий день альпинистов повезут в национальный парк Кокани недалеко от Катманду. Попасть туда, конечно, можно, но эта поездка будет скорее ритуальной: восходители посадят деревья и минутой молчания почтут память погибших альпинистов. Возможностей для разговоров не предвидится. Вечером состоится правительственный приём, где гостям юбилея вручат памятные медали. На третий день торжеств запланирована встреча с королём Гьяном и королевой Ком. Посещение обоих «списочных» мероприятий – тоже без вариантов. Но! Лучом света в «закрытом царстве» – для простых альпинистов вроде меня – может стать заключительный банкет: на зелёной поляне разобьют шатры и состоится нечто вроде народно-альпинистских гуляний. Просочиться сюда можно попробовать. И я просочился.

Да, он действительно был высок. Ранее поджарый, подтянутый, а теперь, в 83 года, грузный, массивный. С угловатой головой, большими ушами и выдающейся вперёд нижней челюстью. Сэр Эд. Именно так. Титул «сэр» получает человек, пожалованный королевой в рыцари. Рыцарь-командор ордена Британской империи. И многократно первый. Первый человек, покоривший Эверест, – это понятно. Но если бы только это. После Эвереста Эду сдавались ещё вершины и даже оба полюса – Северный и Южный. Первый человек, побывавший на двух полюсах и высшей точке планеты Земля. Сейчас, в 50-летнюю дату со дня покорения Эвереста, он, снова первым, теперь из иностранцев, стал почётным гражданином Непала...

Конечно же, Эд не сидел в одиночестве: вокруг живой легенды находились такие же или чуть поменьше великие, которые говорили, смеялись и чинно прихлёбывали из своих бокалов. Рядом не виднелось охранников, и я улучил момент, чтобы подойти. Рассчитывать на интервью и даже продолжительный разговор не приходилось: не ко времени и не к месту. Может быть, попробовать договориться о встрече в будущем? Поломав голову, я решил на экспромт.

– Сэр, здравствуйте, я – русский журналист. Тысяча извинений за беспокойство, но у меня только один короткий вопрос...

Тут я решил «спекулировать» фразой Эда, сказанной после знаменитого восхождения и вычитанной мной в русском переводе книги «Южное седло» («South Col»). Высказывание звучало так: «О'кей, мы его нокаутировали!» Я прекрасно знал, что в реальности оно произносилось иначе, но нарочно решил «подколоть» альпиниста:

– Вы действительно сказали после восхождения «OK, we knocked it!»? Наши переводчики преподнесли ваши слова так...

Эд, первоначальное выражение лица которого ясно выдавало нежелание общаться, выразил удивление, потом вдруг громко захохотал и сказал сквозь смех:

– Нет!!! Это ваши советские переводчики написали «это». И сами себя «нокаутировали». Я сказал по-другому. Я сказал: «Well, we knocked the bastard off!»

– Bravo, сэр! – отреагировал «русский журналист», полагая, что понравился герою альпинизма. – А могли бы мы поговорить подробнее?

– Сейчас, к сожалению, нет. А дальше... Вы знаете, через три дня я буду в Кумджунге. Это недалеко от Катманду и легко добраться. Там мы сможем спокойно поговорить. Я вижу, вы серьёзно интересуетесь и хорошо подготовлены к беседе. Надеюсь, вы знаете, где находится Кумджунг.

Оставалось заверить сэра Эда, что я в курсе про Кумджунг. О нём знает каждый, кто путешествовал по самому популярному в Непале маршруту – к базовому лагерю Эвереста. Тридцать минут полёта из Катманду; затем двух- или трёхдневный, в зависимости от подготовки, переход, и вы будете на месте.

Попрощавшись с Эдом и выпив с друзьями, – а выпить было что, хоть непальского рома, хоть британского вискаря, – я, заинтригованный, углубился в поиск собственных смыслов смягчённой СССРовским толмачом фразы восходителя. Поиграв значениями глагола «knock», я понял, что перевести это как нокаутировать – туда-сюда. Но далее следовало вовсе не «it», а «bastard», да ещё с «off». Выходило совсем не «его», а... В общем, по-нашему это звучало бы так: «Мы нокаутировали эту скотину!» Поскольку перевод – дело творческое, литературное, то подошло бы и более жесткое: «Мы сделали эту сволочь!» или «Мы вырубили этого ублюдка!» Это ж по-вкуснее, а?..

Лечу в Луклу. Об этом полёте и вообще о переходе в базовый лагерь Эвереста, который в Непале называют ЕВС, расскажу позже, а сейчас продолжу про Эда. Тут такая любопытная штука. Вот оказались вы в Кумджунге – конечно, в то время, когда Эд был жив, – и хотите узнать, здесь ли он. Так спросите у любого непальца, и он определённо скажет «да» или «нет». Хорошо: он здесь. А как увидеться? Да очень просто: альпинист, начиная с 60-х годов прошлого века, много чего «натворил» в селении: организовал строительство школьного комплекса, больницы и даже «выбил» электрическое освещение. Вот он и бродит среди «родных» построек или спускается в Номче-базар и возвращается обратно.

Я встретил Эда, длиннорукого и длинноногого, в характерной широкополой шляпе, тёмных очках, спортивной одежде, прямо на переходе из Номче в Кумджунг. Внешне он меня, конечно, не запомнил, но как только я произнёс фразу... Догадитесь, какую? Верно, «мы сделали эту сволочь!» Именно по ней он воспроизвёл в памяти нашу первую и короткую встречу. Вот что значит одна фраза, господа журналисты!

Мы шли по тропинке, останавливались, сидели, потом пили масала-чай в Кумджунге, и я расспрашивал. Догадываясь, что обычный рассказ про восхождение 50-летней давности, да ещё в «высоком жанре», надоел Эду до чёртиков. Так ли это?

– Конечно, так! Что вы хотите, об этом столько написано. Мне нечего добавить...

– Да, сэр, вы правы. Поэтому хотел бы предложить вам иную тему – «Двое». И начну с вопроса: а где *второй*?

– Это про Тена? Что ж вы не знаете: он умер семь лет назад...

Смущённый, я попытался нейтрализовать свой неловкий заход. Очень неудобно: мог бы повнимательнее всмотреться в плакаты, коих в Катманду к знаменитой дате напечатали много. Что ж, надо «выползть» из конфуза:

– Сэр, я выразился фигурально. Хотел узнать, какое место в сознании людей Тен занимает на этих торжествах.

- Он занимает подобающее, достойное место: индийцы, непальцы, да и весь мир, боготворят его.
- Тогда так: как вы чувствовали себя рядом с Теном в горах?..

Чтобы читателю стали понятны мои «подводки», напомним знающим и поведаю иным, кем были эти двое к моменту экспедиции Джона Ханта 1953 года.

Итак, 34-летний Эд. Потомок англичан, переселившихся в Новую Зеландию в XIX веке. Мать Эда – школьная учительница; отец – репортёр, редактор, мелкий бизнесмен-пчеловод. Эд – «книжный мальчик», проучившийся два года в Оклендском университете, на отделении естествознания и математики. А потом – штурман морского патрульного бомбардировщика «Каталина», участник боевых действий Второй мировой на Фиджи. Чуть не сгорел в повреждённом самолёте и получил контузию...

Рано увлёкся альпинизмом и тратил на него все свои и отцовские деньги. В экспедиции Ханта – восходитель-лидер, а в непальском социуме ещё и сагиб, или господин.

39-летний Тен. Шерпа, родившийся в районе непальского Кхумбу и всегда живущий в высоких горах – будь то Непал, Тибет, Индия или Пакистан. Перепробовал себя кем угодно, и всё исключительно из-за денег: подённый рабочий, торговец, в войну – повар на британской военной базе. Где учился Тен? Нигде не учился. Он не мог даже читать и писать. Тен хорошо владел языками народностей региона, но по-английски говорил с трудом...

Что касается альпинизма, то шерпа прошёл традиционный путь своих соплеменников: сначала носильщик, потом сирдар, или проводник, руководитель носильщиков. Здесь стоит сделать существенное добавление. Вы помните рассказ Мориса о случае, когда он предложил опытному сирдару идти вместе с собой на восхождение? И когда сирдар отказался, потому что шёл в горы не за славой, а за деньгами? Мотивом Тена, причём главным, тоже был заработок, но не только. С детства глядя на Эверест, он мечтал покорить его и прежде экспедиции Ханта подбирался к вершине несколько раз в составе других групп. Но мало сказать о мечте – Тен был амбициозен. Вместе с деньгами он хотел успеха, признания, славы...

Как уживаются вместе такие люди? Вот этой теме я и хотел посвятить нашу беседу. Поначалу Эд рассуждал о высоких, заслуживающих уважения, но довольно понятных вещах: мужестве, братстве, выдержке, совместной победе. Но постепенно разговор приобрёл более приземлённый и доверительный оттенок:

- Как вообще получилось, что вы оказались в одной связке?

– Х-м, вопрос в точку. Это получилось совершенно случайно. Больше всего мне нравилось ходить в одной связке с Джорджем – моим другом и партнёром из Новой Зеландии. Я до сих пор верю в то, что, если бы на финальном отрезке пути Джордж и я шли вместе, мы несомненно сделали бы вершину, потому что были очень хорошей двойкой. Но руководитель экспедиции решил, что, так как мы оба умели грамотно ходить по снегу и льду, будет продуктивнее нас разделить и присоединить к другим восходителям. Я поразмыслил и решил, что самым лучшим и быстрым альпинистом, не считая меня, был Тен. Помню, однажды на небольшой высоте мы с ним устроили настоящие соревнования на скорость. Я оказался быстрее, но поразился его отличной физической подготовке. Дух соперничества тоже много значил для Тена: он хотел лидировать, но при этом был надёжным партнёром по связке. К тому же, в отличие от нас, «гостей», чувствовал себя на Эвересте как дома. Впрочем, это и был его дом.

- Можно ли сказать, что в спортивном отношении вы были подготовлены одинаково?

– Ну-у-у... Я считался сильным альпинистом. И Тен сильным. Но я владел техникой скалолазания, а Тен не владел. Во время восхождения мы двигались преимущественно по снегу и льду, но попадались и сложные скальные участки, на них я всегда шёл первым.

Я оказался технически более грамотным. Зато он был прекрасным организатором. Великолепно ладил с шерпами-портерами и умел сглаживать острые конфликты. Команда шерпов у него работала как часы. Получалось, что мы дополняли друг друга.

– В палатке, во время длинных ожиданий погоды или просто утра, хочется поговорить. О чём вы говорили?

– Ну уж, конечно, не о вселенских проблемах. Как мы могли об этом говорить, когда он еле-еле изъяснялся по-английски, владея лишь определённым набором слов? Наверное, мне любопытно было бы погрузиться в его буддистский мир, но мешал опять же языковой барьер. То есть разго-

ворное общение ограничивалось сугубо практическими вопросами и было коротким. На маршруте и подавно: там всё состоит из лаконичных знаковых команд. А! Ещё мы говорили о еде!

– Насколько я знаю, на высотных восхождениях есть не очень хочется?

– Когда как. Да, чаще всего не хочется, но когда-то аппетит становится зверским. Но пить хочется всегда, и пить очень нужно, поскольку организм обезвоживается. В ночь перед восхождением на вершину мы напялили на себя всю одежду, залезли в спальные мешки и непрерывно топили воду. Мы выпили огромное количество жидкости, добавляя в неё сахара, мёда, размешивая с соком или заваривая чай. Мы могли выпить ещё больше, но сдерживало нежелание вылезать из мешка по нужде. Это одна из тем, которая навсегда останется «секретной». В общем, нужду мы справляли очень близко от мешка. Подробности оставим.

– Ладно, давайте о еде. Вы ели что-то перед восхождением?

– Не то слово – мы пировали! Пир состоял из галет и консервов. Каких? Любых, что были под рукой: от сардин до абрикосов. Ещё помню финики, очень вкусные. Но проблема заключалась в том, что они дубели на морозе, и мы их оттаивали, буквально обливаясь слюнями. Тен пытался греть суп, и мы употребляли то, что получалось в результате.

– А как обустроивались на бивуаке?

– Вот тут надо сказать о взаимоотношениях. Тен никогда не забывал, что он портер, сирдар, а я сагиб. Разумеется, я не поощрял такое: если вы будете в зоне смерти играть в чинопочитание, то погибнете оба. Тем не менее, несмотря на одинаковую усталость, он первым бросался ставить палатку, но ни за что не соглашался первым залезать в неё. Я уговаривал его прекратить эти счёты, но он стоял на своём.

Именно он готовил еду. На этот процесс изначально закладывался минимум усилий, но вы должны знать, что на восьми тысячах метров и больше не хочется делать *ничего*, и *любые* усилия даются с трудом. Сейчас, может быть, смешно говорить о том, что под усилиями подразумевалась раскупорка консервной банки, нарезка и очистка колбасы...

– Что собой представляла ваша последняя ночь перед восхождением?

Она представляла небольшие, ха-ха, проблемы. Первая из них заключалась в вопросе о том, *где* поставить палатку, а потом – *как* спать. Когда мы решили остановиться на ночлег в ночь перед штурмом, не нашлось ничего лучшего кроме снежного склона с уклоном градусов в тридцать. Мы два часа, отдыхая каждые десять минут, ковыряли и отбрасывали снег, пока не добрались до скального основания. Расчистили площадку размером примерно метр на метр восемьдесят, неровную, с уступами. Вы понимаете, наверное, что у меня рост под метр девяносто. Плюс одежда, мешок, ботинки... И вот Тен приглашает: залезай, располагайся. Ладно, залез, расположился как можно компактнее: полулёжа, полусидя, но всё равно занял большую часть пространства. Куда деваться Тену? Он «удобно» расстелил свой мешок так, что наполовину свисал вместе с краем палатки над крутым склоном. И вроде спал, а скорее пытался спать и просто закрывал глаза.

Вторая проблема – это кислород. В любом положении, сидя или лёжа, спать на высоте больше восьми тысяч метров без кислорода невозможно. Даже если задремлешь, проснёшься буквально через несколько минут от нарастающего холода и плохого самочувствия.

– Но у вас же имелся кислород.

– Да. Но всегда чего-то не учитываешь в расчётах. И настал момент, когда мы поняли, что кислорода не хватает. Я прикинул, что мы можем позволить себе подремать с кислородом четыре часа. Разбили эту дозу на две части: спим с одиннадцати до часа ночи, потом два часа пережидаем, потом ещё два часа для сна. Палатку разрывало от ветра; казалось, что она держится только на тяжести наших тел; термометр показывал минус 27, но к четырём утра стало потише. Где-то в шесть тридцать мы вылезли из палатки и начали восхождение.

– С кислородом?

– Конечно. Здесь опять мы выходим на занимающие вас человеческие отношения. Тен не знал никакой техники, кроме верёвки, крючьев, ледоруба. А кислородный аппарат – довольно серьёзная техника. И работу с ней – даром что сагиб – выполнял я. Это не просто помощь. Я должен был следить за Теном: вот он идёт вроде бы довольно бодро, а потом начинает останавливаться, тяжело дышать. Это почти всегда происходило из-за того, что кислородный аппарат забивался льдом. А он не понимал, как с этим справиться, и терпел. Я подходил, прочищал, и мы продолжали движение.

Мы не смогли бы зайти без кислорода. Наши кислородные аппараты весили 14 килограммов, на такой высоте это очень ощутимо. Но зато можно свободно дышать. Шли. Почти непрерывно рубили ступени в фирне, что отнимало много сил. Там ещё снежный карниз граничил со скалой, и мы боялись, как бы он не обвалился... Но мы же договорились, что не будем касаться известных технических и физических аспектов восхождения, верно?

– Верно. Но вот вы на вершине. Знаю, что вы радовались, обнимались. А было ли что-то особенное в действиях каждого?

– Тен просто вежливо ждал каких-то моих указаний. Я попросил его поднять флаги. Он прикрепил их к ледорубу и обмотал вокруг него ещё внизу, а теперь развернул над головой флаги Великобритании, Непала, Индии. Я фотографировал Тена и очень надеялся, что фотографии получатся хорошими: погода этому благоприятствовала, а фотоаппарат я грел на своём теле. Мне тоже хотелось бы сняться на вершине. Но я запоздало подумал, что Тен не сможет этого сделать, так как никогда раньше не пользовался фотоаппаратом. Эверест вряд ли был тем местом, где стоило проводить обучение. Поэтому я продолжил фотографировать сам – вершину, виды вокруг.

Затем я закопал в снег распятие, а Тен – дары своим буддистским богам: шоколадки, ещё что-то. В этот момент мы были единым целым: в связке; в деле, которое вместе совершили; в близости к жизни и одновременно к смерти.

Но вот такая вещь. Вы, разумеется, знаете, что самоощущение и поступки человека зависят от его окружения. На вершине никакого окружения не было, но внизу... Внизу началось то, что вы, как я догадываюсь, и намереваетесь раскопать.

– Сэр, я не собираюсь «копать», я пытаюсь выйти за границы частного случая. Кто был первым, а кто вторым – вечный и сложный вопрос. Бесконечное соревнование за выгодный для одних и неудобный для других ответ веками происходит и на спортивных площадках, и в жизни вообще. В поисках нужного ответа каждый ведёт себя по-разному. Как это происходило у вас?

– Сначала абсолютно спокойно. Я поднимался на вершину первым в связке, а Тен шёл за мной след в след, так как этот участок до последнего таил в себе опасность. Могло ли быть наоборот: что он первым, а я за ним? Могло! Поэтому мы решили: когда спустимся, будем говорить, что зашли вместе, одновременно. Так и поступили, а команда восходителей нас поддержала. Но не тут-то было.

«Тёрки» начались на обратном пути, когда мы дошли до селений. Вдруг подходит какая-то группа и, не обращая внимания на британцев, уводит Тена в сторону. Позже я узнал, что это были непальские коммунисты, а точнее – маоисты. Вы знаете, кто такие маоисты?..

Я знал, но не подал виду: было любопытно, что скажет по этому поводу Эд.

– Нет, не знаю, расскажите, пожалуйста.

– Вот уж кто действительно... – тут Эд употребил то самое слово *bastard*, обозначающее сволочей или ублюдков. Посмотрите на красные флаги в Катманду. Я знаю, что в вашем Советском Союзе на них изображались Маркс, Энгельс и Ленин. Здесь к этой «святой троице» прилепили также Мао Цзэ-дуна. Его последователи хотят отнять всё у богачей и разделить поровну между бедными людьми. Но где вы видели в Непале богачей? И в какой стране мира этот делёж увенчался успехом? Но люди, к сожалению, верят маоистам, и те набирают политический вес. Уже столько лет в Непале идёт гражданская война. Вы не ощутили это на себе? Нет? Это потому, что у них хватает ума не трогать иностранцев. А своих не щадят. Думаю, что через несколько лет маоисты скинут короля...

Ладно, не будем о политике и вернёмся к той встрече. После долгого разговора с маоистами Тен вернулся испуганный и смущённый: его принудили подписать некий документ, который шерп не мог прочесть, поскольку, как я уже упоминал, был неграмотным. В этой бумаге говорилось, что он, Тен... поднялся на вершину первым.

– Эта бумага доставила вам неприятности?

– Я не знаю, как это назвать. В Катманду вокруг данного псевдофакта к нашему возвращению раскрутили целую кампанию. Толпы непальцев скандировали: «Да здравствует великий Тен!» Британцев поразили плакаты в руках людей, где был изображён Тен на вершине Эвереста с флагом Непала и верёвкой, на которой болтался беспомощный Эд, то есть я. Тен не поддерживал этот ажиотаж и отвечал, что на вершину двойка ступила одновременно и что успешное восхождение есть результат работы всех участников экспедиции.

Однако это не производило эффекта. Более того: к немногим газетам маленького Непала активно подключились масс-медиа «большого брата» – Индии. Они писали, что, по утверждениям Тена, «он взойшёл на вершину первым и затащил туда партнёра». Вслед за индийскими газетами сенсационную новость принялись обсуждать по всему миру.

– Как реагировал на это Тен? А вы?

– Тен говорил, что никаких заявлений по поводу «первенства» не делал. Я отказывался от комментариев и никого не упрекал...

– Средствам массовой информации всегда нужна сенсация, ради этого они легко прибегают к искажению действительности. Что они ещё исказили?

– Понимаете, остальное, помимо этой детали, должно было скорее обрадовать. И Тена обрадовало, а меня удивило... Журналисты создали таких Эда и Тена, которых на самом деле не существовало. Из нас сделали героев, а то, что мы думали, делали, подтверждали или опровергали, не имело никакого значения. Общество любит героев – нате вам героев!

Я никогда не отрицал тот факт, что отлично прошёл маршрут до вершины Эвереста. И сам так искренне считал и гордился этим. Но не был и не хотел казаться сверхчеловеком.

– А Тен?

– Тен мечтал стать героем. Я не вижу в этом ничего зазорного. Надо знать шерпов, этот маленький и отважный народ. Они выполняют самую тяжёлую работу, рискуют жизнью, а при этом живут в невыносимых условиях и очень бедны. Конечно, Тен хотел вырваться из этой беспросветности, и его выдающийся поступок дал такую возможность. Принёс ли он пользу своему народу? Ну... в принципе, да.

Тен также мечтал заработать много денег. Он их получил.

– Но вы тоже получили славу и деньги?

– Разумеется. Я не хотел бы здесь считаться: ни в том, кто сколько получил, ни в том, кто сколько и куда потратил. Это совершенно другая история. Мы с Теном начинали жизнь с совсем разных стартовых позиций, и странно, если бы мы закончили её одинаково.

Для Тена получение денег стало счастьем. Он впервые в жизни перестал нуждаться. Но также перестал участвовать в экспедициях, хотя и выезжал в другие страны, даже в Европу. Тен построил дом в индийском Дарджилинге, где поселился с большой семьёй.

– ... Основал Гималайский институт альпинизма, написал книгу «Тигр снегов»...

– Ну да. На деньги правительства Индии занял почётный пост директора этого Института, чтобы, опять же, зарабатывать деньги, но в большей степени помогал это делать другим людям. А книгу? Как он, неграмотный, мог написать книгу? Он продиктовал книгу...

– Насколько я понимаю, вы полученные деньги не запускали в бизнес-операции, а тратили?

– Вот и вы, чувствую, хотите сделать из меня героя, теперь в образе благотворителя. Но всё не так. Я очень близко подружился с шерпами и знал про суровые условия их жизни. И когда мне сказали, что главное их желание – это школа, я решил, что вложу деньги в её строительство. Потом попросили больницу. Я просто по-человечески любил этих людей. И не мог отказать им в просьбе. Выполнил одну, затем последовали другие – как их проигнорировать?! Так и прослыл подвижником. Но это не подвижничество, это стало моей жизнью. Я учредил Фонд Himalayan Trust, который играет важную роль – может важнее, чем правительство страны, – в обустройстве долины Кхумбу.

Вы когда-нибудь слышали такие сочетания, как шерпа-доктор, шерпа-юрист, шерпа-пилот? Нет? Правильно, потому что их не существовало. А теперь они есть!

Я никогда не жалел шерпов и не пытался стать здесь миссионером, а тем более навязывать свои проекты. Это были вещи, о которых местные люди просили, и мы отвечали. Не требуя взамен равным счётом ничего. Я не коммерсант.

– Знаю, что в вашей жизни нашлось место и другим «эверестам»...

– Конечно! Я не помышлял о том, чтобы бросить альпинизм и путешествия. Участвовал в новых экспедициях, и не только горных. Удалось побывать на Северном и Южном полюсах...

Поблагодарив сэра Эда за уделённое время и вернувшись в Номче-базар, я стал рыться в сумке, где лежала та самая «продиктованная книга» Тена «Тигр снегов». Её английское издание вышло всего через два года после восхождения двойки на Эверест, а годом спустя появился русский перевод.

Я взял книгу с собой в Непал и пробежал страницы глазами, но теперь, после беседы с Эдом, просто горел желанием прочесть внимательно, а главное – найти взгляд Тена на историю портера и сагиба. И нашёл.

«...Когда становилось трудно дышать, приходилось останавливаться и очищать ото льда патрубки кислородных аппаратов. В этой связи должен сказать по чести, что Эд не совсем справедлив, когда утверждает, будто я чаще сбивался с дыхания и без его помощи мог бы совсем задохнуться. Мне кажется, что наши затруднения были одинаковыми и, к счастью, не слишком большими. Каждый помогал другому и принимал от него такую же помощь...

И вот мы оказались перед последним серьёзным препятствием на пути к вершине: отвесной скальной стенкой, которая возвышается как раз на гребне, мешая дальнейшему продвижению. Теперь вставал вопрос: как перебраться через скалу или обойти её? Оказалось, что имеется только один возможный проход – крутая узкая расщелина между самой скалой и прилегающим карнизом. Эд пошёл первым; медленно и осторожно он выбрался на широкий уступ. При этом ему приходилось подниматься спиной вперёд, упираясь ногами в карниз, и я напрягал все силы, страхуя его, так как очень боялся, что карниз не выдержит. К счастью, всё обошлось. Эд благополучно выбрался на вершину скалы; затем поднялся и я с помощью верёвки, которую он держал.

Здесь я снова должен сказать по чести, что не считаю его рассказ, приведённый в книге “Восхождение на Эверест”, совершенно точным. Из истории Эда следует, будто по-настоящему лез, собственно, только он, а меня буквально втащил наверх, причём я свалился, “задыхаясь, обессиленный, подобно огромной рыбе, вытащенной из моря после ожесточённой борьбы”. С тех пор не раз приходилось глотать эту “рыбу”, и должен сказать, что мне это ничуть не нравится. Истина заключается в том, что никто не тащил и не волочил меня. Как и Эд, я лез по расщелине сам; а если он страховал меня в это время, так ведь и я сделал то же для него.

Говоря обо всём этом, я должен объяснить одну вещь. Эд мой друг. Он превосходный альпинист и прекрасный человек, и я горжусь тем, что взошёл вместе с ним на вершину Эвереста. Однако мне кажется, что в своём рассказе о нашем завершающем восхождении Эд не совсем справедлив ко мне. Всё время он даёт понять, что когда дело шло хорошо, то исключительно благодаря ему, если же были затруднения, то только из-за меня. Между тем это просто неправда. Никогда я не стану утверждать, будто мог бы взять Эверест в одиночку. Мне думается, что и Эду не следовало намекать, будто он мог совершить штурм один, и я не дошёл бы до вершины без его помощи. Всю дорогу туда и обратно мы взаимно помогали друг другу – так оно и должно быть. Но мы не были ведомым и ведущим. Мы были равноправными партнёрами...

Я много думал о том, что собираюсь рассказать сейчас: как мы с Эдом достигли вершины Эвереста. Позднее, когда мы вернулись с горы, было много глупых разговоров о том, кто же ступил на вершину первым. Одни говорили – я, другие – Эд. Говорили, что дошёл только один из нас или даже никто. Говорили, что один из нас дотащил другого до вершины. Всё это чепуха. Чтобы прекратить эту болтовню, мы с Эдом подписали в Катманду заявление, в котором говорится, что мы “достигли вершины почти одновременно”. Мы надеялись, что наше заявление положит конец всем толкам. Но нет, на этом не кончилось. Люди продолжали допытываться и сочинять истории. Они указывали на слово “почти” и спрашивали: “Как это понимать?” Восходители сознают всю бессмысленность такого вопроса, им известно, что связка представляет собой одно целое, и всё тут. Но другие люди этого не понимают. Должен с сожалением признать, что в Индии и в Непале меня всячески побуждали заявить, будто я достиг вершины раньше Эда. По всему свету меня спрашивают: “Кто ступил на вершину первым? Кто был первым?”

Повторяю в очередной раз: это глупый вопрос, отвечать на него нет никакого смысла. И вместе с тем вопрос задают так часто, он вызвал столько кривотолков, пересудов и недоразумений, что я теперь, после долгих раздумий, считаю себя вынужденным дать ответ. Отвечаю не ради себя и не ради Эда, а ради Эвереста и ради будущих поколений. “Почему, – спросят они, – вокруг этого вопроса устроили тайну? Разве тут есть чего стыдиться? Есть что скрывать? Почему мы не должны знать истину?” Итак, пусть знают истину. Слишком велик Эверест, чтобы в отношении него можно было допустить неправду.

Немного не доходя вершины, мы с Эдом остановились. Мы глянули вверх, пошли дальше. Нас соединяла верёвка длиной около десяти метров, однако я держал большую часть её смотанной

в руке, так что нас разделяло не более двух метров. Я не думал о “первом” и “втором”. Я не говорил себе: “Там лежит золотое яблоко. Сейчас оттолкну Эда в сторону и схвачу яблоко первый”. Мы шли медленно, но верно. И вот мы достигли вершины. Эд ступил на неё первый, я за ним.

Итак, вот он, ответ на “великую загадку”. И если после всех разнотолков и споров ответ покажется мирным и простым, то могу только сказать, что иначе и быть не могло. Знаю, многие мои соотечественники будут разочарованы. Они ошибочно придавали большое значение тому, чтобы я был “первым”. Они относятся ко мне хорошо, даже замечательно, и я им многим обязан. Но ещё большим я обязан Эвересту и истине. Если это позор для меня, что я оказался на шаг позади Эда, – что ж, буду жить с этим позором. Однако сам я этого позором не считаю. И я не думаю, чтобы в конечном счёте на меня навлекло позор то обстоятельство, что я рассказываю всё, как было. Будущее требует только истины. Эверест требует только истины...

Мы поднялись. Мы ступили на вершину. Мечта стала явью. Первым делом мы сделали то, что делают все альпинисты, взойдя на вершину горы: пожали друг другу руку. Но разве можно было ограничиться этим на Эвересте! Я принялся размахивать руками, потом обхватил Эда, и мы стали колотить друг друга по спине, пока не задохнулись, несмотря на кислород. Потом мы стали смотреть кругом. Со всех сторон вокруг нас высились великие Гималаи, занимающие большую часть Непала и Тибета...

Эд достал фотоаппарат, спрятанный у него под одеждой для защиты от холода, а я развернул флаги, обмотанные вокруг ледоруба. Они были надеты на шнур, привязанный к концу ледоруба; я поднял его вверх, и Эд сфотографировал меня. Он заснял три кадра, и я считаю большой удачей, что один из кадров вышел так хорошо в таких трудных условиях. Флаги следовали сверху вниз в такой последовательности: Объединённых Наций, Великобритании, Непала и Индии. Те самые люди, которые старались извратить ход нашей экспедиции, пытались и этому придать какой-то политический смысл. Могу только сказать, что я совершенно не думал о политике. В противном случае я, вероятно, поместил бы индийский или непальский флаг выше, хотя и тут передо мной возникла бы нелёгкая проблема – кому отдать предпочтение. А так я рад тому, что выше всех был флаг ООН: ведь наша победа была не только нашей, не только победой наших наций, но победой всех людей.

Я предложил Эду сфотографировать его, однако он почему-то отрицательно мотнул головой – не захотел. Вместо этого он продолжал снимать сам всё, что простиралось вокруг, а я тем временем был занят важным делом. Я вытащил из кармана взятые с собой сладости и огрызок красно-синего карандаша, вырыл ямку в снегу и положил всё в неё. Увидев, что я делаю, Эд протянул маленькую тряпичную кошку, чёрную с белыми глазами – талисман, полученный им от Ханта; я положил кошечку туда же. В своём рассказе о восхождении Эд говорит, что получил от Ханта и оставил на вершине распятие; если это и было так, то я ничего не заметил. Я получил от него только тряпичную кошечку и положил в снег рядом с карандашом и сладостями. “Дома, – подумал я, – мы угощаем сладостями тех, кто нам близок и дорог. Эверест всегда был мне дорог, теперь он ещё и близок мне”. Прикрывая дары снегом, я произнёс про себя молитву и благодарность. Семь раз ходил я на гору своей мечты, и вот на седьмой раз, с божьей помощью, мечта стала явью...»

На следующий день я пошёл в сторону Тянгбоче. Прямо на тропе открывали стелу в честь 50-летия первого покорения Эвереста. Собралось много людей, и среди них я опять увидел Эда. Теперь он меня узнал и даже весело подмигнул. Обрадованный, я решил напоследок ещё что-нибудь вытянуть из него и, памятуя успешный опыт в Катманду, подступился к герою на необычной ноте:

– Сэр, прошу всего двадцать секунд вашего внимания! Мы столько говорили с вами о проблемах и трудностях. Расскажите на прощанье что-нибудь весёлое и связанное, конечно, с восхождением.

– Идёт! Я вижу, вы направляетесь в Тянгбоче. Вот про него и расскажу. Когда, возвращаясь с вершины, мы достигли монастыря, дальнейший путь вниз был понятен и несложен. Мы остановились на ночлег, раскладывали и сортировали продукты и снаряжение. К нам подошёл лама и спросил, видели ли мы богов на вершине Эвереста. Мы сказали, что не видели. Лама помрачнел и разочарованно произнёс: «Ну, значит вы там не были...»

ГЛАВА II

Южная Аннапурна

Для француза Мориса Аннапурна стала первым покорённым восьмьютысячником в мире. Для россиянина Володи – первым собственным восьмьютысячником. Но к этому времени и Аннапурну, и даже Эверест покорили сотни и сотни восходителей со всего мира, в том числе из нашей страны. Володе – умелому и опытному восходителю – хотелось большего, и мы недопонимали в то время, *насколько большее* он для себя планировал.

О том, что в мае 93-го он взял Эверест, я узнал из новостей информационных агентств. Новости, понятное дело, давались краткие, а мне не терпелось узнать подробности. Контакты у нас, слава богу, всегда были хорошими, и через несколько дней после возвращения мастера спорта международного класса в Москву мы встретились.

Тут и вот такая подробность. Даже малограмотный шерпа Тен, как вы помните, подробно надиктовывал райтеру свои воспоминания о крутом клайминге, а Володя был, что называется, не по этому делу: ни писать, ни рассказывать подробно у него не получалось. Но кое-что я из него всё-таки выжал.

Весной 1993-го они с ребятами прилетели в Непал, чтобы попробовать взойти на Эверест. Именно попробовать. Потому что даже минимальным сходством с многолюдными экспедициями Мориса, Ханта и других здесь не пахло. Никаких тонн грузов, никаких сотен носильщиков! Еле-еле наскребли денег на *пермит*. Это такой выдаваемый непальскими властями документ-пропуск, который даёт *право* на восхождение. То есть вы платили в 93-м, применительно к Эвересту, десять тысяч баксов и получали *право*. Забегая вперёд, скажу, что годом позже стоимость *права* для группы восходителей поднялась до пятидесяти тысяч зелёных. Давало ли виртуальное право на восхождение реальную возможность пользоваться носильщиками; включало ли в себя расходы на еду, снаряжение? Не-е-т, за эти «капризы» следовало платить дополнительно.

Так называемый классический маршрут через Южное седло, по которому поднималась экспедиция Ханта с Эдом и Теном в 53-м, теперь, сорок лет спустя, казался Володе с командой не слишком престижным. И они заявили на маршрут по Западному гребню с перевала Лхо Ла. Амбициозный, конечно, маршрут, если не учитывать того, что он слыл одним из лидеров по числу неудачных восхождений. Поэтому Западный гребень и проходилась обычно группой, где работало не менее двадцати альпинистов и несколько десятков высотных носильщиков. Для лучшего понимания приведу ещё одну впечатляющую цифру: там только страховочных верёвок провешивалось до десяти километров!

Володиных со товарищи денег хватало лишь на то, чтобы довести караван нанятых носильщиков – а совсем обойтись без них было просто невозможно – до базового лагеря Эвереста (ЕВС) на высоте 5300 метров. Здесь с группой оставались офицер связи, сирдар и два повара из местных. Известно, что до ЕВС можно дойти буквально пешком, но потом начинается тяжёлая альпинистская работа. Ребята начали её проделывать и достигли шеститысячного перевала Лхо Ла. На подходе к нему одного из участников группы по спине ударил камень, альпинист временно выключился, а потом передвигался с трудом. Но и без этого стало ясно, что таким скромным составом Западный гребень не потянуть. А чтобы заявиться на другой, более простой маршрут, если слово «простой» вообще применимо к Эвересту, требовалось ещё десять тысяч долларов.

Володя понял, что дело, к сожалению, бесперспективное: всякая надежда на успех исчезла...

И тут!

Понимаю, что уже не в первый раз употребляю это словосочетание – «и тут». Но коли жизнь такая! Мы думаем одно, а тут... Мы надеемся на другое, но тут... «Тут» бывает хорошим и плохим, но всегда обозначает неожиданность. В нашем случае неожиданность оказалась настолько непредсказуемой, что русские клаймеры не спрогнозировали бы её ни с сотого, ни с тысячного раза.

Произошло следующее. Незадолго до приезда наших ребят организовывалось восхождение на Эверест первой непальской женщины – Пасанг. Вспомнили? Во-о-от! 33-летняя альпинистка поднялась на вершину, но спуститься вниз уже не смогла и умерла вместе с одним из шерпов на Южной

вершине, на высоте 8700 метров. Само собой, Пасанг стала национальной героиней, шум и восторг вместе с сожалением о гибели необыкновенной женщины раскатились по всему Непалу. Кроме того, она была буддисткой, и тело по традиции требовалось сжечь. Но для этого нужно всего-навсего спустить его с горы. Эту задачу, требующую колоссальных усилий, не взялись выполнять даже опытные шерпы. Не хотелось бы пугать читателей, но на Эвересте за те четыре десятилетия восхождений накопилось немало неубранных тел погибших альпинистов.

В общем, желающих поучаствовать в транспортировке Пасанг – речь шла не о спуске в целом, а о работах на сложных высотных участках – не находилось. И не будь она национальной героиней, осталась бы на вершине навечно.

Но вспомнили про русских мужиков, которые, как в анекдоте, «с помощью кувалды и какой-то матери...» решают сложные технические вопросы. И предложили им сделку: вы с помощью шерпов спускаете тело до Южного седла (8000 м), а мы даём вам возможность «на халяву» зайти на Эверест по классическому маршруту, через Южный гребень. Стороны ударили по рукам, и наши хлопцы спустили тело до оговоренного места, после чего в мероприятие включилось достаточное количество непальцев. Как русская команда спускала Пасанг, находясь в «зоне смерти», нигде не описано и, наверное, теперь не будет. Известная московская газета вышла тогда с заголовком: «Русские взойшли на Эверест... За телом». Непальские медиа предпочли об этом эпизоде промолчать.

А Володя делился случившейся историей скупой, инцидент с непальской альпинисткой занимал его лишь постольку, поскольку удалось получить разрешение на клайминг гиганта. Всё больше юморил: взяли Эверест «на халяву» и «заодно». Потому что, когда оказались на месте гибели Пасанг, то увидели: до вершины мира «рукой подать».

Не отличался красочностью и последующий рассказ:

– ...Когда мы достигли тела Пасанг, до вершины оставалось всего 148 метров. Но слово «всего» применительно к Эвересту хорошо произносить дома за пивом. Лишь один из нас, Алексей, сумел «сбегать» на вершину, а потом подключился к транспортировке тела вниз. Остальные участники группы стали готовиться к восхождению только тогда, когда на Южном седле мы погибшую альпинистку «сдали».

11 мая в палатке на 8000 метров сидели я, Петя из Петербурга и Николай. Разыгрался сильный ветер, его скорость достигала ста километров в час, о выходе наверх не могло быть и речи, а силы иссякали: там средний срок просто выживания – три дня. Я говорю Николаю:

– Коля, надо вниз, мы тут слабеем.

А он:

– Ты знаешь, с учётом моего 54-летнего возраста, это последняя возможность. Если я уйду вниз, сил на вторую попытку у меня не хватит...

Коля наверняка допускал, что эта последняя попытка окажется неудачной – так и произошло. Но он вряд ли предполагал, что добьёт вершину, завоюет её не в «закатные» пятьдесят четыре года, а в семьдесят...

– Он был по-своему прав, – продолжал Володя, – а я вспомнил свою жену Наташу, пятилетних мальчишек-двойняшек – они ведь ждут – и решил всё-таки двигать вниз. Когда мы прощались, Николай попросил, чтобы мы в случае чего не тратили силы на его поиски. Кто знает, тот понимает. И я без слюней ответил:

– Да, Коля, у нас не будет вариантов тебя искать.

Через несколько дней ветер стих, и я начал готовиться к восхождению. 16 мая встаю в два ночи, надеваю кислородный аппарат, а он не работает. Пытаюсь «продуть» прибор, но резиновая груша с сильнейшим треском лопаётся. Ну и плевать! Думаю: буду идти до двенадцати дня. Сколько смогу, столько и пройду, хоть сто метров.

Много идёт разговоров о восхождениях без кислорода. Вроде как это свидетельствует о серьёзной физической подготовке и силе воли. Это верно, но проблема заключается не только в том, что можно упасть без сил. Есть опасность превратиться в *mental vegetable* – умственный овощ – из-за необратимых изменений в мозгу. Совсем «дурачков» среди вернувшихся с Эвереста я не видел, но как «едет крыша», наблюдал, да и у самого «ехала». То есть моё восхождение без кислорода следует признать вынужденным, и слава богу, что оно удалось.

Я брёл один и никого не видел. Чувствовал себя совершенно истощённым, хотелось лечь. Но вспоминал о детях и продолжал двигаться: десять шагов за Серёжу, десять – за Андрюшу... К одиннадцати дня поднялся на вершину. Когда к пяти вечера спустился к первой палатке, минут пятнадцать сидел неподвижно, потом снял кошки, бухнулся на пол и отключился. В этот раз на Эверест поднялись ещё двое наших...

Вот такая передо мной развернулась история. После которой внутри шевелилось чувство, противоположное зависти. «Хорошо, что тебя там не было», – шептал внутренний голос.

Но такая уж людская сущность. Сегодня человек твёрдо подвёл черту под предыдущей жизнью и «железно» заявил, что бросает пить, или курить, или употреблять вредные продукты. Но, глядишь, прошёл день, или неделя, или месяц, и он берётся за старое. То же самое с альпинизмом: слезая обессиленным с очередной серьёзной вершины, думаешь, что этот раз – последний. Но придёшь немного в себя, и тянет в горы опять.

Это я к тому, что Володя в ответ на традиционный вопрос о планах на будущее сообщил, что собирается на восхождение в следующем году. На Южную Аннапурну. И... пригласил меня с собой. Он, конечно, сделал своё предложение не из-за моих «доблестей», а, опять же, по причине безденежья, поскольку группе из семи человек полагались льготы при перелётах и проживании, да и каждые рабочие руки и ходовые ноги рассматривались как ценность. А собственно восхождение – следующий вопрос.

Пришлось вести дискуссию с собственным внутренним голосом:

- Ты вроде радовался, что не оказался в экспедиции на Эверест.
- Да, радовался.
- Так теперь будет то же самое. Почти. На 1600 метров ниже Эвереста.
- Вот! Зато Аннапурна Южная, а значит, там потеплее...

Я убедил внутренний голос в правильности решения и стал уточнять детали у Володи:

- А когда пойдём?
- Зимой.
- Зимо-о-ой?
- Да.
- Почему?!
- Потому что зимой туда ещё никто не ходил.

Вот тебе и потеплее...

Как прилетели в Катманду, как нас встретили, что из еды пробовали, а из достопримечательностей посещали – я уже излагал, повторяться не буду. Тем более что Володя, испытавший всё это многократно, откровенно зевал: «Кабы не дела – из номера б не выходил. Пивка, что ли, попьём? Скорее бы на волю...»

Цена за пермит оказалась «смешной» – каких-то две тысячи долларов. Ладно, скинулись, но тут вылезло непредвиденное: плюс тысяча двести за услуги офицера связи. Какие услуги и с кем связываться? Дык с местным населением... А чего с ним связываться, оно что, против заработка? На наши вопросы «представители» только пожимали плечами, и мы, наконец, поняли давно очевидное: чиновники тоже хотят хорошо кушать. Сошлись на тысяче. И без офицера.

Катманду – Покхара – Феди – на этом автомобильном маршруте всё происходило как в прошлый раз, когда шли на главную Аннапурну. Два дня с нанятыми носильщиками передвигались пешком до Чомронга. Дальше портеров отпустили, и началась другая песня.

На предстартовый ужин в Чомронге хотели заказать мяса, но здесь его уже не предлагалось. Поев пиццы, спагетти и разной каши, говорим хозяйке лоджи – симпатичной и на редкость толковой в отличие от многих окружающих её мужчин непалки: «Слушай, дарлинг, отвари-ка нам картошечки, а сальца мы своего порежем». С пивом «Туборг» и «Кукри-ромом» хорошо пошло.

27 ноября, взяв часть продуктов и снаряжения, приступаем к разведке маршрута, целый день плуваем в бамбуке, но, набрав больше километра высоты, вроде попадаем на «правильный» гребень. К вечеру на нас садятся облака, всякая видимость пропадает. Сыро, холодно. В Катманду мы ходили в футболках, а здесь на термометре ноль – минус два. Идёт обильный снег. Ставим первый лагерь на 3300.

В последующие четыре дня погода остаётся без изменений. Курсируем из лагеря-1 в Чомронг и обратно, переносим грузы. Начинаем путь в дожде, залезаем в облака, и вот уже вокруг только белые хлопья и туман, маршрут не просматривается абсолютно. Ищем остатки пастушьих кошей, обламываем с них сырые деревяшки, жжём костерок. Уфимец Алик рыскает в окрестностях и приносит сделанную из волокон бамбука рогожку, и мы сооружаем из неё подобие крыши над костром. Здесь и кучкуемся, постоянно отворачиваясь и кашляя от едкого дыма. Едим-пьём суп, чай и в семь часов укладываемся спать, поскольку делать совсем нечего. Скучно.

А Володя настроен по-прежнему оптимистично: «Ну и что! Я раз из-за плохой погоды на 6400 две недели в палатке пролежал. Зато знаешь, какая акклиматизация!»

Первого декабря небо наконец прояснилось. Передовая тройка движется вверх и к обеду присылает гонца с наказом: «челночить» на 3800. Меняем кроссовки на «кофлахи» – двойные пластмассовые альпинистские ботинки австрийской фирмы «Koflach», нагружаемся и выходим. К вечеру возвращаемся в первый лагерь. Сколько ещё таких «челноков» придётся сделать! Во времена «проклятого застоя» было по-другому: денежки казённые, а соответственно, и снаряжение, и носильщики – не дешёвые трекинговые, в шортах и шлёпанцах, а настоящие высотные, которые куда дороже, – оплачивались за счёт государства. Правда, тогда приходилось сильно прогибаться, чтобы попасть в гималайскую экспедицию. Сейчас никто не держит – ступай в любую сторону. Кабы и денег в придачу...

Утром 2 декабря светит яркое солнце, открывается великолепная панорама, на градуснике минус семь. «Значит, во втором лагере минус десять», – резюмирует Володя. Стало быть, каждые сто метров температура понижается на полградуса? Делаю несложные вычисления и получаю результат: на вершине ожидается не меньше минус тридцати.

К обеду перебираемся в лагерь-2, откуда на следующий день начинаем путь к третьему. Орудия телескопическими палками, траверсируем травяные, с толстым слоем снега склоны. Попадают и полностью заснеженные, крайне неприятные участки; бывает, что на таких вот спокойных с виду кусках маршрута раздаётся характерный хлопок, и на тебя сползает лавина – добро, что пока маленькая. Вверх – вниз, вверх – вниз, дорога хуже некуда.

Опять всё заволочло облаками, и началась метель. Выбираемся на перемышку, с которой в хорошую погоду просматривается заветный контрфорс – ребро на горной стене – и разбиваем палатку: есть третий лагерь...

Дорогой читатель, у тебя, наверное, появилось ощущение, что мы вот так, лагерь за лагерь, и подступаем к вершине. Если бы! Из третьего лагеря надо опять возвращаться во второй и в первый. Потом обратно. А как иначе? Экспедиционные грузы за один раз не перенесёшь. Вот и шагаю снова во второй лагерь со старшими товарищами. Я их уже упоминал раньше по именам, а сейчас, чтобы не путаться, наделю прозвищами. Одного, к моменту восхождения главного тренера сборной команды России по альпинизму, так и назову – Главный. Сборная без финансирования оставалась таковой только на бумаге. Но должность главного тренера сохранялась.

Другого, заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера ещё СССР, буду звать Заслуженный. Заслуги, как и сборная, давно не оплачивались, поэтому ЗМС в свободное от восхождений время подрабатывал печником и плотником, что его нисколько не угнетало.

Предвкушаем, как во втором лагере нас ждёт Наташа, жена Володи, единственная женщина в нашей команде, с каким-никаким ужином. Сползаем по обледенелым камням, путаемся в кустах, залезаем в крутой мокрый каньон. Главный достаёт альтиметр и сообщает, что мы потеряли 500 метров высоты, то есть попросту заблудились. Досадно! Времени три часа дня, а в полшестого уже темнеет. Еле волоча ноги, лезем куда-то вверх; вероятно, до темноты не вернёмся, что в общем-то чревато. Настроившись на худший вариант, вдруг видим еле заметные следы нашего утреннего прохождения. Слава тебе... В пятом часу жадно припадаем к согретому Наташей чаю. Спать ложимся вчетвером в одной палатке, вторая – с продуктами и снаряжением. Мужики вспоминают:

– Холод, конечно, вещь неприятная. У меня после пика Коммунизма все ногти на ногах слезли...

– Но можно бороться! На пике Победы, помню, метель, мороз под сорок, а мы вырыли снежную пещеру и кайф в ней ловим: всего минус двадцать...

Наташа, несмотря на холод, – хотя, по сравнению с только что рассказанными случаями, у нас

вообще «ташкент» – приоткрывает полог палатки, чтобы видеть далеко внизу неяркие огни Чомронга, а прямо перед нами – величественную громаду священной вершины Мачипуччи...

Первое, что мы увидели утром – это распахнутую вторую палатку, которая была закрыта липучками и завязана тесёмками. Что это? Вернулись наши сверху? О, наверное, так, вон книга английского альпиниста Криса Боннингтона «Южная стена Аннапурны». Её как раз читал Володя в отдыхательное время. Но почему книга брошена на снег? И где сам Владимир? Мы заглянули внутрь палатки и увидели там страшный кавардак. Все вещи перевернуты и, как бы поточнее описать, взъерошены. Грабители? Но вещи-то целы! А что с продуктами? Боже мой! Испарились...

Наконец, мы обратили внимание на множество звериных следов на снегу. Опытный зоолог или охотник наверняка определил бы их принадлежность. Но и для нас очевидным представлялось следующее: сюда приходили какие-то средней величины звери, скорее всего волки или шакалы, коих в Гималаях обитает достаточно. Касательно формы следов скажу, что они выглядели как собачьи – не огромные, но и не маленькие. Палатку грабила стая. Один-два зверя вряд ли смогли бы сколько-то съесть, а большей частью унести *все наши продукты*, причём на большое расстояние. Когда мы пошли по следам, то, пройдя несколько сот метров и не найдя ничего, кроме кусочков печени и кожицы от сала, плюнули на дальнейшие поиски.

Читатель наверняка спросит: а как же знаменитые жестяные банки с тушёной и сгущённой? Неужели волки их разжевали? Дорогие мои! Существенно экономя на весе, мы *ничего* не брали в банках. Обычные баночные продукты присутствовали у нас в виде упакованных в пакеты и мешочки сублематов: вяленое мясо, сухое молоко, яичный порошок, сухофрукты и так далее.

Впрочем, один продукт оказался нетронутым: на снегу валялись три надкушенных пачки чая. Видно, зверькам они пришлись не по вкусу. Так что меню нашего романтического завтрака на заснеженной гималайской траве выдалось исключительно чайным. Но, попив чайку, мы стали прикидывать поконкретнее, сколько и каких продуктов унесли предполагаемые волки. И тут вспомнилось, что две жестяные банки со сгущёнкой в наших запасах всё-таки были. Наташа также положила – чтобы съесть, пока подъём несложный – стеклянную банку джема. Их что, тоже волки унесли? Давайте-ка посмотрим на следы повнимательнее: может, это люди? Мы действительно увидели дополнительные отпечатки то ли ног, то ли лап: длинные, овальные, раза в полтора-два больше человеческих. Кто это? Х-м... За недосугом вопрос остался открытым.

Что из случившегося казуса вытекало? «Теперь умрём голодной смертью», – грустно сказал кто-то из ребят. Разумеется, это звучало шуткой. А в нешуточном раскладе предстояло несколько дополнительных «челноков» в Чомронг, за провиантом. Потеряв на этом два лишних дня, сосредоточились в третьем лагере на 3800, где попрощались с Наташей.

– Если не вернёмся 20 декабря, – говорит ей Володя, – уходи в Покхару, связывайся с Катманду и проси переоформить вылет в Москву на неделю. Если не появимся в Покхаре 23-го, вызывай поисковый вертолёт...

Он действительно проговаривал с русскими вертолётчиками в Катманду аварийные варианты и даже оставил «на всякий пожарный» тысячу баксов. Вертолётчики обещали помочь. В назначенный день команда в Чомронг не вернулась...

Однако всё по порядку. На штурм горы вышли «великолепной шестёркой». Взяли с собой две палатки, а третью оставили, тщательно зашнуровав и сложив туда коврики, кроссовки и ещё кое-что из снаряжения. Проигнорировав поговорку «Подальше положишь – поближе возьмёшь», поступили весьма опрометчиво: палатку вместе со всем содержимым украли непальцы. Вроде бы высоко, откуда люди, да? Но это для вас высоко, а для жителей горной страны обыкновенно. Та же участь постигла Наташину пуховку, лежавшую пониже, во вроде бы запертой камерке в Чомронге.

Здесь нужно сделать очередное лирическое отступление. Речь пойдёт о загадочном непальском характере. Люди в королевстве проживают миролюбивые, и мне не приходилось слышать рассказов о том, как на кого-то из приезжих напали, кого-то избили и тому подобное. А вот украсть что-нибудь – совсем другое дело! Случаи воровства имеют в стране прямо-таки массовый характер: стоит зазеваться – и ваших вещей или денег как не бывало. В городских гостиницах есть хотя бы металлические шкафы в номерах, а в горах... Да, документы и деньги мы всегда носили с собой, но весь-то груз не потащишь...

На 4100 тоже сделали «зачачку»: теперь уже не просто положили, а спрятали под камнями телескопические палки и взялись за ледорубы – в перспективе ожидалось главным образом снег и лёд.

Лагерь на 4900 стал последним местом, куда груз заносили в два захода. Дальше решили всё и всегда нести на себе, а посему в который раз занялись перетряской рюкзаков. Кроме необходимого группового снаряжения положили много супов – они готовились быстро, а съедались с аппетитом. Запаковали чай, кофе, сахар, печенье, урюк, немного сухарей. Главный оказался поклонником сбора из якобы целебных трав. Ладно, весят немного, берём. А Заслуженный усиленно впаривал мюсли и поридж – так мы привыкли называть кашу. Но поскольку эти штуки елись без энтузиазма, то и штурмовой объём их существенно ограничили. Так же поступили с колбасой и салом, совокупный вес которых был ощутимым.

Относительно тёплых вещей каждый решал сам; и здесь, надо сказать, принцип уменьшения веса любой ценой в расчёт не принимался. Заведомо перезакладываясь, взяли все запасы газа и бензина. А как иначе? Что делать, если на два, три дня, на неделю запуржит метель? Спасение только в согревающем журчании примуса.

Вообще я уже не впервые рассказываю понемногу о своеобразных процедурах обустройства на стоянку и ночлег. Ну, вспомните, например, как это было у Мориса и Луи, у Эда и Тена. Эдакие суровые и одновременно простые операции на выживание. Но неисчерпаемая тема этих обустройств заключается в том, каким образом человек, удивительное существо, стремится и достигает комфорта на минимальной площади в жёстких, а когда и в жестоких условиях. Вот как это происходило при восхождении на Южную Аннапурну.

Максимально быстро устанавливали палатку. Первоначально казалось, что все мы в принципе туда не войдём, однако как-то быстренько расползались по условным углам, оставляя в середине место для примуса – он раскопегаривался газовой горелкой. На примусе топили снег, затем в скороварке кипятили чай, потом варили суп, потом опять чай; а внутри палатки меж тем понемногу теплело. Параллельно на газовой горелке пытались сушить ботинки-вкладыши, носки, рукавицы. Досушивали их уже ночью, внутри спального мешка.

Около шести, перед рассветом, начинали шевелиться: скидывали спальники, раздвигались, заправляли примус. Кружками сгребали с внутренней стороны палатки накопившийся за ночь иней – его набиралось не меньше кастрюли. Часть инея попадала на спальники, так что они всегда оставались немного влажными. Пока готовилась еда, натягивали в тесноте одежду, упаковывали снаряжение; на сборы уходило около двух часов. Так формировался высотный палаточный режим.

А теперь коснёмся вопроса посложнее, чем обустройство. Как альпинисты ориентируются на маршруте? Вновь вспоминая вариант Мориса 1950 года или Эда и Тена 53-го, ответим: как бог даст. Ищут. Пробуют. Ошибаются. Находят или возвращаются ни с чем. В случае с Володиным восхождением на Эверест в 93-м ситуация сложилась иная: смертельно трудно, но понятно, куда идти, маршрут пробит в реальности и прочерчен на бумаге. Так вот: мы-то были практически первопроходцами. Да, на Южную Аннапурну ходили раньше, но, во-первых, это происходило в тёплые сезоны; во-вторых, формализованных описаний этих экспедиций обнаружить не удалось. Разве что...

Жила-была в Катманду старушка по имени Элизабет Хоули – американская журналистка и писательница, в прямом смысле слова подвижница. Впервые оказавшись в Непале в 1960-м, в возрасте 37 лет, она решила остаться в стране навсегда. И с каждым годом становилась всё более знаменитой среди альпинистской братии, хотя не совершила ни одного восхождения на вершины. Популярность связана с другим фактором: Хоули – самый известный хроникёр гималайских экспедиций, в её базе данных их описано около четырёх тысяч. Элизабет занималась этой деятельностью до 93-летнего возраста, а умерла в 95. И когда у восходителя не хватало информации о выбранной вершине, он шёл за консультацией к старушке. Не стали исключением и мы, начав путешествие с посещения офиса Элизабет Хоули в Катманду.

Бодрая бабушка познакомила нас с отчётом американской экспедиции на Южную Аннапурну 1988 года, закончившей свой путь на высоте 6100. В отчёте говорилось, что последней достигнутой точке предшествовал длинный ледовый кулуар. Его-то и стремился найти Володя. Обладая колоссальной интуицией, он с высоты 5200 чудесным образом разглядел «американскую дорогу»: «Смотрите: где вверху скалы расходятся, туда и нужно перемещаться». И двинулся первым, с двумя ледо-

рубами и нижней страховкой, сбивая руки об лёд. Началась ледовая работа, сложная и кропотливая, забиравшая массу энергии.

Преодолевая острый как нож гребень – в американском описании он так и фигурировал: sharp as a knife, вышли к довольно приятной на вид ледовой пещере на 5600, величиной с большую комнату в городской квартире. Попытались приготовить чай, но не получилось: снизу кипело, а доверху пузырьки не доходили; при морозе за минус двадцать примусного тепла уже не хватало. Тогда прямо в пещере поставили палатку и организовали готовку внутри – получалось лучше. Жаль, но ночевать в палатке не пришлось: обрабатывающий маршрут Володя просигналил, чтобы поднимались к нему. Собрали наш походный домик, прихватили горячий суп в скороварке и полезли наверх.

Когда достигли высоты 6100, ресурсы светового дня оказались исчерпанными, и пришлось устраиваться на ночлег прямо на этом самом sharp as a knife. Вы ещё не забыли «6100» в начале книги, где я чего-то там мечтал-вспоминал? А-а-а. Это как раз здесь. Полтора часа рубим лёд, сбрасывая в пропасть сотни килограммов прозрачных твёрдых осколков. Делаем миниатюрную и неровную площадку, на которой укрепляем палатку, пропустив верёвку через вентиляционные рукава и пристёгивая её к крючьям-ледобурам. Оставшаяся недалеко внизу пещера вспоминается так, как в зимней Москве грезится летний крымский пляж. Полулежачую бессонную ночь кто-то образно окрестил «варфоломеевской».

Утром мы поняли, что пришли на место, дальше которого американцы не продвинулись. До сих пор были целы их вмороженные в лёд верёвки с карабинами. По-человечески вполне понятно, что заставило без сомнения крепких людей повернуть назад в километре от заветной вершины: мороз, сложный рельеф... Вдобавок к техническим трудностям накатили высотные: сознание начинало существовать какой-то параллельной жизнью, становилось вялым и невосприимчивым. В разные моменты то один, то другой участник восхождения «тормозил», и тогда товарищ кричал ему: «Открой глаза! Посмотри на меня! Проснись!»

16 декабря, в предштурмовую ночь, палатку поставили на 6600, под красивым сераком – огромной ледовой пирамидой, открывающей скально-ледовый взлёт к Южной Аннапурне. Серак состоял из двух параллельных граней с просветом, через которые виднелась вершина. Площадка выглядела лучше предыдущей, к тому же Бог послал приличную погоду: хотя мороз приближался к тридцати, ветер не зверствовал, и, прижавшись в спальниках друг к другу, мы немного поспали настоящим сном. 17-го проснулись затемно и с первыми лучами солнца вышли на штурм. Ничего, кроме чая, не варили. Прихватили понемногу в карманы урюка и печенья.

Путь к вершинному куполу выглядел удобным. Сыпало небольшими камушками, ледяной крошкой, но каски от них вполне защищали. На предвершинном взлёте пришлось посложнее: достали верёвки и винтили крючья. Неожиданно оказались перед нависающим карнизом, на который с ходу не вылезти. Но Володя, пройдя немного по склону, снова нашёл приемлемый путь и выбрался на вершину; за ним остальные. 7219 метров. Первое зимнее восхождение на Южную Аннапурну. Нехоженым доселе маршрутом. Часы показывали одиннадцать утра.

Солнце и хорошая погода дополняли ощущение победы. Нелегко давшегося счастья. Мужского счастья: все мы играли в суровую игру, где ставка поистине равна жизни, а порой и превосходит её. И грусти: была мечта, а теперь её уже нет, сбылась. Теперь нужна новая мечта. И – ощущения опасности: многие жестоко заплатились за вершинную эйфорию и халатность на спуске; пополнять их число не хотелось.

На ночёвке 6100 «полулёжа» опять почти не спали. Заслуженный устроился на рюкзаках, пристраховавшись к верёвке. Задремав, стал всё больше продавливать бок палатки. Когда совсем сполз в пропасть, Главный схватил его и начал втягивать назад. Заслуженный открыл глаза и увидел перед собой эмблему Российского корпуса спасателей на куртке Главного: «Ну вот, и спасатели пожаловали...»

Времени на снятие верёвочных перил, которые раньше берегли и забирали с собой, больше не тратили – презентовали их на память горе. Иногда видели следы, оставленные при подъёме. Они стали уже не углублениями, а, напротив, выпуклыми поверхностями, на которые очень удобно наступать. Тем не менее сбились с маршрута и долго искали место, где оставалась одна из промежуточных палаток с небольшим запасом продуктов. Но палатки не было! Где она? Сно-

ва украли? Высоковато вообще-то... На всякий случай копнули кошками снег и обнаружили два лоскута с тесьмой на колышках: палатку сорвало и унесло ветром. Эти лоскутки ребята взяли на сувениры.

А мешочки с продуктами? Тоже ветром унесло? Вряд ли. Но сколько ни копали, обнаружить их не удалось. А вот следы... Пусть и заметённые, но явно больше наших и похожи на те, что мы видели две недели назад... Загадка? Да. Мы пока не знали, что через много лет она будет разгадана.

Ещё раз заблудились 20 декабря, спустившись ниже пяти тысяч метров. Поиски маршрута осложнялись плохой видимостью. Выбившись из сил, остановились и решили выждать. Сняли рюкзаки, сели, прикорнули, не обращая внимания на густо падающий снег. В конце концов всё-таки поставили палатку, грели чай, но в спальные мешки не залезали. Дремотно-тёплое состояние прервал примус: помигав на прощание, он потух. Эх, надо же, в лагере на 6100 слили для облегчения целых пять литров бензина! Вскоре кончился и последний газ: горелка «уснула». Холод набирал обороты и становился нестерпимым, хотелось нырнуть в мешки, но Володя высказался против ночёвки:

– Еды и топлива больше нет. Нужно идти. Стартуем, как только луна осветит наш кулуар. Думаю, что это случится часа в четыре утра...

Что ж дальше? Случилось последнее приключение: Заслуженный потерял кошку. Главный – фантастика – нашёл её! Заслуженный обнимал, благодарил...

А Наташа ждала до последнего. Что творилось в душе – к чему описывать: любая женщина и без того поймёт. Поймёт и состояние, испытанное при виде худого, кашляющего, обветренного, но при этом не ползущего, а бегущего Володю. Возможно, читатель увидит странность во фразе «увидела бегущего». Как это? Она что, на крыльце всё время стояла? Но для гор такое нормально: это в городских условиях дома загораживают панораму, а в горах со многих точек видно очень далеко. И заметив человека на каком-то склоне, ты можешь наблюдать его появление-исчезновение на пути к стоянке много часов. Нормально и то, что бегом. Сбегание вниз по неопасному склону, по осыпи или снегу считается у альпинистов обычным делом.

В Чомронге опять пили пиво и ели обычную картошку – соскучились! Подошли англичане и новозеландцы; испросив позволения, щёлкали фотоаппаратами, снимая русских героев. А Володя задумывался и рассуждал – может, для себя, может, для всех:

– Альпинизм – это не спорт. Это особая модель жизни, особая философия существования. Вечное стремление взять новую вершину. С неё всегда видны неизвестные ранее горизонты. Выходит, пока не конец?

Попрощавшись с «домашним» Чомронгом, вышли к селению, откуда ходит автобус в Покхару. Повезло: он стоял и будто дожидался нас. Погрузили рюкзаки и сами залезли на крышу, на багажник, поехали с ветерком. В сопровождении звёздного неба и с видом на далёкий массив Аннапурны. Сидевший рядом американец заиграл на губной гармошке. Валера вступил с ним в разговор. Читатель, думаю, помнит Валеру, который пел Юрины песни, правда?

– А вы слышали когда-нибудь русские песни? – спросил Валера.

– Нет, – ответил американец.

– Хотите спою?

– Да, очень хочу...

Товарищи американца тоже закивали головами. И Валера запел:

Славное море, священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалёчко...

Пел охрипшим, но всё равно громким, раскатистым голосом; большой, худой, небритый. И гималайская ночь уважительно внимала задушевно-протяжной, русской, берущей за душу мелодии.

ГЛАВА III

А живому нужна женщина его

Горы, штурмы, победы. Тратим на них главное время, а иной раз и саму жизнь. И вот наконец достигаем желанного результата. Но случается так, что вдруг понимаем: радость от нелегко полученного, конечно, есть, но какая-то она неполная. Чего же не хватает? Булат Окуджава даёт ответ:

– Господин лейтенант, что это вы хмуры?
Аль не по сердцу вам ваше ремесло?

– Господин генерал, вспомнились амуры –
Не скажу, чтобы мне с ними не везло.

– Господин лейтенант, нынче не до шашней:
Скоро бой предстоит, а вы всё про баб!

– Господин генерал, перед рукопашной
Золотые деньки вспомянуть хотя б. <...>

– На полях, лейтенант, кровию политых,
Расцветет, лейтенант, славы торжество...

Убеждает генерал, убеждает, сильнее распаляется, а лейтенанту мало, а точнее, совсем не нужно победы и славы. Не проникается он патетическим настроением и приземлённо отвечает:

– Господин генерал, слава для убитых,
А живому нужней женщина его...

Мою женщину звали Светланой, и в горы она никогда не ходила. Отсюда план завлечения её на штурмы и победы продумывался сложносочинённым, постепенным и «коварным». Когда замысел созрел, следовало его озвучить. Поскольку дело шло к свадьбе, я увязал раскрытие плана с этим судьбоносным моментом жизни, имитировал нешуточное волнение и сказал:

– Дорогая, я хочу сделать тебе свадебный подарок.

– Какой, милый? Золотое колечко с бриллианчиком?

– Ты почти угадала, Светуля. Много-много украшений из серебра и целая россыпь почти драгоценных камней.

– О, как здорово! А где такие сокровища?

– Это делают в одной сказочной стране, куда мы с тобой поедем.

– Скорей скажи, дорогой, куда?!

– ...В Непал...

Попробуйте сделать такое предложение в целях оболъщения кого-то из ваших знакомых женщин. Прогнозирую, что в лучшем случае вам скажут: «Эт где? Там чо?» В среднем: «Чего я там забыла?» В худшем – просто покрутят пальцем у виска. Будучи дамой сравнительно вежливой и с учётом предстоящего сочетания браком, Света остановилась на лучшем варианте. И я с воодушевлением ответил:

– Мы будем там путешествовать.

– Непал вроде в Гималаях? Это ж высоко, а у меня нет никакого опыта.

– Конечно, любовь моя, опыт очень важен, поэтому сначала мы поедем его набираться в тёплое, комфортное и невысокое место в родной стране.

– На море? Ура!

– Не совсем. Мы поедем... на Кавказ...

Света сделала задумчивую гримасу, помычала и... согласилась. Коварный план мой она не раскусила, да вряд ли и другой женщине это бы удалось в силу тонкости задумки. Мы прилетели в Нальчик, проехали по Баксанскому ущелью, сняли прекрасный домик в Чегете. Да, по дороге я завёз её в Долину Нарзанов, где мы попили водички, а на чегетской поляне перешли к вину и шашлыкам.

Прокатились на канатной дороге до известного всем горнолыжникам, альпинистам, туристам и экскурсантам-матрасникам кафе «Ай», там выпили ещё.

– Дорогая, тебе нравится в горах?

– Очень!

На следующий день я предложил Свете пойти на «лёгкую горную прогулку». Под таковой подразумевался трёхдневный перевальный поход. Объяснил, что всю вещевую тяжесть беру на себя, а ей остаётся сущая лёгкость – ну, килограммов двенадцать-тринадцать. Зато рюкзак очень комфортный! А виды Большого Кавказского хребта и его окрестностей – вообще запредельные.

Вышли на маршрут. Через два часа подъёма Света застонала: «Это что, и в Непале твоём такой груз тащить? Наверняка ещё тяжелее!» Ага, вспомнила про Непал. Значит, коварный план работает, подумал я и успокаивающе ответил: «Что ты, милая, там нести ничего не нужно вообще, там грузы переносят носильщики». И стон прекратился: «Да? Ну, это другое дело».

Следующим испытанием стал ночлег в палатке, для Светланы он оказался первым в жизни. Всю ночь дама сердца ёрзала в спальном мешке, а утром, когда едва рассвело, растолкала меня с испуганным лицом: «Я так и знала, что тут опасно. Всю ночь вокруг палатки кто-то ходил. Вот и сейчас: послушай!» Явно живое существо действительно тёрлось о палаточный тент. Дышало и издавало непонятные звуки. Одно из двух, подумал я: или йети – но тогда придётся зафиксировать первое посещение Кавказа снежным человеком, или... пьяные аборигены, что более вероятно. Этого не хватало! Я неохотно вылез из мешка, выглянул из палатки и огляделся.

– Видишь ли, моя радость, мы находимся в опасном и труднодоступном месте, не знаю, как будем и выбираться... С «не знаю, как выбираться» я не лукавил: к палатке пришла корова и оставила прямо перед входом пахучую лепёшку...

– И что, в Непале мы тоже будем спать в палатке, в этих дурацких мешках, к нам будут приходить коровы и гадить окружающее пространство? Нет уж!

Я ликовал:

– Что ты такое говоришь? Мы будем спать в красивом аутентичном домике, на удобной кровати и чистом белье, а коровы там – вообще священные животные и ведут себя очень прилично.

– Ты не врешь?!

– Не сомневайся!

– А на Кавказ мы больше не поедим?

– Железно! Мы поедим в Непал...

И мы полетели в Непал.

Дальше я предложу читателю-мужчине, если он вдруг решится на подобную авантюру, модель сногшибательной демонстрации этой загадочной страны своей спутнице. Такой демонстрации, после которой вас не пошлют в известном направлении с полным прекращением отношений, а, напротив, станут любить и уважать гораздо больше. Сейчас советы по реализации позитивной и эффективной модели поведения называются модным словом «лайфхак». Таким образом, переходим к лайфхаку – на этот раз без смертей, крови и даже без ушибов и царапин.

Когда вы прилетите в Катманду, то прямо у входа в аэропорт увидите толпу людей, предлагающих вам *любые* услуги. Внимание! Поинтересуйтесь автомобилем, в который собираетесь посадить свою избранницу, поскольку автомобиль тоже может быть *любым*. Надеюсь, вы поняли: надо выбрать приличное авто, а они будут присутствовать в ограниченном количестве; в основном же это японо-корейский отработанный хлам.

К сожалению, на пути в более-менее цивилизованную часть миллионного Катманду – центральный район Тамел (не дай вам бог забуриться ещё куда-нибудь!) – вы не сможете закрыть спутнице глаза на пейзажи с кучами мусора, смогом, грязной рекой, бродячими собаками и людьми в респираторах. Пока то да сё, скажите, что это, к сожалению, характерно для всех больших городов в Индии, Таиланде, Вьетнаме и других азиатских странах. Вряд ли такая информация женщину успокоит, но всё же. А вот когда устроитесь в отеле (здесь и советовать нечего – нормальную гостиницу можно выбрать заранее по Интернету), наскоро перекусите оставшейся с дороги сухомяткой, запив её приветственным коктейлем, сразу приступайте к снятию недовольства захватывающим культурным шоком. Самое быстрое действие, заставляющее моментально забыть увиденные всего пять минут назад малоэстетичные пейзажи, производит... шопинг в серебряном магазине.

- Милый, серебряный магазин – это любопытно. А что, он здесь только один?
- Дорогая, а сколько бы ты хотела?
- У-у-у... Два, а лучше три.

– Света, я дарю тебе пять серебряных магазинов. Нет, улицу магазинов! Нет, целый квартал!

Ваша женщина не будет разочарована, даже если живёт в Москве, а проехала уже Нью-Йорк, Париж и Сидней. В магазинах Катманду есть то, чего она не видела в других странах: немыслимое количество серебряных украшений – матовых и блестящих, весёлых и таинственных, лёгких и солидных – хоть в грамм, хоть в килограмм весом, с камнями и без оных, изображающих любые геометрические фигуры и их сочетания, а также представителей флоры и фауны, а также символы всех религий... Уф, перечислять замучаешься.

А камни! Наверняка у вашей дамы давно лежат в потаённой шкатулке кольца, серьги, кулоны пусть и с маленькими, но бриллиантами. Но сюда вы приехали не за алмазной крошкой. Торговцы очаруют вас сотней драгоценных... ну, почти драгоценных камней, но уж точно – очаровательных названий: лунный камень и тигровый глаз, топаз и лазурит, коралл и аквамарин, сапфир и аметист, рубин и бирюза... В качестве и подлинности всего этого ни вы, ни она однозначно не разберётесь, тем более что и необходимости в этом нет: цена будет такой, что деньги отдать не жалко. И можно долго и с удовольствием торговаться, что женщины обожают, особенно когда продавец охотно идёт навстречу и показывает вам настоящий «театр скидок». Непальские украшения увлекают не подлинностью, не числом каратов в камне или пробой благородного металла – они приводят в восторг яркостью, оригинальностью формы. Вы убьёте свою спутницу наповал одной фразой: «Смотри-и-и-и! Такого. Ни. У. Ко-го. Нет!!!»

Когда она наберёт первый мешок серебра, заведите даму, не давая ей очухаться, в чайный магазин. В сортах чая тоже запутаетесь, но сразить можно не только числом сортов, но и «магическими» словами, которые лучше произносить по-английски. Скажите так: «О-о-о, highland». И добавьте: «У-у-у, organic».

– Что это означает? – спросит женщина.

– А ты разве не знаешь? Все знают! Высокогорный! И органический, то есть самый натуральный и экологичный чай из всех существующих на земле чаёв.

И в дополнение:

– Только здесь, в Непале, ты можешь купить уникальную добавку к любому чаю, которая делает его вкус совершенно непревзойдённым и называется «lemon grass».

– ???

– Высокогорная! Органическая!! Лимонная трава!!!

Вы уже загрузили рюкзак и одну руку? Но вторая-то остаётся свободной. Купите мандарины. В Москве нет таких вкусных мандаринов. Купите кокос в зелёной оболочке, и пусть её разрубят, а в дырочку воткнут трубочку, и вы отведаете настоящего кокосового молока. Те сморщенные коричневые «мячики», что продаются в России – это не кокосы, а внутри них – не молоко; это залежалый потомок свежего кокоса. Наконец, купите папайю: не ловитесь на маленькие аккуратненькие красивенькие плодики – берите большие, даже и с гнильцой сверху плоды. Это будет реальная папайя, а та, что игрушечного вида, – неспелая, и вкус у неё как у бумаги.

И? Отнесите всё в гостиницу. Отдохните совсем чуток. Примите душ. И... нет-нет, рано. Дама давно проголодалась, ведите её в ресторан. В какой? Думая на эту тему, вы должны понимать, что не увидите здесь ни обилия экзотических морепродуктов, характерного для прибрежных стран; ни жареных тараканов и скорпионов, которыми вас удивят, скажем, в Китае; вы не найдёте, пожалуй, ничего, что ошеломит даму неведомыми вкусовыми ощущениями. Поэтому идите на красивые названия: «Fusion Himalaya Restaurant», «Little Buddha», «Third Eye» и так далее. Везде вас ждёт индийская, тибетская, тайская, ну и, конечно, собственно непальская кухня – часто всё одновременно. Необычность же будет заключаться в самом стиле ресторана, в манере обслуживания, в способах готовки и подачи блюд.

Разумеется, женщине будут интересны визуальные эффекты типа «шизлинг чикен» и «гавайя стейк», о которых я уже рассказывал. «Далбат» стоит тоже попробовать, но этого в принципе вы вволю наедитесь на маршруте. Равно как и «томо». Это что за зверь? А-а-а, пельмени... Или «spring rolls». Блинчики с начинкой... Ну, различный хлеб. Тибетский, например. Это вроде лаваша, но жа-

рят его на масле. А чапати, или индийский хлеб, наоборот – на сухой сковородке. На десерт закажите пудинг или apple pie – яблочный пирог...

Если ваша дама гурман-мясоедка, ищите блюда из буйвола или яка – их в Катманду в достатке.

А теперь внимание! Помните, что узкие улицы, толчея и смог, идущие в беспорядке навстречу друг другу машины, рикши, мотоциклы, повозки с животными и многочисленные пешеходы никуда не делись, и спутница от этой экзотики порядком устала. Поэтому оставьте на следующие дни рекомендованное выше, а пока отправляйтесь в... «Garden of dreams». Прямо напротив комплекса королевского дворца, вдоль шумной и загазованной дороги стоит высокая кирпичная стена. В ней неширокий вход с этой самой табличкой – «Сад мечты». Вы заходите внутрь и... всё, что вы наблюдали пыльного, вонючего, шумного и прочего неприятного в последние несколько часов, внезапно исчезает. Да, оно близко, всего в десятке метров от вас, но вы его больше не видите, не слышите и никак не ощущаете. Вы вошли в «Garden of dreams».

На что похож «Сад мечты»? На любой ухоженный парк с подстриженными лужайками, ручейками, банановыми пальмами и мандариновыми деревьями, обилием цветов; мостиками и скамейками. Ну и конечно рестораниками. Что же в этом необычного? А необычен контраст с пространством, из которого вы пришли всего несколько минут назад. Закажите, ну... что-нибудь вообще любое. С европейскими напитками, которые напомнят вам об оставшейся далеко родине... Раскиньтесь по-свободнее на кресле или вообще садитесь на траву. Расслабьтесь и отдыхайте.

Куда дальше? В отель. Если вы приехали путешествовать по Гималаям, то в Катманду больше двух-трёх дней не задержитесь. Но прожить их надо так, чтобы запастись воспоминаниями об удобной и уютной близости в Катманду и не стремиться к ней на маршруте – она обещает быть экстремальной. Можно, конечно, соединиться и в горах, к этому мы вернёмся, но всё же максимально расходуйте энергию здесь. Впрок. В тепле и комфорте...

Ладно, пора и на волю, как говаривал мой друг Владимир. А «на воле» есть десятки привлекательных трекинговых маршрутов на любой вкус, но самые интересные и престижные ведут в сторону ЕВС – базового лагеря Эвереста. Приступая к его описанию, я ловлю себя на том, что как-то не поднимается перо, а точнее, пальцы над компьютерными клавишами, чтобы представить его одинаково мужчинам и женщинам. И решаю начать с дамского варианта, а к мужскому вернуться позднее. Ну, тронулись.

В Катманду надо сесть в маленький самолёт и лететь тридцать минут до Луклы, где начинается путешествие. Так и скажите: «Полёт как полёт. Лайнер маленький, а перелёт короткий». Далее избегайте подробностей, а в процессе этого перелёта максимально ограждайте даму от всех реальных деталей вокруг, заговаривайте ей зубы, используя в частях речи ласкательные суффиксы – самолётик, шассики, сиденьца, лётчики-чики, облачка, горочки, аэродромчик. Болтайте не переставая, и, глядишь, эти полчаса пролетят более-менее благополучно. Не последуете рекомендациям – и ваша возлюбленная может испытать не только культурный, но и физический шок. Причины будут изложены в мужских описаниях полёта, которые, как и обещано, последуют некоторое время спустя.

А пока продолжаю изложение лайфхака – теперь не обобщённо, а на собственном женско-мужском опыте. Прилетели мы со Светой в Луклу. Осмотрелись, попили кофе по-европейски, то есть из машинки, носильщик пристроил к себе на спину наши рюкзаки, и – стартовали. В первый день идут обычно два-три часа, что красиво, спокойно и не связано ни с каким напряжением. Остановились в лоджи в деревне Пакдинг, это даже чуть пониже Луклы, на высоте около 2700. Переночевали, встали, позавтракали по-непальски и направились в Номче-базар. На этом пути начинается кое-что...: скажем, никак не избежать пешего взлёта длиной в две с лишним тысячи шагов. Соответственно, я понимал, что никак не получится нейтрализовать периодически произносимые на подъёме Светочкины фразы: «Так и знала» и «Зачем мы сюда припёрлись».

Но терпел, теперь уже молча, не обгоняя события, потому что был уверен – воздастся. На ровной площадке перед дальнейшим и не столь крутым подъёмом в селение я интригующим голосом прервал причитания Светы как можно более восторженным возгласом: «Смотри, а вот Эверест!» С этого места путники действительно впервые видят гималайскую громаду. Издалека она кажется маленькой и нестрашной. Впечатляющему зрелищу идеально сопутствуют проникшие сюда торговки в национальных одеждах, продающие мандарины. Пара мандаринов стоит столько же, сколько килограмм в Катманду. Но не в этом же дело! Съесть мандаринку после такого подъёма, да с об-

зором вершины мира в придачу – никаких денег не жалко. Напряжение снято, и мы относительно спокойно преодолеваем путь до Номче-базара.

Здесь не только никаких проблем – здесь вообще классно. Здесь тусовка! На высоте 3500, на поднимающихся вверх террасах с несколькими сотнями строений вас ожидает почти всё то же, что и в Катманду, только в миниатюре: кафе, рестораны, магазины, клубы, рынки. За минусом смога и авто и плюсом живых природных картин из клуба кинопутешествий. То есть думать о том, что рано темнеет и что делать вечером, не приходилось – время пролетело мигом. К этому посёлку хорошо подходит определение «культовый» и знаменитая поговорка, применимая в принципе к некоторому значимому месту в любой стране: «Если в Номче не бывал, то Непала не видал!»

А вот после Номче... Кхе-кхе. Пару часов мы идём по чудесной тропе, без существенных высотных перепадов и с прекрасными пейзажами вокруг. Потом даже лучше: начинается длинный и некрутой спуск. Света испытывает восторг и забывает вчерашние недовольства. Да и любой новый человек погрузится на эти два часа в эйфорию. А бывалый лишь глубоко вздохнёт. Потому что набранная высота в горах – высшая ценность. Спуск эту ценность девальвирует, поскольку за потерю высоты придётся вскоре заплатить очередным подъёмом. Самое обидное, что на ту же самую высоту. Если выражаться в цифрах, то после Номче-базара вы постепенно спускаетесь метров на семьсот и для начала оказываетесь в совершенно чудесном месте, где прямо на природе с удовольствием «ланчуют» десятки людей.

«Я пока не голодна», – говорит Света. Мне приходится буквально упрасивать её съесть «чего-нибудь вкусенького», потому что...

– Дорогая, сейчас нам предстоит продолговатый подъём...

– Опять пилить вверх?

– Ну, в общем, да. Когда будешь идти, не думай о подъёме, а лучше считай. Досчитаешь до конца – и всё!

– А конец – это до сколько?

– До пяти.

– «Пяти» чего?

– Пяти тысяч шагов...

Да, я ведь раньше просчитал. Пять тысяч шагов в длину, а по высоте – километр подъёма...

Чтобы не слышать причитаний, я Свету «бросил» и убежал вперёд. Ничего с ней не сделается. Во-первых, с тропы никуда не собьёшься; во-вторых, люди ходят туда-сюда и помогут, если что; в-третьих, можно и меня на помощь голосом позвать, поскольку я периодически останавливался и ждал.

Дойдя доверху и пройдя через арку со священными барабанами-мантрами, моя дорогая сползла на землю и отказывалась вставать, несмотря на то что расстояние до ближайшей лоджи составляло несколько уже не тысяч, а сот метров. Минут через пятнадцать мне удалось заманить Свету в лоджу предложением выпить чаю, так как жажда к тому моменту высушила горло не по-детски.

3870. Достойно. Но счастья нет – одна усталость в ногах. Я знаю, что иные ощущения придут ночью, когда сон будет относительным, но уют и тепло – абсолютными. Если в эту ночь вы чего-нибудь такого попросите, то рискуете подвергнуться не только отказу, но также оскорблениям, до рукоприкладства включительно. Не трогайте её – дайте отдохнуть!

Останьтесь в этом месте на днёвку – очень хорошо для акклиматизации. Обязательно сходите в таинственный, величественный, построенный сто лет назад буддистский монастырь Тянгбоче – он рядом с вами. Что мы и делаем. Рассказываю Свете о том, что здесь идущие на восхождение альпинисты веряют Будде в виде большой статуи свои судьбы и получают благословения лам. А идущие вниз благодарят Будду, а также других причастных и не очень людей и богов за то, что возвращаются.

У входа во внутреннюю часть монастыря я обращаю внимание спутницы на большие отпечатки ступней на камне. История их такая. Пятьсот лет назад почитаемый в округе лама Сангва Дордже принёс сюда Тибетский Буддизм. По преданию, Дордже прилетел в Тянгбоче по воздуху из Тибета, перепрыгнув Гималаи. Ему очень понравилась долина Кхумбу, и лама решил основать здесь монастырь. Он так долго неподвижно стоял и медитировал, что углубления от ступней остались на камнях. Воля ламы передавалась последователям Сангва Дордже, и четыре века спустя появился монастырь.

Тут всё демократично: заходите в любое время, разувайтесь и садитесь рядом с монахами. Служба тоже нежесткая: послушают монахи молитву ламы, подпоют, подуют в свои длинные трубы, а потом, не сходя с молитвенного места, попьют чайку с молоком, который принесёт один из братьев, и продолжают положенный ритуал.

Завершает день неспешный ужин в условной кают-компании, которая есть в каждой лоджи. А на часах-то еле-еле девятнадцать. Чем заняться? Может, почитать книжки? Я взял специально для этих длинных вечеров опусы Далай-ламы, переведённые на русский язык. Там есть занятное, и много про любовь. Читаю вслух:

– ...Потребность в любви заложена в самой основе человеческого существования. Это происходит в результате глубокой взаимозависимости, связывающей людей друг с другом...

Недавно в Америке я встретился с группой учёных, которые рассказали, что процент душевных заболеваний в их стране очень высок. И главной причиной депрессии является не недостаток материальных благ, а отсутствие любви окружающих.

Осознаём мы это или нет, потребность любви находится у нас в крови с самого рождения. Даже если любовь исходит от животного или того, кого мы обычно считаем врагом, – и взрослые и дети будут естественно тяготеть к нему.

Я верю, что никто не рождается свободным от любви. Человека нельзя определить как только физическое существо, хотя некоторые современные философские школы и пытаются сделать это. Никакой материальный предмет, каким бы красивым или ценным он ни был, не заставит нас почувствовать себя любимыми...

Красиво, да? Может, слишком возвышенно, но, по мне, так в самый раз. В горах, в сумеречной комнате, рядом с буддийским монастырём, из которого даже теперь, вечером, долетают таинственные звуки. Но Света, я вижу, скучает... Тогда и приходит блестящая мысль: а давай-ка сочинять стихи! Создавать поэтическое описание нашего путешествия. Не в манере Далай-ламы и не тягаясь с настоящими поэтами, а легко и юмористично. Мысль была поддержана и скреплена нежным поцелуем. Затея не остыла и в последующие дни, когда началось сложение нетленной картины наших непальских приключений.

Кстати, не понимаю, почему говорят «нетленной». Потому что «рукописи не горят»? Ещё как горят! Горят и жесткие диски! Но всё-таки пореже. И мы штамповали нашу нетленку на компьютере. Что, тащим комп? Ну да. Уплачено! Носильщик есть – пусть несёт. И ноутбук, и сумку Светиной косметики, и даже домино в коробке – балуемся время от времени картишками и доминишками.

Попробовали писать оригинальный стих, но самим стало смешно: графомания какая-то. Лучше с чего-то пообезьянничать, ага? Для образца выбрали хулиганский вариант пушкинского «Евгения Онегина». Полагаю, что каждый интеллигентный человек помнит, как «мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он пять бутылок о...л, и лучше выдумать не смог...» Вот этому народному юмору мы и решили подражать. Начали с начала и по правде:

Наш Алекс самых честных правил,
Когда от пьянства занемог,
Светуле так мозги заправил,
Что в Гималаи уволок.

Подруга плакала сначала,
С любимым чуть не разошлась,
Потом природе отдалась
И по горам слоняться стала,
Вставала поздно или рано
Под сению Ама-Даблама...

Нас действительно долго сопровождал вид на Ама-Даблам – культовую гималайскую вершину. «Ама» по-непальски означает мать или бабушку, а «даблам» – подвеску с украшениями. На горе есть пояс висячих ледников, который и напоминает даблам, а гребни горы представляются как материнские руки, разведённые для объятия. Ама-Даблам хоть и не дотягивает по высоте до Эвереста целых два километра, но признан одной из красивейших и сложнейших вершин Гималаев и даже мира.

Ну, сидим, стало быть, и акклиматизируемся возле монастыря Тянгбоче. Здешнее утро наполнено какофонией звуков: мычат яки, звенят колокольчиками проходящие рядом ишаки и лошади с поклажей, дудят в свои трубы монахи, приветствуют друг друга трекеры и альпинисты. Ещё не вечер, но, раз уж включились в стихотворную игру, эта картина моментально находит своё отражение в поэтических строчках.

Бывало, только выйдет солнце,
В Тянгбоче шум и тарарам,
Вон кто-то глянул из оконца
И выпил... чаю триста грамм.

В стихах находила отражение наша углублённая исследовательская деятельность, направленная на изучение природы, традиций, животного мира горной страны.

Касательно подъёма вверх вдруг звучат неожиданные, но в глубине души, в самом её уголке затаившиеся, а значит, ожидаемые Светины слова: «Дальше я не пойду». Э-э-эх... Но время до утра есть, и я вспоминаю железное мужское правило, раскрывающее тайну снятия любого напряжения всего тремя фразами. Не знаете, какими? Тогда сообщаю по секрету: 1. Люблю. 2. Куплю. 3. Я не прав. Про «люблю» понятно: мы и вправду любили друг друга. Насчёт «не прав» я сделал трагическое лицо и произнёс что-то вроде: «Прости, дорогая, не следовало мне без должной подготовки тащить тебя сюда». И – с постепенным переходом к «но раз уж так случилось...». Оба пункта следовало закрепить удачным торгом. Он произошёл и получил отражение в нашей самодеятельной поэзии.

А вверх протопали три с лишним.
Ну, альпинисты, ну, народ!
И Света, в сговоре с всевышним,
Достать любимого идёт...

На переходе от Тянгбоче к находящемуся на высоте около четырёх с половиной тысяч метров посёлку Дингбоче предстоит несколько длинных взлётов, и организм начинает активно сопротивляться высоте. Света бурчит про себя нецензурные проклятья, но идёт, а вечером мы вновь садимся за стихи, ставшие более жёсткими, в соответствии с рельефом местности.

Завтра предстоит сложный путь до Лубоче. Но мы хорошо поняли, что наслаждаться надо сегодняшним днём, обилием чая, вкусным ужином; ловить счастливые моменты, как рекомендуют психологи. А завтра будет завтра.

Чувствую, опять мыслите заподозрить меня в рифмоплётстве: «народ – огород». И снова ошибаетесь! В Дингбоче на высоте 4400–4500 и вправду есть огороды, на которых растёт родная и понятная нам всем картошка. Вероятно, и ещё чего-то растёт, да ведь сейчас зима, январь. Где же на такой высоте взять дров? Они тут на вес золота. Вот и сушат кизяки, а потом кидают их в печку. Впрочем, дискомфорта это за собой не влечёт, и даже напротив – из печки исходит сладковатый, пряный и совсем не раздражающий запах. И так нужное всем долгожданное тепло. Почему долгожданное? Потому что кизяки экономят и затапливают печь только ближе к вечеру, а уже часов в девять перестают подбрасывать новое топливо...

Засыпая... Хотя, честно сказать, какой сон – сна больше нет. А сновидения есть. Хочу забыться, отдаться этим дремотным грёзам, но гложет отчётливая мысль: завтра Света начнёт погибать по дороге и, наконец, пошлёт меня к бениной маме.

Утреннее солнце, внезапно выглянувшее сквозь серые облака; завтрак, чудесный Ама-Даблам способствовали рождению последнего совместного четверостишия.

В комнате, где мы спим в Дингбоче, температура плюсовая. Настолько плюсовая, что изо рта идёт пар. И туалет тёплый внутри домика. Настолько тёплый, что и фаянсовый писуар, и вода в ведре рядом покрылись льдом. Да-а-а... Но тут появляются весёлые и легко одетые непальцы, протягивающие нам миски с подогретой на костре водой: умывайтесь на здоровье! Ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

Улыбчивый настрой испарился через пару часов подъёма к следующему, предпоследнему на этом

маршруте «тёплому» пункту – селению Лубоче на высоте около пяти тысяч метров. Света тяжело дышит, кашляет, то и дело останавливается, клянёт свою доверчивость, судьбу и меня – эти трое сыграли с ней такую злую шутку. Вообще-то и сам я чувствую себя, прямо скажем, хреново, корёжит и колбасит; естественно, не подаю виду и молю Бога, чтобы мы как-то доковыляли до лоджи.

К моменту, когда доплетаемся, сил нет даже на выяснение отношений. Морально Света созрела для того, чтобы уйти вниз, но физических возможностей для этого нет. Башка раскалывается, нет желания ни есть, ни спать, не хочется ничего. Просто лежим и смотрим в потолок. Приходит сирдар и даёт таблетки, которые, к нашему удивлению, оказывают облегчающее действие.

Утром Света выглядит усталой и невыспавшейся. Не скажу, что я чувствую себя молодцом. Короче, придётся валить вниз. Жаль. До Горак-шеп на 5200 – самого высокого постоянно жилого поселения в Непале, да и в мире, два – максимум три часа пути. Оттуда ещё пару часов до ЕВС – базового лагеря Эвереста, и мечта – не клаймера, конечно, а треккера – сбылась. Но... значит, в следующий раз.

На спуске мне неоднократно приходилось наблюдать, как люди оживают за считанные часы. Лица распрямляются, возвращается аппетит. А на второй день спуска человек вообще летит на крыльях. Вот и Света: «А зря мы в ЕВС не забрались. Чего ж ты меня не уговорил?» Да-а-а...

Вернулась игра в стихи, которые теперь стали совсем радостными:

Так за приятным разговором,
Не часто прерываясь спором,
Весь путь мечтая о биде,
Они дошли до Катманде...

Забыл сказать, что в ходе «торга» мы договорились до того, что попадём-таки на моря, причём очень скоро. Прямых авиарейсов из Непала в Москву нет, приходится делать пересадку в Объединённых Арабских Эмиратах. Вот мы и решили остаться в ОАЭ на три дня. Здесь всего двумя строками и завершился процесс создания поэмы, получившей название «Гималайская семейная».

ГЛАВА IV

Учитель математики

Каждый желает увидеть новые места, так? Так. С другой стороны, очень хочется посетить те места, которые знакомы и очень понравились, так? Ну да. А что лучше, первое или второе? Э-э-э, лучше то и другое, верно? Верно.

Но существуют совершенно иные, не обоснованные обычной логикой варианты. Иногда в жизни притягивает и затягивает непонятно что. В который раз за пятнадцать лет лечу в Непал, и каждый раз – неожиданно для самого себя. Поскольку новые места увидел, а полюбившиеся освежил в памяти. Ну, казалось бы, и хватит. После первой экспедиции меня часто спрашивали: когда в следующий раз? Я отвечал, что не знаю и что, может быть, никогда. Я действительно так думал после первой поездки. А потом после второй. И после третьей. Ощущения не менялись, равно как и те, что появлялись позже, – вот это самое непонятно что. Ну да, были предложения Володи поехать в Непал, и я откликнулся на них, да это всего пара случаев. Но когда и не случалось никаких предложений, и даже когда не находилось желающих стать моим попутчиком, внутренний голос непредсказуемо прорезался: давай полетим.

Когда я рассказывал про путешествие со Светланой, то храбрился и представлял это как свой «коварный» план. Но, сказать по правде, занялся я этим планом от безнадёги: внутренний голос нелогично звал, и существовало единственное препятствие: ехать было не с кем, а до путешествий в одиночку, автономных бдений и медитаций я, хоть убейте, не созрел. Вот и занялся вовлечением любимой женщины в свои непальские дела. Тогда, в «коварном плане», всё закончилось хорошо, и «тёплая любовь» происходила, и даже свадьба вскоре состоялась. Я был благодарен Свете за компанию, да и она благодарна мне, хотя даже и в мыслях не допускала повторную поездку. Однако непонятно что передалось и ей. И когда я вдруг заговорил, что собираюсь в страну в очередной раз, Света неожиданно сказала: «Так поехали вместе. Но с одним условием: и маршрут станем теперь планировать вместе».

Начали с отсеечения неприемлемых вариантов. Памятуя высотные страдания, молодая жена наотрез отказалась повторять вариант с ЕВС. Сколько я ни напоминал, что до базового лагеря Эвереста оставалось всего... Да-да, – соглашалась Светлана и тут же напоминала мне нашу «поэму», прибавляя к ней дополнительные строки – поэтическую обработку моей «агитации»:

– ...Давай пойдём смотреть Лхоццы,
И почитаем Конфуци,
А там ещё монастыри,
А там беседы до зари,
А там ещё и скальп Йети –
Туда всего семь дней пути!

Всё правда! И то, что восьмитысячник Лхоцзе виден с маршрута в ЕВС; и то, что брали с собой на трекинг труды не только Далай-ламы, но и Конфуция – до Китая-то рукой подать, а Тибет вообще рядом; что меньше, чем за семь дней до базового лагеря Эвереста не доберёшься; и даже про снежного человека – об этом будет особая история. Тем не менее маршрут Света отклонила, а выбрала почему-то ничем, на мой взгляд, не привлекательный Лангтанг.

Ну, не то чтобы ничем... Это я говорю как человек искушённый. Вершины, рисовые террасы, озёра, буддистско-индуистские артефакты, разумеется, присутствуют. Но этого на любом горном маршруте довольно. Что ещё? В путеводителях почему-то рекламируется сыроварня, построенная швейцарцами в пятидесятых годах прошлого века. Бог ты мой, о чём речь? Можно, конечно, заглянуть в три обычных сарая и попробовать вкусного сыра, но что в этом особенного? В магазинах Катманду сыра навалом, хоть горного, хоть подгорного. Да, неплохо залезть на пятитысячник Черко Ри и окинуть взглядом окрестности. Слов нет, вид шикарный. Но вряд ли всё это способно компенсировать многочасовой переезд на старых джипах по раздолбанным дорогам. На большей части пути вообще отсутствует асфальт, и вы некомфортно трясётесь по засыпанной гравием грунтовке.

Тем не менее я поддался на Лангтанг, и мы тряслись, и Света ела сыр, а пока она это делала, я забирался на Черко Ри. Впрочем, речь пойдёт не о трекинге, а совсем о другом. История, которую я хочу рассказать, началась как раз с автомобильной дороги. На её узком участке, где грунтовка переходит в асфальт, образовалась пробка, и наш джип остановился. Я уже говорил, что автодорога в горах зачастую «полуторарядная», то есть где-то существует один ряд с «карманами» для разездов, а где-то еле-еле два. То есть даже небольшая авария способна серьёзно парализовать движение. Когда мы внезапно остановились, то не знали, что за авария случилась и как много времени займёт её устранение, но не слишком грустили. Ну, растащат аварийные машины за час или два, а пока прогуляемся. Я совсем обрадовался, увидев домики с незатейливой торговлей. А чего надо-то? Взял фляжку кукри-рома, чипсы и лёг спать на заднее сиденье авто. Однако, проснувшись через два часа и обнаружив, что ситуация не разруливается, я начал волноваться. «Давай пойдём вдоль колонны и посмотрим, что там произошло», – предложил я Свете, и она согласилась.

Мы прошли не менее двух километров и только тогда увидели аварию. Она оказалась серьёзной: столкнулись автобус и большой индийский грузовик. Автобус лежал на боку, а с грузовиком было похуже – он висел над пропастью. Растащить их подсобными средствами и существующей на этом месте техникой не получалось, и все ждали специализированной помощи типа тягача и подъёмного крана. В результате столкновения с двух направлений собрались колонны авто, каждая длиной километра в два. Тут уже радость от кукри-рома и чипсов улетучилась, сменившись беспокойством. Если бы просто скучать на дороге в природном окружении – ладно, но у нас на следующий день планировался вылет из Катманду на родину, и мы нешуточно волновались. Надо было принимать решение, но какое? До столицы Непала оставалось около ста километров, и пешком мы их за сутки никак не преодолеем. В конце концов я предложил:

– Света, давай обойдём обе застрявшие колонны и выберемся на «чистое» пространство. Возможно, там появится какое-то «боковое» движение в сторону Катманду.

– Алекс, смотри, уже темнеет. Через час станет совсем темно. И куда мы денемся в горах, бросив автомобиль и оставшись с тяжёлыми рюкзаками?

– Селения вдоль дороги есть везде. Переночуем, если что. А там видно будет.

Мы обошли одну колонну, потом вторую. Потом шли ещё часа полтора; с рюкзаками, которые

мы, избалованные непальским сервисом, таскать отвыкли. И Света начала уставать, сопровождая физические ощущения унылым женским нытьём. Я бросился успокаивать и высматривать домики для возможного ночлега. И вдруг со стороны оставшейся позади пробки раздался нарастающий гул. Он приближался, и мы поняли, что путь расчистили и колонны пришли в движение. Радость сменилась недоумением, поскольку приближались к нам не машины, а мотоциклы. На любой дороге в Непале они составляют весомую часть трафика, и сейчас вырвались вперёд и гнали мимо нас сотни и сотни байков.

– Они собьют нас, – кричала Света. – Мы так нелепо погибнем!

Далее последовали понятные слова в мой адрес, которые нет смысла пересказывать: снова виноват, и нет оправданий! Но за эмоциями вырисовывалась реальная проблема: куда деваться? Ночь, вдоль автодороги нет не только тротуара, а даже тропинки – сразу начинается пропасть. Что ж, попробуем сесть на «попутку». Мы зажгли фонарики, стали «голосовать», и вскоре один из мотоциклов остановился. Надо сказать, что непальцы в плане «подсадки» пассажира отзывчивы и дружелюбны. Но... маленький байк мог взять только одного человека, а как поступить с рюкзаком, вообще непонятно. Впрочем, вникать в эту третьестепенную проблему мы и не стали: Света наотрез отказалась ехать в одиночку. Села на краешек дороги, уткнула лицо в ладони и заплакала.

Поток ревущих мотоциклов сменился лавой автомобилей. Мы сразу увидели, что искать наш джип в темноте, в стихийном потоке бессмысленно. Я попытался поймать теперь уже не мотоцикл, а какой-нибудь транспорт посolidнее, и вновь довольно скоро рядом с нами остановился микроавтобус – я же говорил, что непальцы отзывчивые. Но надежда оказалась преждевременной.

– Вас двое? – спросил водитель.

– Да.

– Пусть один залезает внутрь, а второй размещается на крыше!

Можно бы и так, если... «Если» выглядело следующим образом: дверь микроавтобуса не закрывалась, а наружу свешивались руки и ноги пассажиров. Пространство на крыше также заполнено под завязку – и с трудом осознавалось, как люди там держатся. Любопытно, но никто из пассажиров не возражал против нашего присоединения: напротив, они улыбались, подбадривали нас и предлагали помощь. Ситуация выглядела, мягко говоря, непривычной...

Отвлечёмся ненадолго и вспомним фильм «Бриллиантовая рука». Сыгранный Андреем Мироновым «помощник Шефа» Геша Козодоев оказывается, по ходу сюжета, на «необитаемом острове» и в отчаянии заламывает руки. Вдруг появляется «волшебный» мальчик, который, подобно Спасителю, идёт по воде «аки по сушу». Геша пристраивается за ним и благополучно достигает берега. Понятно, что эпизод из фильма делался нарочито смешным и анекдотичным.

Однако нам посчастливилось пережить аналогичную сцену в реальности, когда непривычная и некомфортная коллизия чудесным образом разрешилась. От бесформенной светящейся колонны отделился приличный, не похожий на большинство других своей новизной и аккуратностью автомобиль, подкатил к нам и остановился, чуть не сваливаясь в пропасть.

– Здравствуйте! Вам куда?

– В Катманду, – заикаясь и не веря своему счастью, произнесла Света.

– Пожалуйста, садитесь, располагайтесь.

– Деньги, предложи ему деньги, дай любые деньги! – бубнила мне на ухо Света.

– Да подожди ты! Пусть сами назовут цену, – отнекивался я.

В небольшой машине сидели водитель и семья из четырёх человек: мужа, жены и двух маленьких детей. То есть машина была заполнена, но по сравнению с вариантом «доброего микроавтобуса» она представлялась полупустой. Супруги взяли малогабаритных детей на колени, и мы блаженно расположились на заднем сиденье. Один рюкзак запихали в багажник, а второй привязали на крышу. Мужчину звали Кеш, он безукоризненно говорил на английском и выказывал нам искреннее расположение и желание помочь. О плате за проезд речи не заходило, и, когда я всё-таки вежливо спросил про это, Кеш категорически отказался. Более того: по дороге к Катманду он настоял на передышке, сводил нас в ресторанчик, накормил ужином и оплатил его. Помнится, мы с удовольствием съели овощной салат и спагетти с яйцом и курятиной, а выпили на этот раз местного джина.

Кеш рассказал, что живёт в провинции и долгое время преподаёт в школе математику. Несколько последних лет он занимался тем, что, на первый взгляд, могло показаться бизнесом – от-

правкой непальских детей для обучения за рубежом. Но бизнес, по словам Кеша, был весьма условным, поскольку учитель находил одарённых детей, а деньги брал главным образом не с их семьи, а с более-менее состоятельных доброжелателей. И выходило вроде бы как то на то, то есть без прибыли. Но сведущий человек поймёт, что так не бывает: самому учителю тоже что-то перепало – мы сделали такой вывод, исходя из того, что Кеш поделился планами переезда в Катманду. Ну и пусть, это нормально.

Учитель довёз нас до самой гостиницы, а мы пожелали этой чудесной семье наших спасителей всяческого благополучия. Я очень жалел, что у нас нет с собой какого-нибудь русского сувенира, чтобы хоть так отблагодарить доброго человека. Но визитная карточка имелась: я передал её Кешу и совершенно искренне пригласил его в Москву. А что? Вдруг учитель направит детей на учёбу в Россию, так пусть с ними и приезжает, а мы достойно примем и поможем чем можем. В общем, see you in Moscow! «Fine, hope it will be sooner or later», – отреагировал учитель. Вряд ли я верил в реальность будущей встречи и уж во всяком случае не догадывался, насколько скоро она состоится.

Казалось бы, всё это есть отдельная история со счастливым концом, однако я не стал бы предлагать этот сюжет читателю, завершись он и в самом деле на данном эпизоде или даже на встрече в Москве...

Итак, повторяюсь, в который раз за пятнадцать лет я летел в Непал. В этот раз мы со спутником – крепким парнем Богданом из Иркутска – решили уйти от традиционных маршрутов и забрались в труднодоступный и не слишком популярный у путешественников среднезападный регион страны, в местность Ролпа. Амбициозных задач перед собой не ставили, крутых приключений не искали, и ничто их, как говорится, не предвещало. Хотя – пора об этом сказать как-то пояснее – в Непале уже около десяти лет шла гражданская война. Звучит страшновато, но нам-то что? Да, на окраине городов, на блок-постах в стратегических транспортных перекрёстках появились шлагбаумы, а рядом с ними штабеля мешков с песком, дежурные вышки и прочие точки с вооружёнными солдатами. Проезжающих людей вытряхивали из автобусов и автомобилей и подвергали проверке. Но нас это не касалось: увидев в машине белых путешественников, патрульный небрежно взмахивал рукой – проезжайте. Не трогали даже сидящих рядом с нами непальцев, портера и сирдара, которые откровенно боялись проверок.

На каком-то этапе мы расстались с машиной, забрались по тропам в горы и бродили от селения к селению: ночлег и еду в Непале можно получить везде. Но поведение здешних аборигенов отличалось от известного нам раньше. На всемирно известных маршрутах к Эвересту или Аннапурне непальцы не обращали на треккеров и альпинистов никакого внимания, даже если вы проходили в двух шагах от, например, стригущего овцу мужчины. Здесь жители вели себя по-другому: завидев нас, оставляли своё занятие, изучали пришельцев, а потом смотрели им вслед. Некоторые странности отмечались не только в поведении людей, но и в так называемой «наглядной агитации». Вместо обычных государственных флагов Непала мы видели красные флаги: иногда с серпом и молотом, порой – с профилями Маркса – Энгельса – Ленина – Мао Цзэ-дуна, а зачастую и со скрещёнными автоматами Калашникова на фоне горной гряды. Любопытствуя, мы обратились с вопросом к сирдару Нарендре: что означает символика? С горами ясно, а вот автоматы? Он лаконично отвечал, что это маоисты, а подробных разъяснений избегал.

На одном из переходов по горному ущелью откуда ни возьмись появилась большая группа весёлых и преимущественно молодых людей. Всё бы ничего – непальцы миролюбивы – но эти ребята были почему-то одеты в одинаковую полевую форму с шевронами, где изображались как раз автоматы на фоне гор, и вооружены винтовками, автоматами и даже ручными пулемётами. «Маоисты», – снова произнёс Нарендра и замолчал. «Полевые» парни явно не намеревались проходить мимо, перегородили нам дорогу, а один из них отдал непонятные команды на местном наречии. Как оказалось, они касались нас:

– Просят снять и открыть ваши рюкзаки, – испуганно перевёл сирдар и застыл в ожидании: рюкзаки несли он и портер Рави.

Что за дела, грабёж? С воровством в стране, чаще мелким, мы сталкивались неоднократно, но вот чтобы по-крупному грабили на дороге – такого не встречали. Мы начали протестовать по-английски, и тогда один из группы подошёл к Рави и просто сдёрнул с него рюкзак. Мы поняли, что «дело пахнет керосином», и стояли в недоумении. Богдан попытался отобрать рюкзак, но был грубо отброшен

в сторону «полевым». Желая проверить рюкзак не просто оттолкнул моего спутника, но недвусмысленно похлопал рукой по автомату. Видимо, предстояло смириться.

Но из группы вышел человек постарше и, в свою очередь, отдал несколько резких приказаний. «Захватчик» вразвалочку отошёл в сторону, а отдавший команду – явно командир – наоборот, быстро приблизился ко мне и даже обнял. Я, наконец, узнал его: это был Кеш, учитель математики, наш вызволитель из «пробкового» плена два года назад. Пожелание о встрече сбылось, причём не later, а sooner...

Накануне в полицейский участок района пришёл старик и рассказал, что в его селение нагрянули незнакомцы и порезали скотину. От имени жителей просил приехать – в село вела приемлемая для автомобилей дорога – и разобраться. Начальник полиции Ашир знал, что в деревне симпатизируют маоистам, но в округе не было мест, где жители, а точнее большинство из них, относились бы к ним по-другому. В любом случае полиции полагалось следить за порядком, к тому же конфликт носил бытовой характер. Ашир отправил наряд из трёх человек – водителя Ахана, стрелков Кирана и Дхармы, считая, что этого будет довольно: в конце концов, едут они не воевать.

Все полицейские взяли с собой пистолеты и автоматы – в последние годы с оружием привыкли не расставаться никогда – и выдвинулись в деревню. Дорога была пустой, и до места назначения доехали спокойно. Но случился смешной казус: у въезда в деревню Кирана приспичило, и он попросил товарищей следовать дальше и найти дом, про который говорил старик, а Киран подтянется.

Как искать этот дом? Единственный способ – спросить. Но улица, а вернее обозримое пространство, – в непальских деревнях понятие «улицы» является весьма условным, – пустовала, люди будто попрятались; не видно было и старика-жалобщика. У одного из строений двери и в жилой дом, и в сарай для скота стояли распахнутыми; полицейские зашли внутрь. У входа лежал мёртвый мужчина, а скотину, наверное, вправду порезали и порубили на мясо или угнали, поскольку сарай пустовал. Вот те на, вот тебе и воры! Раздумывая о дальнейших действиях, Ахан и Дхарма вышли наружу и закурили.

Сделав по паре затяжек, полицейские увидели, что по направлению к ним с разных сторон движутся вооружённые люди в камуфляже и с хорошо известными полиции шеvronами: автоматы на фоне гор. Оружие наступающие держали наизготовку; Ахан и Дхарма поняли, что сила явно не на стороне полиции, и бросились убежать через задний двор. Тут же раздалась автоматная очередь, одна из которых достала Ахана. Он упал, а Дхарма успел спрятаться за стену дома и дал оттуда несколько коротких ответных очередей. Потом перебрался через забор и оказался в соседнем дворе, где на верёвках сушились одеяла. Дхарму за одеялами не было видно, но по ним стреляли, и на одеялах возникали «узоры» из пулевых отверстий. Полицейский не шевелился, а когда под одеялами появились две пары ног, выстрелил по ним. Обладатели ног упали, а Дхарма побежал дальше, продолжая стрелять. Вскоре он понял, что его окружили, и бросился к входу одного из строений, надеясь забаррикадироваться в доме. Дверь оказалась незапертой, Дхарма заскочил внутрь и тут же получил удар прикладом в лицо.

Когда преследователи увлеклись Дхармой, Ахан, которого не убили, а только ранили, с трудом поднялся и, не желая попадать в плен, побежал к машине. Ключ торчал в зажигании, вдруг удастся резко стартовать и подавить этих ублюдков. А если и застрелят, то это лучше, чем быть замученным. Однако маоисты ни на секунду не теряли его из виду: сразу же раздался хлопок, характерный шелест, и заряд гранатомёта разнёс автомобиль, превратив его в пылающий факел. Ахана повалило взрывной волной, пламя опалило ему брови и волосы на голове.

Подоспевший Киран, третий полицейский из наряда, наблюдал эти сцены из кустов и пока оставался невидимым для нападавших. Его автомат лежал в машине – кто ж прогнозировал, что такое случится. Киран больше всего не хотел, чтобы его посчитали трусом, но что делать? Возможно, стоит спрятаться и выждать, а потом бежать к своим? Но на это, при передвижении пешком, уйдёт не менее двух часов, и что он доложит начальнику полиции? Нет, покинуть поле внезапно завязавшего боя не получится. Киран достал пистолет, но не понимал, что можно и нужно сделать дальше; смотрел и выжидал.

Избитого Дхарму и раненого Ахана связали, поставили на колени и на время оставили в покое. Полицейские видели, как бандиты деловито собирают продукты из домашних магазинчиков – в проходной деревне таковым является почти каждый дом – и рисуют на стенах мелом серпы и молоты.

Жители не протестовали, а скорее наоборот: некоторые из них выносили продукты сами. Тут окончательно стало понятно, что это маоисты.

Рядом с полицейскими положили убитого участника отряда, поодаль посадили двоих подстреленных Дхармой. Подошёл командир и, обращаясь к ним, сказал:

– Что, не могли взять полицейских без стрельбы?

– Они появились неожиданно, Кеш, – ответил один из раненых.

– А чего ж вы идёте во весь рост? Почувствовали себя бессмертными героями? Вот и поплатились...

Да, командиром был Кеш, прежде учитель математики, а теперь главный в отряде маоистов. Он продолжал спрашивать подчинённых:

– Вы наказали тех, кто настучал на нас в полицейский участок?

– Да, командир, наказали всех.

– Их дома сожгите.

– Полицейских тоже сжечь?

– Зачем? Они приехали искать забитых яков. А поскольку не нашли, мы зарежем их самих.

Кеш кивнул помощнику, тот достал кукри-нож и одним взмахом перерезал горло Дхарме. Ахана затрясло. Теперь не от страха, а от ненависти: он хорошо сознавал, что уже не жилец, и очень хотел бы, как и Дхарма, прихватить с собой на тот свет пару маоистов. Он вдруг заметил, как за кустом целится из пистолета Киран. Чтобы хоть на мгновение отвлечь врагов, Ахан дёрнулся всем телом, вскочил на ноги и боднул Кеша головой. Тот мгновенно выхватил пистолет и выстрелил полицейскому в грудь, но в тот же момент раздались выстрелы Кирана из кустов. В Кеша он не попал, но уложил палача с ножом и одного из стоявших вокруг маоистов. Большого сделать не успел – его тело сразу изрешетили выстрелы...

И вот с Кешем-то мы и встретились на тропе, ничего не зная ни про убийство полицейских в деревне, ни о его теперешней деятельности вообще. Поведение «полевых» на дороге, конечно, нас напугало и насторожило, но Кеш старался максимально погасить эти неприятные ощущения. Он весело вспомнил поездку двухлетней давности, спросил про Светлану, имя которой, оказывается, запомнил, и привёл нас к дому, хозяева которого предоставили ночлег. Мы прикинули, что это не было обычным гостеприимством: обитатели постройки смотрели на нас неприветливо, а приют дали, как мы догадались, под нажимом Кеша. Они не требовали денег, а молча приносили еду и постели, и никакой склонности к общению не проявляли. Нам же очень хотелось разузнать о том, что же здесь происходит.

Кое-что прояснил сам Кеш. Откровенно признался, что всегда недолюбливал королевскую власть, однако в политической жизни до поры до времени не участвовал и работал учителем математики в Ливанге. Этот окружённый горами город с двадцатью тысячами жителей и в то время, и сейчас оставался, подобно Катманду, хорошо защищённой военной крепостью. Маоисты оставили Ливанг в покое: им и так предоставляли убежище в любой деревне округа. Таким образом, Кеш наблюдал за борьбой государственных структур и оппозиции со стороны. При этом и он, и его близкие в родной деревне симпатизировали маоистам...

Здесь придётся немного прерваться, чтобы рассказать про особенности местной – и не только – политической терминологии. Во-первых, «маоистами» представители оппозиции себя не называли. А тем более «бандитами» и «разбойниками». Эти слова значились в лексиконе полиции и чиновников. Сами же носители адресованных им странных и страшных названий определяли себя как «коммунисты», «повстанцы» и «борцы с режимом».

Вам, читатель, это ничего не напоминает? А-а-а, вы где-то сталкивались с подобной лингвистической схваткой? Уж не в России ли, скажем, во времена чеченской войны? Но подобное вы могли видеть и слышать не только там, а, в принципе, в любой стране мира, где происходит внутреннее противостояние. То есть вопрос о том, как кого называть, лежит в плоскости вашего собственного отношения к происходящему. Потому что «повстанцы» и «бандиты», а в случае с Непалом «коммунисты» и «маоисты» – это одни и те же люди. Какой же вариант следовало выбрать в неизбежном публичном общении нам, путешествующим вне политики? Поразмышляли и взяли средний, никого не обижающий и не ведущий к конфликтам вариант: «маоисты», поскольку это тоже коммунисты, но сторонники фракционной идеологии; и «повстанцы», которые в подтексте могут быть как «бандитами», так и «борцами за права»...

Вернёмся к встрече с Кешем. Он выпил с нами масала-чаю и поделился историей своего преобразования из учителя в боевика. Маоисты из деревни Кеша произвели налёт на полицейский участок с целью захвата оружия и, в ходе столкновения, убили нескольких полицейских. Те вызвали подкрепление и в большом количестве приехали в деревню, чтобы наказать виновных. Родственница Кеша не имела никакого отношения к гибели полицейских, и поэтому вела себя дерзко и отказывалась отвечать на вопросы, а тем более называть боевиков. Недовольные таким поведением полицейские избили женщину, а потом изнасиловали. Узнав об этом, прибежал отец девушки, застрелил одного из обидчиков и был убит сам.

Возмущённый Кеш нагрянул в полицейский участок с требованием наказать виновных. Его не стали слушать и выставили за дверь. Но Кеш и дальше продолжал действовать по закону, написав жалобы во властные инстанции. Никаких разбирательств не последовало, и более того – самого Кеша обвинили в убийстве и два месяца продержали в тюрьме. Учитель вышел оттуда с твёрдым намерением мстить и собрал вокруг себя группу недовольных. На следующий день они напали на казарму обидчиков и уничтожили двенадцать человек.

Оставаться в селении, не говоря уже о продолжении преподавательской работы, было невозможно, и «засветившаяся» группа жителей, включая Кеша, создала свой лагерь в горах и сначала действовала партизанскими методами. Постепенно она пополнилась новыми бойцами, стала координировать свои действия с другими группами, и все они вместе взятые превратились фактически в профессиональную армию. Так же, как и в других внутренних жёстких противостояниях власти и оппозиции, часть революционеров имела свои постоянные базы, военную форму, вооружение, а другая часть после боевых операций «превращалась» в мирное население.

Во время беседы с Кешем мы старались поддерживать диалог на спокойном и дружелюбном уровне, не «нарываться», но любопытство брало верх:

– Вы теперь командир повстанцев?

– Да.

– И сколько у вас бойцов?

– Достаточно.

– Это те десять – пятнадцать человек, которых мы встретили?

– У меня под началом шестьсот повстанцев, – улыбнулся Кеш. – И таких отрядов у нас немало.

– Им, наверное, трудно прятаться?

– Мы уже давно не прячемся. После того как мировые империалисты свергли короля Бира, мы начали формировать регулярную армию...

Мне сразу вспомнился расстрел в королевском дворце 2001 года и полученное тогда сотрясение мозга. Ах, вот кто виноват в смерти членов королевской семьи – империалисты... При чём здесь империализм? – подумал я про себя, а вслух спросил:

– Там вроде принц Дип расстрелял семью?..

– Вы ещё расскажите про неисправный автомат, как об этом писали газеты. Или про то, что принц застрелился, – зло рассмеялся учитель. – Всё это сделали совсем другие люди. Они подставили принца, а потом убрали его. Вы спрашиваете, при чём здесь империалисты? Это ясно как белый день. Король Бир проявлял лояльность и вёл активные переговоры с коммунистами, тогда мы могли мирно договориться с властями по многим политическим вопросам. А вот король Гьян, который, кстати, намеренно отсутствовал во время стрельбы, поскольку знал, чем всё закончится, и есть слуга империалистов. Договориться с ним и его командой невозможно, мы добьёмся свержения короля и суда над ним, да и вообще ликвидируем монархию и сделаем Непал народной и демократической республикой.

– Вы уверены, что у повстанцев хватит сил, чтобы побороть правительственные войска?

– А вы посмотрите вокруг. Где вы видите эти войска? Они испуганы, забаррикадировались в больших городах или сидят в безопасных базах, огородившись колючей проволокой, а реальная власть в округах и районах принадлежит нам.

– Кто вам помогает?

– Нам помогают граждане всей страны, мы – народная армия, именно в этом залог нашей победы.

– Но форма, оружие... Наверное, это поставляется из-за рубежа?

- Мы не скрываем, что наши сторонники, коммунисты, есть и в Индии, и в Китае...
- Подождите, так в Китае у власти коммунистическая партия?
- Она давно превратилась в тоталитарную партию, изменила принципам великого Мао и по существу является империалистической. Настоящих коммунистов в Китае преследуют.
- Что же в Китае империалистического?
- А вы разве не знаете, что они насильно присоединили Гонконг? И разве не видели у нас, в Непале, тибетцев, бегущих от репрессий? Сам Далай-лама, глубоко мирный человек, подвергся преследованиям, вынужденно попросил убежища в Индии и сейчас живёт там.
- Насколько я понимаю, вы поддерживаете лозунг «Free Tibet», который у вас даже вышивают на майках?
- Конечно, поддерживаю. Тибетские коммунисты и вообще тибетцы ведут благородную борьбу за независимость, и мы помогаем друг другу...

Заканчивая разговор, мы поинтересовались, намерен ли Кеш в случае удачного захвата власти вернуться к учительству и... «благотворительной» деятельности. Сочетается ли бизнес со справедливым коммунистическим правлением? Кеш не ответил прямо, но выразил недовольство тем, что король и кучка окружающих его богачей не дают зарабатывать бедным людям, а всё забирают себе. Ну, понятно, где-то мы это уже слышали и даже изучали.

Не раздувая дальше политэкономический пожар, перешли к приземлённой теме: как нам отсюда выбираться, чтобы не прицепились очередные «мстители»? Кеш ответил, что путешественников повстанцы не трогают, тем не менее он выдаст нам охранную грамоту альтернативного правительства Непала. И будет признателен, если мы внесём в фонд поддержки этого правительства одну тысячу рупий. Кеш подчеркнул, что с его стороны это не требование, а лишь предложение. А также большое одолжение: повстанцы обычно берут с путешественников «налог» величиной два доллара в день, но нам делается поблажка.

Прикинув на калькуляторе, что эквивалент названной суммы составляет около пятнадцати долларов, мы сочли предложение-одолжение приемлемым и без колебаний согласились. Кеш добавил, что его бумага – не только охранный документ, но и своеобразный вексель: когда маоисты придут к власти, то будут эти деньги возвращать при предъявлении документа. Подобный опыт из истории своей Страны Советов мы тоже вспомнили.

Касательно маршрута, Кеш посоветовал двигаться в направлении Ролпы, где есть аэропорт, контролируемый властями. Повстанцы могут взять его в любой момент, но зачем? Они не планируют куда-то лететь и не хотели бы пугать путешественников...

Продолжение в следующем номере

Проза

Геннадий Гусаченко

Геннадий Григорьевич Гусаченко – окончил факультет журналистики и восточное отделение японского языка ДВГУ. Работал корреспондентом в редакциях газет Приморского края и Новосибирской области. Член Союза журналистов СССР и России. Публиковался в журналах: «Слово/Word» (Нью-Йорк, США), «Охотник», «Парус», «Причал», «Невечерний свет», «Золотое руно», «Человек и закон», «Горница», «Охота и охотничье хозяйство», «Муравейник», «Костёр», «Юный натуралист»; в альманахах: «Охотничьи просторы», «Сибирский Парнас», «Новый Енисейский литератор», «Енисейка»; в сборниках сказок «Книжным детям» и в других изданиях. Книги: трилогия «Под крылом ангела-хранителя» (романы: «Жизнь – река», «Рыцари морских глубин», «Покаяние»); романы: «Долгая дорога в Рай», «Слуги сатаны», «Золото империи»; сборники повестей и рассказов: «Тигровый перевал», «Венок Соломона», «Вещий сон», «Судьбы людские», «О море, о морях»; книга тайжных сказок «Почему медведь в тайге хозяин».

Китобойная одиссея

Вот почему мы объявляем кита как вид бессмертным, сколь уязвим бы он ни был как отдельная особь. Он плавал по морям задолго до того, как материки прорезались над водою; он плавал когда-то там, где теперь находятся Тюильри, Виндзорский замок и Кремль. Во время потопа он презрел Ноев ковчег, и если когда-либо мир, словно Нидерланды, снова зальёт вода, чтобы переморить в нём всех крыс, вечный кит всё равно уцелеет и, взгромоздившись на самый высокий гребень экваториальной волны, выбросит свой пенящийся вызов прямо к небесам.

Герман Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит

В команде «Робкого»

Ноябрьским мглистым утром 1966 года, сырым и ветреным, я слонялся во Владивостоке по причалам бухты Диомид, пытаюсь устроиться матросом на промысловое судно. Уйти в рыбацкую пугину, чтобы вновь полной грудью вдохнуть воздух моря, оказалось делом не простым. Уверяю вас: поступить в университет при диком конкурсе легче, чем подняться на палубу сейнера в качестве полноправного члена его команды. Но не все бьются в отделах кадров за рабочее место на судне, подобно мне, ради романтических побуждений. Деньги, хорошие путинные деньги, полученные за год-полтора тяжелейшего труда вдали от родных берегов, проживание бездомного моряка в каюте, бесплатное питание на судне – вот главная причина длинных очередей в отделах кадров управлений активного морского рыболовства.

Припорошённые первым снежком, поскрипывают канатами низкобортные зверобойные шхуны. С завистью смотрел я, как готовятся к выходу на промысел их экипажи. Загружают продовольствие, снаряжение, оружие и боеприпасы. Скоро выйдут охотники на льды Охотского моря с карабинами и острыми ножами. Загремят выстрелы, обогрится чистый снег кровью морских котиков, и трюмы шхун наполнятся засолёнными дорогими шкурами этих зверей, обладающих, на своё несчастье, очень красивым мехом. Всё, как в любимом романе Джека Лондона «Морской волк». С одной лишь

разницей: шхуны не парусные и капитаны на них не «волки». Я обошёл их все, получая везде один ответ: «Матросы? Не требуются...» Подняв воротник, я уныло брёл по загромождённым ящиками пирсу, раздумывая, куда податься. Может, опять к «торгашам», в пароходство? Хотелось есть, а в кармане ни гроша. Из комнатухи общежития выперли после увольнения из Дальневосточного научного центра, где я, младший научный сотрудник, недавний выпускник восточного отделения японского языка, корпел над переводами научных статей в японских газетах и журналах, и теперь появилась проблема ночлега. С последней надеждой стать зверобоем я остановился возле шхуны «Лахтак», окликнул проходившего мимо моряка в меховой куртке, в сапогах с высокими голенищами, в мятой фуражке-«мице» и с поблекшим «крабом» на ней. Из-под клетчатого шарфа виднелся вязаный светло-коричневый свитер. Несмотря на отсутствие лоска, присущего комсоставу «торгашей», я интуитивно почувствовал в нём капитана: строгий, взыскивающий взгляд внимательных, пытливых глаз уверенного в себе, сильного, волевого человека.

– Товарищ...

– Капитан «Лахтака» Тихомиров. Слушаю вас...

Он пристально посмотрел на моё элегантное пальто, на модную шляпу и галстук, на блестящие туфли, прикидывая изысканный вид незнакомца к его образованию, должности, морскому опыту. Не найдя в моём облике ничего такого, что соответствовало понятию «просоленный мариман», капитан зверобойной шхуны взялся за леер трапа с намерением уйти. Задержал ногу на ступеньке и опередил мой вопрос о вакансии.

– Мне нужен опытный моторист... Вы кто по специальности?

Про свой диплом об окончании университета я предпочёл промолчать. Кому на этой шхуне, заселенной котиковыми шкурами, нужен переводчик-референт японского языка?! Но в кармане лежало свидетельство электромеханика, выданное в учебном отряде подводного плавания. Решил рискнуть. Им и представился. Ещё добавил, что приходилось стоять на руле теплохода.

– Электромеханик? И в море не первый год? – с ноткой уважения в голосе переспросил капитан. – У нас все судовые роли, кроме одного моториста, уже утверждены. Не сегодня-завтра уходим бить зверя. Отыщи в рыбпорту китобоец «Робкий». Стармехом на нём Чупров – мой друг по сахалинской мореходке. Они недавно с путины вернулись, в ремонте стоят. Люди в отпуск уходят, замены им нужны. Пойдёшь к Чупрову, скажешь: «С корсаковским приветом от Тихомирова!»

Капитан подал руку на прощание, как бы признавая этим рукопожатием во мне моряка, и, тотчас забыв о моём существовании, ругнулся на вахтенного матроса, слабо натянувшего капроновый леер. А я потащился в рыбпорт разыскивать неведомый мне китобоец «Робкий». Полуденное солнце, выглядывая из-за серых облаков, высвечивало задымлённые трубы больших морозильных и малых рыболовных траулеров «Востокрыбхолодфлота». Лес мачт китобойной флотилии высился вдоль длинного причала рыбокомбината. Пахло солью, пропахшими рыбой сетями и деревянными бочками, смолёными канатами. Под бетонными сваями плескалась замазученная вода Золотого Рога. На её поверхности цветами радуги переливались масляные и соляровые пятна. Катер с пассажирами провыл сиреной, отправляясь с мыса Чуркина на другую сторону бухты. Я шёл вдоль ряда китобойцев, стоящих кормами к причалу, тесно прижавшись бортами и задорно задрав острые форштевни. На баках охотников за китами гордо красовались гарпунные пушки. С неровно бьющимся от волнения сердцем читал надписи на фальшбортах: «Гневный», «Зоркий», «Звёздный», «Властный», «Разящий», «Резвый», «Резкий», «Быстрый», «Зовущий»... Но вот и «Робкий». Оправдывая название, скромно стоит последним. Вахтенный матрос на юте, запахнувшись в тулуп, пьяный вдрызг, сидя спит на бронзовой лопасти запасного гребного винта. Я прошёл по коридору между каютами комсостава и остановился перед дверью с потускневшей латунной табличкой «Старший механик». За переборкой раздавались звуки музыки, слышались шумные возгласы подвыпивших мужчин, звон стаканов и смех. Неожиданно дверь распахнулась. Передо мной, покачиваясь, стоял молодой моряк в форменной тужурке с двумя шеvronами на рукавах: третий штурман или третий механик.

– Мужики!!! К нам г-гости! Выпить принёс?! – обратился он ко мне. – Нет?! А ты п-почему б-без пузыря... на «Робкий» явился?

Дальше шла ненормативная морская лексика в адрес некоего Юры Балдина, купившего мало водки.

– Мало – ноги в горсть и бегом в магазин за добойником! – беззлобно огрызнулся крайний за столом моряк в тёмно-синей куртке с погончиками второго электромеханика.

Этим термином, как я позже узнал, у китобоев называется гарпун с обрезанными лапами, предназначенный для добывания раненого кита, взятого на лить. В перебранке китобоев под «добойником» подразумевалась дополнительно купленная водка. Нестройный хор захмелевших моряков встряхнул переборки каюты. Помогая своим осипшим голосам стуком кулаков по крышке стола, они дружно орали марш китобоев:

Ударил, ударил выстрел меткий,
И вспенилась, и вспенилась вода,
Недаром, недаром наши предки
Открыли, открыли путь сюда.

– Скажите, кто старший механик Чупров? – выбрав момент, когда певцы выдохлись и потянулись за папиросами, спросил я.

– Ну, я стармех Чупров... – глянул на меня сидящий во главе стола моряк в тельнике. Наколка «якорь» на правой руке, корявое, словно изъеденное солью, лицо. В прокуренных зубах трубка с длинным чубуком – настоящий морской волк!

– Чего хотел, приятель?

– Я к вам с корсаковским приветом от Тихомирова! – выпалил я, рассчитывая произвести впечатление.

Чупров спокойно вытряхнул пепел в пепельницу-раковину, набил трубку табаком, прикурил и, пыхнув дымком, глянул на меня.

– Ну, я старший механик... – повторил Чупров. – И что?

– Тихомиров сказал... Электрик вам нужен.

Мои слова ни коим образом не повлияли на Чупрова. Не обращая на меня внимания, он обратился к сидящему напротив располневшему круглолицему моряку:

– Лёха Тихомиров... Земляк из Корсакова. Капитанит на зверобое... Затащил недавно в «Золотой Рог». Нормально посидели. Приличных чувих закадрили... Лёха звал к себе стармехом... Навар у них – не то что у нас... За котиковый мех, если по уму толкнуть, уйму баксов иметь можно. Ну, ты знаешь, не по мне это дело – драть шкуры... Так ты электриком? – вдруг обернулся ко мне Чупров. – Документ имеется? Покажь!

Я с готовностью подал свидетельство в замусоленной дерматиновой обложке, влажное от ладони, давно сжимавшей его в кармане пальто. Чупров приблизил книжицу к свету настольной лампы, внимательно прочитал запись.

– Электрики по твоей части, Виктор Алексеевич, – сказал Чупров, протягивая свидетельство всё тому же плотному мужчине с кругло-красным, разгорячённым выпивкой лицом, с которого не сходила блаженная улыбка. Тот посмотрел, поглядывая на меня и на запись в свидетельстве, как бы сверяя одно с другим, положил в ящик стола, что было хорошим знаком.

– Подводником был... – с теплотой в серых глазах кивнул в мою сторону Чупров.

– Ладно, принимаем в машинную команду «Робкого». Временно! До весны... На период ремонта. А там посмотрим...

– Я в путину хочу, – вырвалось у меня.

– Ни одной вахты на «Робком» не отстоял, а уже в путину собрался, – добродушно, всё с той же неизменной улыбкой сказал круглолицый моряк. – Ремонт, это как проверка на вшивость. Понял? Не посмотрю, что тебя Лёха Тихомиров прислал. Будешь баклуши бить – спишу на берег. Завтра оформим твои документы в отделе кадров. А сейчас дуй в ресторан «Утёс», отработывай испытательный срок по полной программе!

Он бросил на стол четвертную. Остальные участники пирушки не замедлили добавить смятых десяток. Не считая, я сгрёб кучу денег в шляпу, надел на голову и вышел из каюты. Перешагнув через храпящего на корме вахтенного, бегом сбежал по трапу китобойца. Я летел как на крыльях, подгоняемый радостными мыслями: «Меня приняли! И даже не матросом, а электриком! Я в команде «Робкого»! Пока временно... Ну и пусть... Я постараюсь и весной уйду в море на китобойце... Ура капитану Тихомирову! Да здравствует морская дружба!» Из ресторана я возвратился на

такси. «Волга» подкатила к трапу «Робкого». Молодой водитель, помогая поднять из багажника ящик с бутылками «Столичной» и двумя каральками копчёной колбасы, завистливо присвистнул:

– Ничего себе гуляют китобои!

Вахтенный матрос, привалясь спиной к шпилье и раскинув руки, сидел на палубе. Осоловелым взглядом уставился на ящик с водкой, попытался встать, но запутался в полах тулупа и, завалившись набок, вырубился напрочь. Я внёс ящик в каюту старшего механика под одобрительные возгласы. Зазвенели выставяемые на стол бутылки.

– Молодец, гонец! – одобрительно сказал мужчина с красным лицом. Как вскоре я узнал, это был первый электромеханик Чугунов. – Сегодня в ночь на пожарную вахту заступишь.

– Есть заступить на вахту! Разрешите идти? – с радостной поспешностью привычно вскинул я руку к головному убору, да так бойко, что все засмеялись.

– Стоп, машина! Полный назад! Крепко вас надрючили на военке! У нас не козыряют, – осклабился в улыбке Чугунов. – У нас, ежели что не так, просто гонят взашей с судна... Воспитанием нам тут некогда заниматься. Море не мать, а злая мачеха, с ним шутки плохи. Ошибок не прощает. Так что, давай, парень, без козыряний, но с полной отдачей... Мы всей командой будем надеяться на тебя, а ты будешь надеяться на всех нас... Как у мушкетёров... Один за всех! Все за одного! Наливай, Валера!

«Столичная» забулькала в стаканы. Чугунов придвинул один мне:

– Накати за первую вахту на «Робком»!

Полный стакан колыхался в руке. Не доставало мужества поднести его ко рту. Видя мою нерешительность, Чугунов для поддержки отломил кусок колбасы, подал мне.

– За ваш успешный приход с путины, – оттягивая момент питья, начал было я, но Чугунов поднял руку:

– Стоп, машина! Травить якоря будем после, а сейчас давай, полный вперёд!

Я выпил и жадно набросился на еду. Китобои шумно обсуждали перипетии недавнего промысла, стараясь перекричать катушечный магнитофон, гремевший песней:

И всё-таки море останется морем,
И нам никогда не прожить без морей...

– Это здорово, что ты на флоте служил, – обернулся ко мне Чупров. – Мы все здесь бывшие военморы с ТОФа.

– А кто служил на флоте, тому в цирке не смешно! – разразился хохотом второй электромеханик Юрий Балдин. – Вот у нас на эсминце был случай... «Рогатые» – артиллеристы – воровали у своего «быка» – командира БЧ-2 – спирт из канистры. Он с деревянной киянкой затаился в каюте, караулит за рундуком. Медик увидел, говорит старпому: «У «быка» крыша поехала. По кубрику с киянкой бегал, а сейчас в каюте спрятался!» Старпом пошёл посмотреть, тихонько дверь открыл и заглянул осторожно в каюту, а «бык» ему по башке киянкой – тресь!

Все хохочут, каждый тотчас вспоминает комический случай из флотской службы.

Незаметно я покинул шумную компанию. Не терпелось спуститься в машинное отделение китобойного судна. С завидной сноровкой скользнув локтями по поручням, спустился в гребной отсек, где предстояло нести вахту. Здесь находился огромный электродвигатель, соединённый валом с гребным винтом. Китобоец – дизель-электроход. Четыре дизеля вращают генераторы. Те вырабатывают ток, питающий гребной электромотор напряжением в тысячу вольт. Дюралевые палубные поёлы в гребном отделении закисло и потускнели. Пылью покрылись кожуха электрощитов. Не до наведения марафетов было экипажу «Робкого» в штормовом море, в напряжённой путине. Поразмыслив, я решил скоротать ночную вахту приборкой. Переодевшись в рабочее платье, старательно, как на подводной лодке, металлической щёткой начистил поёлы, промыл соляром. Серебром заблестели дюралевые листы. Стал вытирать их насухо и вдруг заметил в проёме входного люка удивлённые физиономии пьяных китобоев. То один моряк, то другой заглядывал вниз, показывал на меня, головой качал. Пальцами на меня тычут, переглядываются, плечами недоумённо пожимают. Может, не нравится им, как работаю? Я с удвоенной энергией принялся надраивать палубу, но по ступеням трапа, переваливаясь, как в качку, с боку на бок, тяжело сошёл вниз Чугунов. По его упитанно-

розовому лицу трудно заключить, сколько водки он выпил. Чёрные с проседью вьющиеся волосы причёсаны на аккуратный пробор, глаза светятся благодушием, рот растянулся в довольной улыбке. Шатаясь, подошёл, положил на моё плечо широкую ладонь.

– У нас не военный флот... Брось ерундой заниматься... Всё равно скоро в док станем... Работяги с судоремонтного завода грязи нанесут, натопчут здесь... Вот выйдем в море, чисти потом сколь хочешь.

Чугунов, пыхтя, поднялся по трапу. Я накинул пальто и вышел на корму. Вахтенный матрос безмятежно посапывал, уложив голову на канатную бухту. Огни ночного Владивостока цветной мозаикой переливались на тёмной глади Золотого Рога. Палуба «Робкого» слегка дрожала от стояночного дизеля, монотонно гудевшего в глубине машинного отделения.

Прохладный влажный ветерок доносил солоновато-йодистый запах моря, приятно освежал отяжелевшую голову.

Утром, ожидая распоряжений на ремонтные работы, я сидел в гребном отделении. Чугунов, не спускаясь вниз, крикнул мне:

– Ступай в каюту, переоденься в чистое и жди моих цэу.

«Цэу» – ценные указания – поступили ближе к полудню. Явился Чугунов, сунул деньги, коротко объяснил задачу:

– Пришёл с проверкой ремонта флагманский механик... Пьёт «Перцовую» и закусывает «Любительской» колбасой. Давай, по-шустрому...

На следующий день, облачившись в робу, я снова прохаживался по гребному отделению, от нечего делать надраивал медяшку на штурвале контроллера. От этого душевного занятия меня отвлек голос третьего электромеханика.

– Сюда иди! Быстро! Держи деньги и бегом в магазин! Пришёл флагманский штурман с проверкой ремонта навигационного оборудования. Любит «Экстру» и колбасу «Докторскую». Особа эта с начальником управления накоротке...

На другой день проверять ремонт электроустройства пушки соизволил гарпунёр-наставник по прозвищу Ваня Рыжий – Герой Социалистического Труда, живая легенда китобойного промысла. Представитель элитной когорты китобоев пил только коньяк «Белый аист» и заедал трюфелями. Каждый день кто-нибудь из флагманских специалистов «проверял» состояние материальной части и ход ремонта на китобойце «Робкий». Поутру я уже не утруждал себя одеванием спецодежды. После плотного завтрака в кают-компании ожидал «цэу» в каюте, принарядившись в костюм, пальто и шляпу. Грохоча башмаками по ступеням трапа, в каюту приходил кто-нибудь из комсостава машинной команды, давал деньги, а я деловито осведомлялся:

– Кто из флагманских спецов удостоил своей честью посетить «Робкий»?

– Флагманский электромеханик... Он с самим начальником управления по корешам, – следовал, к примеру, ответ. И я знал, чем угодить важному посетителю: арабский ром «Абу симбэл» и растворимый кофе во вкусе этого «проверяющего».

Ближе к весне «Робкого» поставили в док судоремонтного «Дальзавода». Загремели кувалды и гаечные ключи заводских рабочих. Засверкали искры электросварки. Завизжали турбинки чистильщиков. Засвистели распылители маляров. Застучали пневмомолотки клёпальщиков. Зашипели резаки газорезчиков. Завыли моторы портального крана, поднимая вверх снятые агрегаты и взамен опуская новые. Ремонт на «Робком» пошёл полным ходом. Путинные деньги к этому времени китобойи поистратили. «Проверки» стали реже. Теперь каждое утро в каюте первого электромеханика собиралась электрогруппа на планёрку. Озабоченно советовались.

– Надо бы изоляцию замерить на электромоторах и генераторах, – предлагал второй электромеханик Юрий Балдин.

– Да и хорошо бы у них смазку подшипников заменить, – поддакивал третий электромеханик Валерий Рыч. – Аккумуляторы на зарядку поставить...

– Шпили проверить и рулевые сектора, – подсказывал первый электромеханик Виктор Алексеевич Чугунов. С неизменной улыбкой смотрел на меня:

– Справишься? Один ты из электриков остался. Хохлов и Обухов в отпусках.

– Успею... – бодро отвечал я, радуясь тому, что на меня одного возложена работа. Больше шансов уйти в путину. Да и надоело бездельничать, носиться по магазинам в поисках деликатесов

для особ, приближённых к начальнику управления китобойных флотилий. Наконец-то настоящее дело! С мегометром и «контролкой», с набором отвёрток, пассатижей, гаечных ключей, съёмников, с лампой-переноской, с мотками изолянта и проводов носился я целыми днями по судну, не обременённый семьёй, а потому допоздна засиживался в машине за работой, всё больше прикипая душой и сердцем к «Робкому». Нет моряка, который не любил бы своё судно, свой корабль. И даже в минуты опасности, на краю гибели он будет думать о нём, как о родном, живом существе. В тоске по берегу, проклиная судьбу, штормовую качку, холод и голод, умирая от жажды в шлюпке, моряки не станут винить в своих несчастьях судно или корабль. Любому члену экипажа всегда дорога его посудина, ставшая плавучим домом. Пусть неказистая, неброская, маломерная и тихоходная – моряк будет спасать её до последней возможности. И не только потому, что от живучести плавсредства зависит и его жизнь. Он спасает родственную душу. У каждого судна, корабля есть имя. И рождаются они, и умирают, как люди. Одни со звоном разбитого о борт шампанского, другие незаметно и скрытно выходят из доков. И каждому судьбой уготована счастливая жизнь или гибель в катастрофе, в кораблекрушении. Одни тихо и мирно ржавеют, доживая свой век, на корабельных кладбищах, разбираются на металлолом на судоремонтных заводах. Другие гибнут в героической битве, в яростной схватке с огнём, с ураганом. Но какой бы ни была посудина – маленький сейнер или огромный плавзавод, тральщик или крейсер, – моряк смело держится на нём, уверенно скользит по гребням неистовых водяных валов. Рядом у заводских причалов стояли и другие китобойцы, но мой казался лучше, красивее всех. Пушка у нас выкрашена синей краской, а у других – чёрной. Ватерлиния на «Робком» белая, чёткая, а у «Звёздного» – куда только боцман смотрит – расплывчатая, кривая. На трубе у «Робкого» красная полоса. Ярко-жёлтые на ней звезда, серп и молот – символы государственного флага СССР. Не то что на «Гневном»: грязно-малиновая, облезлая. Якоря «Робкого» блестят свежим кузбасслаком, а у соседей суриком по ржавчине заляпаны. И всё у нас лучше ещё и потому, что в прошлую путину «Робкий» добыл рекордное на флотилии количество китов – 516 голов! На флотилии «Слава», в составе которой охотился «Робкий», десять китобойцев. Совсем не робкого десятка он оказался. Такой вот каламбур!

– За успехи в социалистическом соревновании наш славный экипаж был награждён переходящим Красным знаменем флотилии «Слава», – с гордостью поведал мне моторист Гайчук, когда мы вместе с ним красили белилами переборки в нашей четырёхместной каюте, подготавливая своё жильё к долгому плаванию.

– Где же знамя, Юра? Что-то не видел его...

– А и не увидишь...

– Сам же сказал, что наградили...

– Наградить-то наградили... Но не вручили...

– Как так?

– А так... Домой уже возвращались с путины... Вызвали нашего капитана Обжирова, партгруппорга Емельянова и профорга Балдина на плавбазу. Подошли мы к «Славе». Штормило сильно. В плетёной корзине наших представителей краном подняли на палубу плавбазы. Там в торжественной обстановке, под аплодисменты вручили им знамя. Незадолго перед этим сухогруз швартовался. Почту привёз. Посылки для «Робкого» они получили. А в посылках тех, само собой, водка. В грелках резиновых. А шторм такой разыгрался, что «Робкий» не смог подойти к плавбазе. Наши знаменщики не стали дожидаться хорошей погоды, когда можно будет вернуться на судно, решили обмыть знамя на «Славе». Укушались в ноль. Грозилась набить морду помполиту, кого-то с трапа спустили, поколотили посуду в кают-компании и горланили там песни. В общем, когда море улеглось и за ними пришёл «Робкий», в плетёнку все трое влезли без знамени. Отобрали знамя у них и вручили «Властному».

– Пропили, получается, награду?..

– Выходит, что так... Да и фиг бы с ним, со знаменем... Но к нему полагалась хорошая премия всему экипажу... Такая вот история вышла. На флотилии по сей день угорают с неё. «Робкий» наш далеко не из робких... Да ты и сам в этом скоро убедишься, – закончил рассказ Гайчук.

Приключений, злключений и происшествий на «Робком» и в самом деле хватало. Второй штурман застал дома жену с любовником и всю ночь выбрасывал в окно с пятого этажа телевизор, холодильник, мебель, ковры и другие вещи, бил зеркала, посуду, потом собрался и ушёл на судно.

Моториста Стукалова осудили на пятнадцать суток за уличную драку. Марсовый матрос по имени Владимир ушёл перед обедом за хлебом. Его ждали день, неделю, месяц. Нашли у железнодорожной насыпи на станции Океанская. Несчастного сбита электричка, но как он там оказался, никто не знает.

После рабочего дня на судне, помимо вахтенных, остаются в каютах те члены экипажа, кому некуда податься. Нет у них ни дома, ни семьи, ни денег на ресторан. В такие вечера, само собой, из карманов выскребаются последние копейки и за водкой засылается самый молодой, а потому бесшумный гонец, то бишь я. Как-то вечером я лежал на койке и взахлёб читал повесть о китобоях «Капитан Кирибеев». Светильник в изголовье освещал обмусоленные страницы, синюю фирменную занавеску, свисавшую с подволока. Вентилятор колыхал потрёпанную ткань, в матерчатых складках которой выгнулась жёлтая вышивка: «Робкий». Задрайки стукнули на кормовой переборке, и по трапу засеменяли сбегаящие вниз ноги. Прежде чем распахнулась дверь моей каюты, я с сожалением захлопнул книгу, не сомневаясь, что придётся бежать за водкой. Отпуская недобрые слова в адрес того, кто торопился вторгнуться в мой безмятежный мирок, отгороженный от шумной компании судовых выпивох занавеской, задёрнутой во всю длину койки, я нехотя поднялся. Однако на сей раз я ошибся в своём предположении.

– Пожар на рефрижераторе! – громко крикнул моторист Борис Далишнев.

Горел стоящий рядом с нами «Рефрижератор № 4». На другой день этот «рыбак» должен был уйти в сельдевую путину. Нас разделяла неширокая полоска тонкого мартовского льда. Команда «Рефа» ушла на берег к семьям попрощаться перед уходом в длительный рейс. Несколько человек вахты слишком поздно заметили дым в каюте радиста, оставившего включённым паяльник. Пока они бестолково суетились, огонь запылал по каютам. Хорошо горят судовые переборки с несколькими слоями краски! Страшен пожар на судне, особенно в открытом море! Оплавляются борта изнутри!

По ледку, рискуя провалиться в воду, я и моторист Боря Далишнев протащили от своего пожарного насоса шланг с брандспойтом на корму горящего «рыбака». В проходе между каютами дымища, всё черно, а впереди по правому борту колышется светлое пятно. Пламя! Не медля, я направил на предполагаемый огонь мощную струю с напором, способным сбить с ног. Жёлтое пятно потухло, но высветилось по левому борту. Бью по нему струёй, с усилиями удерживая в руках толстый шланг, поддерживаемый сзади мотористом. Одному не справиться с ним. Яркое пятно потухло, но вспыхнуло вновь справа. Заливаю его всей мощностью нашего гидранта, и оно исчезает в дымной черноте. Стёкла масок наших спасательных аппаратов запотели. Видимость – ноль. Продвигаемся на ощупь. Вдруг впереди снова вспыхивает огонь... фонаря на груди пожарного, который мы приняли за пламя. Так вот кого мы упорно «тушили»! Бедный пожарный изворачивался от сверлящей его водяной струи и так и эдак, не понимая, что свет его фонаря мы принимаем за огонь. Разобрались, вылезли наверх. На пирсе полно пожарных машин. Оказывается, пока мы пробирались по кормовому коридору, какой-то пожарный нырнул вниз из бокового прохода и двинулся нам навстречу.

– Потушили, Генаха, мы с тобой пожарника! – снимая аппарат, смеясь, сказал Боря. Трюмы рефрижератора, забитые мукой, наполнились водой. Разбитые иллюминаторы, через которые сбивали пламя в каютах, обгоревшие переборки, чад и дым, погром, как после бомбёжки. Таким увидели своё судно пришедшие поутру на пирс с чемоданами и сумками, приготовленными для долгой путины, рыбаки.

Беспечность всегда обходится дорого. Беда не миновала и бесшабашно-развеселую команду «Робкого». До отхода в путину оставалось несколько дней, когда случилась авария: после ремонта дейдвудного сальника на гребном валу не выставили ночную вахту в гребном отделении. Сальник плохо набили, забортная вода проникла через него и затопила гребной электродвигатель. Пришлось смывать с него морскую соль пресной водой из брандспойта и потом целый месяц сушить мощными лампами. В то время как другие китобойцы уже вовсю били китов, зарабатывая деньги, мы торчали на берегу в ожидании, когда поднимется уровень изоляции в обмотках электродвигателя до нужной нормы. Электрик Виктор Обухов из-за болезни в путину не пошёл. Первый электромеханик Чугунов вручил мне направление на медкомиссию, как всегда улыбаясь, пожал руку, торжественно произнёс:

– Поздравляю! Испытательный срок выдержал на «отлично». Дуй на комиссию. Пройдёшь – ты в штате «Робкого».

Медкомиссию в поликлинике рыбаков я прошёл успешно.

Лишь в конце мая, после проверки пограничниками всех членов экипажа, «Робкий» ночью тихо и незаметно покинул залитую огнями бухту Золотой Рог. Оставляя за собой пенный след, китобоец миновал стоящие у пирсов суда и корабли, портовые краны, морской вокзал. Мы уходили без оркестра и пышных проводов. В предрассветных сумерках спал Владивосток. Красным пятнышком высвечивалась телевышка на Орлиной сопке. И море без устали – волна за волной – накатывалось на мыс Эгершельд, мигающий вслед нам огоньком маяка. В каюте стармеха магнитофон томил душу песней:

Далеко за кормой, за седой пеленой
Затерялся в тумане огонь маяка,
Но в туманной дали свет родимой земли
Не погаснет в душе моряка...

Отодвигался, бледнел, растворяясь в ночи, далёкий берег, таяли в ней очертания оставшейся за кормой Большой земли. Позади Русский остров, пролив Босфор Восточный. Впереди Тихий океан. Великий, но совсем не тихий.

Всё будет абдемаг!

Неординарной китовой теме посвящены знаменитый бестселлер Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит», роман Франсиско Колоане «Дорога китов», книги советских писателей Анатолия Вахова «Фонтаны на горизонте» и Петра Сажина «Капитан Кирибеев», научно-популярные книги Уильяма Эванса «Кит в океанариуме» и Виктора Шеффера «Год кита». К этим изданиям необходимо добавить научные монографии А. А. Берзина «Кашалот» и Л. Метьюса «Кит», исследовательские работы А. Г. Томилина, А. В. Яблокова, Ф. Г. Вуда, В. Е. Соколова, Ж.-И. Кусто, опубликованные в нашей стране. На английском языке напечатаны книги Д. Слийпера «Киты», Ф. Фрейзера «Киты и китобойный промысел». В Интернет-библиотеке любители морских млекопитающих могут разыскать многочисленные сборники статей Д. Колдуэлла «Поведение кашалота», Р. Келлога «История китов», Н. Саймона «О китах и китобойном промысле», М. Н. Тарасевич «Распространение кашалотов в водах Северных Курил» и многие другие. Все они, подобно статье Джона Уолша «Киты: упадок популяций, происходящий, несмотря на ограничение добычи», написаны в защиту китообразных.

Три-четыре столетия залы дворцов, домов богатых купцов и промышленников во всей Европе, а позже и в Новом Свете освещались спермацетовыми свечами, изготовленными из жира китов-кашалотов, дающего яркий свет и ровное пламя. Амбра – восковообразное дорогостоящее вещество, извлекаемое из кишечника кашалотов и превращаемое в лабораториях в ароматное вещество, применялось в производстве духов, делая их необычайно стойкими и нежными, сохраняющими свой аромат годами. Во время разделки китов попадалась амбра серого, чёрного и коричневого цвета. Самой ценной является золотистая и белая амбра. Попадались куски весом до 13 килограммов, но самые большие «самородки» амбры обнаружены в убитых кашалотах весом 122 и 270 килограммов! Китовый ус шёл на изготовление гребешков, тростей, шляп, удочек, кнутов, женских корсетов, зубочисток и прочих безделушек. Ворвань – подкожный жир – использовали для отопления жилищ, а позднее стали добавлять в смазочные масла для морозоустойчивости. Китовое мясо использовалось в пищу. Кости и прочие отходы перемалывались на муку, служащую витаминной подкормкой домашним животным, песцам, норкам и соболям на зверофермах. Из печени китов получали витамин «А». Самое ценное в кашалоте – жир-спермацет! Все крема и аптечные мази приготавливались исключительно на спермацетовой основе. Спермацет служил сырьём для сверхчистого машинного масла. «Продвинутые» химики научились производить из китового жира сначала мыло и маргарин, а потом нитроглицерин и динамит! Выражаясь языком статей и отчётов, жир китов применялся в пищевой, кожевенной, мыловаренной, текстильной, химической, фармацевтической, парфюмерной, косметической и других отраслях промышленности.

Охотились на китов с незапамятных времён. Первобытные люди, преследуя кита, подходили к нему вплотную на лодке, обтянутой кожей, и всаживали в него гарпун-копё с каменным зазубрен-

ным наконечником. К гарпуну привязывали бревно. Раненый кит таскал тяжёлый поплавок, выбивался из сил, и тогда охотники добывали его. Умели древние китобойи добывать китов гарпунами с отравленными ядом остриями или, как японцы, ловили их прочными сетями.

С каждым столетием всё совершеннее становилась китовая охота. И если древние охотники отваживались бить кита в лагуне, в прибрежных водах, то уже в шестнадцатом веке парусные китобойные шхуны вели охоту с вельботов в океане. В безобидно плывущего исполина рослый и сильный гарпунёр метал остро отточенный гарпун с крепкой верёвкой-линем, привязанным к носу шлюпки. Кит уходил на глубину, шлюпка тащилась за ним и порой уходила под воду вместе с китобоями. А иногда разъярённый от боли кит всплывал под вельботом, переворачивал судёнышко, разносил в щепки хвостовым плавником. Гибли китобойи в ураганных волнах, в арктических льдах, среди айсбергов Антарктиды, на скользких от жира палубах во время разделки туш, но возможность заработать хорошие деньги гнала их искать удачу, гоняясь за китами.

Китов добывали Норвегия, Швеция, Дания, Германия, Франция, Испания, Исландия, Соединённые Штаты Америки, Чили, Канада, Япония, Китай, Великобритания, Голландия, СССР.

Начало невиданному по масштабам во все века смертоубийству животных положил в 1868 году норвежец Свенд Фойн. Он изобрёл пушку, стрелявшую гарпуном с разрывной осколочной гранатой – чугуном наконечником, начинённым взрывчаткой и дистанционной трубкой-детонатором. В 1925 году его алчный соотечественник Сорль придумал для уничтожения китов и превращения их в доллары плавучий разделочный завод. И отправились бороздить Мировой океан многочисленные флотилии под флагами разных стран. Напоминая военные эскадры, стаи судов-китобойцев с матками-плавбазами, оснащённые совершенной техникой добычи и переработки китовых туш, стали мировым круглосуточным конвейером почти на полвека! В небывалой кровавой бойне только между 1904 и 1939 годами убито более двух миллионов китов! Сколько их умерщвлено вообще с тех лет по настоящее время, точно никто не скажет, но не менее ещё нескольких миллионов. В побоище участвовали не только китобойи. Китов били с самолётов, с подводных лодок и с надводных кораблей, отрабатывая на них навыки бомбометания и артстрельбы. Киты подрывались на минах.

Флотилии уходили в пугину на девять-десять месяцев, и за это время каждый китобоец добывал 400–500 китов. Все китобойные страны владели несколькими флотилиями, в каждой из которых в среднем по десяти китобойцев-охотников. Перемножив все эти хотя бы заниженные числа, получим ужасающую статистику: ежегодно сотни тысяч погубленных животных-китообразных, из которых такие, как гренландский кит, горбач, синий кит (блювал), финвал, сейвал, кашалот, серый кит, из-за своей малочисленности уже не существуют с точки зрения китобойного промысла.

Начало нашего отечественного китобойного промысла относится ко второй половине девятнадцатого века: в 1850 году создана «Российско-Финляндская компания», в 1864-м китов промышлял владивостокский купец О. В. Линдгольм. В конце девятнадцатого века в Охотское море на промысел вышли три китобойных судна, построенных в Норвегии: «Николай», «Георгий» и «Геннадий Невельской». Капитаном последнего был морской офицер Аким Дыдымов. Он вышел в отставку, продал имение и все деньги потратил на строительство судна, на котором добыл более семидесяти китов. Позже китобоец «Геннадий Невельской» пропал без вести вместе со своим отважным капитаном. В 1925 году по договору с Советской республикой у берегов Камчатки китов была норвежская компания «Вега». На плавбазу «Комодорен» и на суда-охотники «Анадырь» и «Селина» для обучения китобойному делу была направлена группа наших моряков.

Советский китобойный промысел получил развитие в 1930 году. В США советское правительство приобрело пароход-сухогруз «Глен Ридж» 1914 года постройки, переоборудованный под плавбазу для разделки китов. Его переименовали в «Алеут». В Норвегии заказали китобойные суда «Труд-фронт», «Авангард» и «Энтузиаст». 25 октября 1932 года в северной части Тихого океана флотилия «Алеут» добыла первых двух китов. Гарпунёрами на судах-«паровичках» были приглашённые за золото чванливые норвежцы, мнящие себя непревзойдёнными мастерами по стрельбе из пушки, изобретённой их соотечественником. Норвежцы держались на советских китобойцах хозяевами положения, вели себя заносчиво и гордо, никого не подпуская к пушке.

В 1946 году в далёкую и суровую Антарктику отправилась «Слава» – трофейная немецкая китобойная флотилия в составе плавбазы с одноимённым названием и восьми китобойцев-«паровичков»,

работавших на угле, позднее их топки переделали под мазут. Они именовались: «Слава-1», «Слава-2», «Слава-3» и т. д. Гарпунёрами на них были опять-таки норвежцы. Но позже русские парни в меховых полушубках и шапках-ушанках встали у гарпунных пушек на ледяных баках китобойцев. И начали бить китов не хуже заносчивых скандинавов, которым дали «от ворот поворот». Немецкие «паровички» вскоре заменили проданными Советскому Союзу бывшими американскими тральщиками. На бортах этих кораблей были надписи: «US army», поэтому их прозвали «амиками», хотя у них были «погодные» имена: «Шторм», «Вьюга», «Циклон», «Пассат», «Буран», «Пурга», «Муссон», «Ураган», «Тайфун», «Шквал» и другие. В 1960-м «Славу» перегнали во Владивосток. О советских китобоях, закалённых солёными ветрами Антарктики, обдаваемых ледяными её волнами в жгучий мороз, в 1957 году создан замечательный фильм-оперетта «Белая акация». Китобаза «Слава» в кино переименована в «Салют».

В 1959-м китобойный промысел в южных морях начали плавбаза «Юрий Долгорукий» – бывший немецкий пассажирский пароход «Гамбург» постройки 1926 года, приписанный к Калининграду, и сошедшая со стапеля Николаевской судовой верфи «Советская Украина». Однотипная ей «Советская Россия» ушла в свой первый антарктический рейс в 1961 году. Экипажи этих двухсотметровой длины махин и водоизмещением по 45 тысяч тонн насчитывали по пятьсот человек!

В 1963-м на Дальнем Востоке вступили в строй китобазы «Владивосток» и «Дальний Восток», построенные на немецких судовых верфях. Они были водоизмещением по 26,5 тысячи тонн, оснащённые высокотехнологичными линиями по переработке китовых туш. К этому времени 99 современных китобойных судов проекта 393 типа «Мирный» с дизель-электрическими силовыми установками и скоростью хода до 19 узлов обновили советский китобойный флот. Треском вертолётов, чётким кильватерным строем напоминая военно-морские соединения, двинулись губительные армады на беззащитных животных, заполонили океаны, пришли в антарктические льды, которые Герман Мелвилл, автор знаменитого романа о Моби Дике, считал навеки неприкосновенным убежищем, где «... киты смогут, наконец, укрыться в полярных твердынях и, ныряя под последние ледяные барьеры, выплывать среди ледяных полей заколдованного царства вечного Декабря, презрев всякое преследование людьми». Как глубоко он ошибался, не представляя себе возможности двадцатого века и масштабы гигантской бойни! В те годы продолжались интенсивные поиски более лёгких и дешёвых способов убийства китов. Их пытались травить стрихнином, цианистыми препаратами, ядом кураре, пробовали умерщвлять электротоком. Стада китов обнаруживали в океанах эхолотами, вертолётами, изматывали ультразвуком.

В конце семидесятых годов двадцатого столетия человечество опомнилось, наконец, от дикого безумия. Международная конвенция запретила дальнейший промысел китов. Если бы этого не случилось, китов наверняка стали бы отслеживать с помощью спутниковых систем, подманывать ложными звуками, подражая зову китов, убивать лазерными пушками или каким-нибудь ещё столь же ужасающим оружием. Отстрел китов в настоящее время разрешён под присмотром международных наблюдателей лишь в незначительном количестве для жителей Чукотки, Японии, Аляски и других народов, для которых морепродукты составляют их основной рацион питания. В Нагасаки кишки кита употребляют в пищу, почитая их как символ долголетия.

После короткого экскурса в историю китобойного промысла вернусь мысленно на уходящую из-под ног мокрую палубу «Робкого».

...В южной части небосклона чёрная туча слилась с пенным горизонтом. Там скрылись в пелене дождя белые вершины гор японского острова Хоккайдо. Мы идём проливом Лаперуза. Непоглядная ночь. Бушует шторм. Ветер, порывами налетая с севера, свистит в снастях такелажа. Ураган разыгрался вовсю. Повелитель моря подводный царь Нептун треплет тенты шлюпок, звонким, могучим голосом бури завывает в вантах. Сатанинский хор свистящих, визжащих звуков. В их диком хаосе при блеске молний и под раскаты грома стойко борется «Робкий» с разбушевавшейся стихией. Содрогаясь под ударами волн, переваливаясь с боку на бок, китобоец упрямо держит курс в побелевшем от ярости море. Корма, захлёстываемая шипящими волнами, то проседает в них, и тогда дизеля замедляют ритм, работают с полной нагрузкой: ду-ду-ду-ду-ду... То взмывает она вверх, оголяя гребной винт, и дизеля легко вздыхают: та-та-та-та-та... И тотчас опять: ду-ду-ду-ду-ду... Та-та-та-та-та... Оголённый винт вращается вхолостую, на секунду-другую сотрясает корму, погружается, с шумом вспенивает под ней воду, упрямо толкает судно на водяной

холм. Взобравшись на вершину вала, китобоец срывается с него, как с горы, с грохотом ударяется днищем о воду, зарывается в неё носом. Но вот выходит из неё, на несколько секунд показывается отмытая до блеска, отполированная волнами палуба, и вновь с шумом скрывается под ними. И так беспрестанно, в течение всей путины: ду-ду-ду-ду... Та-та-та-та... Ду-ду-ду-ду... Та-та-та-та... По левому борту на траверзе «Робкого» желтовато-красными проблесками вспыхивает в потёмках ночи маяк на мысе Анива – юго-восточной оконечности острова Сахалин. В ту дождливую грозовую ночь, подыхая от качки на корме «Робкого», я ни о чём, кроме как о клочке твёрдой суши, не помышлял. Боцман Александр Ануфриев, спускаясь со шлюпочной палубы, где проверял увязку тентов, мимоходом бросил:

– Видишь маяк? Сахалин шлёт нам последний привет... Чего торчишь на корме? Ступай в каюту, промокнешь.

На шее боцмана болтается на ремешке карманный радиоприёмник. Потрескивая помехами, то тише, то громче – в такт качке и в унисон погоде – транзистор дребезжит песней:

Всё как и прежде стучит машина,
Бушует шторм, ревет пурга,
А где-то встречи, и тёплый вечер,
И вы, родные берега...

На мне уже давно сухой нитки нет. Но здесь, на свежем ветру, чуточку легче. И как хочется туда, где сидит в тепле за чашкой кофе смотритель маяка, слушает потрескивающий радиопомехами транзистор, и пол под ним не ходит ходуном. Всё менее различимыми в темноте ночи становятся далёкие вспышки. Всё яростнее швыряет «Робкого» кипящее пенистыми волнами режущее море. И понесла же меня нелёгкая навстречу бурям и штормам, ураганам и тайфунам! Сидел бы в подвале научного центра за переводами японских заумных статей! Так нет же! Романтики захотелось! Вот уже и вспышек маяка не видно. Прощай, Сахалин! От дурноты морской болезни, выворачивающей нутро наизнанку, на ум приходят слова популярной песни:

Ну, что вам рассказать про Сахалин?
На острове нормальная погода!
Прибой мою тельняшку просолил,
И я живу у самого восхода.

А почта с пересадками летит с материка
До самой дальней гавани Союза,
А я бросаю камешки с крутого бережка
Далёкого пролива Лаперуза...

Вот бы мне сейчас туда, на крутой бережок, и камешки бросать! К смотрителю маяка ненароком забрести... Но уже далеко позади мыс Анива, не видно никогда не гаснувших огней его маяка. За кормой пролив Лаперуза. И во властно-бушующем океане мотается на вздыбленных волнах маленький китобоец. Буря рвала неистово вздыбленное море, и казалось, потонула в нём вся земля, и вся планета потрясена этим бушующим штормом. Отвыкший от качки, я исхожу рвотой на безостановочно летающей корме. Уцепившись за леер, то низвергаюсь в провал между водяными холмами, то взлетаю на них, словно на качелях с тридцатиметровым размахом. Стороной в нескольких милях, теряясь в волнах, встречным курсом движется японское судно. Топовый огонь на его мачте то появляется, то исчезает за водяными холмами. Блевать уже нечем. Лёжа грудью на леере, судорожно сотрясаюсь в приступах непроходящей тошноты. Дышу тяжело, со стонами, и слёзы катятся из глаз: не из жалости к самому себе, а от мучений качки. Моторист Боря Далишнев сменился с вахты в «преисподней» – загазованном и жарком машинном отделении. Подставляя потную грудь холодному ветру, хлопал по ней ладонью, блаженствовал:

– О-ох... Хорошо-то как... О-ох... Что, плохо, Генаха?

– Сил нет, Боря... Подыхаю...

Широко расставив ноги, Борис вытирал ветошью замасленные руки, ободряюще, с весёлыми нотками в голосе крикнул:

– Привыкнешь... Море – суровая школа. Терпи, моряк. Бог терпел и нам велел... Знаешь поговорку?

Я кивнул, согнувшись в позыве рвоты. Ища сочувствие, поспешил ответить:

– Нет, Боря, не привыкну... Шторм не утихнет... Никакой надежды...

– Надежда всегда есть. А ты к Богу обратись с молитвой. Знаешь, как русские мореходы в старину говорили: «Кто в море не хаживал, тот Бога не маливал». Ещё Давид говорил: «Надейся на Господа, мужайся, и да укрепляется сердце твоё, надейся на Господа...» Молись, испроси у Господа сил стерпеть муки качки.

– Не верующий я, Боря... И молитв не знаю. Как же мне молиться?

– Верь не верь, а только Бог в тебе. Он в каждом из нас. Обратись к Нему.

– Тебе легко говорить, ты не укачиваешься... На что мне надеяться?

– И пророк Иова, настрадавшись, говорил в отчаянии: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: “зачался человек!.. Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою?”» Господь услышал молитву его, и кит изрыгнул Иову на берег моря... Обратись к Господу... Но искренне, с верой в Него.

Пока он изрекал эти премудрости, меня окатило волной. Я глядел на него с бессознательным удивлением.

– Сказки рассказываешь, Боря... Не до них мне сейчас...

– Воздень руки к небу и скажи: «Господи, помилуй. Помогите мне». Потом оторвись от леера и ступай в каюту. К утру оклемаешься.

– Что-то не верится мне в чудесное исцеление от морской болезни...

– Ну, как знаешь... Ладно, всё будет абдемаг!

Моторист швырнул тряпку за борт и, наклонясь навстречу резкому порыву ветра, шагнул к переборке. Тяжёлая дверь захлопнулась за ним, и я остался наедине с отвратительным ощущением тошноты, сотрясающим меня рвотным иканьем. Спускаться вслед за мотористом в душную каюту я не хотел: здесь, на свежем воздухе, страдания казались легче. И без веры, но с отчаяния прокричал я в непроницаемую темень неистовой стихии:

– Господи! Помилуй меня несчастного... Нет сил терпеть... Помогите выдержать адовы муки качки! Надели волей выстоять в этом испытании!

Продрогший и промёрзший насквозь, с мутными и жалкими глазами, я мешком свалился по трапу в каюту, ёжась от холода, забрался на койку, где с особым удовольствием ощутил уют и тепло. В лежачем положении полегчало, но совесть мучила: «Чугунов один, без электрика стоит вахту в гребном отделении». Но нет силы, способной сейчас оторвать меня от койки. А ведь знал, что буду блевать, неистово пытаюсь изрыгнуть внутренности, исходить прозрачно-зеленоватым желудочным соком, но всё-таки пошёл в море! Ещё и переживал, возьмут или нет в плавание. Безумец! Обо всём этом думал я, цепляясь за цепочку, на которой висит койка, и в стенаниях проклиная свой никчёмный вестибулярный аппарат. Ведь другим-то хоть бы хны! Счастливчики! Под утро буря поутихла, качка стала слабее. Я выполз на верхний мостик, где было тесно от китобоев. Горя нетерпением поскорее добраться до «Славы» – нашей плавбазы – и с азартом включиться в охоту на китов, моряки заполнили мостик, стояли на его крыльях, жадно всматриваясь в пенную даль. Встретили меня восторженными возгласами и шутливыми подначками:

– О, глазам не верю – Геннадий на мостике! Картина Репина «Не ждали»!

– Скорее, картина Иванова «Явление Христа народу»!

– Держись, киты! Наш Гена ожил!

– Кого мы видим?! Светило собственной персоной!

«Светило» – прозвище электрика. Никто не упрекнул, что это самое «светило» двое суток не стояло вахту. Моряки – народ понимающий. Знают: «Оклемается парень, всё будет абдемаг!» А спроси Борю Далишнева, что означает его любимое словечко, засмеётся в ответ: «Нормально, абдемаг и всё!» На любые сомнения у Бори следовал быстрый ответ:

– Всё будет абдемаг! Предай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся. И взывай к Нему, когда тяжело тебе, но не приемли имени Господа Бога твоего всуе.

Меня ещё слегка мутило, но не так сильно, как ночью, и я, пошатываясь от слабости и лёгкой

качки, явился на вахту. Чугунов встретил неизменной улыбкой на добродушно-красном лице. Стрѐб стопу журналов, которые читал.

– Ну, я пойду тогда. Вздремну чуток. Рули тут без меня... Но если что, сам знаешь... Поднимай меня.

И он, пыхтя, поднялся по трапу, а я уселся за конторку и, стараясь не думать о качке, стал записывать в журнал показания приборов. Зазвонил телефон. Я торопливо снял увесистую трубку с большим наушником. В нём страшный гул и грохот: работают дизеля.

– Гена, приди посмотри... Что-то пожарник не включается...

«Пожарник» – пожарный насос. Помимо своего прямого назначения, он гоняет забортную воду, охлаждая рубашки двигателей. Беру сумочку с инструментами, иду в машинное. Сначала в крутую гору лезу по проходу левого борта – это на волну «Робкий» взбирается. Потом вдруг – у-ух! Срывается в провал между огромными волнами. Глухой удар килем о воду. Узкий коридор становится крутой горой в обратную сторону. На заднице лечу по палубе, выставив руки вперёд, чтобы не ушибиться о переборку, но судно неожиданно кренится на левый борт, и я больно припечатываюсь к железной задрайке двери, ведущей на камбуз. Ещё не успел подняться, как коридор встал на дыбы, и я кувырком покатился назад, шарахнулся о гальюнную дверь и только теперь ухватился за длинный поручень, тянущийся справа вдоль всего коридора. И снова карабкание в гору, сбегание вниз, но вот и люк машинного. Там свету белого не выдать. В прямом и переносном смысле. Тускло дрожат на подволоке закопчённые светильники. Чад и гарь от выхлопных газов сизым туманом висят над грохочущими дизелями. Коллектора на головках дизелей раскалены докрасна, и жарыща неимоверная. А грохот такой, что напрасно надрываться и кричать изо всей силы – всё равно ничего не услышишь. Борис, по пояс голый, со шлемофонами на голове. На груди, испачканной машинным маслом, болтается на суровой нитке простой алюминиевый крестик. Борис наклоняется к моему уху и щекотно кричит в него:

– Пожарник сдох... А без него труба дизелям...

Я молча киваю. До «пожарника», а вернее до распределкорбки с предохранителями, ещё добраться надо. Умудриться пройти между раскалёнными трубами коллекторов, между которыми всего один шаг, и не обжечься. И не просто пройти, а проелозить по замазленным поёлам, уходящим из-под ног и вскрытым в некоторых местах. При этом отчаянно пытаюсь устоять на ногах, не схватиться руками за горячие трубы, перешагнуть через открытую нишу трюма, где плещется грязный соляр. Мотористам часто приходится крутить в выгородке трюма топливные вентили, и, чтобы не утруждать себя поёлами, они не нашли ничего лучше, как убрать их с кронштейнов. Совершив почти акробатический этюд, подбираюсь с «контролкой» к коробке с предохранителями. Так и есть: сгорела плавкая вставка. Заменяю её и, повторив те же немислимые «па», вернулся к Борису, проорал ему:

– Включай!

Борису орать не обязательно: по губам, по жестам моим догадался, кнопку нажал. Стрелка манометра дёрнулась, замерла на нужном делении. На чумазом лице моториста радостная улыбка. Кричит мне в ухо:

– Всё абдемаг, Генаха! Я же говорил тебе, что оклемаешься с Божьей помощью. Господь с нами!

Борис хотел со мной ещё пообщаться, но, чумовой от грохота и угарного газа, выедавшего слезящиеся глаза, я не в силах был терпеть «душегубку», от которой кружилась голова и страшно тошнило. Находиться в машинном отделении, прозванном мотористами «преисподней», без привычки невыносимо. Дело в том, что ветер часто меняется, дует то в одну, то в другую сторону. Вентиляторы, предназначенные нагнетать свежий воздух в машинное отделение, захватывают вместе с ним и выхлопные газы. Бедный Борис! Он стоит четыре часа вахты у четырёх дизелей плюс вспомогательный. Сменившись, ползет в «воронье гнездо» на марсе китобойца высматривать в бинокль китов. Но Борис всем доволен. Целует свой крестик и весело машет вслед мне рукой:

– Всё будет абдемаг!

Однажды, уже в тропиках, когда тоска по берегу стала одолевать меня, он заявился ко мне в каюту с томиком Библии.

– Помнишь, ты как-то уже брал её у меня из любопытства. Читай, и да поможет тебе Бог выстоять.

Не скрывая иронии, я посмотрел на него:

– Нет, ты серьёзно? Что подумает обо мне секретарь парткома «Славы», если узнает, что читаю Библию? Ведь я хочу вступить в партию...

– Знаешь такой анекдот: «Абрам с радостью сообщает Саре: “Я вступил в партию!” А она ему: “Вечно ты во что-нибудь вступишь. Вчера в дерьмо. Сегодня в партию”»... Партия порушила церкви и продолжает рушить веру в Христа. Партия – дело политиков, борющихся за власть. А Библия – свод заповедей Божьих, выполняя их, люди обошлись бы без войн. А войны, по утверждению Ленина, есть продолжение политики. Можешь не верить в Бога, но в Библии много полезных советов, которые пригодятся в жизни. Читай, и всё будет абдемаг! И хотя ты университет закончил, не можешь с полным основанием считать себя образованным человеком, если толком не знаешь Священного Писания.

– Логично, – ответил я, чтобы не обидеть приятеля. Он ушёл, а я, озадаченный его словами, открыл книгу с православным распятием на обложке. Начал читать, и чтение увлекло меня в сладостный мир познания истин человеческого бытия. И неожиданно для самого себя, воскликнул:

– Боже мой! Как можно не читать Библию?! Ведь это кладёз мудростей, которые дороже всех земных богатств!

Славный, добрый Борис! Не знаю, как сложилась твоя дальнейшая жизнь, но всегда с благодарностью вспоминаю тебя, ибо ты первым заронил во мне зёрна веры в Бога. Пробиваясь наружу, на свет Божий, долго прорастали они в моей мятущейся душе слабыми ростками, пока созрели налитыми верой колосьями. Храни тебя Бог, ровесник мой дорогой! Благ тебе всяческих, здоровья и долголетия!

...Шторм утих. Полоска зари обозначилась оранжевыми сполохами рассвета. Пустое небо бледно светлело. В расплывчато-белёсом тумане матово поблёскивали белые надстройки китобойца. Окутанный лёгкой сиренево-голубой дымкой, «Робкий» неслышно скользил по глади океана. И если бы не топовый огонь, мерцающий на мачте дрожащей звёздочкой, его мутный силуэт вполне сошёл бы за призрачную тень «летучего голландца». Зелёное, как малахит, море, не дыбилось пенными валами, а лениво колыхалось гладкой мёртвой зыбью. Тяжёлая пепельница из уральского камня уже не елозила по столу, не налетала с глухим стуком на ограничительные планки. Ночью кто-то оставил открытой дверь, ведущую в нижние жилые помещения электриков, мотористов, матросов. Шальные волны, накрывая кормовую палубу, нахлестали через комингс воды столько, что, проснувшись, я увидел свои китобойные сапоги плавающими по каюте. Чертыхаясь, принялся вычерпывать её алюминиевой чашкой. Наполнив ведро, карабкался с ним вверх по уходящему из-под ног трапу, выплёскивал воду прямо на железный настил, до блеска отшлифованный подошвами сапог. Слепящий глаза огненный диск солнца поднялся над горизонтом, и малахитовый цвет моря посветлел, преобразился в синь бирюзы. На востоке, где лазурь неба смешалась с лилово-бордовыми красками кучевых облаков, море зарозовело нежным александритом, зарделось рубином, засверкало алмазом. Но тёплый ветер уже нагнал с юга гряды перистых, молочно-белых облаков, и они протянулись причудливыми полосами, образуя фиолетово-розовые воздушные горы. Ничто не сравнимо с чистотой и богатством тонов утренней зари в тропическом море! В степи, в горах, в пустыне, в тайге, в тундре обзор заслоняют холмы, сопки, барханы, островерхие вершины гор, зубчатые кромки лесов. Нет там идеального круга, очерченного каймой горизонта, с игрой света, отражённого серебристо-зеркальной поверхностью моря. Впрочем, пытаться словами обсказать красоту заката или утренней зари в спокойном тропическом море – всё равно, что влюбиться по заочной переписке. Искусство отобразить эту несказанную красоту под силу лишь гениальным писателям и живописцам. Моё же перо, увы, бессильно перед ней. Её видеть надо! Оставим это непосильное занятие художникам-маринистам сродни непревзойдённому мастеру кисти Ивану Айвазовскому. И всё же порой не сдерживаюсь от соблазна запечатлеть в дневнике свои восторги от созерцания красот морских зорь в тропических широтах.

Громыкнув в последний раз жестяной банкой из-под томатной пасты, заменявшей ведро, я зашвырнул её за борт и заторопился на вахту. Привычно скользнул на локтях в гребное электроотделение по обшорканным до блеска поручням трапа, посмотрел на часы: без четверти восемь. Не опоздал!

– Генаха! Скорее на мостик! – услышал я громкий оклик. Встревоженный зычным голосом, взглянул наверх: в дверном проёме Борис Далишнев с весёлым, радостным лицом машет призывно рукой:

– Фонтаны на горизонте!

В руке моториста поблёскивает объективом фотоаппарат «ФЭД». Вслед гулко бухающим сапогам неунывающего моториста застучали мои. Через минуту мы оба втиснулись на крыло мостика среди других китобоев, взбудораженных криками:

– Киты! Три фонтана!

– Где? Не вижу...

– Да вон... Прямо по носу!

Охваченный азартом долгожданной охоты на китов, я возбуждённо всматривался в сверкающую на солнце гладкую, без ряби даль. Там поочерёдно вздымались три фонтана серебристых струй, блёстками рассыпавшихся над водой.

– Они выше, чем у финвалов, – не отрываясь от бинокля, крикнул с марсовой площадки Максим Васильев.

– И не похожи на облачка пара, как у кашалотов, – заметил боцман Ануфриев.

– Не гадайте... Это синие киты... Блювалы, – знающим тоном отозвался капитан Павел Иванович Обжиров. Пыхнул сигаретой, деланно-равнодушно перевёл рукоятку машинного телеграфа на «Полный вперёд!». «Робкий» качнулся, заметно убыстряя ход, понёсся на всех оборотах к спокойно фонтанирующим китам.

– Славно сегодня поохотимся! – потирая ладони, не сдержал восторга старпом. Гарпунёр Михаил Курганович, кавалер ордена Ленина, широкими шагами пошёл по переходному мостику к пушке, возле которой хлопотал его помощник Евгений Кузнецов. Снял чехол, и смертоносное оружие хищно ошетинилось гарпуном, торчащим из жерла. Курганович – широкоплечий, коренастый, немногословный, угрюмый, с красным обветренным лицом, встал к пушке. Часто оборачиваясь, бросает взгляды на рулевого: готов ли тот чётко выполнять его команды, подаваемые жестом руки. Заблестевшие глаза китобоя выдают его волнение от предстоящего выстрела. Прوماхнуться в такую погоду в первый день охоты да ещё в синего гиганта было бы стыдно. Гарпунёр притопывает, переминается с ноги на ногу, выискивая подходящие точки для них, вертит стволом влево-вправо, держась за длинную рукоять, приноравливается к стрельбе. Наша судовая любимица «двортерьерша» Светка вертится у его ног, нетерпеливым лаем выражает всеобщий восторг.

– Курганович стреляет, не глядя на прицельную планку, – наклонясь ко мне, заметил моторист Гайчук. – У него пять медных пуговиц нашиты на куртку. Упрёт в живот ручку со спусковой скобой до нижней пуговицы – ствол вверх задерётся. На верхней прижмёт – вниз опустится. Прикинет расстояние до цели и нужную пуговицу на брюхе найдёт. И набойки у него на каблуках под свой рост.

– Да ну-у... И не мажет никогда?

– Случается... Но редко... Под ласт кита бьёт. Верный выстрел. А промахнётся – злой сделается, лучше не приходи к нему.

Но вот и киты. Мы приблизились к ним на кабельтов, когда, напуганные шумом винта, могучие животные дружно «дали хвоста» – взмахнули огромными лопастями и ушли на глубину. Китобоец сбавил ход до «малого» и, чтобы не терять время на разворот, почти на месте выписывал плавные круги. Взгляды всех устремлены в разные стороны: неизвестно, в какой стороне вынырнут эти исполины – скитальцы морей. Проходят напряжённые десять, пятнадцать минут, и марсовый матрос, высунувшись по пояс из «вороньего гнезда» на фок-мачте, будоражит всех истошным криком:

– Справа – тридцать! Выходят! Выходят!

Для пущей убедительности Максим машет рукой, указывая направление, но и без этого все видят, как вынырнувшие киты взметнули над водой высокие фонтаны брызг. «Робкий» резво рванул к ним, но гарпунёр, не оглядываясь и не отклоняясь от пушки, предостерегающе поднял руку: «Малый ход!» Мы подошли на полкабельтова к плывущим синевато-серым громадинам. Чтобы выдохнуть фонтан, они появляются из воды на пять-шесть секунд. Если учесть, что палуба под ногами гарпунёра наклоняется влево-вправо, поднимается и опускается, то поймать кита на мушку за это короткое время дело не простое. Курганович припал к пушке, затопал ногами, широко расставляя их и прицеливаясь. Пальцы левой руки гарпунёра и впрямь, словно по клавишам, бегали по пуговицам, перебирали их, искали нужную. Вот сейчас, через секунду-другую, грохнет выстрел. Кузнецов зажал уши ладонями, но, когда казалось, что вот-вот Курганович нажмёт на спуск и пушка окутается дымом, киты исчезли из виду. Снова минуты томительного ожидания. Пристально всматриваемся в прозрачно-зеленоватую глуть.

– Миша, выходят, выходят! – нетерпеливо кричит с мостика боцман, но гарпунёр уже и сам видит, как по левому борту рядом с носом китобойца поднимаются из воды свинцово-серые спины блювалов. Курганович крутнул пушку, поводя стволом вниз.левой рукой успевае подаь знак рулевому повернуть на полрумба влево и одновременно правой: «Стоп, машина!» «Робкий» закачался на месте, но внутри его корпуса глухо рокочут дизеля, от их шума киты снова занырнули, но надышались мало и теперь погрузились ненадолго и неглубоко. Они плыли почти у самой поверхности и напоминали бледных призраков, быстро увеличивающихся в размерах. Вот блювалы вышли, с шумом выдохнули высокие струи. Самый большой из них – гигантский кит, весь обросший моллюсками, губками и ракушками, всплыл на поверхность громадным живым рифом. Мокрая, блестящая бело-синяя спина гиганта отливала то сталью, то перламутром, то сияла королевской мантией, украшенной самоцветами. Набирая воздух, кит раскрыл широченную пасть. Столбы водяных брызг вырывались из неё, играя на солнце всеми цветами радуги. Но тут киты хлестнули по воде могучими хвостами и снова скрылись в глубине. Однако слишком мало находились наверху, запаса кислорода им не хватит на длительное погружение. Совершенно неожиданно блювалы выплыли со стороны правого борта. Ближний кит каскадом воды окатил гарпунёра и его помощника. И словно в отместку прогремел выстрел. Глухо ухнула в теле кита чугунная граната. Раненое животное стремительно ушло в глубину. Разматываясь, с бака полетели в воду белые кольца капронового линя, быстро уходящего под воду. Вот канат уже распрямился, и тотчас провис блок пружинного амортизатора – загарпуненный кит с такой чудовищной силой туго натянул линь, что витые нити его заскрипели, угрожая лопнуть и хлестким ударом перебить надвое любого зазевавшегося китобоя. Всё на судне заходило ходуном. Забегали матросы, загрохотали блоки, и даже судовая собачонка Светка, заскочив по трапу на бак, залилась лаем. Старший механик Чупров с неизменной трубкой в зубах, управляя лебёдкой, зорко следит за натяжением капронового троса толщиной в два пальца, вовремя даёт слабинку. Сейчас он вываживает кита подобно рыбаку, поймавшему большую рыбу: то отпускает кита «погулять», изматывая его, то подтягивает ближе к судну. Трос, выдерживающий на разрыв сто пятьдесят тонн, то звенит струной, то безвольно опускается, и Чупров быстро выбирает его, наматывая на барабан лебёдки. Синий исполин то всплывал, то сразу, вскинувшись огромной тушей и всплеснув тонны воды, почти вертикально нырял. Ослабевшее, потерявшее много крови животное не сдаётся, это видно по тому, как со стуком дёргается на мачте блок амортизатора. Но вот кит поднялся из глубины совсем близко от «Робкого». Метким выстрелом Курганович всаживает в тело левиафана второй, с обрезанными лапами и без линя добойный гарпун. Ещё одна граната бухнула в китовых недрах. Чугунные осколки толщиной в ладонь разорвали лёгкие и сердце величавого красавца, ещё минуты назад являвшего собой чудо природы, её великолепие и гордость. Блок амортизатора с дрожью успокаивается, но кит ещё жив. Умирая, бьёт огромным хвостом по металлическому корпусу судна, и удары его отдаются стуком кувалды по пустой бочке. Наконец перевернувшийся бело-полосатыми гофрами живота вверх кит затихает возле борта. Изумрудно-зелёная вода вокруг него, окрашенная кровью, становится нежно-розовой, малиново-красной. И сразу топот ног на палубе: китобои бросились на обработку туши.

Быстро, без суеты делается дело. Борис Далишнев щёлкает фотоаппаратом. Матрос Федя Филинов втыкает в убитого кита полу ю пик у со шлангом, накачивает тушу воздухом из компрессора. Помощник гарпунёра Евгений Кузнецов и боцман Александр Ануфриев заряжают пушку новым гарпуном.

Рулевой Иван Безбородько удерживает судно рядом с плавающим китом. Вахтенный электрик, в данном случае я, готовлю «плавучку» – длинный бамбуковый шест, воткнутый в кругляк пенопласта и с пустой гарпунной гранатой, надетой на нижний конец шеста для остойчивости на воде. К шесту подматываю изолентой щелочной аккумулятор, соединённый проводками с лампочкой на верхнем конце. Рядом с ней подвязываю «флаг» – полоску ткани, чтобы не спутать с чужим китом. Такой светлячок поможет ночью быстрее отыскать плавающую в темноте китовую тушу. Для надёжности начальник радиции Петрович (не помню имени, фамилии тихого, незаметного человека со сломанным носом) прикрепляет к бамбучине радиобуй: на периодически посылаемые сигналы он и выведет судно.

– Поторапливайтесь, ребята! – подгоняет старпом Юрий Емельянов.

Готовую «плавучку» боцман прихватывает капроновым шнуром к хвосту кита и бросает за борт. Федя Филинов острым фленшерным ножом обрезает линь от гарпуна, торчащего в убитом ките, во-

круг которого уже медленно бродят акулы. На кусок китового мяса, нацепленный на крюк из толстой проволоки, моторист Стукалов поймал двухметровую акулу. Мы выволокли страшилище на кормовую палубу, чтобы получше рассмотреть хищницу. Шкура у неё как крупная наждачка. Шёркнет боком о тело и мигом кожу сдерёт. Желтоватый живот, выпученные глаза, широкая зубастая пасть вызывали неприятное зрелище, сравнимое с видом перевернутой вверх брюхом гадюки. Стукалов ножом распорол акуле живот, из него вывалились внутренности. От их гадостного вида нас чуть не стошнило, и Стукалов быстро спихнул морскую разбойницу за борт. Распотрошённая акула, как ни странно, пыталась плыть. Столь чудовищная живучесть объясняется отсутствием у этих животных нервной системы. Удалиться от борта истерзанной ножом акуле удаётся не более десятка метров: на неё тотчас набрасываются кровожадные собратья, и от грозной обительницы океана остаётся лишь тёмное пятно на воде.

На всё про всё уходит не более получаса.

Жил-был в необъятном море-океане столетний великан-кит. Плавал себе, одними крильями (мелкими креветками) и планктоном (мельчайшими рачками) питался, фильтруя воду через роговые пластины с бахромой по краям, густыми рядами заполнившими китовую пасть, за что и прозвали его усатым, а за непомерные размеры – левиафаном-чудовищем. И вот пришли невзрачные рядом с ним человечки, отыскивали безобидное животное среди необозримых просторов. Бах! Полчаса неравной борьбы, море крови – и нет столетней жизни чудовища-левиафана. Так ничтожный скорпион убивает большого рядом с ним человека. Так маленькая мышь до смерти пугает слона. Так невидимый глазу микроб может убить миллионы людей и животных. Что же в таком случае говорить о гомосапиенс – человеку разумном, придумавшем гарпунную пушку с разрывной гранатой и китобойную разделочную плавбазу?! Разумный ли это человек?

Матрос-наблюдатель Макс Васильев, взобравшись по фок-мачте до самого клотика, не отводит бинокля от далеко ушедшей пары блювалов. Высокие, метров по семь-восемь, струи кажутся ему с марса-рея белыми пушинками на ровной линии горизонта. И только два человека, не вмешиваясь в слаженные действия команды, свободно расхаживают – один, заложив руки за спину, с чувством умело выполненного дела, стоит на баке у пушки, другой попыхивает сигаретой на мостике. Со стороны может показаться, что ни гарпунёру, ни капитану нет дела до всего происходящего на палубе. Нет, напротив, они внимательно следят за всем, они ответственны за судно, за жизнь этих людей, и любое даже незначительное нарушение мер безопасности может привести к непоправимой беде. Пристально поглядывая с мостика вниз, Павел Иванович бросает короткие взгляды вверх: если марсовый молча смотрит в одну точку, туда, где в бликах солнечных лучей скрылись киты, значит, он ещё не потерял их.

– Готово! – колобком вкатывается на мостик старпом – низкорослый, крутобокий, с отвисшими щеками и животом. Снимает фуражку, вытирает вспотевший лоб. Военно-морской офицер, бывший штурман эскадренного миноносца «Вольный». Грамотный судоводитель, не придирчивый и компанейский, Юрий Михайлович Емельянов был уважаемым человеком на китобойном судне.

– Опыт службы не пропьёшь и за деньги не купишь... Да, Павел Иванович? Ловко мы с ним управились... Метров тридцать с лишком будет малыш. Тонн на сто пятьдесят потянет, не меньше...

– Нам бы ещё тех догнать, – ответил капитан, переводя рукоятку машинного телеграфа на «Полный вперёд!».

– Курс зюйд-вест! – отдал он приказание рулевому. Иван Безбородько заложил крутой вираж, отчего на камбузе у кока Володи Шитова съехала со стола кастрюля с рисовой кашей. Оставляя позади пенный бурун, «Робкий» помчался догонять далеко уплывших китов, в такую тихую и ясную погоду обречённых стать следующими жертвами безжалостной бойни. Не прошло и часа бешеной гонки, как мы настигли китов. И всё повторилось, как по заранее написанному сценарию: уходы блювалов на глубину, короткие их преследования, меткие выстрелы гарпунёра, накачка туш воздухом. С единственной лишь разницей: последнего убитого кита мы не бросили на «флаге», а цепью, пропущенной через клюз, подобрали кита к левому борту и отправились подбирать двух добытых раньше.

– С успешным началом путины, Михаил Сергеевич! – поздравил Кургановича старпом. Гарпунёр хмуро посмотрел на потемневшие к вечеру облака, на небольшие волны, с которых ветер уже срывал клочки пены, угрюмо ответил:

– Нам бы не потерять остальных. Погода портится. А путину добрые люди ещё пару месяцев назад начали, не в пример некоторым...

И он, по морской привычке, широко расставляя ноги, насупившись, ушёл в свою каюту, расположенную рядом с капитанской. Под «некоторыми» Курганович, понятно, имел в виду разинь, прозевавших затопление гребного отделения, из-за чего мы позже всех пришли в океан. Прав был гарпунёр: погода и в самом деле менялась. Барометр в ходовой рубке показывал понижение атмосферного давления. Сине-лиловые, зеленовато-бирюзовые цвета неба слились с зеленовато-золотистыми красками моря, поражая богатством тонов и оттенков. Краски потускнели, и серые облака вытянулись в огромную тучу, под которой всё ниже к горизонту опускалось солнце. Туча увеличивалась в размерах, напоминая своими очертаниями старинную крепость с башенками, стенами, уступами. Она заняла уже полнеба, быстро мрачнела, закрыла собой остывающий солнечный диск, лучи которого ещё прорывались сквозь её рваные края. Заметно посвежело. Повсюду стали видны белые гребни волн. Шквалистый ветер трепал тенты на шлюпках. «Робкий» раскачивался, клевал носом, когда мы подбирали убитых ранее китов. Плавники и губы у них были объедены акулами. Вода рядом с китами, смешанная с их кровью, отражая свет красных облаков, отливала дорогим бургундским вином, переливалась малиново-розовыми волнами. С шипением перекачивались через палубу волны, ударяли в ограждение ходового мостика, рассыпались мириадами брызг. Вой и свист ветра заглушали гул дизелей, непрерывно бухающих в машинных отделениях. С бортов стекали струйки воды из системы охлаждения – их горячий пот. Зазвонил телефон в гребном электроотделении. В трубке грохот и шум. И бодрый голос Бориса Далишнева:

– Гена! В машине темновато... Лампочка в плафоне перегорела... Сделай, чтобы всё абдемаг было!

Лампочек под рукой нет. Запасные в шкиперской на полубаке. Но как дойти до кладовой по палубе в такую волну? С минуту выжидаю, высчитываю секунды, за которые волны накрывают палубу и сбегают с неё. Вот нос судна погрузился, и вся передняя часть скрылась в зелёной воде... Вот носовая часть поднялась, и вода хлынула в клюзы, освобождая мокрую палубу. Успею добежать!

Я рванулся к двери шкиперской, но не успел ухватиться за рукоятку клинкета, поскользнулся, упал, вскочить не успел, как тотчас оказался по шею в воде. Палуба ушла из-под ног, и на несколько секунд я оказался плавающим в открытом море. Судно взлетело на волне, вода, стекая с палубы, протащила меня по цепям, болтам к правому борту, ударила о кнехты. С мостика в мой адрес полетели матюги вахтенного штурмана. Я попытался вскочить, но опять не успел, палуба опустилась, и я снова оказался на уровне забортовых волн. И счастье, что, отхлынув, они не унесли и меня с собой. С ушибами, насквозь мокрый, я лихорадочно вскочил, открыл дверь и лишь захлопнул её за собой, как она вздрогнула от мощного удара волны. Обратный путь с коробкой лампочек я пробежал без падений, покрываемый с мостика всё теми же отборными ругательствами.

С одним блювалом, самым крупным, пришвартованным по правому борту, и с парой других, чуть меньше, подвязанных за хвосты один за другим по левому борту, мы потащились к плавбазе. Распространяя вокруг себя тошнотворную вонь от жиротопных котлов, в окружении стаи мельтешащих в прожекторном луче чаек-глупышей и сновавших в воде акул, «Слава» лениво качалась в сотне миль западнее Гавайев. За её кормой, в очереди на разделку, на стальных тросах тащились киты, добытые другими китобойными судами флотилии. К ней, к матке своей, на полную мощь четырёх дизелей упирался против шквалистого ветра «Робкий». В свете его бортовых огней на фоне тьмы и пенных волн ужасающим блеском сверкали плавники на хвостах чудовищ. Они по краям обрезаны для удобства транспортировки и затаскивания убитых китов в слип плавзавода. Время от времени судно сотрясается от тяжёлых ударов китовых туш.

С китами, подхваченными за хвосты слева и справа, «Робкий» напоминал собой запоздавшего охотника, тащившего к светившему в темноте костру длинные ветки – подхватив подмышки под обе руки. Или усталого дачника, убиравшего с участка срубленные старые яблони – комлями вперёд, ветвями, чтобы не мешали, – назад. Шквалистый ветер навалился с такой силой, что «Робкий» начал раскачиваться, зарываться носом и принимать воду на палубу. Она гудела под ударами волн, которые, шипя, носились по отмытому до желтизны дощатому настилу, не успевая уйти за борт. Временами волна, разбившись о фальшборт, подхваченная ветром, проносилась над ходовым мостиком, обдавая нас тучей брызг. Брякали якорные цепи, вибрировал корпус, отчего дрожали поручни и тряслись переборочные двери, позванивали тарелки в посудном шкафу на камбузе. То и дело задирались корма, и оголённый винт рвал воздух. Всё труднее судну взбираться на водяные валы с

многотонными тушами. Всё яростнее накатываются волны на низкую палубу «Робкого», гремя цепями клюзов. Ключья белой пены срываются с их гребней. И вот уже всё тонет в рёве шторма, заглушающего перестук дизелей, молотящих на полную мощь. Слышны глухие удары о борта: китовые туши со скрежетом царапают их торчащими гарпунами.

Далеко за полночь визгливый лай Светки возвестил о подходе к «Славе», окутанной облаком пара, пропитанным тошнотворным запахом ворвани – китового жира. Мы отдали китов и, взлетая на волнах, заболтались рядом с плавбазой в ожидании почты. Днём раньше в район промысла приходил танкер из Владивостока, и каждый из нас надеялся на посылку или письмо. Стрела крана брякнула на палубу «Робкого» плетёную корзину, окованную обручами. В ней оказалось несколько обшитых серой тканью ящиков, мешок с газетами и письмами. Лишь только пустая корзина поднялась вверх, как «Робкий» затрясся в нетерпеливом ожидании бега и, словно застоявшийся конь, рванул в непроглядную штормовую ночь.

В такую болтанку мне опять дурно и не до выпивки. Я отдал коньяк и шоколадку милейшему Чугунову. Добродушное лицо первого электромеханика расплылось в благодарной улыбке. Ласково поглаживая бутылку и сочувствуя моей морской болезни, он готов хоть всю путину стоять вахту один. Набив рот кислыми лимонными дольками, я пластом упал в койку, где тошнота переносилась легче. Колыхалась в такт качке занавеска, и пепельница из уральского малахита, ударяясь в ограничительные планки, елозила по столу.

Охота на кашалота

Когда, обхватив руками клотик фок-мачты, я радостно кричал: «Вижу фонтаны!», когда ревниво смотрел на экран соревнования с другими китобойными судами за количество убитых китов, думал ли, что участвую в кровавой бойне беззащитных животных и наносю природе колоссальный вред? Беспокоила ли мысль, что, горя желанием уйти в море на зверобойной шхуне, буду убивать котиков и тюленей, стану живодёром, окропляя чистый снег кровью морских животных? И уж, конечно, и в голову мне не приходило, что пройдут годы, и буду чувствовать угрызения совести и вину за содеянное.

В последние дни путины, когда «Робкий» выполнил и перевыполнил план добычи китов, капитан Обжиров в виде развлечения позволил сделать выстрел по киту каждому члену экипажа. Подражая Кургановичу, я стоял у пушки на широко расставленных ногах. К большому финвалу «Робкий» подошёл метров на тридцать. На пару секунд я задержал прицельную планку на туше кита, круглой и гладкой, и нажал спуск. Выстрел грохнул, кит занырнул, и линь пошёл в глубину. Крики одобрения, аплодисменты на мостике. И громче всех мой голос с бака:

– Ура! Я попал!

В начавшейся суматохе по обработке убитого мною кита не сразу заметили китёныша, вертящегося в кровавой пене возле громадной туши финвала. Её накачали воздухом, подобрали к борту. Это оказалась кормящая самка. Из больших шарообразных сосков китихи обильно текло желтоватое тягуче-густое молоко. Немым укором жестокости по кровавому следу за нами долго плыл её детёныш, обречённый погибнуть от голода. Перед тем как мне выстрелить, пятиметровый малыш плыл с другой стороны рядом с матерью, скрытый её огромным туловищем. Я не видел его. С наступлением темноты несчастный китёнок затерялся в волнах.

...Пятый месяц промысловой путины. После сдачи четырёх финвалов «Робкий» отвалил от слипа плавбазы и сквозь ночную мглу устремился на юго-восток, где в тридцати милях от «Славы» ещё с вечера китобоец «Зоркий» обнаружил многочисленное скопление кашалотов. Полная луна выкатилась из-за облаков, поплыла в небе, освещая ровную поверхность моря, гладкую, как расплавленное серебро. Ярко горят звёзды. В тропических широтах они кажутся более крупными и низко висящими. Вдали, на лунной дорожке чернеет крошечный силуэт «Зоркого». Неслышно является рассвет в спящем океане. Вишнёво-розовыми тонами драгоценного турмалина отливают кучевые облака на востоке. Пенный след от винта «Робкого» прямой линией прочерчивает неподвижное, как стекло, море. Но вот он обрывается, расходится мелкими волнами: китобоец сбавляет ход и, плавно покачиваясь после быстрого бега, останавливается совсем. Неожиданно тишина оглашается восторженным криком дозорного из «вороньего гнезда»:

– Слева по носу фонтан!

«Дынь-дынь-дынь-дынь-дынь...» – гремят колокола громкого боя: сигнал охоты. Дворняга Светка тоже суетится, заявляет о своём пробуждении громким лаем. Во время охоты собака вертится на палубе, и не раз волны окатывали её, угрожая смыть за борт. Судно вздрагивает, сотрясается всем корпусом и срывается с места неутомимым рысаком. Вмиг всё на судне приходит в движение. Топот ног, лай собаки, громкие голоса, бряцанье цепей и гарпунов, буханье подвесных блоков на фок-мачте, скрип тросов на барабане лебёдки: с первыми проблесками зари трудовой день китобоев начался. Общая суматоха напоминает обстановку на корабле, где поднятый по тревоге личный состав разбегается по боевым постам. Одинокий кашалот, старый, обросший ракушками, покрытый рачками, огромный, как плавающая чёрная глыба, мирно плыл, выпуская над собой облачко водяной пыли. Его могучие хвостовые лопасти без всяких усилий поднимались и опускались, не создавая завихрений в спокойной зеленовато-серебристой воде, его обтекаемое тело, совершая волнообразные движения, словно парило в ней. Спереди кашалот схож с форштевнем подводной лодки, а голова составляет две трети туловища, отчего кит напоминает лягушачьего головастика. Приглушённый расстоянием, донёсся хлопок выстрела: «Зоркий» уже начал охоту. А «наш» могучий морской бродяга ушёл под воду. Куда он занырнул? Почуял шум винта и «дал хвоста» от опасности? Или тоже начал свою охоту на кальмаров? Ушёл в зелёную тень глубины, переходящую в фиолетовый сумрак, затем в чёрную тьму, где светятся рыбы и фантастического вида круглые, игольчатые, звездообразные моллюски. Быть может, пройдя сквозь толщу воды, неподвижной и мертвенно-холодной, кашалот хватается сейчас кальмара, сжимает его в пасти зубатой нижней челюстью? И там, во мраке, начинается битва гигантов? Длинными щупальцами, достигающими порой двадцати и более метров, кальмар обвивает голову кашалота, вгрызается ему в голову хищно изогнутым клювом, оставляя на коже рваные белые полосы – свидетельство смертельной схватки. Схватив добычу, кит устремляется наверх, где расправляется с хозяином мрачных глубин. Удивительно приспособлен кашалот к ныряниям на километровую глубину, туда, где вечно царят мрак и холод. Там живут кальмары-исполины, с которыми один кашалот может вступить в единоборство. Кашалот, воспетый в мифах и легендах как сказочное чудовище, легендарный Моби Дик из одноимённого романа Германа Мелвилла, один из загадочных и своеобразных морских млекопитающих, о которых слагались легенды ещё в античные времена. В них кашалот предстаёт перед нами как опаснейший и свирепейший обитатель океана. От него, от чудовища-кашалота, спасает дочь эфиопского царя прекрасную Андромеду древнегреческий герой Персей. Ни одно морское животное не порождает столько восхищения и страха. Полузверем, полубогом представлял себе Моби Дика капитан Ахав. Какими храбрыми, бесстрашными должны были быть китобои, охотившиеся на кашалотов, потопивших немало ботов с людьми! Этот кит и сегодня окутан покровом таинственности. Как удаётся ему выдерживать колоссальное давление воды, погружаться столь глубоко и на длительное время? Кит не приемлет морскую воду – он обрёл загадочную для всех учёных способность превращать солёную воду в пресную. Киты живут, прислушиваясь к голосам сородичей, недоступным слуху человека. Они мигрируют из одних вод в другие, безошибочно ориентируясь в пространстве и во времени.

Раскрыть эти тайны природы предстоит в будущем.

Раннее утро, тихое и спокойное, обещает славную охоту: помимо большого кашалота, которого гоняем мы, в разных местах моря, ограниченного круговым горизонтом, фонтанят стада китов. Над поверхностью ещё дремлющего океана, залитого мягким светом встающего солнца, в голубовато-сиреновом небе висит лёгкая дымка. Изредка над поверхностью воды, рассыпаясь серебристыми искорками, мелькают летучие рыбы. Случается, выскакивая из воды вблизи судна, они падают на палубу, трепеща длинными узкими плавниками, судорожно бьются в руках счастливец, кому удалось первому схватить их. Мокрые бока рыб сияют радужным блеском, а спинки их отливают металлической синевой. Пойманных рыб китобои засушивают на сувениры.

Далеко не романтическое это занятие – охота на китов! Скучная, однообразная работа по выполнению плана добычи мяса и жира. Известное изречение Юлия Цезаря «Пришёл, увидел, победил!» капитан Обжиров переиначил на свой лад: «Увидел, догнал, убил!» В тропиках жарница, духота. В северных широтах, в Антарктике холод, ветра с дождём. В редкие дни там тихая, ясная погода. Всё больше шторма, неуёмная качка. Завтраки, обеды, ужины часто всухомятку: бачки с супом, с компотом вылетают из квадратных углублений на электроплите. В такие непромысловые дни хмурыми, неразговорчивыми, вспылчивыми становятся китобои. Молча, с унылым видом стоят вахту:

на руле, у дизелей, в радиорубке, за штурманским столиком, в гребном электроотделении, в дозорной бочке на марсе. Что гнетёт их? О чём думают бородатые мужчины в сапогах из китовой кожи, в грубых штанах, подпоясанных широким ремнём, на котором висит нож? На шее каждого болтается брелок-амулет из кашалочьего зуба, а на переборке у койки приколоты кнопками фотографии любимой женщины, детей. Чем заняты их невесёлые мысли в часы вынужденного безделья? Невыполнением нормы добычи китов? Или тоской о родном доме? О лугах, пахнувших свежескошенной травой, и полянах, пестреющих цветами, о грибном лесе и камышовом озере? Точит китобоя тоска по берегу. А придёт с путины домой и скоро заскучает по необъятным морским далям. Таков уж характер человека, которому уготована судьба бороздить океанские просторы. Море – его жизнь и призвание.

Чтобы не только выполнить, но и перевыполнить план по добыче китов так, как того требовали соцобязательства, принимаемые всеми трудовыми коллективами, и в их числе экипажами китобойных судов, нужно было в течение сезона доставлять к плавбазе не менее двух-трёх китов в день. В некоторые дни мы загарпунивали семь-восемь, а то и десять-двенадцать. А бывало, за неделю-другую ни одного! Но вот сегодня, кажется, денёк будет успешным. Погода – как на заказ! И китов тьма. Со всех океанов сплылись они сюда, что ли? Стада в десятки, сотни голов фонтанят вокруг. Бывалый китобой старпом Емельянов объясняет мне:

– Мы сейчас южнее Гавайских островов на триста миль. В здешних тёплых водах в это время года киты воспроизводят потомство.

Близость Гавайев подтверждают «Орионы» – тяжёлые американские самолёты-противолодочники. С тягучим рёвом низко пролетают над нами, но мы в нейтральных водах и нам дела нет до их наблюдений за нашей охотой. Несмотря на непомерное количество китов, вспенивающих гладь моря на всей видимой глазу поверхности, мы продолжаем гонять одиночку-богодула, не примкнувшего ни к одному китовому стаду. В приморских портовых городах презренным словом «богодул» называют пожилых здоровых мужиков-выпивохов, не имеющих жены и детей, нигде не работающих, не бритых, обросших, неопрятных, болтающихся без дела. Вероятно, с ними сравнивают и блуждающих по океанам китов-отшельников. Китобои говорят, что киты живут лет сто. Сколько лет нашему богодулу – поди, спроси у него! Но что старый и хитрый, как умудрённая долгой жизнью ворона, это точно. От многих гарпунов ушёл, наверно, этот древний самец – скиталец морей, не подпускающий на выстрел. Уже несколько часов мы не даём ему покоя, в то время как «Зоркий» уже несколько раз бахнул из пушки.

– Павел Иванович! Может, бросим этого дедушку к чертям собачьим? Вон сколько их вокруг! Мы бы уже давно несколько штук взяли... – вслух выразил сомнение старпом. – Время только теряем. Богодул это... Учёный...

Обжиров непреклонен. Щурясь и попыхивая сигаретой, не отрывает глаз от чёрной спины кашалота, тёмной тенью скользившей у поверхности воды. Казалось, ещё немного, и мы подойдём к нему на выстрел. Но опять нам не достаёт каких-то полсотни метров: взмах широких лопастей хвоста, и кит исчезает в глубине. Молчит на баке у пушки и Курганович, не даёт команды повернуть на других китов. Что выражают амбиции приятелей, не одну путину проплававших вместе? Внутреннюю злость, упорство, задетое самолюбие, азарт охотников? Оба они опытные китобои, хорошо понимают море и друг друга. В каждом из них в соперничестве с изворотливым китом сейчас проснулся гордый, самонадеянный, властный и честолюбивый Ахав – герой всё того же романа Германа Мелвилла. Они не могли и не желали уступить, отказаться от дальнейшего преследования.

Охотиться на неповоротливых кашалотов легче, чем на проворных и быстрых голубых китов, но зато они очень чутки: «наш» кит, едва заслышав шум винта, тотчас, задрвав хвост, скрывается под водой. Застопорив ход, «Робкий» тихо скользит, разрезая острым носом зелёную волну. Все застыли на своих местах. Давно снят чехол с заряженной пушки. Не отходит от неё Курганович. Крутится у ног его Светка, но гарпунёр не отгоняет собаку. Встречная волна, ударяясь о нос судна, осыпает брызгами и гарпунёра, и собаку. Светка отряхивается, а Курганович, увлечённый погоней, не утирает мокрое лицо, не отрывает глаз от прицельной планки. Вдруг почти у самого форштевня с шумным сипением взметнулся фонтан. Кашалот наполовину выскакивает из воды, на секунду замирает на фоне сине-зелёной глади и с оглушительным шумом, подняв тучу сверкающих брызг, обрушивается в море. И ментально прогремел выстрел. В облаке сизого порохового дыма пушка, гарпунёр и лающая собака.

– Эх! – враз вырвалось у всех, кто стоял на мостике. Хитрый кит вынырнул так близко, что угол наклона пушки не позволял опустить ствол ниже. Однако нервы Кургановича сдали, он поторопил-

ся, взял прицел выше. Стокилограммовый гарпун, разматывая линь, ударил кита по корявой спине, отрикошетил и полетел ввысь на длину линя, дёрнулся и бумерангом пошёл назад.

– Ложись! – истошно заорали все, падая, кто где стоял, под защиту ограждения ходового мостика. Через пару секунд сработал детонатор и рванула граната. Толстые куски чугуна с дребезжащим воем пронесли над нами, пошлёпались в воду далеко за кормой. Там же упал и гарпун с линём.

– На войне как на войне! – пошутил кто-то. Происшествие никого не смутило: разрыв гранаты гарпуна, пролетевшего мимо цели, удары осколков по стальным бортам судна – явление не редкое в китобойной практике. Пушка заряжена новым гарпуном. Пока выбирался правый линь, левый уже подвязан, готов к выстрелу.

– Ну, теперь этот хитрец получил по хребтине, к нему не подойти будет, – выражая общее нетерпение, раздражённо сказал старпом.

Кашалот всплыл неподалёку, мощно фонтаня.

– Он играет с нами в кошки-мышки, – переводя рукоятку машинного телеграфа на «Самый малый!», не обратив внимание на слова старшего помощника, буркнул капитан. – Этот умник откровенно издевается над нами. За пацанов держит нас. Ладно, посмотрим, кто кого... Главное, создать одесский шум, похожий на базар...

Капитан и гарпунёр словно сговорились не прекращать охоту на «умного» кита. Кашалот чёрной горой всплывал метрах в ста то с левого борта, то с правого, то вдруг появлялся позади нас, шумно выдыхал фонтан и погружался. Временами казалось, что не мы его гоняем, а он заставляет нас крутиться, изматывает наши силы, испытывает терпение. Выходил почти рядом, но пока гарпунёр под крики с мостика «Миша, бей навскидку!» разворачивал пушку, «умник давал хвоста». Курганович дважды выстрелил по скользившей в воде чёрной спине кита, но оба раза промахнулся. Ему изменило самообладание и не хватило выдержки. Его раздражала неторопливость своего помощника, перезаряжавшего пушку, и после каждого промаха Курганович был готов схватить гарпун и шархнуть им по пушке.

Настырное стремление убить старого кашалота ни к чему не привело: в последний раз он всплыл на большом расстоянии. Постепенно удаляясь, «умный» кашалот-дедушка скрылся в лучах вечернего солнца, подкрашенный малиновым закатом. Курганович, ни на кого не глядя и придерживаясь за поручни переходного мостика, прошагал в свою каюту. Светка, виляя хвостом, прыгала перед ним.

– Всё! Море на замок! Дым в трубу, дрова – в исходное! Останемся здесь до утра... Лечь в дрейф! – приказал капитан Обжиров, уходя с мостика. Быть может, он не терял надежду отыскать завтра упрямого кита. «Зоркий» в этот день добыл четырнадцать кашалотов. Подошедшие позже «Гневный» и «Властный» – по девять. «Звёздный» и «Зовущий» взяли по семь китов. Остальные китобойцы тоже – кто два, кто три. Мы – ни одного. Можно было представить изумление руководства флотилии, когда капитан, сославшись на неисправность руля, который лишь к вечеру «починили», доложил о нулевом результате дневной охоты. И это при отличной погоде, при огромном скоплении китов! «“Робкий” он и есть “Робкий”!» – сказали на плавбазе. К ночи небо стало мглистым и непрозрачно тёмным. Разыгрался шторм. Ураганный ветер гнал огромные волны, срывал с них пенные верхушки, набрасывался на судно страшными, неукротимыми порывами, швырял брызги в лицо рулевому. Удары днища о воду сотрясали всё судно. Гигантские волны то поднимали его, то, отхлынув, швыряли в раскрывшуюся бездну. Повисая на вершине вала, китобоец резко кренится, падает в провал между водяными холмами. Грохот падающего с полки незакреплённого по забывчивости радиоприёмника, звон разбиваемой стеклянной банки с болгарским вишнёвым компотом, стук пепельницы о края стола. В такт качке раскачивается занавеска. Прерывисто-попеременно жужжит в корме рулевое устройство: «жжжж...» – перо влево, «жжжж...» – вправо. На мостике, в бледном свете топового огня, закутавшись в плащ, одиноким призраком маячит у руля Федя Филинов, стараясь удержать «Робкого» носом к волне. Я знаю, что сейчас Федя, глядя на бушующий во мраке океан, отпускает тираду крепких морских слов, разьедающих моряку душу, если он будет держать их при себе, а злость разрывает её, рвётся наружу. Могу даже поспорить на банку компота, что не ошибусь, если скажу, что смысл его ругани сводится к тому, что был славный день, предоставлялась возможность хорошо заработать. Но этот чёртов кит! Дался он капитану и гарпунёру! Сколько было кругом других, покладистых, непуганых... И ещё этот проклятый шторм! Где их завтра найдёшь в такой кутерьме?! И ещё я знаю, что, наругавшись, Федя запоёт свою любимую:

Пусть волны бушуют, и ветер кружит,
И пенный вздымается вал,
Моряк, не тужи и упорно держи
Железной рукою штурвал.

Привязавшись ремнём к койке, засунув между собой и переборкой подушку, чтобы не валиться с боку на бок, я с нарастающим беспокойством прислушивался к завыванию бешеного ветра в вантах, заглушающего уханье волн, перекатывающихся через носовую палубу. Ураган не утихал, и, сморённый монотонно-ухающим гулом моря за стальной переборкой, отделяющей меня от бесноватой стихии и мрака глубин, я впал в глубокий и беспробудный сон.

Вблизи Курил

Был сентябрь... Далеко позади остались тёплые тропические воды, зеркально-гладкие, прозрачно-зелёные, с плавающими на них «португальскими парусниками» – физалиями, летучими рыбами, пурпурно-багряными закатами и нежно-розовыми рассветами. В это время года киты плывут на север. Китобойная база «Слава» медленно продвигалась за ними, оставляя за собой сизое вонючее облако из труб жиротопных котлов. Пенно-рыжий след за кормой, непрерывно пополняемый кровавыми стоками с палубы, в котором с криками бултыхались глупыши, стелился за ней.

Впереди шли китобойцы. Их силуэты, смягчённые дымкой расстояния, маячили у горизонта, откуда изредка доносились хлопки пушечных выстрелов. Погода была относительно тёплая и ясная, видимость отличная, что в осенние месяцы в северных широтах чаще всего является признаком надвигающегося шторма. Мы охотимся вблизи Курильских островов, с западной стороны Парамушира, обращённой к Охотскому морю. В школьные годы, мечтательно путешествуя по географической карте, я много раз мысленно представлял себе Курильские острова: снежные вершины вулканов, безлюдные скалы, оваянные штормовыми ветрами, омытые океанскими волнами, первыми встречающие рассвет. Я пообещал себе, что когда-нибудь обязательно побываю там, где стойко защищал границу СССР мужественный моряк лейтенант Колосков – мой любимый герой из рассказов Сергея Диковского «Приключения катера “Смелый”». И вот не в мечтах – воочию вижу, как всего в нескольких милях от острова Атласова преследует стадо кашалотов разгорячённый охотой «Робкий». Моим собственным глазам предстали острова, вблизи которых ведёт промысел флотилия «Слава». Подобно охотнику на лис, она распускает своих гончих псов-китобойцев то у Северной гряды, состоящей из Шумшу, Парамушира, островов Атласова и Анциферова. То спускается южнее, к Средней группе островов. И тогда карта в штурманской рубке пестрит неизвестными названиями: Маканруши, скалы Авось, Онекотан, Экаруша, скалы Ловушки, Матуа, Расшуа, Чёрные Братья и другие. Но кашалоты в поисках кальмаров, каракатиц мигрируют ещё южнее, и в пределах видимости возникают Уруп, Итуруп, Кунашир, Шикотан и мелкие острова Осколки, где висят по утрам над морем туманы. Подкрашенная пеплом курящихся белёсым дымком вулканов, на 1175 километров протянулась цепь островов между Камчаткой и Японией. Один из них – остров Атласова – произвёл впечатление, сравнимое с чувствами, какие испытал, глядя на торжественно-суровые полотна Святослава Рериха и Рокуэлла Кента: холодные, неприступные вершины Гималаев, снежные пики, достающие до неба, олицетворяющие величие природы, её несокрушимую мощь, вечность мира, созданного Богом. Незабываемая картина: на 2339 метров взметнувшийся над морем вулкан Алаид! Не сравнится с ним в красоте японская Фудзияма-сан!

– Выходят! Полрумба вправо по курсу!

Громкий голос марсового матроса отвлек от размышлений о Курилах. Начинается привычная беготня на палубе, возня гарпунёра и его помощника у пушки. Шелест и плеск волны, встреченной высокоим форштевнем «Робкого», рассыпавшейся брызгами на баке. Завывание моторов на лебёдках, подтягивающих тросы. Спихватившись, что не приготовил «плавучку», бегу в электроотделение, возвращаюсь с аккумулятором, креплю его к бамбуковому шесту. Соединяю проводки – лампочка вспыхивает. Моя миссия выполнена. Матросы подвезут «плавучку» к хвосту кита и швырнут за борт. Поднимаюсь на мостик. Отсюда картина охоты как на ладони. Над безбрежными волнами издали виднелись паробразные облачка фонтанов. Словно гейзеры, они струями били из воды, рас-

пылясь парообразными облачками. Стадо кашалотов пытается уйти от преследования. Но куда им, бедолагам, состязаться с «Робким»?! Четыре дизель-генератора, без устали пожирая тонны соляра, гонят судно вперёд. Не проходит и десяти минут, как «Робкий» настигает их. Стадо то исчезает в воде – сверху видны скользкие в ней тени, то, выдыхая фонтаны, появляется вновь среди небольших волн. Китобоец на малых оборотах винта приближается к ним. Крайний слева кит, самый большой в стаде, метров двадцати длиной, каменной глыбой выходит на поверхность, на несколько секунд подставляет бок, и тотчас гремит выстрел. Гарпун, молниеносно разматывая линь, почти целиком вонзается в тело кита. С проворством рыбы, взятой на крючок, кашалот вскидывается вверх, опрокидывается с оглушительным всплеском скалы, обрушенной в море, и от взмаха лопастей широкого хвоста стремительно уходит в глубину. Под водой раздаётся глухой стук: в теле кита разорвалась граната. Со скрипом провис блок пружинного амортизатора. Кит на линии! Бурлит вода за кормой: «Робкий» отработывает задний ход, чтобы не наехать на линь, не намотать его на винт. Такой случай уже был в нашей практике. Болтались в дрейфе, пока «Властный» не привёз водолаза с плавбазы. А ещё – это было до меня – под «Робкого» поднырнул загарпуненный кит, прошёл под самым килем, и винт изрубил ему спину. Лопастей погнулись, пришлось вызывать водолазов и менять винт, благо запасной всегда лежит на корме.

Недолго раненый кит остаётся под водой. Удачный выстрел! Гарпун поразил кашалота в убойное место – под левый ласт! Чёрная спина показывается в кровавой пене. Животное бессильно бьёт хвостом, выбрасывает кровавый фонтан, окрашивая воду вокруг себя в малиново-алые, красно-розовые тона. От боли кит изрыгнул съеденных кальмаров, и вокруг него плавают их ошметки, привлекая прожорливых чаек-глупышей. Какое-то время, тяжело вздыхая, кашалот мучается, борясь со смертью, но чугунные осколки разворотили ему лёгкие, и невольный он уже обитатель океана, а сырьё китобойного промысла. Если бы кит был наделён голосом, как слон, лев, медведь или тигр, какой чудовищный рёв разнёсся бы сейчас над морем, заглушая крики перепуганных китобоев! Но молча, без стонов умирает самое большое млекопитающее на планете. Посылает прощальные ультразвуковые сигналы сородичам, не воспринимаемые человеческим ухом, делает последние кровавые выдохи. Затихнув, кашалот всплывает вверх светлым брюхом, покачивается в кровавых волнах. Гудит лебёдка. Стармех Чупров, не выпуская трубку изо рта, равнодушно, как на живодёрне, подтягивает к борту тушу убитого кита. В неё моментально втыкается полая пика с воздушным шлангом. К хвосту накачанного воздухом кита подвязывается «плавучка»-светлячок с радиобуем, и вот уже нетерпеливым жеребцом «Робкий» несётся догонять уплывшее стадо.

– Вон они! Их там больше десяти! – снова кричит Макс Васильев. Высунувшись по грудь из бочки на фок-мачте, марсовый рукой показывает направление на китов.

Минут двадцать хода, и вдали можно различить лёгкий парок над волнами – то фонтанят кашалоты. Не уйти им и на этот раз! Слишком уязвимы они в спокойном море, бессильны перед стальным, грохочущим судном и беззащитны перед его пушкой калибра девяносто миллиметров. Опять гремит выстрел, и раненый кит уходит под воду. Несколько раз несчастное животное выныривает, шумно выдыхает пламенеющий кровью фонтан. Учёные утверждают, что китообразные обладают интеллектом, развитым больше, чем у самых умных собак или у обезьян. О чём «думал» кашалот, делая последние отчаянные попытки оборвать линь? Жаль, что ещё ни один писатель-мистик или фантаст не «оживил» в своём триллере изобретателя гарпунной пушки Свенда Фойна, вдруг ставшего по сюжету кашалотом. Много чего рассказал бы он людям о страхах и муках китов. Вот и говорят: «О покойниках либо хорошее, либо ничего». Что же хорошего сказать про злодея в мировом масштабе? И молчать никак нельзя – история китобойного промысла не позволяет. Я тогда на мостике «Робкого» так не думал. Кутаясь в штормовку от свежего ветра, коротал время, свободное от вахты, возле рулевого.

Всё слабее рывки кита. Он делает отчаянные попытки оборвать линь, но крепко держат стальные лапы гарпуна, и не дремлет у лебёдки стармех Чупров. Перекидываясь словами с боцманом, он зорко следит за натяжкой троса. Провис блок: даст слабины. Поднялся выше – выберет её. И всё ближе, ближе подтягивает выбившегося из сил кита. Дымя курительной трубкой, стармех вовсе не чувствует себя живодёром, деловито и спокойно двигает рычагами лебёдки. А мне в тот момент вспомнились девушки-студентки технологического института на мясокомбинате Владивостока, куда мы, курсанты учебного отряда подводного плавания, приезжали за каким-то грузом. Они стояли на подмостках, а мимо них по узкому проходу из досок один за другим шли быки. Девушки хохотали над какой-то

институтской историей и между делом тыкали в быков деревянными палками с электрическими наконечниками. Быки падали на ленту транспортёра и ехали дальше на боку. Ещё там тётя в фартуке хватала из загона поросят за заднюю ногу и живьём окунала в ванну с кипятком. Так запросто!

Слаженно работает команда «Робкого». Больше урьём китов – больше денег получим. Со звоном вгоняет в ствол пушки новый гарпун Евгений Кузнецов. Медлительный, неповоротливый, с большим животом, но сильный, как медведь. Не каждому по плечу управиться на скользкой палубе со снаряжённым гарпуном весом более восьмидесяти килограммов. Устремив взгляд вдаль, держится за пушку молчаливый Курганович. Время от времени гарпунёр искоса посматривает на матросов. «Шевелятся как неживые...» – казалось, говорил его взгляд. Капитан Обжиров, не вмешиваясь в дела работавших на палубе, наблюдает за действиями команды. «Всё нормально... Молодцы, мужики», можно было прочесть на спокойном лице капитана. Его рука на машинном телеграфе. Боцман Ануфриев выбрасывает за борт «плавучку» и кивает ему: «Готово!» Обжиров тотчас толкает рукоятку на «Самый полный!», и снова судно, дрожа всем корпусом, возобновляет погоню. Но волны уже круче, перекачиваются через низкие борта. «Воронье гнездо» раскачивается вместе с мачтой, и голова Макса торчит из неё. Уцепившись за края бочки, марсовый сидит в ней, не отводя глаз от редких фонтанов, облачками пара возникающими над белой бахромой волн. Догнали... Убили... Накачали воздухом... Подвязали «плавучки»... Понеслись дальше...

Охота шла успешно. Ни разу не промахнулся Курганович. Но море уже разгулялось, словно пытаясь спрятать в волнах оставшихся в живых китов. Их спины, отливающие свинцово-стальным блеском, отполированными рифами показывались и скрывались в провалах между водяными валами. Но теперь кашалоты были в безопасности: отказавшись от их преследования, «Робкий» с трудом продвигался к убитым китам, туши которых, помеченные «флагами», невидимые глазу, плавали где-то милях в двадцати на траверзе острова Атласова. В этот день мы добыли девять кашалотов. Одного по просьбе капитана Обжирова подобрал «Звёздный», а остальных, принайтованных через клюзы цепями за хвосты, по четыре с каждого борта, «Робкий», измотанный качкой, прибуксировал к «Славе» далеко за полночь. Едва доставая клотиком мачты до ходового мостика «Славы», «Робкий» болтался на волнах рядом с ней в очереди на сдачу китов. Освободившись от неудобного, приятно тяжелившего груза – по принципу: «Своя ноша не тянет», усталый китобоец на всех оборотах винта поспешил в новый район промысла. С плавбазы получили радиogramму: «Следуйте к островам Малой Курильской гряды».

Мы легли в дрейф на виду острова Шикотан в ожидании «Славы». Вонючая немецкая посудина, прославленная героиня антарктических походов и фильма «Белая акация», теперь плелась старой ключей где-то далеко позади. Бесперывно мотыляя огромными шатунами паровой машины, шипя тошнотворными трубами жиротопных котлов, китобойная матка давала знать о себе сиплыми гудками. Как курица-клушка, растерявшая цыплят и с кудахтаньем бегущая вслед за ними, чтобы подобрать под крыло, плавбаза торопилась догнать убежавших китобойцев.

Делая почти по двадцать узлов, «Робкий» резво обскакал «Резвого», «Резкого», «Быстрого», «Разящего» и других «собратьев» по флотилии, носителей звучных имён. Сей примечательный факт, само собой, не остался без комментариев Бориса Далишнева. Моторист по команде с мостика заглушил дизеля, выбрался наверх, деловито осмотрелся и, не найдя на горизонте ни одного знакомого профиля, радостно хлопнул меня замасленной ладонью:

– Сделали мы их, Генаха! Как последних фраеров! Им сено вилоккой косить, а не за «Робким» гоняться!

– Ещё бы! Ты такой жути нагнал на дизеля, что они чуть не выпрыгнули!

– Всё абдемаг! Пусть знают, ёшкин кот, что с «Робким» тягаться – только пуп рвать понапрасну. Ладно, пойду, мне ещё в машине прибраться...

Довольный сам собою, моторист ушёл, весело напевая. Я остался на мостике, любясь красками угасающего дня. Море, принявшее золотисто-пурпурный оттенок полированной меди, сливалось с горизонтом сплошной бледно-золотой полосой, край неба принимал красноватый оттенок, и на фоне его горела обрамлённая огненной короной жёлтая половинка солнечного диска, медленно погружалась в сверкающую водную даль. Груды облаков, сбиваясь в кучи причудливых очертаний и форм, плыли над ней, окрашиваясь из пурпурно-лиловых в кроваво-красные цвета. Края облаков, по мере того как опускалось солнце, становились то нежно-бирюзовыми, то зеленовато-розовыми. Но вот оно скры-

лось, последний луч вспыхнул и погас. Краски заката потускнели, уступая синеве прозрачного тумана. Сумерки тихого, тёплого вечера сгустились над атласной гладью моря. В непривычной уху тишине смолкнувших дизелей и уснувшего моря не слышно ни шелеста волн, ни шороха ветерка. Лишь стояночный двигатель, обеспечивая судно электроэнергией, напоминает о себе лёгким дрожанием палубы. Истинный рай для моряка: полный штиль, южная ночь и тишина на дрейфующем судне!

Вдали мерцают огни посёлков Малокурильского и Крабово-заводского. Там круглые сутки, не останавливаясь, работают рыбоконсервные заводы. А вокруг нас переливаются, сверкают разноцветные огни: жёлтые, зелёные, красные, синие. Словно большой плавающий город раскинулся в этой части океана: с лаем собак, музыкой магнитофонов, отрывистыми командами судовых динамиков, лязгом крановых стрел и вспышками прожекторов.

Акватория вокруг Шикотана – единственное место в Мировом океане, где водится сайра. Консервные банки с этой вкусной рыбёшкой, изготовленной на Шикотане, известны всем и каждому. С августа по октябрь рыболовные сейнеры России ведут промысел сайры в водах Шикотана. Ещё здесь добываются минтай, треска, камбала, навага, корюшка, терпуг, палтус, горбуша, сима, кета, осьминог, «морская капуста». Кстати сказать, подводные «луга и леса» водорослей «морской капусты» окружают все острова Курильской гряды. Огни на сейнерах мигают, вспыхивают, тухнут, зажигаются вновь – такова специфика лова сайры. Вначале с борта сейнера в воду направлены рефлекторы синих ламп. Привлечённый мягким светом косяк сайры собирается в синем пятне. Вдруг его ошарашивает яркий красный свет. Ошалевшая от снопа красного цвета сайра мечется в его круге, не выходит из него, становится добычей рыбаков. Десятки, сотни тонн этой ценной рыбы заполняют пузатые трюмы сейнеров. С осадкой корпуса «под завязку», пыхтя, отплываваясь горячей водой из машин, корячатся большие и малые траулеры, сейнеры, шхуны, кунгасы, шлюпки, баркасы – всё, что плавает и может шевелить веслом, – прут рыбу на Шикотан.

Да... А что же мы?

Первый электромеханик Чугунов – заядлый рыбак. Пока во Владике стояли в ремонте, он все выходные просидел на льду Амурского залива с подлёдной удочкой. Корюшку, пахнущую свежими огурцами, ловил. Не утерпел и сейчас. Пользуясь затишьем дрейфа, вышел на палубу с удочкой-кальмарницей и парой круглых сачков, насаженных на длинные бамбуковые шесты. За неимением синей лампы, включил обыкновенный прожектор, направил его луч на воду у правого борта. Высветился яркий круг. В нём, как в большом аквариуме, сновали блестящие рыбки, розовыми шапками колыхались медузы. Из глубины показались кальмары.

– Чего смотришь? Иди помогай! – крикнул мне Чугунов, накрывая сачком плавающую у поверхности сайру. Поднял его – в нём билась всего одна рыбёшка. Остальные две или три, задетые сачком, безжизненно плавали, медленно погружаясь в тёмную глубину. На них пикировали кальмары, хватая щупальцами.

– Какие мы нежные! – недовольно ворчит Чугунов. – Чуть задел сачком – они и брюхом вверх, дохлые уже.

После каждого удара сачком по воде Чугунов черпает из тучи снующей у борта сайры не больше одной-двух рыбёшек: успевают они ускользнуть из сачка. Но те, что выпрыгнули, сразу безжизненно плавают, становясь лёгкой добычей кальмаров. Я тоже пробую подхватить сачком сайру, но черпаю лишь одну воду.

– Ладно, принеси обрез и не трать время, лови кальмаров! – увлечённый рыбалкой, азартно крикнул мне Чугунов. Возле него на палубе в беспорядке валялись мелкие, сантиметров двадцати, узкие серебристые рыбёшки.

– Куда нам столько? – собирая рыбу в обрез, спросил я. Чугунов только отмахнулся. И вытряхивая рыбу из сачка, торопливо ответил:

– Мы с тобой одни на судне, что ли? Придём сейчас, на всех заварганим... Сайру в пергаменте, в духовочке запечём, со специями... Ребятам после вахты помыться надо... Им не до рыбалки...

И то правда. Забыл я, что считаюсь на судне привилегированной кастой. Судовой интеллигенцией, так сказать. Электриком-«светилой» балду пинаю. Лампочка и та за вахту не перегорит, чтобы поменять. Всё крутится, всё вертится. Не сравнить мою вахту в гребном отделении с работой матросов, и особенно мотористов. Им достаётся порой так, что обывателю на берегу не приснится и в страшном сне. Бесплезно людям, далёким от работы в море, рассказывать, объяснять – всё равно не поймут, что

такое в шторм менять вкладыши на коленвале дизеля, когда тяжеленная головка цилиндра, подвешенная на цепях, вырвавшись из рук, летает над головой. Её надо поймать, удержать, посадить на болты. И всё это в качку, когда не знаешь, как устоять на ногах. В машине жара неимоверная, не продохнуть от выхлопных газов, выедающих глаза, а нутро выворачивает болтанка. По-настоящему знают, что такое быть сильным, парни на палубах, за штурвалами на мостиках, в штурманских рубках, в машинных отделениях. Быть сильным – это вовсе не обязательно иметь пудовые кулаки и, бахвальства ради, поднимать якоря или быков на ферме. Были, попадали на промысловый флот и такие, но при первой возможности списывались на берег. А попросту – сбежали. Жилка тонка оказывалась у некоторых силачей, а душа в пятки уходила. Иной парняга на берегу лом гнёт, а в море, в шторм, не в силах даже поднять этот лом, чтобы выйти с ним в мороз на ледяную палубу и скалывать лёд с бортов, с поручней, с брашпиля, окатываемых водой, замерзающей на лету. Ещё позавчера так и было. Механики и мотористы, не считаясь с тем, кто на вахте, кто свободен, меняли эти самые вкладыши, которые часто выходили из строя на втором дизеле. И потому днём и ночью можно было увидеть третьего механика в мастерской с шабером в руках. Потный, грязный, он с неприкаянным видом зачищал внутренние поверхности только что отлитых из баббита новых вкладышей. Не до рыбалки сейчас матросам и мотористам. Рады прохладному душу, отдыху в чистых постелях. Матрос-дневальный Витька Ключкин по такому случаю поменял всем простыни, наволочки, полотенца.

В круге жёлтого света прожектора появляется кальмар, привлечённый светом. Он поднялся поохотиться на сайру. Эта мочалка с плоским хвостом – живой реактивный двигатель. Ритмичными движениями выталкивает из себя струи воды и подкрадывается к стайке мельтешащей сайры.

Беру удочку-кальмарницу, опускаю за борт, подёргиваю лесу. Пучеглазый хищник не заставляет долго ждать: следует рывок, поднимаю толстое бамбуковое удилище, похожее на оглоблю, выволакиваю на палубу полуметрового кальмара. С непривычки боязно братья за это гладкое страшилище с жутко выпученными глазами под бахромой щупалец. Забавно их ловить. Вот в прозрачной воде медленно и настороженно плывёт кальмар. Горизонтальные лопасти хвоста работают вверх-вниз. Кальмар движется вперёд. Распустил пучок щупальцев, как дед бороду. Осторожно подвожу к нему кальмарницу, утыканную острыми крючками. Хитрец почувал опасность, выпустил чернильное облако, как за дымовой завесой укрылся за ним. Вот ещё один заметил болтающуюся ярко-красную кальмарницу, но вдруг, испугавшись, резко отъехал ... задним ходом. Способный парень – реактивной тягой пользуется! Вытолкнет водяную струю и лихо отъедет назад метров на пять. Поплавал в сторонке и неожиданно на кальмарницу наехал, обхватил её щупальцами и попался дружок. Шмяк – и вот он, вытаращив круглые птичьи глаза, пищит в куче других моллюсков. Пищат они оттого, что вода выходит из трубчатых тел-ракет.

Принесли мы свой улов на камбуз. Кок Шитов, понятно, спит. Свет, плиты включили. Почистили рыбу, кальмаров. Кстати, от последних у меня руки словно в чернилах побывали. Сайру, слегка посоленную, перчиком посыпанную, лаврушкой сдобренную, пергаментом обёрнутую, в духовке запекли. Кальмаров в морской воде отварили. Красные они стали, разбухшие, разопревшие. Потом кольцами нарезали, с луком репчатым на сливочном масле обжарили. Попробовали – вкуснятина! А тут и парни подошли. Распаренные душем, разомлевшие, расслабленные отдыхом. В чистое переоделись. За стол в кают-компанию уселись. Ждут. Чугунов свой поднос ставит. Сайра горячая, жирок из неё сочится, парком исходит, пряностями нос щекотит. Я противень жареного кальмара подаю. Витька Ключкин за перегородкой киноленту вставляет. Тухнет свет. На экране-простыне кадры фильма быстро-быстро вверх ногами побежали.

– Сапожник! – все враз ногами застучали. – Про любовь давай!

Хохот, смех, шорох пергамента с сайрой. Звяканье противня с кальмаром. Яркая звёздочка смотрит в открытый иллюминатор. За ним тёплая, непроглядно-чёрная ночь и гладь моря. Ключкин запускает «Украину» – старенькую киноустановку, сам выглядывает в квадратное окошечко, из которого бьёт яркий луч. На экране бегут титры виденного много раз фильма «Свадьба с приданным».

Шторка, свисающая с подволока над иллюминатором, не шелохнётся. Широта Шикотана – субтропики. Жарко и душно.

Боцман Ануфриев, потягиваясь, произносит фразу, косвенно имеющую отношение к фильму про любовь:

– Эх, на Шикотан бы сейчас...

– Да-а... В разгар сезона там семнадцать тыщ девиц собирается со всего Союза, – поддакивает Макс Васильев, привалившийся на диване с полотенцем на шее.

– Сейчас в аккурат самый сезон и есть... Всё молодняк! Студентки из стройотрядов, – уточнил из кинобудки Витька Ключник.

– Меня бы в ту малину хоть на один денёк... – мечтательно вздыхает Федя Филинов. – Я бы навёл там шороху...

– Пошли наверх, покурим... – предлагает боцман. – И на боковую пора. Выключай, Витька, свою тарахтелку.

Покурили. Спать пошли. Чёрные мачты «Робкого», освещённые топовыми огнями, казалось, задевали клотиками за низко висящие звёзды. То одна из них, то другая срывалась и, рассыпаясь трепетными искрами, падала в тёмное море, расцвеченное огнями сейнеров. Океанский бриз принёс прохладу, приятно обдувая наши разгорячённые тела. Отголоски далёкого шторма плавной, гладкой зыбью покачивали судно. В бархатной темноте августовской ночи море слегка фосфоресцировало от присутствия живых организмов, населяющих тропические воды. Блескучие зеленоватые складки воды разбегались от форштевня, разбрасывали дрожащие огоньки. Они вспыхивали на мгновения и, рассыпаясь во множестве, гасли. В зелёно-голубой пене яркими алмазами сверкали медузы. Полный штиль. Звёзды, рассыпанные в небе, отражаются на спокойной глади океана, словно в зеркале. Тёмную опрокинутую чашу небесного свода высветила широкая бледно-голубая дорога Млечного Пути. До чего же хороша ты, тёплая южная ночь, в спокойном море! Так и плавал бы в нём всю жизнь!

На Краю Света

Рулевой Федя Филинов, уставший от монотонной вахты, предлагает мне:

– Хочешь порулить?

– Давай порулю, всё равно торчу рядом с тобой, – с готовностью отзываюсь я. Сменившись с вахты в гребном отделении, я два часа напрасно просидел в «вороньем гнезде», высматривая китов, ни одного фонтана не увидел и теперь коротал время на мостике. Штурвала здесь нет. В ходовой рубке тоже нет. Вместо них вертикально торчащие рукоятки управления электроприводами. Нажал влево – электромотор в корме зажужжит, отвернёт перо руля влево. Нажал вправо – мотор зажужжит в обратную сторону, повернёт румпельный сектор вправо. Все дела! Поглядывай на стрелку компаса, держи на нужном градусе, следи за горизонтом.

Да... И вот, значит, стою я и рулю китобойным судном! Скажи кому! Что-то чёрное на волнах бултыхается. Старпом Емельянов бинокль к глазам поднёс, долго всматривался, плечами пожал.

– Посмотрим, Михалыч? Вдруг, человек, упавший за борт с проходящего судна, за ящик какой-нибудь цепляется? – спрашивает Федя Филинов.

Старпом согласно кивает головой. Ручка влево – и понеслись к незнакомому предмету. Всякое случается в море. Попадаются плавающие со времён войны мины. Манёвр не остаётся незамеченным капитаном. У него в каюте есть репитер компаса. Из переговорной трубы обеспокоенный голос Обжирова:

– На мостике! Почему сменили курс?

– Слева по курсу в нескольких кабельтовых от нас плавает неопознанный предмет, Павел Иванович... Решили обследовать.

Подходим ближе. В волнах крутится деревянная сельдевая бочка. Над ней... Какая жалость! Над бочкой машет крыльями коршун. Он пытается сесть на неё, быстро-быстро перебирает лапами, бочка вращается, птица не может удержаться на ней. Бедный коршун! Каким ветром занесло тебя в океан? Ослабевший стервятник, видимо, заметил с высоты полёта предательскую бочку, спланировал на неё с намерением отдохнуть, но увы... От Шикотана мы удалились к северо-востоку на двести семьдесят пять миль, а это, как сказал Федя Филинов: «Пол тыщи вёрст с гаком!» Не долететь ему до суши, отошавшему без пищи и пресной воды. И нет у него сил махать крыльями. Подвожу корму «Робкого» к бочке: перелетай, садись на шлюпочную палубу! Коршун тяжело отрывается от вертящейся бочки, отлетает недалеко, кружит над волнами. Мы убрали обороты, стоим, покачиваемся на месте. Стервятник из последних сил держится над водой так низко, что брызги волн обдают его уже намокшие крылья.

– Вот недотёпа, – бурчит старпом, поглядывая на часы. – Садись и катайся сколь хошь. Рыбы, мяса, воды дадим вволю. Не понимаешь, ястребиная твоя душа, что это последний твой шанс!

Минут через пять Емельянов перевёл рукоятку машинного телеграфа на «Полный вперёд!» и отошёл к штурманскому столику.

– Ложиться на прежний курс, – вздохнув, расстроено сказал он.

– Есть на прежний курс, – так же огорчённо ответил я. Было видно, как ястреб вернулся к бочке, пытаясь сесть на неё, махал крыльями и всё бежал, бежал... Скоро бочка снова стала пятнышком и совсем пропала из виду.

– Вот циркач, – шоркая стиральной резинкой по карте, пробухтел старпом.

– Крантец ему, – отворачиваясь, проговорил Федя Филинов.

– На, рули сам, мне за это деньги не платят, – отходя от нактоуза, сказал я ему, стараясь обратить в шутку свои слова. На душе было так скверно, словно мы бросили в море утопающего человека. А вообще случалось, перелётные птицы, какие-то пичуги, облепляли надстройки «Робкого». Отдохнув, срывались стаей и улетали неизвестно куда. Ещё ночами на свет топовых огней иногда летели утки, врезались в мачты, падали с перебитыми крыльями на палубу. Ну, те, понятно, напрямик отправлялись на камбуз. Невесёлые мысли о гибнущем коршуне вмиг развеяла команда капитана:

– Курс зюйд-вест! Сообщение с базы: «В тридцати милях юго-западнее наших координат “Разящий” обнаружил скопления китов».

Не прошло и двух часов, как боцман Ануфриев первым разглядел фонтаны. Море было относительно спокойным, но, казалось, оно кипело от множества всплесков и выдыхаемых китами струй. Сотни или даже тысячи китов собрались здесь в бесчисленное скопище. И слева и справа – до самого горизонта – море исходило белыми облачками лёгкого пара: то фонтанили киты. Но что это?! Они сплылись большими стадами в огромные круги. Тесно прижавшись боками, головами вовнутрь круга, киты приподнимали хвосты и неистово молотили ими по воде. Внутри замкнутого круга, как в огромном бассейне, плавали детёныши и молодые киты, брызгали жиденькими фонтанчиками. Скоро стала понятна причина всеобщего китового сумасшествия: между круговыми стадами китов поверхность моря рассекали высокие плавники касаток. Узкие и длинные, они, словно чёрные лезвия ножей, зловеще резали воду. Касатки шли одна за другой, чётко соблюдая кильватерный строй, и, если первая поворачивала влево, все разом синхронно поворачивали влево. Вожак сворачивал вправо или шёл прямо, и вся стая касаток точь-в-точь повторяла его движения. Было жутко наблюдать их плавные пируэты, выписываемые торчащими из воды плавниками, и при этом не видеть самих касаток. Временами они выскакивали из воды, описывали крутую дугу и уходили на глубину. Зубатые хищницы за манеру охотиться стаями снискали злую славу морских волков, китов-убийц.

Взрослые киты, напуганные нашествием свирепых врагов, бешено отбивались мощными ударами хвостовых лопастей, попасть под которые означало для касаток остаться с перебитым хребтом. Не решаясь нападать на взрослых и сильных китов, они рыскали между стадами, выискивая малолетних одиночек, не успевших найти спасение в круге. Там, где ещё недавно фонтанил тот или другой молодой кит, вода окрашивалась в малиново-розовый цвет. Бескрайняя акватория моря в этом районе напоминала грандиозное сражение: касатки разрывают в клочья китов-одиночек, повсюду кровь растерзанных животных, снующие плавники хищниц между стадами кашалотов, которые, сбившись в кучи, отбиваются хвостами.

– Сколько лет плаваю, а такое зрелище вижу впервые, – признался Павел Иванович. – Со всего океана собрались здесь, что ли?

– Китов жалко... Вон, смотрите, Павел Иванович, ещё одного задрали!

– Сейчас мы им поможем...

– Как это? Чем поможем? – спросил я.

– Гарпуном! Чем же ещё?!

Обыденное спокойствие, с каким были произнесены эти циничные слова, неприятно отозвались в моей душе. Мне казалось подлым предательством подойти к лежащим на поверхности кашалотам, ищущим спасения в тесном кругу сородичей, и выстрелить им в спину. Но Курганович, по привычке широко расставляя ноги, уже пошёл по переходному мостику на бак к пушке. Прыгая перед ним и виляя хвостом, радостно лает Светка. Старший механик Чупров, пыхтя трубкой, проверяет лебёдку. Радист Петрович возится с радиобуем. Боцман Ануфриев и несколько матро-

сов облокотились о планширь в ожидании выстрела. И он прогремел. Трудно промазать в груды китовых тел, образовавших широкую бугристую гриву. Гарпун ударил в ближнего кита, пробил ему хвостовой позвонок и вонзился в спину другому. «Робкий» не успел отработать винтом задний ход, наехал форштевнем на раненых китов, двинул их, и они ушли в воду, потащили левый блочный линь за собой. Евгений Кузнецов – помгарпунёра – уже зарядил пушку новым гарпуном, подвязал к нему правый блочный линь. И Курганович опять танцует у пушки, крутит стволом, выбирает в стаде кита покрупнее. А кашалоты – вот они! Лежат перед носом китобойца серыми глыбами, колошматят хвостами по воде, с шумом выдыхают из себя паробразные фонтаны. Выбери любого – не промахнёшься! Мгновение – и на мушке прицельной планки самый большой кашалот. Бах! Ещё один кит на лине правого блока. Такого прецедента за всю путину не было: враз на двух линиях три загарпуненных кита! Ну, и началось! Левые киты занырнули вправо. Правый кит ушёл влево. Потом киты металась то в одну, то в другую сторону. Лины перепутались, перекрутились. Старший механик Чупров, управляя лебёдкой, ужасно ругался, с опаской поглядывая на звенящие от напряжения тросы. Лопнут – молниеносно хлестнут по чём попало, тут и до беды недалеко. На одном китобойце так и было: перебило матросу ногу лопнувшим линём.

– Жадность фраера сгубила, – негромко заметил моторист Стукалов. Павел Иванович услышал, нахмурился, как всегда, сдержанно, спросил:

– Кто здесь фраер, хотел бы я знать? Капитан, гарпунёр или все, кто пришёл сюда заработать, – фраера? И жадность ни при чём. Азарт охотника – другое дело.

В разных местах виднелись мачты китобойцев. Раздавались выстрелы. Всплесков и фонтанов было ещё много, но стада кашалотов, напуганные людьми больше, чем касатками, начали расплываться, расплываться, и к вечеру только редкие фонтаны чуть заметными струйками пара виднелись вдали. Мы проволындались с теми тремя китами до самой темноты. На «флаги» их не поставили, а принайтовали цепями к бортам и поволокли к «Славе». На плавбазе немало подивились тому, что «Робкий» в столь удачливый промысловый день взял всего трёх китов. Рация на мостике голосом секретаря парткома Евгения Каурых прохрипела, в пример поставила экипаж «Разящего», добывшего двенадцать китов. Когда мы, отдав кашалотов в слип плавбазы, начали отходить от неё, кто-то с «Разящего», ожидавшего очереди на сдачу, крикнул в мегафон:

– Эй, на «Робком»! Что, сробели? Учитесь у «Разящего»!

– Чья бы корова мычала, а ваша бы молчала! – не остался в долгу боцман. И то верно. Госплан по тоннажу добытых китов за время путины «Робкий», несмотря на то что пришёл на промысел позже других китобойцев, перевыполнил ещё в прошлом месяце и на доске показателей соревнования прочно удерживал третью строку. Однако следующий день китобойного промысла внёс свои коррективы в трудовые будни экипажа «Робкого».

В то дождливое утро я тянул в постели последние минуты перед утренней вахтой, когда звонки колоколов громкого боя возвестили о начале китовой охоты. В суматошном топоте ног на палубе, бухающих сапогами у меня над головой, я безошибочно определял каждого: за долгие месяцы путины научился распознавать на слух шаги всех китобоев «Робкого». Вот прошаркал подошвами помощник гарпунёра Кузнецов, а это протарахтел подковками боцман Ануфриев. Легко пробежал матрос Филинов. Тяжело протопал рулевой Безбородько. Прошагал к лебёдке старший механик. Ну, а это уже по мою душу громыхнула дверь кормовой переборки: стуча каблуками по ступенькам трапа, устало спускается электрик Хохлов – солидный мужчина в летах, ветеран китобойного промысла. Идёт будить меня на вахту. Сейчас распахнёт дверь каюты и, не входя, гаркнет:

– Подъём! Кому тянемся? Живо на вахту!

Так и есть. Дверь открылась, но рявканье Хохлова я опередил быстрым соскоком с койки. Быстро умылся, глядя на своё отражение в зеркале: не может быть! Я ли это?! Чёрные усы и борода, наполовину закрывшие лицо, ожерелье из акульих зубов на шее, длинные, давно не стриженные волосы под шляпой с закрученными по-ковбойски полями. Из нагрудного кармана флотской рубахи-голландки торчит отвёртка. Кривой нож с рукояткой из кашалочьего зуба болтается в кожаных ножнах на широком ремне, сплетённом из капроновых ниток и украшенном затейливым орнаментом. Брюки-джинсы в обтяжку и яловые сапоги с подвёрнутыми голенищами-ботфортами завершают наряд. Неужели это тот самый модный джентльмен, пришедший на пирс рыбпорта в поисках «Робкого»? Удивляясь переменчивости судьбы, я поднялся наверх, где всё уже было подчинено одной

цели: настичь огромного, старого кашалота, умудрённого за свой долгий век частыми встречами с жестокими железными врагами, не знающими пощады. Не один раз уходил он от убийственного преследования, случалось, получал гарпуном по спине, но всё труднее стало выживать ему в океане, слишком много развелось охотников на него. Много повидал на своём веку замшелый бродяга, поимевший немалый опыт в смертельных встречах с китобоями. Не подпускал на выстрел, «давал хвоста», уходя на глубину, и всегда выныривал далеко за кормой. Таких застарелых кашалотов-одиночек, как я уже говорил, китобои называют «богодулами». Пока мы разворачивались, он успевал как следует надыхаться и вновь исчезал под волнами. На полных оборотах винта мы устремлялись к нему, дразнившему нас мощными, размеренными фонтанами. Казалось, ему нравилась игра «в поддавки», и, наблюдая за выкрутасами кита, мы молча гадали, у кого раньше сдадут нервы: у нашего капитана, у гарпунёра или кашалоту первому надоест бегать от нас, и он уйдёт одному ему ведомым путём. Смутно блестела вода с нависшим над ней утренним туманом. Его ключья редели, открывая пенные волны, и тогда впереди можно было увидеть фонтан, периодически взметающийся парообразным облаком.

Несмотря на ранний час, на мостике не протолкнуться: сменившиеся с вахты моряки не спешат идти отдыхать. Азарт охоты удерживает их здесь мокнуть под морозящим дождём, в который перешёл туман. Волны катились к горизонту рябыми от дождя складками. Вспарывая их, «Робкий» мчался к фонтану полным ходом с такой быстротой, что от бортов отлетали брызги, блестящими искрами убегали в тёмную глубину. От бешеного вращения лопастей винта, свирепо рвущего воду, за кормой стлался пенный след. «Робкий» рвался вперёд необузданным мустангом, разрезая водяные валы и копя сизым дымком из выхлопных труб.

До фонтана оставалось чуть более кабельтова, то есть около двухсот метров, когда кит всей своей гигантской тушей взметнулся лёгким дельфином и огромной скалой обрушился в море. Широкие чёрные лопасти хвоста мелькнули в волнах и пропали из виду.

– Опять ушёл, язи его в душу мать, – выругался Обжиров, переводя рукоятку машинного телеграфа в положение «Стоп!».

Свежий ветер отогнал пепельно-серые тучи, из-за которых проглянуло солнце. Радужная мельчайшая водяная пыль, осевшая на чехлы шлюпок, на куртки и плащи моряков, играла разноцветными блёстками.

– Наверно, это опять наш старый знакомый... А, Павел Иванович? – чтобы как-то разрядить общее угрюмое молчание, со смешком в голосе сказал старпом Емельянов. – Помните того богодула, что мы гоняли у Гавайских островов?

Напоминание о кашалоте, которого упорно гоняли весь день, но так и не смогли взять, видимо, неприятно задело самолюбие капитана. Обжиров отвернулся, достал сигарету, раздражённо крикнул:

– На марсе! Внимательней наблюдайте за горизонтом!

– Есть внимательней наблюдать! – ответил из «вороньего гнезда» Макс Васильев. И словно в подтверждение своих слов крикнул: – Справа по корме фонтан!

Всё опять пришло в движение. Задвигался ствол пушки, задёрнулись подвесные блоки амортизаторов, взад-вперёд на бак к пушке и обратно на палубу забегала Светка, и судно, сорванное с места винтом, затряслось нервной дрожью, оставляя позади широкий пенный след. И всё опять замерло: кит снова ушёл на глубину. Где он вынырнет теперь? Слева по борту? Справа? За кормой? Или впереди по носу? Курганович, не оглядываясь назад, выкинул правую руку, согнутую в локте, что служило знаком: «Право руля, малый ход...» Чутьё, основанное на многолетнем опыте, не обмануло предположительного решения гарпунёра. Минут через пятнадцать справа раздалось громкое фыркание, и веерообразный столб водяной пыли взметнулся почти у самого борта.

– Миша, бей этого богодула! – заорал стармех Чупров, осыпанный фонтанным дождём. Вытирая полую куртку мокрую трубку, он не захотел ещё раз попасть под холодный душ китового фонтана и отбежал к левому борту.

– Бей, Миша, бей! – кричали с мостика. Гарпунёр, лихорадочно вращал ствол пушки, но поймать кита на уровень прицельной планки не мог: кашалот был слишком близко, а ствол ниже не опускался.

– Чего нюни с Муму разводишь? Топи её! – с хохотом орал Ануфриев, уверенный, что в эту

минуту кит окажется на лине. Боцман держал в руках полую пику со шлангом, готовый вонзить её в тело кашалота и накачать тушу воздухом.

Будто зная о своей неуязвимости вблизи судна, кашалот спокойно плыл рядом. Вздываясь непомерно огромной головой над волной, давал фонтан, и с его глянцево-гладкой спины, цвета серой стали, стекала вода. Он то блестящей каменной глыбой возникал совсем рядом, то приниживал неглубоко, испытывая терпение и нервы гарпунёра. Курганович приподнял согнутую в локте левую руку. Китобоец послушно покотился влево, и расстояние между китом и судном расширилось.

– Миша, бей, а то уйдёт! – раздался с фок-мачты истошный вопль Макса, и тотчас прогремел выстрел. С ходового мостика отчётливо было видно, как тяжеленный гарпун, словно игрушечный, чиркнул спину кита и заскользил «блинчиками» по воде, подобными тем, что мы в детстве делали, бросая в воду плоские камешки. Размотав лить метров на двести, гарпун утонул со всплеском от бухнувшей гранаты. Досадный промах вызвал всеобщий одновременный вздох.

– Поторопился Курганович с выстрелом, – высказал мнение второй помощник капитана штурман Николаев, хотя и так всем ясно: надо было отойти от кита чуточку подальше. Кит, как и следовало ожидать, тотчас занырнул. Курганович поднял руку, сделал над головой вращательное движение: крутиться на месте.

– Право на борт! – скомандовал Обжиров. Как и полагается капитану, Павел Иванович ни при каких обстоятельствах не терял самообладания. Со спокойным видом курил одну сигарету за другой, и кто знает, что творилось в его душе.

Тем временем помощник гарпунёра Кузнецов и боцман Ануфриев перезарядили пушку. Чупров выбрал из глубины лить с гарпуном. Всё готово к новому выстрелу. Но где же кит?! Томительные минуты ожидания. Десять минут... Двадцать... Полчаса... И вдруг шумный выдох слева по борту!

– Миша, вышел, вышел! Слева! Здоровый богодул! Тонн на двадцать потянет... Всади ему по самые «не хочу»!

И чего кричать?! Гарпунёр и так видит, что кит всплыл неподалёку, но, как и прежде, угол поворота ствола не даёт прицелиться. Курганович выкинул руку влево, поднял её вверх: подчинённый команде гарпунёра, «Робкий» качнулся влево, застопорил ход. Всё! Идеальная позиция! Левая рука гарпунёра скользнула по жилету до нужной пуговицы, определяя дистанцию, правая нажала спуск. И в то же мгновение кит «дал хвоста», над лопастями которого пронёсся гарпун. Полчаса или больше мы простояли в ожидании, но кашалот вышел очень далеко, и не имело смысла вновь сломя голову нестись к нему. И когда Обжиров и Курганович, обменявшись выразительными взглядами, способными испепелить каждого, кто мыркнет хоть словечко относительно неудачной охоты, не сговариваясь, поняли, наконец, бесполезность гонок за сноровистым китом, на горизонте показались мачты «Разящего». На тот момент кашалот фонтанил ближе к нему, и «Разящий» с ходу пошёл на него в атаку. Но кит скоро занырнул и минут через двадцать дал фонтан за нашей кормой. Естественно, мы тотчас заложили крутой вираж, дизеля взревели на «Самый полный!», и Курганович, не утирая мокрое от дождя лицо, красное, то ли обветренное, то ли злое, снова припал к пушке.

Чу-уф! Кит дал фонтан всего в тридцати метрах и несколько правее от носа «Робкого». Сейчас прогремит выстрел и хитрец заполучит гарпун под левый ласт. Но не на того напали! Легко вскинув гигантское тело, кашалот вертикально ушёл в глубину, и гарпун пронёсся над широкими лопастями задранного вверх хвоста. Всё, как в прошлый раз. И вновь гарпун, рикошета о волны, запрыгал по ним, «выпекая блинчики». Глухо бухнула граната, и лить вяло провис, погружаясь в воду. Три промаха подряд! Такого ещё не бывало! И случилось непредвиденное. Светка, оглохшая от выстрела, затрясла ушами и с громким лаем шарахнулась к гарпунёру. Тот, раздосадованный третьим промахом, сгоряча отпихнул собаку носком сапога. Светка с визгом отпрянула и полетела с бака за борт. Все, кроме капитана и рулевого, ломанулись с мостика к планширю правого борта. За ним в пенных волнах моталась вислоухая голова собаки. Но что мы могли сделать? Ничем не поможешь ей. Спасательный круг не бросишь. Рисковать людьми и шлюпкой, спуская её в такую погоду ради собаки, капитан не станет. Дать ход мы сразу тоже не могли из опасения намотать на винт болтающийся где-то под нами лить с гарпуном. Пока выбирали его, волны отнесли утопающую в них несчастную собаку далеко от судна.

– Светка! Светка! – орали мы, но скоро в пелене моросящего дождя уже стало невозможно что-либо разглядеть. На Кургановича было жалко смотреть. Он скукожился у пушки, не отрывая рук

от пусковой скобы, с бешенством волка вперив взгляд в свинцово-серую даль моря, выискивая там виновника гибели собаки и своих позорных промахов. Да, это он, царствующий властитель безбрежного океана, рыцарь китового братства, откровенно насмеялся над ним, вынудил сделать опрометчивый выстрел и вспылить к собаке. Как теперь повернуть лицо к команде? Курганович лишь на секунду оглянулся на мостик, но и этого мгновения хватило Обжирову, чтобы понять настроение человека на баке. Но никто не осуждал его. Светка – не первая собака на «Робком», нашедшая гибель в пучине моря. Каждую путину какую-нибудь из них смывает волнами за борт. Был даже рыжий и лохматый кот Макар с медным ошейником для размагничивания – кошки не выносят магнитных полей. Смело его с кормы, где для Макара стоял ящик с песком. С грустными лицами боцман Ануфриев и помгарпунёра Кузнецов выбрали линь, зарядили пушку порохом, всунули в ненасытный ствол гарпун с навинченной гранатой. Капитан Обжиров толкнул рукоятку машинного телеграфа на «Самый полный вперёд!», вытащил из пачки сигарету и устремил взгляд на фонтан, к которому торопился «Разящий». Рулевой Безбородько, не уточняя курс, без слов понял капитана, переложил руль на плывущего вдаль кашалота. От «Разящего» эхо донесло хлопок выстрела, но, судя по облачку пара, вновь поднявшемуся над водой между китобойцами, кашалоту и на этот раз удалось уйти невредимым. Удручённая нелепой гибелью Светки, команда «Робкого» всю злость обратила на неподдающегося кита.

– Вот богодул чёртов!! Ты посмотри, что делает! Ну, погоди, паразит! Вздёрну я тебя до самого клотика! – вырвалось у стармеха. В его трубке, подмоченной китовым фонтаном, не разгорался табак, и он сердито выколачивал её о планширь.

– Миша! Всади ему под ласт! – крикнул боцман.

– Павел Иванович! Смотрите, «Разящий» идёт к нему!

Обжиров нажал тангенту рации.

– На «Разящем»! Это наш кит...

– Вы подписали его или ещё как пометили? – раздался насмешливый голос.

– Мы первыми начали гонять его. Отметину ему на спине сделали гарпуном.

– Может, посоревнуемся? Кто загарпунит, того и будет... Ну как, слабо?

Это уже слишком. Не ответить на хамскую самоуверенность капитана «Разящего»? Уступить ему нашего обидчика? Никогда! И за Светку мы полны решимости отомстить. Несчастье потрясло команду больше, чем недавнее исчезновение на «Гневном» третьего механика. Его хватились, когда пошли будить на вахту, но того нигде не оказалось: ни в каюте, ни в кают-компании, ни в машинном отделении. Облазили трюм, выгородки, кладовые, обошли палубы – нет, пропал! Три дня вся флотилия ходила параллельными курсами, бороздила океан, выписывая «восьмёрки» на штурманских картах. Три дня мы не охотились, хотя встречали стада кашалотов, не отнимали бинокли от глаз, и три ночи лучи прожекторов рыскали по волнам, выискивая среди них упавшего за борт моряка. Не нашли. Позже стало известно, что в ночь пропажи механика его жена родила мёртвого ребёнка. При каких обстоятельствах погиб моряк, так и осталось загадкой. Но то произошло на другом судне, нас как бы не касаемо. И особенно никто на «Робком» не печалился. Известное дело – море. Ошибок не прощает. А когда исчез разделщик китов на самой «Славе», про него даже шутили: «Ушёл в слип бутылки сдавать...» А до берега, между прочим, три тысячи миль! До этого на плавбазе погиб разделщик, запутавшись в кишках кашалота. Они неудержимо заскользили в клюз и уволокли за собой нерасторопного рабочего. На нём были яловые сапоги и спецовка. Стоимость этого имущества, утраченного утонувшим моряком, бухгалтерия «Славы» высчитала из его месячной зарплаты. На «Зорком» был случай с гарпунёром, наступившим ногой в скойлонный возле пушки линь. После выстрела линь, разматываясь, сбросил китобоя за борт. Вот была потеха: кит на лине и рядом с ним гарпунёр плавают! К счастью, обошлось. Выловили его. А на «Властном» электрика черти занесли в высоковольтную камеру, где он под напряжением вздумал устранить какую-то пустяшную неисправность. В обугленную головёшку превратился.

Как ни кощунственно звучит, но Светку было жалче тех неизвестных нам людей. И мы приняли вызов «Разящего». Теперь уже два китобойца не давали продыху киту. Оба судна во всю прыть носились навстречу друг другу, проходя встречными курсами, разбегались, сходились снова. В какую-то минуту «Робкий» не проскочил перед носом «Разящего». Тот, в свою очередь, не успел отработать винтом «Самый полный назад!», с ходу саданул острым форштевнем в правый борт «Робкого», рас-

порол металлический корпус на метр с лишком. В горячке капитан «Разящего» дал задний ход, что было непростительной ошибкой: в глубокую вмятину, зияющую узкой, с рваными краями пробойной, хлынула вода в первое машинное отделение. Лежать бы «Робкому» веки вечные на дне океана, если бы не находчивость, самообладание, смелость, мужество моториста Бори Далишнева. Не сиганул, стремглав, по трапу наверх, а выбил кувалдой клинья навесной двери. Тяжёлая махина скользнула по направляющим вниз, наглухо закупорила второе машинное отделение: судно осталось на плаву. Правда, носовая часть «Робкого» скрылась под водою, из неё выглядывала гарпунная пушка и торчала фок-мачта. С фырканием, словно бобр, вынырнувший из пруда, из люка выскочил моторист и неистово трижды перекрестился трясущейся рукой.

– Это Господь надоумил меня клинкету выбить... Это Бог дал мне силы, – шептали его побелевшие губы. – Спасибо, Боже...

Никто из стоявших на шлюпочной палубе, ставшей вдруг крутой и скользкой, как новогодняя горка, не усмехнулся, глядя на молящегося моториста. Позже за этот самоотверженный поступок капитан-директор «Славы» Каменев лично вручил Борису именные золотые часы. Пока же мы все столпились на высоко задранной корме «Робкого». Матросы «Разящего» подвязали его швартовыми канатами к своему левому борту, и медленно, в «час по чайной ложке», оба судна двинулись на остров Шикотан, обрисованный в мечтах команды «Робкого» вождельным местом. К вечеру заштормило сильнее. К нам подошёл «Звёздный», подхватил «Робкого» под свой правый борт, и так мы втроём, как три неразлучных брата-акробата, притащились в бухту Малокурульская на Шикотане, где «Робкого» поставили на кильблоки плавучего дока. Мечта боцмана Ануфриева и других членов команды «Робкого» побывать на острове, заполонённом тысячами красавиц со всего Союза, сбылась. Только напрасно губёху раскатывали. Приказ капитан-директора флотилии в кратчайшие сроки восстановить судно начисто лишил всех нас возможности расслабиться на острове в объятиях шикотанских амазонок. Сутками мы работали как оголтелые, заваривали пробойну, смывали морскую соль с электродвигателей и приборов, откачивали воду, сушили обмотки моторов и электрощиты. Не до развлечений и любовных утех нам было на Шикотане. Мы валились с ног от усталости. Всё же, пользуясь случаем поездки за электрооборудованием на склады в бухту Отрадная, я ходил на мыс Край Света – самое красивое место острова. Смысл названия стал понятен, когда с высокой скалы, длинным уступом уходящей в море и обрывающейся у самой кромки воды, я любовался чудесным видом. Внизу грохотал прибой, а передо мной расстилался океан. Орлан-белохвост парил над мысом, увенчанным елями, тисом, берёзами, увитыми лианами дикого винограда. У кромки берега желтели заросли бамбука. Таким и запечатлелся в памяти Шикотан: в переводе с языка айнов: «хорошее место».

Как ни старались мы быстро справиться с ремонтом, но вышли из дока лишь в октябре. Китобойная путина к этому времени закончилась, флотилия «Слава» покидала район промысла и уходила во Владивосток. Наш караван растянулся миль на десять. Впереди, отряхиваясь от осеннего дождя, точно курица-клубка, ведущая цыплят, переваливалась с борта на борт плавбаза.

Первым в кильватер матке шёл победитель социалистического соревнования «Властный». Вторым следовал «Зоркий». За ним, блестя после ремонта свежими белилами надстройки и кузбаслаком бортов, поспешал «Робкий», занявший по итогам трудового соперничества почётное третье место. Последним в кильватерном строю тащился «Разящий», ведомый новым капитаном: прежнего признали виновным в нарушении мореходных правил. В таком порядке под гром гарпунных пушек флотилия вошла в бухту Золотой Рог. На причале у морвокзала тысячи сияющих лиц. Жёны моряков с невинно-томными лицами, с букетами цветов, приветливо и радостно машут руками. Заждались, бедные, мужей, блюдя верность, загодя вымели окурки в своих квартирах, выбросили пустые бутылки, проветрили комнаты. Напрасно, однако, наводили марафеты: к ночи многим быть битыми, к яркой косметике жён, театрально вздыхавших, старательно изображавших пылкую любовь, добавятся под глазами великолепные фингалы. Зазвенит посуда, визгами огласится дом, полетят в окна предметы одежды и быта. Соседи понимающе покивают головами: обычное дело – китобой вернулся! Снуют в толпе встречающих «ночные бабочки». Носятся в залах официантки, предвкушая хорошие чаевые: привалят денежные гости! А для простых на каждом столике лежит картонка с надписью: «Стол заказан». Зайдёт китобой, зашелестит пачкой денег – и нет на столе картонки! На «Волгах» заполонили площадь таксисты – шикающих пассажиров немерено будет! А для простых на ветровом стекле картонка с надписью: «В парк». Небрежно сунет китобой таксисту солидную купюру,

и картонка сразу окажется в багажнике. И гул многоликой возбуждённой толпы перекрывает духовой оркестр, играющий марш китобоев:

Сурово, в Антарктике сурово,
 Кидает, кидает море нас,
 Но сильный, но сильный – он и ловок...
 Погода? Погода – в самый раз!

Ещё два месяца во всех ресторанах и кафе Владивостока их посетителей будет будоражить этот задорный марш. Пока у китобоев не кончатся заработанные в промысловой путине деньги.

На «Вдохновенном»...

С дружной командой дорогого моему сердцу «Робкого», к большому сожалению, пришлось расстаться. Полюбился мне этот отчаянный пахарь моря, но покинуть судно был вынужден из-за поступления на заочное отделение журналистики Дальневосточного государственного университета. С чемоданом, набитым методической литературой для выполнения контрольных работ, я поднялся на борт китобойца «Вдохновенный», готового к отплытию в Антарктику. Однотипное судно не отличалось от «Робкого» – всё те же механизмы, приборы, электрощиты и пульта. Другой была его команда. Китобои «Вдохновенного» не выделялись весёлостью, удалством, промотанием в «Золотом роге» зарплаты до последнего гроша и прочими лихими качествами, присущими команде «Робкого». Немногословные, без задорного блеска в глазах, с лицами, сосредоточенными и суровыми – неизгладимыми следами антарктических штормов, выполняли они трудную, сопряжённую с риском работу, требующую терпения, отваги, мужества, выдержки и большой силы воли, чтобы противостоять почти непрерывным штормам, жгучим морозным ветрам, ледяным шквалам, превращающим палубу, трапы, рангоут судна в глыбы льда. С виду хмурые, молчаливые, с красными, обветренными носами и щеками, при более тесном знакомстве они оказывались добряками в душе. Характер членов экипажа «Вдохновенного» свойственен всем «россиянам» – китобоям антарктической китобойной флотилии «Советская Россия». Их несколько угрюмые внешности я воспринял поначалу как недоброжелательность по отношению ко мне, но скоро убедился в обратном.

...Бешеные порывы ветра бросали судно, как щепку, швыряли в лицо ледяные брызги, заглушая слова капитана Позднякова.

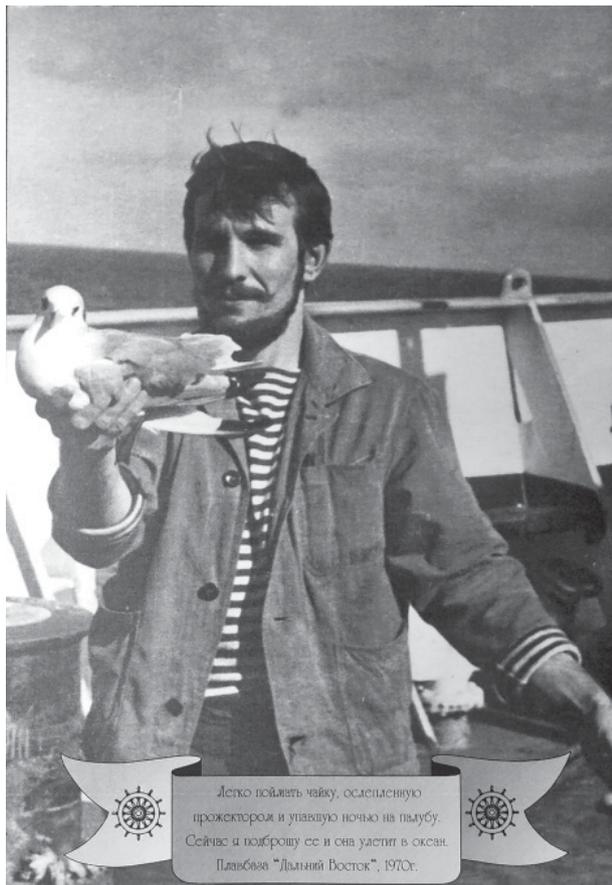
– Идём... море Беллинсгаузена... курс... градусов... зюйд-вест...

По бескрайним просторам самого безлюдного на планете ледяного моря катились чёрные волны, напоминая отвороченные гигантским лемехом пласты свежевспаханного поля, а сорванные с них ветром пенные гребни улетали белыми птицами. В некоторых местах, в провалах между водяными валами пестрели пятнышки играющих на поверхности пингвинов адели, названных так Беллинсгаузом в честь своей жены француженки Адели. Нипочём им мороз и беснующийся ветер.

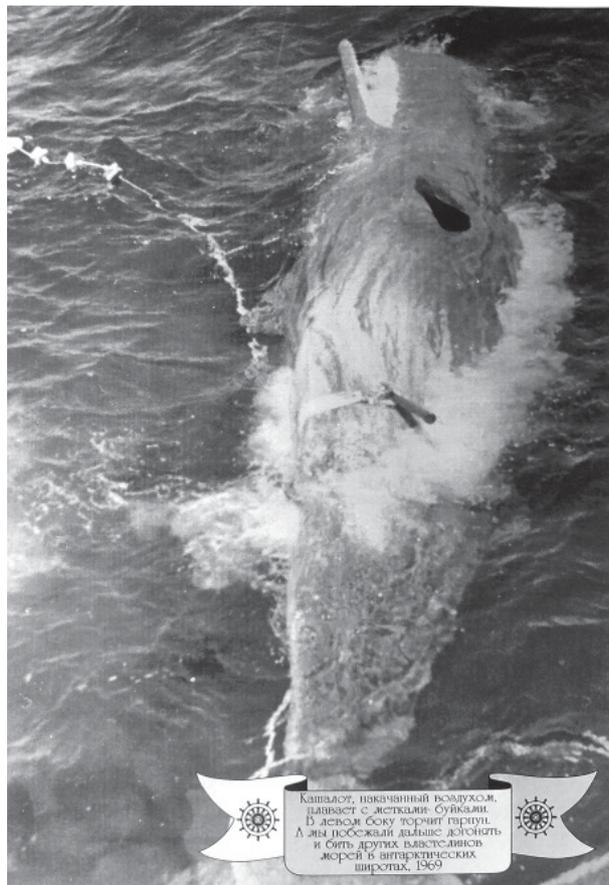
Антарктика – логово ураганов, гнездовье штормов, прибежище бурь, пристанище тайфунов. Беспощадная стихия беснующегося моря. Из этой сатанинской круговерти всеильным джинном вырвался на волю шквальный ветер. Я потерял счёт дням и ночам, во время которых, пытаюсь изрыгнуть кишки, стоял вахты. Вокруг скрипело, грохотало, выло, стонало, сотрясалось, судно взлетало куда-то в поднебесную, низвергалось в пропасть и, казалось, мукам адовым не будет конца. Но однажды, проснувшись перед вахтой рано утром, привычно напялил на себя ватные брюки, свитер, шапку, полушубок и, громыхая сапогами по ступенькам трапа, вышел на палубу. Глазам предстала остекленевшая водная равнина. Жестокий шторм утих, и, как это часто бывает в Антарктике, море замерло, словно неживое.

Альбатрос, распластав трёхметровые крылья, низко парит, долгими часами сопровождает судно.

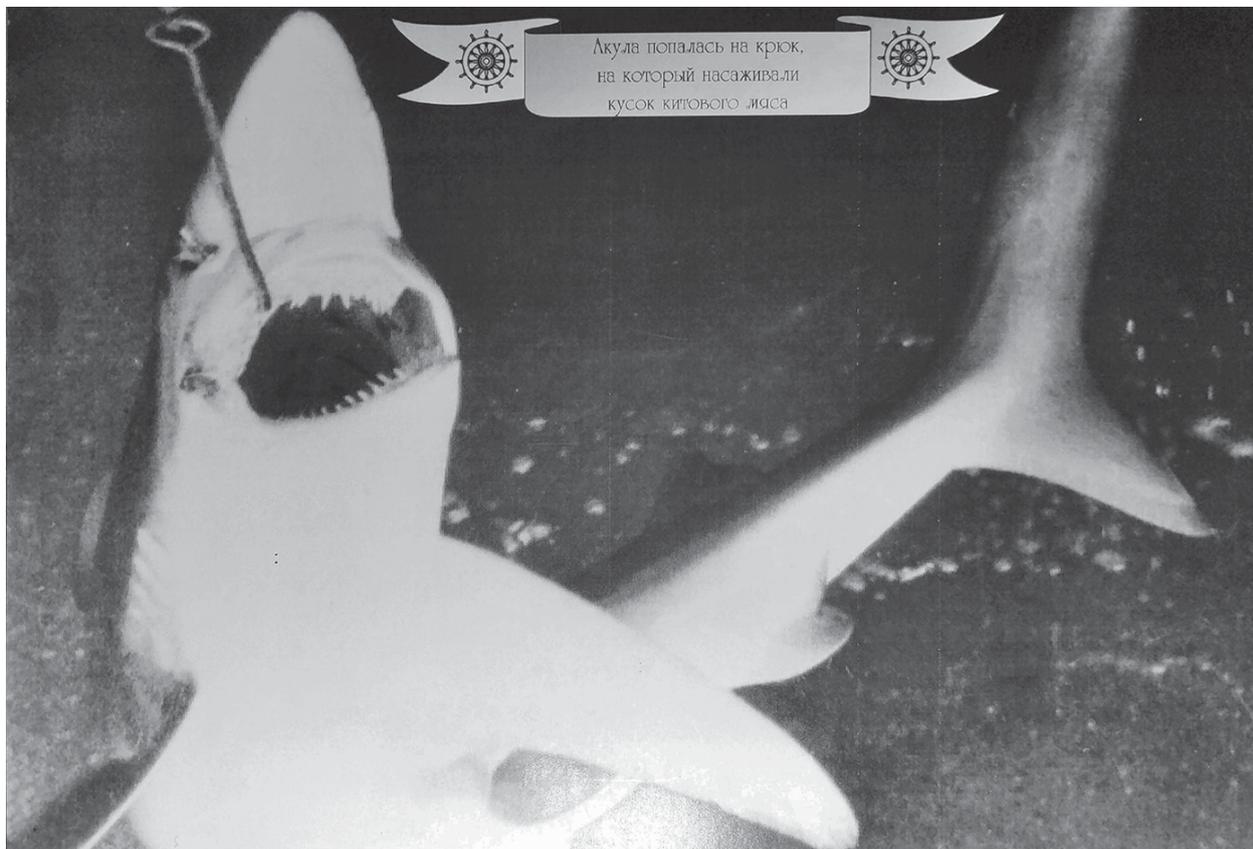
Гористый остров Петра Первого, снежно-синий, багровый с западной стороны, длинной полосой, похожей на огромного белого кита, вытянулся по южной кромке горизонта. Прибой хлестал в угрюмые, безжизненно-ледяные скалы. Оставляя за кормой ровную белую полосу, «Вдохновенный» малым ходом двигался вдоль острова. Над его снежными вершинами, разгораясь всё ярче, вставало солнце. Голубовато-сизая мгла, висевшая над островом, поблекла и, светлея, рассеялась. Отражая золотистый свет ослепительно вспыхнувшего диска, море из матово-зелёного стало маслянисто-жёлтым. Там, вдали, у подножия чёрных, неприветливо-грозных скал, оно лениво накаты-

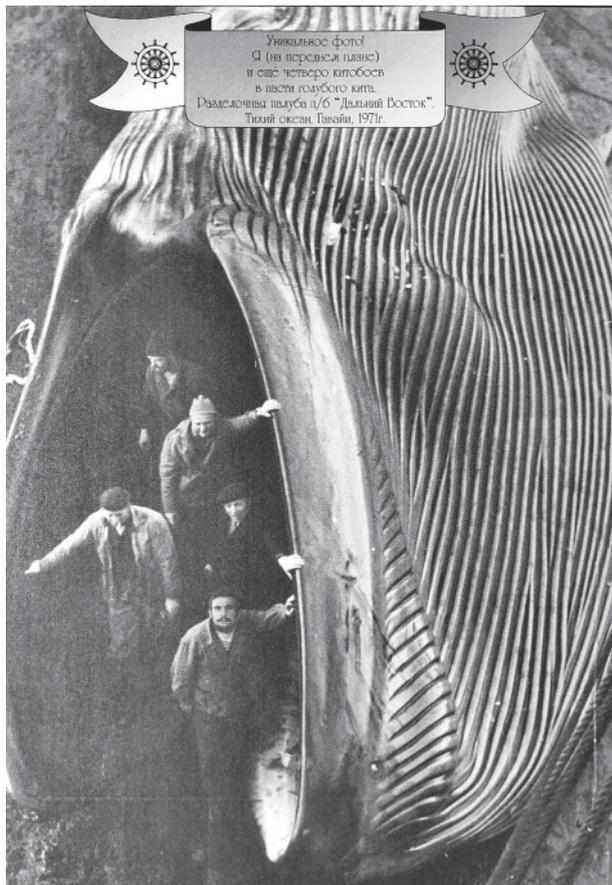
Летко поймать чайку, осветившую
прожектором и упавшую ночью на палубу.
Сейчас и подброшу ее и она улетит в океан.
Плавбаза "Дальний Восток", 1970г.

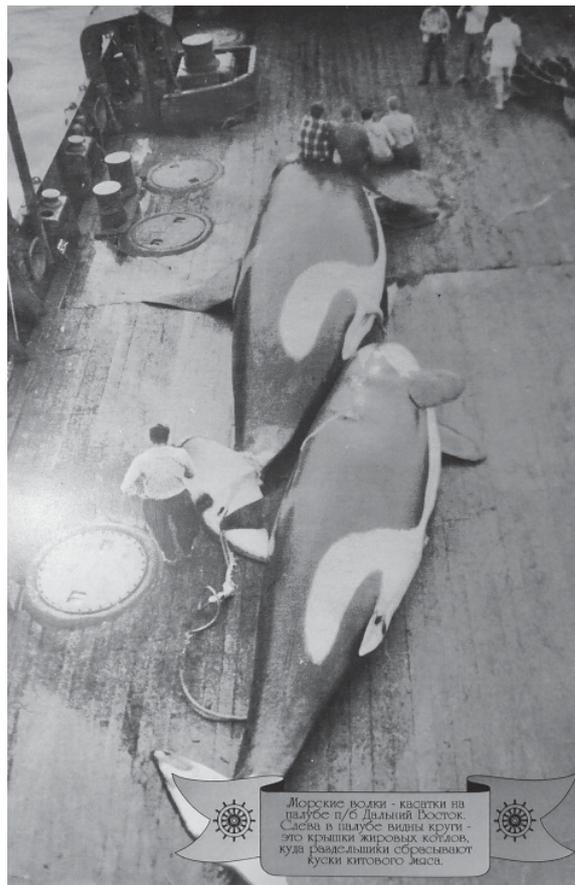
Кашалот, накачанный воздухом,
плывет с ластками-бульками.
В лесу Соку торчит гарпун.
Для посылки дальше дронить
и бить других властелинов
морей в антарктических
широтах, 1969

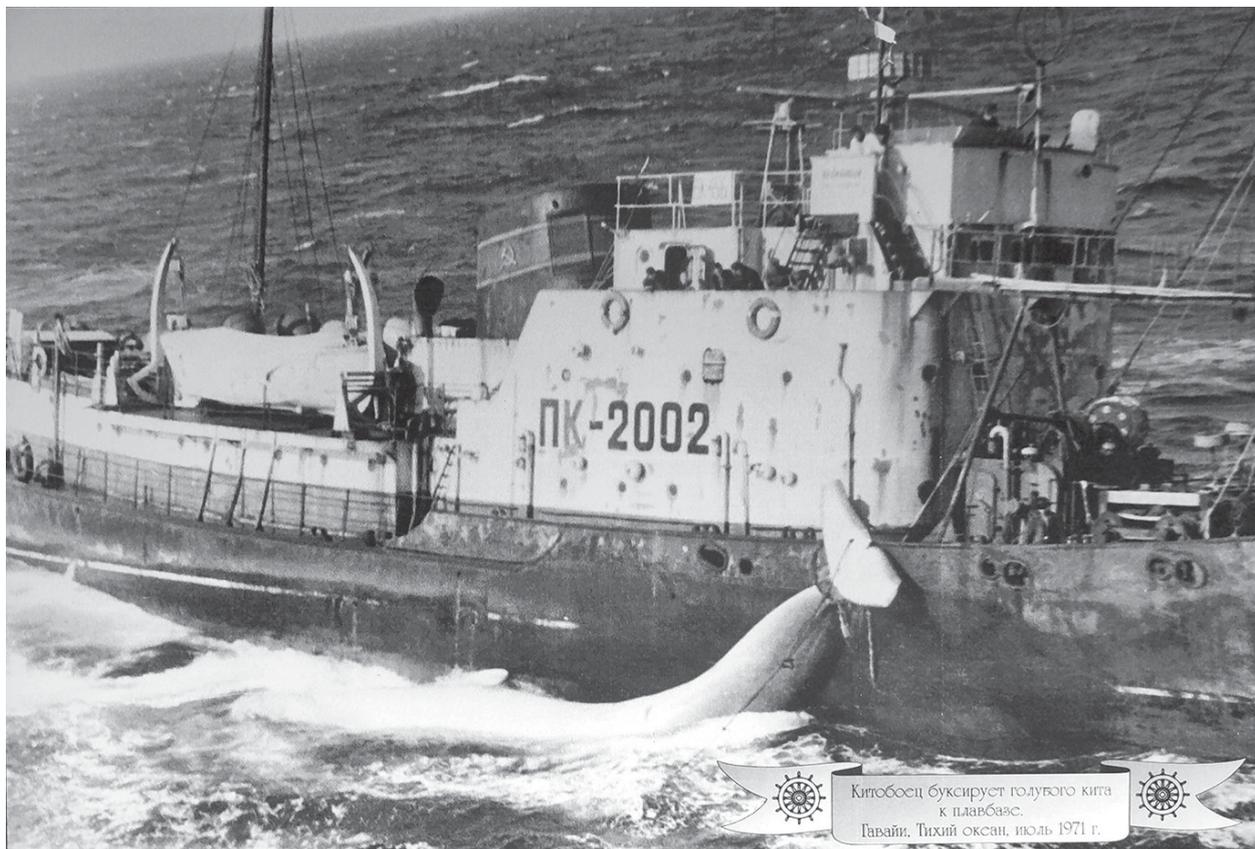
Акула попала на крюк,
на который насаживали
кусок китового мяса

Уникальное фото!
С (на первом плане)
и еще четверо китобоев
в шестером голубого кита.
Разделочная палуба п/б "Дальний Восток".
Тихий океан, Гавайи, 1971г.

Морские волки - касатки на
палубе п/б Дальний Восток.
Слева в палубе видны круги -
это крышки жировых котлов,
куда развешивали сбрасывают
куски китового мяса.

Китобоец буксирует голубого кита
к плавбазе.
Гавайи, Тихий океан, июль 1971 г.

валось на обледенелые камни, облизывало неприступный берег с глухим и сердитым ворчанием. На мостике попыхивал трубкой капитан Поздняков. Капюшон кожаной «канадки» – память службы в подводном флоте, накинутый поверх шапки с таким же кожаным верхом, скрывал его лицо. Здесь же, не отнимая бинокля от глаз, осматривал ледяные берега скалистого острова штурман Норкин. В шапке-ушанке, в непромокаемом плаще, надетом на ватник, торчал от нечего делать сменившийся с вахты первый электромеханик Абашкин. Бородатого матроса-рулевого Ховрина спасали собачьи унты, тулуп, затасканный вахтенными, и меховые рукавицы. У пушки, наклонясь всем корпусом вперёд, вглядывался в морскую даль знатный гарпунёр Прокопченко, кавалер многих правительственных наград. Его фигура в утреннем антарктическом свете, голубоватом и ясном, на фоне моря, синего и холодного, как нависшее над ним небо, казалась резным ростром, украшавшим нос китобойца. На палубе, широко расставив ноги, стоял боцман Ильин. В бочке на фок-мачте крутил головой из стороны в сторону марсовый матрос Зорин.

– Справа тридцать фонтаны! – истошно закричал с марсовой площадки Зорин. Штурман нажал кнопку сигнала, и во всех помещениях судна раздались прерывистые звонки: «Охота!» На проплывающей вдалеке льдине стая пингвинов. Рядом с ней взметнулся фонтан, рассыпался на сотни брызг. Вынырнула чёрная спина, за ней другая, третья. Взвились новые фонтаны. «Уф!.. Уф!..» – раздаются тяжёлые вздохи, сотрясая застывший в тишине воздух. В считанные секунды вся команда на местах. Капитан толкнул рукоятку машинного телеграфа на «Полный вперёд!». От форштевня «Вдохновенного» с брызгами начали разлетаться волны, за кормой за клубилась белая пена. Осторожные и чуткие «усачи» тотчас ушли в глубину. Эти киты проворнее кашалотов и могут держаться под водой в два раза дольше. Полчаса, не меньше, пройдёт, прежде чем вынырнут на поверхность. «Вдохновенный» застопорил ход. Все напряжённо всматривались в блестящую гладь, прикидывая, где появятся фонтаны. Поглядеть со стороны: все спокойны, но в душе каждого китобоя кипит страсть охотничьего азарта. Она захватывает даже кока, бросившего недочищенной картофелину и выбежавшего на палубу поглазеть на охоту. Именно эта страсть привела на мостик Абашкина и других свободных от вахты моряков. В такие минуты легко понять душевные порывы этих людей, оставивших дома семьи, променявших земную твердь на нескончаемую болтанку. Одна ли возможность хорошего заработка гонит их в ледяные просторы Антарктики, заставляет терпеть лишения и трудности? Ведь они могли работать на берегу грузчиками в порту, докерами, шофёрами такси и тоже получать приличные деньги. Аналогичный вопрос можно задать заядлым охотникам и рыбакам: за куском мяса или рыбиной, умирая с голоду, тащатся они в лес, на озеро, на тонкий ещё лёд реки? Нет, конечно. Ещё и потому многие шли в китобой, что гордились этой профессией, свысока смотрели на представителей других трудовых коллективов. Кто для них бухгалтер, чиновник ведомства, директор ресторана или прораб на стройке? Так, никто... И даже на разделщика китов, жироваара или мукомола с плавбазы они посмотрят с чувством собственного превосходства. Китобойная плавбаза в понимании морских охотников – всего лишь плавучий завод по переработке китовых туш, производство которого всецело зависит от мужества, смелости, самообладания тех, кто, рискуя быть смытым волной, добывает китов. По правому борту с громким шипением почти одновременно вырвались три фонтана. Прокопченко выкинул в сторону левую руку: «Вдохновенный» послушно забрал левее. Поднял руку, согнутую в локте: «Малый ход!» И взмах руки вверх: «Стоп, машина!» «Вдохновенный» ещё продолжал по инерции скользить вперёд, но гарпунёр уже поймал на уровень прицельной планки синевато-блестящую спину финвала. В одно мгновение облако сизого дыма окутывает пушку и гарпунёра. Эхо относит гром выстрела, который лёгким хлопком звучит над акваторией моря. Со стуком дёргается блок амортизатора на фок-мачте: кит на лине!

Помимо основной вахты электрика мои обязанности во время охоты те же, что и на «Робком», – подвязать к бамбуковому шесту-«плавучке» аккумулятор с лампочкой-светлячком и флажок-метку «Вдохновенного». Наверх я выбежал налегке и, быстро справившись с немудрёным делом, поспешил вниз в гребное отделение, где тепло от жужжащего электродвигателя, горячих сопротивлений и включённой электропечки. Вид бьющегося в агонии финвала, малиново-красный, нежно-розовый цвет воды, окрашенной его кровью, уже не вызывал во мне прежнего восхищения. Но я не мог не замедлить шаги на трапе, любясь величественно-суровым пейзажем Антарктиды. Запечатлел в памяти ещё одну из её незабываемых картин. Над вершинами покрытого льдами острова Петра Первого сияло лазурное небо. Море сверкало алмазными брызгами, прибой кипел белой пеной у чёрных

утёсов. Скалы казались рухнувшими в океан, среди которых плавали залитые искрящимся светом айсберги. Подмытые течениями прозрачные громады причудливых форм, подтаявшие снизу, оторванные от скованных мерзлотой берегов, высились вдали сказочными дворцами, фантастическими фигурами. Морская вода, ветер и солнце сотворили настоящее чудо: припорошенные свежим снегом ледяные изваяния, отполированные океаном, сверкали хрустально-чистыми колоннами, арками, огромными драгоценными камнями в пурпурно-алой оправе нависших над горизонтом облаков.

Полярные шквалы подламывают, опрокидывают ледяные стены, уступами уходящие глубоко в воду, представляя опасность для мореплавания.

Избегая столкновения с айсбергами, «Вдохновенный» держится подальше от плавающих ледяных гор. На их отлогих склонах темнеют пятна тюленей, моржей, морских львов. Нетронутый снег ослепительной белизной сверкает на вершинах безжизненного острова, открытого в 1821 году русскими мореплавателями Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым на шлюпах «Восток» и «Мирный».

Холодная и суровая красота! Однако обжигающий лицо и руки ветер напрочь отбили желание стоять на верхней палубе и восторженно любоваться антарктическим пейзажем. Через минуту я согревался на раскладном стульчике у электропечки, размышляя, как, должно быть, мёрзли здесь мореходы парусников, на которых не было электрогрелок.

К исходу дня все три финвала, за которыми поутру началась охота, волочились у бортов «Вдохновенного». Барометр в штурманской рубке показывал высокое давление, предвещая сильный ветер. Появившиеся облачные шапки над вершинами высоких скал подтверждали приближение шторма. Моряк не любит море с берега. Оставаясь на суше, он мысленно скользит взором по его необозримой равнине, видит себя там, где кипящие волны, вздымаясь с рёвом необузданных исполинских чудищ, в космах белой пены, обрушиваются на палубу, сотрясая судно. И даже в жаркий пляжный день моряк помнит, как обдают они арктическим холодом и морозным шквалом Антарктики. Как в бешеной злобе, бессильные сокрушить утёс, бьются в него и ропотно откатываются, чтобы ударить с новой, более яростной силой. И ещё моряк знает, как обманчиво затихает море, становясь спокойным и гладким, как начинает едва приметно рябеть и скоро вновь стремится обхватить судно несоизмеримо-гигантскими объятиями, повергнуть его в свою пучину.

Мёртвая зыбь – эхо дальнего урагана – не спеша катила пологие складки. На зеркальной поверхности больших отлогих волн снопами искр вспыхивали обломки льдин. По небу плыли перистые облака. Они растянулись длинными грядами, постепенно меняя окраску от пурпурно-лиловой к сине-фиолетовой. Огненный диск солнца, вспыхивая золотистыми брызгами лучей, освещал южное полярное небо и холодное под ним море Беллинсгаузена. Вдали дыбились снежные, иссечённые льдами скалистые утёсы острова Петра Первого. В матово-голубоватой дымке белели айсберги причудливых форм и очертаний. Облака сбились в плотные тучи и закрыли солнце. Проглянувшие, было, звёзды постепенно угасли под их пеленой. Барометр пошёл вниз, вода потемнела, и мелкая рябь – примета шквала – пробежала по морю. Сливаясь в разноголосом хоре стихии с гимном океанского раската, резкий, холодный, влажный ветер завыл в вантах, засвистел, загудел в снастях, захлопал брезентом шлюпок, погнав встречные крутые волны. Китобоец начал заметно покачиваться на усиливающейся волне, идущей с океана. Жесточайший шторм надвигался разъярённым зверем. Крепчал с каждой минутой, и вот уже в неукротимых порывах, заглушая уханье волн, перекачивающихся через носовую палубу, схлестнулся с ними, срывая пенные гребешки, поднимая тучи брызг и водяной пыли. Рёв осатаневшего моря и бешеные раскаты водяных валов – это лишь начало. Вспенившись, оно гневно гремит, вторя далеко прошедшему урагану. Страшен гнев моря! В неукротимой злобе, с феерическим хохотом дико мечется, бьётся неудержимо, обрушивает на маленькое судно водяные лавины. В непроглядной тьме спуталось всё: бездна пучины, грозный шквал, скрежет о корпус судна гарпунов, торчащих из тел китов, удары тяжёлых туш в его борта. Смятение, дрожь и хаос преисподней! Ужасающей высоты волны одна за другой вырастают из кромешной темноты. В свинцовой мгле бушующая буря вздымает и подбрасывает судно, подвязанные к нему китовые туши, швыряет и бросает в провалы между водяными холмами. Переваливаясь с борта на борт, отплёвываясь горячей водой из коллекторов дизелей, «Вдохновенный» медленно продвигался к плавбазе «Советская Россия».

Проза

Алексей Полубота

Родился в 1975 году в Мурманске. В 2000 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Секретарь Союза писателей России. Лауреат литературно-художественной премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий» (2017), победитель ряда всероссийских и международных литературных конкурсов. Ответственный секретарь комиссии по литературному наследию Н. И. Тряпкина. Автор трёх поэтических сборников. Стихи и проза печатались в журналах: «Север», «Наш современник», «Волга-21 век», «Мир Севера», «Разговор», в альманахах: «Братина», «День поэзии», «Полдень», «Площадь Первоучителей» (Мурманск), «Крылья» (Луганск), в газетах: «День Литературы», «Литературная газета», «Литературная Россия», в Интернет-изданиях: «Российский писатель», «Молодое око», «Соты» и др. Участник трёх коллективных сборников, посвящённых гражданской войне на Украине: «Я дрался в Новороссии», «Русская весна», «Слово о Новороссии». Вдохновитель Всероссийского поэтического конкурса имени Н. И. Тряпкина «Неизбывный Вертоград». В настоящее время – обозреватель общественно-политического Интернет-издания «Федеральное агентство новостей». Отец троих детей. Живёт в подмосковном Реутове.

Промысел

Рассказ

Да, вот здесь, на этом самом месте, на углу бывшей школы, мы с отцом чуть не столкнулись с моей учительницей русского языка и литературы. Не знаю, разглядела ли она в серых предутренних сумерках одного из самых прилежных своих учеников. Вряд ли – посмотрела она тогда на нас странными, даже испуганными глазами.

Видок у нас и впрямь был не очень-то внушающий доверие одинокой женщине, пробирающейся тёмной улицей на работу. Грубые потёртые ватники, сапоги до колен, торчащий из рюкзака коловорот, связки лесных лыж... Родители отпросили тогда меня на один день из школы ради рыбалки.

Бывает, совсем незначительная, вроде бы, встреча, подробность жизни западёт в память, как неприметная цепкая семечка, и ждёт терпеливо, чтобы через многие годы вдруг прорасти соцветьем воспоминаний...

Мне было тогда одиннадцать. Больше четверти века прошло. Но тот мальчик, который чувствовал себя счастливым от того, что его взяли на рыбалку, и гордился резиновыми сапогами до колена, оказывается, никуда не делся – вот он, на несколько мгновений встрепенулся во мне.

Мы с отцом спускались с вершины крутой сопки, где был тогда наш дом.

Шли по спящему ещё городу к вокзалу. Всё почти как сейчас.

Город в предутренних сумерках кажется почти не изменившимся. Всё те же знакомые с детства очертания зданий обступают нас. Разве что незримо потяжелели они, осели в землю под тяжестью прошедших лет. А в морозном воздухе, как и тогда, неуловимо веет свежестью близкой весны. И так же загадочны мурманские фонари, дрожащими нимбами раздвигающие вокруг себя сиреневую мглу. И на дорогах в этот ранний час почти нет машин. И можно идти прямо по пустынным руслам главных городских улиц. И так же, как и тогда, радостно и тревожно покрикивают откуда-то из дворовых закоулков вечно бессонные чайки, и закрывают уставшие за ночь глаза неяркие весенние звёзды...

Вот только людей, что досматривают сейчас последние сны в окружающих нас домах, теперь, наверное, поменьше. Да и стали они иными.

Жива ли та самая учительница, что задолго до начала уроков пробиралась зачем-то в школу? Зачем, кстати? Наверно, хотела получше подготовиться к уроку или проверить тетрадки с очередным

диктантом, на которые не нашлось времени и сил накануне вечером. Пришли ли ей на смену учителя, готовые вот так вставать в темноте, чтобы добросовестно выполнить свою работу?

Не помню уже, как звали ту учительницу, – в этой школе я проучился меньше года. Но помню, как, рассердившись на что-то, кажется, на разбитную шутку классного остряка, она буквально зашипела на нас: «Сыты, обуты, одеты – чего ещё надо?! Радуйтесь жизни, учитесь, слушайтесь взрослых».

Видимо, чувствовала она в нас ростки чего-то враждебного ей, что, спустя всего пять лет, опрокинет привычный для неё, но уже надломившийся мир, где много трудиться – благо, скромность – достоинство.

А ещё запомнился восторг, когда, открыв тетрадку с проверенным ей сочинением, увидел там две красавицы-пятёрки. Через чёрточку. За содержание и грамотность. Получить такие оценки у этой учительницы было очень непросто. Сочинение было на извечную тему: кем хочешь стать. Я мечтал тогда о профессии лётчика-испытателя, о «головокружительных виражах» и «бескрайней синеве» неба. И мне казалось, что эти «пятёрки» были как приглашение в ту самую головокружительную судьбу, о которой мечтал. Оторвавшись от тетрадки, я восторженно посмотрел на учительницу. Наши взгляды встретились. Но она, побоявшись сорвать со своего лица намертво приставшую к нему плёнку строгости, тут же отвернулась.

Лётчика из меня не вышло – ещё в юности врач заказал мечтать об этой профессии из-за моего хронического отита.

Интересно, а хоть кто-то из ребят освоил профессию, о которой писал в тех сочинениях?

Да и много ли из них осталось жить в родном городе?

Сам я уже полтора десятка лет бываю в Мурманске лишь наездами. И когда доводится проходить мимо здания этой бывшей школы, где-то в душе нет-нет да мелькнёт сожаление, что не приходят сюда больше шумливые школьники, ровесники того меня, который учился здесь. Школу давно уже переделали в колледж. Наверно, из-за того, что меньше стало в городе детей...

Да, многое внешне кажется таким же, как и четверть века назад. Даже рюкзак на мне очень похож на те, что шили тогда. Такой же неброский, потёртый, но ещё крепкий. И так же торчит из него коловорот. Вот только рюкзак и коловорот уже не отцовские. Да и сам отец сейчас досматривает предутренние сны за две почти тысячи километров отсюда, в тверском городке.

А рядом со мной давний отцов друг Михаил Александрович. Это он навязал мне свой рюкзак, вместо моего, современно-щеголеватого, но менее вместительного. «Рыбу складывать некуда будет», – в полушутку сказал он, заставив спешно перекидывать уложенные с вечера вещи.

Да ещё в Москве я догадывался, что особой романтики в нашем походе не будет.

– Для меня рыбалка – это промысел, – обозначил по телефону «формат» нашего предприятия мой старший товарищ.

И всё же я согласился пойти с ним. И совсем не только потому, что больше мне в Мурманске идти в зимнюю тундру было не с кем.

* * *

Мы подходим к тёмному, почти безлюдному вокзалу. Его звёздный шпиль смутно проступает сквозь сумрак. Огибаем это молчаливо-отрешённое сейчас здание, идём между облупленных вокзальных колонн, выбираемся на мост над железнодорожными путями. С него хорошо видно северную часть города: зияющий чернотой залив, полусогнутые шеи портовых кранов, одинокие суда у причалов, скученные портовые сооружения. За ними – приземистые скобы сталинских домов, а выше, на склоне могучей сопки, панельные шеренги многоэтажек. И над всем этим – бессонный маяк мужества, памятник заполярному Воину Алёше в золотисто-оранжевом сиянии.

Я опускаю глаза вниз, смотрю на немой перрон под нами. Отсюда я пустился в главное странствие в своей жизни, из которого не вернулся до сих пор. Двадцатилетним молодым человеком, полным надежд, тревог и гордости, что удалось поступить в Литературный институт, я уезжал в Москву.

Да, на этом вот безлюдном, даже нелюдимом сейчас перроне стояли тогда мои молчаливые, растерянно улыбающиеся родители. В их лицах отражался пронзительный свет ранней осени. Друзья скрывали за грубоватыми порой шутками волнение разлуки, переполнявшее наши молодые души. Во мне звенели, искрились, как тугие алые гроздья на мурманских улицах, строки песни, на которую я наткнулся на волне какой-то радиостанции перед самым выходом из дома: «Вей-бей, проруха-судьба,

разбуди слов рябиновый слог...» Это была одна из моих любимых песен, и в том, что именно её довелось услышать в родительском доме напоследок, в том, что так подходила она этому щемяще-просветлённому дню, я видел знак не случайности и важности всего, что происходило со мной в эти минуты. Я тогда как-то мало вдумывался в прямой смысл этих неумолчно звучавших во мне слов...

Когда поезд тронулся, двое, Денис и Вадим, побежали вслед, нарочито кривляясь. А Вадим даже умудрился зацепиться за что-то с той стороны вагона, и его весёлая гримаса маячила несколько мгновений в мутноватом подрагивающем стекле. Где сейчас это всё?! Неужели только в моей памяти и остался жить тот день?

Помнит ли о нём Вадим, который два года спустя поехал вслед за мной в Москву, но не смог поступить в художественное училище, да так и полубомжует в столице, зарабатывая тем, что рисует портреты на Старом Арбате? И вроде бы есть возможность иногда встречаться, но мы оба понимаем, что после того, что случилось между нами за прошедшие годы, лучше не делать этого...

– Вот наш транспорт, – говорит Михаил Александрович, – показывая на угольно чернеющий локомотив с единственным прицепным вагоном. Ни единого признака жизни не видно пока в этом одиноко замершем на втором пути странном поезде. Ещё за месяц до этой моей поездки, когда мы по телефону договаривались о рыбалке, Михаил Александрович сказал, что поедем на какой-то электричке, развозящей по глухим полустанкам железнодорожных рабочих. Я, привыкший в последние годы с помощью расписаний в Интернете выверять, порой поминутно, свои маршруты, долго сомневался. Всё искал, нет ли каких иных, более надёжных, способов добраться до маленькой станции Пулозеро. Однако ничего толком так и не разузнал и махнул рукой, решив довериться своему спутнику, как доверялся когда-то на рыбалке отцу и как доверяются, наверно, теперь мне мои сыновья.

Мы спускаемся на перрон, сваливаем с себя громоздкие рюкзаки. В вагоне уже открыта дверь, еле заметно светится окно, напротив купе проводников. Михаил Александрович идёт туда договариваться. А честнее говоря – проситься. Вообще-то посторонних в этом вагоне быть не должно. Кто знает, какое там настроение будет у хозяек этого одинокого вагона и захотят ли они слегка рискнуть ради нескольких стурбулёвок.

* * *

Вскоре мы проходим в тёплый тёмный вагон с сидячими местами. Садимся на самые дальние кресла перед тамбуром – тут побольше места для нашей поклажи.

Вагон наполняют рабочие. Между сиденьями мелькают их оранжевые робы. Неторопливо рассказываются, бросают короткие взгляды на нас. Некоторые шумно здороваются друг с другом, чему-то смеются, обмениваются незамысловатыми новостями. Я с интересом и даже какой-то невольной завистью смотрю на них. Эти люди спокойны, чувствуют себя на своём месте среди своих. И наверно, они уверены, что никто другой не сделает лучше их нужную людям работу. Я думаю о том, как редко встречал людей с таким самоощущением в тех редакциях и офисах, где мне приходилось работать...

Поезд нехотя, словно спросонья трогается. Как в замедленном серо-белом кино, проплывают за мутным окном портовые постройки. От многих из них веет неуютом заброшенности.

– Не понимаю, за счёт чего город живёт. Никакого производства нет. В порт суда с рыбой почти не заходят, на рейде – пустота, – это Михаил Александрович, глядя, как и я, за окно, продолжает разговор, начатый вчера вечером. – Здания в порту, смотри вон, через одно продаются, с повыбитыми стёклами стоят. Заводы закрываются... И за что только люди деньги получают?

– В Москве в каждом втором магазине печень трески мурманская продаётся. Угля через порт всё больше перебрасывают, – мне не хочется спорить, но я делаю это, лишь бы не поддаваться пессимизму, который веет от его слов. – Ну, а деньги... Сейчас каждый, как может, устраивается. Один мой одноклассник – в рекламе, ещё один – риелтором вкалывает. Третий – на таможне. И что тут плохого?

– Вот я и говорю, молодёжь в службу подалась, а производство глохнет, – упрямо ворчит Михаил Александрович.

Я больше не спорю с ним. Знаю по вчерашнему разговору, что контору, где он работает, могут закрыть. Вроде как с помощью спутников следить за ходом промысла в Баренцевом море можно и из Москвы. Здесь, на родине, я порой чувствую неловкость за то, что живу в столице, которая «всё под себя гребёт».

* * *

Ехать нам всего километров семьдесят, но из-за частых долгих остановок, как объяснил мне мой товарищ, на месте будем часа через три, не раньше. Поэтому я настраиваюсь подремать: позади – полубессонная ночь, а впереди двое суток на ветру и морозе с ночёвками в неизвестной мне рыбацкой избушке.

– Смотри, красота какая, простор! Где в своей Москве ты такое увидишь?! – полчаса спустя толкает меня Михаил Александрович, вырывая из полусна. Поезд уже проехал мост через бурливо-снежную Колу, за окном тянутся безлюдные сопки.

«Да, красота», – соглашаюсь я, хотя в сероватом утреннем свете хмурые северные пейзажи не так уж живописны. Увязшие вкривь и вкось сосенки и ели, взъерошенные карликовые берёзы сиротливо торчат из сугробов.

Впрочем, настоящая красота природы, я уверен, это далеко не только те эффектные, зачастую однотипные пейзажные картинки, какими любят щегольнуть полупрофессиональные фотографы в Интернете. По-настоящему красива только та природа, которая, как образ родного человека, с детства отпечаталась в нашей душе.

* * *

– Милые мои, вот вам, вот, – проводница кидает куски хлеба с маслом нетерпеливо приплясывающим у подножки вагона собакам. Пса, с оторванной наполовину лапой, она прикармливает особо.

Поезд стоит рядом с приземистым жёлтым зданием. Кажется, оно единственное здесь содержится в относительном порядке. В него по каким-то своим надобностям заходят ехавшие с нами рабочие. За этим зданием видны остовы домов, покосившиеся сараи.

Вот она и есть та самая станция Пулозеро, которую пытался я представить в Москве несколько последних недель, выискивая фотографии в Интернете. Но, конечно, никакой Интернет не покажет, не передаст солоноватый запах мазута, искрящиеся вдоль железной дороги сугробы, этих вот твякающих, виляющих хвостами собак. И ещё – порывы морозного живительного ветра, который, кажется, рождается прямо в ослепительно белеющих вдали горах.

– Хороший посёлок раньше был, человек пятьсот жило, – говорит Михаил Александрович, – и станция всегда открыта. Заходи после рыбалки: грейся, чай пей. А сейчас – сиди на ветру, дожидайся поезда. Жителей здесь всего шесть человек осталось.

Впрочем, сейчас он не расположен к пространным монологам. Чтобы цель «оправдать рыбалку» (то есть чтобы примерная стоимость наловленной рыбы превзошла расходы на дорогу, водку и еду) была достигнута, надо «шевелиться». Словечко, которое любит отец и которое я слышу сейчас от его товарища. Логика проста: чем быстрее придём на озеро и чем больше насверлим лунок, тем больше налимов будет лежать в рюкзаках на обратном пути.

Михаил Александрович кладёт на землю пластмассовые волокуши, крепит на них верёвками свою поклажу. Я, глядя на него, проделываю, как могу, то же самое со своим грузом. Мы становимся на лыжи, накидываем на себя верёвочные петли.

– Эх, дубинушка, ухнем, – шуточно восклицаю я, делая первый замах лыжными палками.

На самом деле волокуши сильно облегчают дорогу. Они игриво скользят сзади, то и дело норовя наехать на задки лыж. Мы идём к озеру по проторенному снегоходом пути. Начинаясь невзрачно день выпустил на волю мириады золотых искр. Они танцуют по нетронутой белизне снегов, путаются в чистой весёлой хвое невысоких сосен и ёлочек. Кажется, что деревца эти, залитые солнцем, светятся изнутри.

Радуюсь чистому морозному снегу, хрустко поют лыжи, и в душе моей нарастает, переполняя её, ликующий мотив.

Не раз уже бывало, что, захваченный полумеханическим, изматывающим вращением жизни в мегаполисе, я начинал сомневаться в том, что есть ещё на свете бесхитростная сурово-хрупкая природа, воспитавшая мою душу.

Рядом с рёвом столичных шоссе порой кажется, что на планете не осталось места для такой вот одухотворённой тишины, что окружает нас.

И потому в последние годы, возвращаясь на родину, я каждый раз невольно радуюсь и благодарю Творца за то, что знакомые с детства северные пейзажи не превратились для меня в потерянный рай,

что я могу видеть их наяву и могу запросто трогать игольчатую лапу живописно искривлённой сосенки или морщинистый бок валуна.

– Эх, повезло с погодкой, – подмигиваю я Михаилу Александровичу, – люблю, чтобы – мороз и солнце.

– Погоди, будет тебе везение, – в тон мне шутливо отвечает попутчик, – уже градусов двадцать мороза есть. Под вечер все тридцать будет. Только знай, дрова в печку закидывай. Так и будем: полночи – я, полночи – ты.

– Да ну, какие там двадцать градусов, десяточка, не больше, – не унимаюсь я.

– Конечно, идёт в дублёнке на лыжах, волокушу тянет, мороз ему не страшен. Поглядим на тебя, что ты у лунок на ветру скажешь...

Так вот всегда они с отцом безбидно подначивали друг друга во время своих лесных походов. Теперь как-то незаметно та же манера общения установилась и между нами.

Минут через сорок пути мы подходим к распахнутой на многие километры снежной пустыне Колозера. Ветер тут и там испещрил затвердевший наст причудливыми узорами, от которых веет чем-то первозданно диким, безлюдным.

– У тебя пятнадцать минут на лирику, можешь сходить вон туда, пофотографировать, – показывает Михаил Александрович на густо синеющую невдалеке полосу воды.

Я охотно отправляюсь туда, где берёт своё начало главная река Кольского края. По сей день, увидев из окна вагона кипучую Колу, я окончательно понимаю, что вернулся на родину. Много воды было выпито из этой красивой могучей реки, но никогда ещё не доводилось мне бывать на месте её зарождения.

Кола начинается не с зыбких, медленно свивающихся в водное полотно ручейков, как это обычно бывает в средней полосе. Она вытекает из озера состоявшейся рекой. И хотя здесь она только начинает свой неукротимый разбег к Баренцеву морю, течёт плавно, ещё не стряхнув с себя озёрную задумчивость, есть уже в ней сила, совладать с которой не может даже двадцатиградусный мороз. Лёд лишь кое-где у берегов сероватой, усыпанной снежными горошинами плёнкой затягивает исток Колы.

Макушки выглядывающих из воды валунов искрятся снежными нимбами. Над медленно завивающимися струями поднимается тончайший пар. Я смотрю, как морозные лучи, словно неуловимые рыбы, сверкают между подводных коричневатых камней, и мне почему-то чудится, что из воды улыбается близкая заполярная весна.

* * *

Сверкает, кружится ледяное крошево, маленькие стальные зубы ледоруба с хрипом и шелестом прогрызают круглую дорогу к воде. И порой уже кажется, что само озеро кружится вокруг тебя. Жар распирает грудь, сдавливает дыхание, ударяет в лицо. Лунке на третьей я, забыв про мороз, сбрасываю с себя старую добротную дублёнку.

Просверлить в полутораметровой ледяной толще надо десятки лунок. Трудная это работа. Труднее всего, когда, встав на колени, дёргаешь ручку ледоруба, которая одна только и не ушла в лёд. Кажется, из последних сил рывками вращаешь своё орудие, и, когда уже совсем невмочь, вдруг последняя ледяная перемычка проваливается под твоим нажимом. И мгновенно пробуренная пустота во льду заполняется чёрной ртутью озёрной воды вперемешку со снежной кашей.

И вот есть несколько минут отдыха. Пока товарищ бурит другую лунку, достаёшь из рюкзака незамысловатую донку, какой ловили, наверно, и сто лет назад, насаживаешь на грубый большой крючок мойву. Потом вычерпываешь из чёрного глазка во льду мокрый снег. Черпаком или просто покрасневшими на морозе руками. И тогда уже разматываешь, понемногу стравливаешь в воду снасть.

– Ну что, москвич, лунок сорок осилим с тобой? – слышится голос Михаила Александровича.

– Осилим, был бы толк, – из последних сил пытаюсь придать шутливость своему голосу, отвечаю я.

– Ничего, вот увидишь, мы ещё бурить не закончим, а уже пара-тройка налимов попадётся. Без ухи сегодня не останемся. Давай-ка вон там луночку просверли, поближе к острову.

Я послушно берусь за ледоруб и сам себе удивляюсь, откуда берутся силы снова перемалывать ледяной панцирь озера.

Впрочем, запал моего старшего товарища иссякает где-то лунке на тридцатой. Бурить сегодня осо-

бенно трудно, потому что нижний слой льда, видимо из-за стоявших в середине зимы оттепелей, перемешан с водой. И острые зубы-ножи ледоруба то и дело проскальзывают вхолостую в этом месиве.

Мороз всё сильнее. На наших лицах, одежде хлопьями повисает иней. Разгоряченность от работы ледорубом быстро проходит, оставляя сырой зябкий неуют липнущей к телу рубахи. А от оранжевого, склонившегося к сопкам солнца, кажется, ещё холодней.

– Пошли на берег, в избушку, – говорит Михаил Александрович. – Темнеть начнёт часа через два, а насчёт дров – ещё неизвестно, есть ли там какой запас.

По дороге на берег мы со знакомым всякому рыбаку нетерпением проверяем наши донки в надежде почувствовать на том конце снасти рыбки заглотившего наживку налима. Погода для его клёва стоит самая подходящая, морозная. Однако кто их предугадает, рыбы капризы... Некоторые лунки, как полузакрытые глаза, уже подёрнулись тонкой плёнкой льда и слегка присыпаны позёмкой. На первых донках, тех, что ставили последними, ничего не попало. Мне вспоминается рассказ отца, как однажды они просверлили на этом озере восемьдесят лунок и не поймали за сутки ни одного налима.

– Ну-ка, иди сюда, почувствуй рыбину, – зовёт меня Михаил Александрович.

Он, видимо, считает, что первого налима извлечь на лёд должен я, московский гость. Я снова слушаюсь его, подхожу к «сработавшей» лунке, выбираю ожившую туго пульсирующую снасть. С полминуты проходит, и вот он, первый наш трофей, с килограмм, примерно, весом, по-змеиному извивается на снежном насте.

Вообще-то налим никогда не относился к завидной добыче для северных рыбаков. Многие здесь считали и считают его сорной рыбой (хотя мясо его по вкусу мало чем уступает треске). Нередко и мы с отцом оставляли его на съедение чайкам да воронам, вырезая лишь лакомую печень. Да и красавцем налима не назовёшь. Но сейчас на сахарно искрящемся насте в лучах предвечернего солнца эта пятнистая зеленовато-коричневая рыба кажется мне настоящим произведением природы.

– Ну вот, с почином, – Михаил Александрович просовывает в налимяню пасть припасённую заранее ветку, прижимает к ней тянущуюся в рыбе чрево леску и начинает сильно вертеть вздрагивающую всем телом рыбину, пока та не отлетает в сторону.

Это его личное изобретение, к которому он шёл многие годы. Дело в том, что налим, как правило, заглатывает наживку очень глубоко. Достать крючок из его нутра – всегда морока. Обычно приходится резать его глотку ножом, что на морозе особенно неудобно.

И вот такой простой, хоть и жестокий по отношению к рыбине способ избавляет от этих хлопот: снасть, разворотив крючком налимяню внутренности, освобождается от него.

– Да и так мучились, и этак, а придумали-таки, – довольно улыбается в усы Михаил Александрович, кидая в объёмистый пакет добычу.

* * *

Невысокая избушка живописно тонет в розоватых сугробах, из которых поднимаются шероховато-золотистые колонны сосен. Они здесь высоки по заполярным меркам – метров на семь-десять поднимают к солнцу свои прореженные ветрами кроны. Я, нагнувшись, заглядываю в чёрное выстывшее нутро нашего будущего жилища. После света дня оно выглядит особенно мрачно. Промозглой стужей веет от нар, заваленных старыми ватниками, заменяющих матрацы. По углам на потолке в луче фонарика блестит заиндевелый лёд. Первую секунду невольно думается, что это наименее подходящее для ночлега место во всём лесу. Впрочем, это чувство знакомо мне. Я знаю и то, что каких-нибудь час-полтора понадобится железной печке, притулившейся в земляном углу, чтобы вдохнуть тепло и душу в эти неровные древесные стены, сделать их желанным приютом для нас.

На наше счастье, предыдущие постояльцы избушки заготовили немало дров. В «сенях» лежит внушительная поленница и ещё несколько высохших сосновых стволов валяется рядом с входом. Значит, сегодня у нас будет пара-тройка часов отдыха перед сном. Вернее, перед вечерним обходом лунок. Промысел не терпит простоев, считает мой старший товарищ. Налим в тёмное время клюёт даже активней, чем днём, поэтому надо хотя бы дважды за ночь проверить донки: снимать попавшихся налимов, наживить новую мойву вместо съеденной.

Первый обход намечен ближе к полуночи, второй – под утро, часа на четыре.

Честно говоря, меня не очень радует такая перспектива, но, как говорится, назвался груздем... Никто не тянул меня в этот поход, поэтому я молчаливо принимаю те правила, которые установлены Михаи-

лом Александровичем. Меня греет мысль, что завтра за целый день найдётся-таки час-другой, чтобы попробовать в деле мои новые дорогие балансиры. Может быть, даже найду время подобраться по льду поближе к истоку Колы. И там, глядишь, покусится на мои яркие рыбки-обманки красавица-кумжа...

Пока мой товарищ «раскочегаривает» печку, я возле избушки смотрю, как медленно розовеет небо над снежной равниной озера, как всё плотнее укутывает сиреневый сумрак причудливые шапки прибрежных сосен. Как на волнистые вершины дальних сопок наплывают сизые волны облаков.

В морозной оцепенелой тишине отчётливо слышен малейший скрип под моими лыжами. Вдруг издали доносится глухой лязгающий гул. Железная дорога проложена вдоль берега Колозера километрах в трёх отсюда.

Что-то уютное и одновременно тревожное слышится в торопливом и таком неожиданном здесь, среди первозданной природы, перестуке стальных колёс.

Может быть, этот уже угасающий звук напоминает мне о скоротечности моего пребывания здесь, среди сосен, льда и снега, да и в целом на Земле – тоже...

* * *

– Теперь уже редко так вот, как мы с тобой сейчас, на рыбалку ходят, – с затаённой грустью говорит Михаил Александрович.

Гудит раскалённая печка, добираясь волнами драгоценного тепла до зябких ещё нар. Сочится, едва разбавляя мрак, свеча на дощатом столе. В её подрагивающем свете особенно притягательно выглядит нехитрая наша снедь: хлеб, колбаса, сало, солёные огурцы, чеснок. Честно говоря, от усталости я поначалу не хотел есть, даже отказался от идеи варить знаменитую налиమ్ью уху. Но несколько стопок обжигающей водки вернули аппетит и интерес к жизни. Как я и ожидал, избушка, спустя всего пару часов после нашего вселения, кажется единственным островком уюта среди морозно-настороженного ночного леса.

– Если кто и рыбачит зимой, то рядом с дорогой, возле машины, – на лице моего собеседника мелькают красноватые блики бушующего в печке огня. – Или богатые на буранах гоняют. Заберутся за полчаса в глушь, куда нам на лыжах полдня идти, пару часов порыбачат и – опять в свои коттеджи греться, водку пить. Обленился народ. Лет тридцать назад легче мурманчане на подъём были. По городу зимой идёшь, почти всегда мужиков с рюкзаками, ледорубами увидишь. Сейчас – редкий случай. Многие из товарищей моих прежних, кто болеет, а кто и совсем уже отходился. Как уехал твой отец с Севера – напарника мне не хватает. Трудно на рыбалке одному, без напарника...

Отец, перед тем как уезжать из Мурманска, долго доказывал мне, какая на Севере тяжёлая жизнь и как хорошо будет жить он в умеренном климате средней полосы. Он и сейчас ни за что не признается, что жалеет о том своём решении. Но когда, подвыпив, расслабится, отойдёт от огородных хлопот, почти всегда сворачивает разговор на воспоминания о Севере.

Вернее, не о Севере вообще, а именно о своих лесных походах. Да, это была целая эпоха для Кольского края, не отмеченная ни в одном краеведческом учебнике. Я был ребёнком тогда, но всё же успел почувствовать и запомнить её.

Съехавшиеся со всего Советского Союза мужики, в основном вчерашние крестьяне, открывали для себя просторы диковинного для них Заполярья. Срисовывали друг у друга карты местности, узнавали всё новые богатые рыбой озёра, реки, ручьи. Забирались в глушь, где до них бывали разве что кочующие с оленьими стадами саамы. Бывало, что часами в дождь и мороз ждали у глухих дорог, когда проедет хоть какая-то машина: почтовая, военная, грузовая, чтобы вернуться в город. С детства мне памятен рассказ отца, о том, как однажды почему-то не пришёл рейсовый автобус, и он с друзьями выбирался из тундровой глуши в прицепе бог весть откуда взявшегося там трактора.

Помню и рассказы о том, как после многих часов пути по снежной целине, местами – до пояса глубиной, падали рыбаки в сугробы в изнеможении. И казалось им, что сил нет уже не только на обратный путь, но и на то, чтобы забраться в избушку. Однако проходило полчаса, вставали они и шли сверлить лунки, пилить дрова, раскапывать от снега лесное жилище... И ведь не сказать, что ради больших уловов преодолевали мужики все лишения. Да и далеко не всегда возвращались они с богатой добычей – северная рыба капризна. У каждого водоёма свои «внутренние часы». Пока не приспособишься к тому или иному ручью, озеру, не выразишь, в какое время года и суток бывает здесь хороший клёв, можешь целыми днями сидеть на берегу без единой поклёвки.

Рыба тогда, в относительно благополучные советские времена, когда на Севере почти любой мог позволить себе покупать её в магазине несколько раз в неделю, думается мне, была лишь предлогом. Главное, что влекло в тайгу и тундру таких вот энтузиастов, было подспудное желание ощутить себя мужчинами. Вдали от жён, от городских «начальничков всех видов и сортов» они проверяли себя в дружбе-борьбе с суровой заполярной природой. И возвращались в повседневную городскую суету, очистив душу и немного приподняв себя в собственных глазах.

Мало кому из моих ровесников знакомы подобные чувства. Они уже в гораздо большей степени городские жители, чем их отцы. Среди знакомых я считаю «бывалым» лесным человеком, но выбираюсь в серьёзные походы всё реже. И куда реже, чем я ребёнком, выбираются со мной мои дети. Будет ли и дальше продолжаться наше отдаление от природы, и до какой степени? Не получится ли, что, потеряв окончательно в городах связь с собственной землёй, окажемся мы лишними на ней?

– Ты давай, в следующий раз отца с собой на Север вытаскивай, – слышу я сквозь свои размышления глуховатый голос Михаила Александровича. – Годы у нас уже такие, что ещё пару-тройку лет – и дальше магазина за хлебом не уйдёшь никуда. Надо нам хотя бы раз ещё вместе на рыбалку выбраться, потряхнуть стариной. Так, чтоб суток на трое, без спешки.

– Хорошо, – говорю, – один раз – вытащу.

* * *

В темноте, высвечивая дорогу фонариками, возвращаемся с ночного обхода донок. В рюкзаках у нас уже около двух десятков налимов. Некрупных, как считает мой товарищ. Самый увесистый тянет килограмма на полтора. От острова, возле которого мы ловим (там место проверенное, рыбное), до избушки примерно два километра по ломкой проторенной днём лыжне. Накопившаяся за день усталость даёт о себе знать. Лыжи всё неохотней скользят по насту, не слушаясь натруженных, словно ватных ног.

Нет-нет да проскользнёт малодушная мысль: «И зачем это всё надо? Копил бы, как все «нормальные люди», деньги на отпускной курорт...» Однако я знаю, что усталость пройдёт, забудется, а останется другое, неизмеримо более важное, что не получишь ни за какие деньги на курортах и в санаториях.

Наст под лыжами оседает, не выдержав моей тяжести. Не удержавшись на ногах, падаю в снег и лежу так несколько минут один на один с сиреневой глубиной неба, с отстранённым сиянием зыбко-голубых звёзд. И на какое-то мгновение чувствую себя такой же звездой, посылающей в ледяной сумрак позывные своей одинокой души.

* * *

– Вот это да, мороз жмёт, столбик в градуснике совсем исчез, – улыбается Михаил Александрович. – За сорок ночью было. А ты знай себе дрыхнешь.

Да, как пришли с озера, не допив горячего, крепкого до вязкости чаю, я, что называется, «отрубился» на нарах, едва успев натянуть на себя какой-то старый ватник.

Правда, среди ночи сквозь сон дошли до сознания слова моего товарища, что печка совсем остыла. Я даже сделал было поползновение, чтобы встать и заново растопить её. Но, остановленный властным «Лежи», снова провалился в цепкую темноту сна.

А Михаил Александрович, значит, всю ночь поднимался к печке, подбрасывал дрова, поддерживая тепло. А меня ни разу не обременил этой работой. В его отношении ко мне порой проскальзывает затаённая тоска несбывшегося отцовства.

– Ничего, будешь там в своей Москве рассказывать, как в настоящие заполярные морозы в тайге ночевал, – говорит он, разливая по железным кружкам кипяток из закопчённого котелка.

Это вот «в своей» невольно цепляется за мой слух. Могу ли я назвать своим город, в котором живу уже полтора десятка лет? Да, в чём-то он стал ближе и понятней мне. Появились в нём места, отзывающиеся щемящей теплотой воспоминаний. Но до сих пор трудно мне представить, что в этом неуёмном мегаполисе, где близкие люди порой месяцами, а то и годами не могут найти время приехать друг к другу в гости, в таком вот городе проживу я до конца своей жизни.

– Ну, работы у нас тобой сегодня полно, – отрывает меня от размышлений Михаил Александрович. – Ночью не пошли второй раз налимов снимать, теперь лунки, наверно, так промёрзли, что придётся рядом с ними новые просверливать или топором снасти вырубать. А ещё дров заготовить надо вместо тех, что сожгли...

Этот неписанный от века закон – по мере возможности возместить то, что взято в лесном жилище, – соблюдается рыбаками и сегодня. Не всеми, конечно. Но нередко путнику, набредшему на избушку на Севере, можно не только обогреться припасёнными теми, кто был здесь до него дровами, но и утолить голод, если свои запасы иссякли. У рыбаков «старой закалки» заведено оставлять перед возвращением в город в подвешенных к потолку пакетах остатки незамысловатой провизии: сухари, крупы, вермишель. Эта заочная забота незнакомых или малознакомых людей друг о друге – явный признак того, что утверждение «все люди – братья» – это не просто красивая патетическая фраза, а – правда.

* * *

Ветер гонит колючую позёмку по снежным барханам. Уворачиваясь от неё, мы перебираемся от лунки к лунке. К счастью, большинство из них замёрзло не сильно. Аккуратно вырубая лёд по краям, высвобождаем снасти, извлекаем из чернеющего глазка воды извивающихся, маслянисто блестящих налимов. Они ползают по искристо-снежному насту, оставляя чёрные следы слизи. Некоторые с трудом пролазят в сузившуюся прореху во льду. Их уже много поймано, килограммов двадцать – общий вес. Но промысел – есть промысел. Мы наживляем мойву на опустевшие крючки, сверлим новые лунки вместо «холостых», тех, где за ночь не попало ни одной рыбы.

«За шестьдесят человеку перевалило, а жизненных сил – иному молодому позавидовать», – с невольным уважением думаю я, глядя, как неумоимо хлопочет вокруг лунок Михаил Александрович.

В голове я держу мысль о том, чтобы испробовать мои балансиры, почувствовать себя рыбаком, а не промысловиком, но всё время что-то мешает исполниться этому моему желанию. То надо сходить за забытым на берегу мешком с наживкой, то время заново обходить вереницу лунок, то донка запуталась. «Ничего, – утешаю я себя, – вот вечером... или, в конце концов, завтра утром...» Лишь однажды я испытываю рыбацкий азарт, когда, опуская только что наживлённую снасть, вдруг чувствую удар по леске. Делаю подсечку и через минуту, преодолевая тугие рывки, вытягиваю довольно увесистого налима. Неожиданно он срывается с крючка и чуть было не ускользает обратно в лунку. Падаю на снег, прижимая вёрткую рыбину ватными варежками ко льду, и чувствую сквозь дублёнку, как бьётся в груди встрепенувшееся сердце.

Солнце над нами то ослепительно-золотое, зовущее жить, то, серебристо-расплывчатое, проглядывающее сквозь обжигающий тюль позёмки. Долго всматриваюсь в белеющую над озером гору. Пытаюсь понять, что же такое знакомо-счастливое сквозит в её пустынном сиянии. И вдруг вспоминаю, что именно эту гору не раз видел я из окна поезда, когда возвращался в Мурманск. И видимо, где-то в моём подсознании навсегда стала она приметой приближающейся родины.

В другом конце Колозера, у самой линии горизонта, в безветренные ясные минуты можно различить две крохотные палочки с ватными дымками над ней. Ещё вчера ночью обратил я внимание на слабое желтоватое марево над тем местом. И тогда же догадался – там, в мгlistой дали, тот самый Оленегорск, где я был меньше недели назад. Глядя на палочки заводских труб, я в очередной раз удивляюсь тому, как, найдя подходящий момент, вдруг в одной точке переплетаются разные линии жизни, чтобы потом, возможно, снова разойтись навсегда.

Оленегорск. Ещё неделю назад это название вызывало в моей памяти разве что большую пустынную площадь с громоздкой башней посередине. Да ещё, пожалуй, приземистое здание вокзала, перед которым в сплетении рябиновых ветвей, глядя куда-то мимо проезжающих поездов, замерло серебристо-серое оленьё семейство.

На привокзальной площади Оленегорска останавливался автобус, когда с родителями, а позднее и один я ездил в Апатиты, к бабушке. Ребёнком, оказавшись на площади, я озирался по сторонам и всё пытался понять: где же он, город с таким притягательным названием?

Город, как я узнал значительно позднее, из-за каких-то проектных расчётов строили в нескольких километрах от станции. Но тогда мне казалось, что он притаился где-то совсем рядом. И стоит лишь повнимательнее взглянуть в волнистую линию горизонта и – увидишь его скрытую от рассеянного взгляда тайную жизнь.

Вот это неутолённое чувство неоткрытого, невидимого города подспудно жило во мне все эти годы. Поэтому я, повидавший уже немало городов, ждал встречи с Оленегорском, как чего-то особенного. И хотя фотографии в Интернете пытались убедить меня, что как раз ждать сильно особенного не стоит, я давно уже приучил себя до конца не доверять Интернету.

И вроде бы и вправду мало чем выделяется, как убедился я, этот промышленный городок от других, подобных ему, чьи лучшие времена пришлось на шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века. В стройных линиях его центральных зданий, в горделивой стеле на центральной площади, в шеренгах домов ещё угадывался тот молодой созидательный пафос, который пытались вложить в Оленегорск его строители.

Однако сейчас в стенах постаревших зданий читался знакомый мне по другим северным городам вопрос: что дальше? Залежи железной руды, давшие жизнь городу, близки к исчерпанию, да и молодых жителей, готовых связать своё будущее с Оленегорском, всё меньше.

Так, может быть, зря я приезжал в этот город, и было бы лучше, если бы он по-прежнему оставался для меня притягательным городом-невидимкой?

Возможно, так бы оно и было, если бы не встреченные мной там люди. Сейчас, глядя из морозной пустыни озера на зыбкие городские дымки, я вспоминаю открытые, доброжелательные лица библиотекарей, которые, отказывая себе в иных вещах, в век Интернета привозят из поездок целые сумки новых книг.

Вспоминаю и столь же добрые, скромные лица учителей, приведших на поэтическую встречу со мной своих школьников – в основном девочек того волнующего возраста, когда они, сами того ещё не осознавая, становятся девушками. И ведь удалось учителям убедить их больше часа выходного дня провести не перед монитором ноутбука или экраном телевизора, а перед читающим стихи неизвестным им поэтом. (Вот и ответ на мой вопрос, который я задавал себе на улицах ночного Мурманска: остались ещё, остались в стране добросовестные, равнодушные учителя, несмотря на четверть века погрома всего лучшего в стране!)

И конечно, останется в моей памяти и душе оленегорский поэт с самым поэтическим для нас, русских, именем. Стихи Александра нравились мне уже давно, и давно хотелось мне поближе познакомиться с их автором. И теперь я вспоминаю тихого, даже беспомощного, на первый взгляд, человека со слабым зрением, неуверенно идущего по обледенелым оленегорским улицам. Человека, который, как сам признался мне, тяготится большим числом необязательных знакомств, неизбежных в маленьком городке, но который при этом никогда не смог бы жить в мегаполисе, где на улице нередко приходится перекрикивать рёв машин, чтобы быть услышанным собеседником.

Но вместе с тем вспоминаю я сильного человека, который в возрасте далеко за тридцать не побоялся бросить опостылевшую провинциальную журналистику, чтобы жить литературным трудом. Человека, который положил немало сил, чтобы помочь своей жене победить рак... И когда страшная болезнь отступила, супруги решились дать жизнь своему первому ребёнку.

Вспоминая всё это, я понимаю, что там, вдали, снова невидимый, укрытый морозной пеленой, находится уже не чужой мне Оленегорск, что на карте Кольской земли появилась для меня ещё одна тёплая точка притяжения.

* * *

– Я, может быть, только через два, а то и три года смогу на родине порыбачить, – с досадой говорю я, не глядя на Михаила Александровича.

Передо мной груда заледенелых, мёртво изогнувшихся налимов. Широким, хорошо заточённым ножом я отрезаю им головы. Это чтобы не тащить «лишнее» до станции. Невдалеке, ожидая поживы, уже тяжело перелетают с места на место два ворона.

До последнего слушался я своего старшего товарища, смиренно нёс бремя промысла, а тут не выдержал – взбунтовался. Хотя бы в самом конце надеялся выкроить час-полтора на «настоящую рыбалку», испытать, наконец, свои яркие балансиры. Поймать, может быть, заветную кумжу.

И вот, оказывается, что этого часа мне Михаил Александрович давать не хочет.

– Заранее надо выйти, – упрямо твердит он, – чтобы за час до поезда на станции быть. А лучше – за полтора. Кто его знает, что в пути будет: лыжу кто сломает или лыжню занесёт. Смотри, метель вот-вот начнётся. Да и поезд раньше прийти может – дожидайся потом целые сутки.

Набухшие снегом неоглядные облака тяжело наползают на озеро. Из них и вправду то и дело начинает сыпаться снег. Подбивает ветер, обещая худшее.

– Ничего, – решаюсь я. – В крайнем случае, если на поезд опоздаю, вернусь в избушку. Дров мы много наготовили, еда есть ещё. Не пропаду.

Бросаю в мешок последнего обезглавленного налима, достаю из рюкзака свёрток с зимними удочками.

– Ну, как знаешь, – Михаил Александрович крепит свою поклажу с рыбой на волокушу, встаёт на лыжи.

Минут через десять он превращается в чёрную чётточку на белёсой равнине озера. Позёмка то и дело стирает эту чётточку, но она, уменьшаясь, упрямо проступает вновь.

Я пытаюсь сосредоточиться на рыбалке. Чуть склонившись над лункой, делаю размеренные взмахи удочкой. Леска то и дело обрастает ледяным бисером, ветер замечает лунки снежной пылью.

Оторвав глаза от чёрного кружка воды, смотрю на место, где совсем недавно прошёл мой товарищ. Там теперь такой же точно снежно-девственный наст, как и везде. Я вдруг остро ощущаю своё одиночество перед безжизненной пустыней озера. И ещё понимаю, что никакой кумжи не поймаю, что та искромётная поэтическая радость рыбалки, которую я ждал до последнего, уже невозможна после двух суток трудного, даже изнуряющего промысла.

Я всё же упрямо продолжаю блеснить, перехожу от лунки к лунке. Однако эти глазки воды всё сильнее затягивает льдом, залепляет снегом. Воли дальше спорить со стихией, в который раз выгребать лёд со снегом, у меня уже не хватает.

И часа не прошло после того, как, сердито махнув рукой, отправился в путь мой товарищ. И вот уже я перекидываю через плечо верёвку от волокуши и отправляюсь вслед.

* * *

Как всё-таки переменчива заполярная погода... Словно характер поэта. Только что пробирался я сквозь метель, отворачивая лицо от её шершавых колючих пальцев, а тяжёлая, словно камнями гружённая, волокуша тянула назад, упиралась, не желая зарываться носом в сугробы. Только что, казалось мне, конца не будет этой снежной мути, спеленавшей весь мир, и я жалел уже, что не отправился с Михаилом Александровичем, когда метель только начиналась. И не раз закрадывался в меня холодок сомнения: не сбился ли с пути, не промахнулся ли мимо станции...

И вот ослепительно и невинно светит солнце, словно и не оставляло без своих лучей и поддержки подопечных на земле. Сверкают на заснеженных шпалах рельсы, прислушиваясь в тишине, не раздаётся ли весёлый перестук колёс близкого поезда. Казалось бы, одно название, что посёлок – покосившиеся сараи да большей частью нежилые дома. И всё же тут почему-то теплей и как-то уютней после двух суток среди сугробов и льда. Даже от свежих собачьих следов на снегу веет чем-то радостным. Ещё издали у жёлтого здания пулозерской станции замечаю фигуру Михаила Александровича. Он пристроился на ступеньках. Сидя на рюкзаке, смотрит в мою сторону.

– Ну что, твои балансиры московские не подвели? – то ли хитро, то ли добродушно улыбаясь, спрашивает он, словно и не было недавней ссоры на озере.

Скидываю верёвку от волокуши и чувствую, как наваливается усталость, которую в пути гнал от себя. Присаживаюсь на рюкзак и несколько минут сижу, бессмысленно и счастливо глядя на искрящийся снег вокруг. Михаил Александрович сам связывает мои лыжи, возится с рюкзаком, что-то поправляет.

Медленно наплывает из-за солнечной сопки наш куцый, но такой родной теперь поезд.

– Намёрзлись? – участливо спрашивает проводница. – Ну, зато, я гляжу, с рыбой...

Мы пробираемся в тёплый, пахнувший углём и чаем вагон. Из окна я ещё раз напоследок окидываю взглядом безвестную станцию. Невдалеке видна такая притягательная отсюда, из вагона, девственно снежная полоска Пулозера.

Я вдруг вспоминаю, что здесь прошло детство поэта, в годы Великой Отечественной войны погибшего в воздушном бою. А ведь именно его именем названа первая присуждённая мне литературная премия. Я удивляюсь и не удивляюсь тому, что неожиданно-негаданно родные для него места стали близкими и для меня...

Говорят, перед смертью в сознании человека всплывают наиболее яркие картины из его жизни. Я думаю о том, что наверняка в залитой кровью кабине несущегося к земле самолёта совсем молодой поэт Саша Подстаницкий вспомнил эти белоснежные сейчас сопки и ослепительную равнину Колозера. И ещё я думаю о том, что, наверно, в одно из предсмертных мгновений доведётся их увидеть и мне.

Проза

Анастасия Чернова

Анастасия Евгеньевна Чернова родилась в Москве, окончила Литературный институт им. Горького и аспирантуру. Автор книг прозы «Самолёт пролетел» (2012), «Ветер с пыльных дорог» (2017), «Долина детства. Лирика Николая Рубцова: национальные образы и символы вечности» (2018). Лауреат российских и международных литературных конкурсов. Ведущая литературного клуба «Соты», главный редактор одноимённого сайта. Кандидат филологических наук.

Разлад

А ночью-то в лесу страшно. То есть в лесу, конечно, всегда страшно, но ночью – особенно. Чёрные столбы стволов, паутины кустов, которые хватают за ноги, цепляются к штанинам, рвут, царапают. Еловые ветви бьют по лицу, земля под ногами чуть шевелится. И холодно. Куда ни глянешь – везде дымчатая чернота от трав поднимается, тропинки давно свились в одну, покрытую влажными кочками. Под каждым листом, кажется, кто-то притаился, настороженно притих до поры до времени. Вдалеке забубнила ночная птица, тяжело закачались ветви над головой, посыпались чёрные иглы.

Они заблудились. Василий Платонович уныло шёл сзади, Игорь Петрович, которого не испугает, с его слов, даже расстрел в сыром подвале кирпичного дома, терял бодрость духа, и только Марьяна Даниловна, не сдаваясь, всё ещё держала надежду впереди, как флаг.

Это она и запутала все тропинки в лесу, увела в чащу, где будто бы грибов – больше чем сухих листьев осенью. Игорь Петрович давно уже подумывал: кто виноват? Да. Кто виноват в том, что он уже второй день не ест, не читает книг и не спит на любимом плюшевом диване, спинка которого обита бархатной, тёмно-коричневой тканью. Ответ Игорь нашёл быстро. Марьяна Даниловна виновата. Конечно, она. В первую очередь. Именно ей как-то вечером второго дня, спущенного без пользы в честь отпуска, стукнула со звоном железной ложки о батарею мысль: «Однако я живу плохо. Другие – лучше. Надо заработать денег». И тут же это открытие развилось в навязчивую идею.

Игорь вновь и вновь вспоминал, как тем же вечером ему в дверь постучалась женщина. Он читал на плюшевом диване брошюрку некоего Хецира «Новейшая философия, или Пинок истории затылком учёного». Все мысли были с претензией на оригинальность, местами глупы, местами скучны. Такое читать приятно. Ловить мысли и не соглашаться. Зевая, думать: «Фу-фу, какой бред».

Но прогремел стук. Пришлось заложить серенькие шершавые странички фантиком от карамельки и идти открывать. Телом он двигался к двери, рукой крутил продолговатое колёсико замка, а мысли остались в книге, купаясь в тёплом сладковатом растворе ультрановых идей. Именно этим обстоятельством Игорь Петрович и объяснял своё неразумие. Он согласился, слишком быстро согласился. Не подумал о возможных последствиях. С кем не бывает. На пороге стояла маленькая, но очень крепкая женщина с решительным лицом: глаза целятся в упор и не мигают, тонкие брови напряжённой пружиной сжаты к носу. Игорь Петрович припоминал: где-то, кажется, видел... ах, да. Соседка. Соседка из квартиры напротив. Пока он вспоминал подробности, она, выставив вперёд ногу, а руки – в бока, докладывала:

– Так и так. Был недавно дождь. В лесу выросли грибы. Нужно их собрать, чтоб не пропали, продать у метро. Она подсчитала – десять вёдер – восемь тысяч двести три рубля.

Игорь Петрович возразил:

– Я занят. Книгу читаю...

Марьяна Даниловна засмеялась.

«Какая книга? О чём он? Да что он, не понимает, что если не заработать сейчас денег, то потом можно остаться без куриной ножки на ужин и без паштета с бубликом на завтрак. И даже без хлеба».

Игорь Петрович усмехнулся:

– Не для него угроза... Инженер получает статично. Не очень много, конечно, но хватит не только на буханку хлеба, но даже и на книжную новинку месяца.

– Какое неразумие! – закатила глаза Марьяна Даниловна. – Денег надо впрок иметь! Вот будет война или кризис какой, цены взлетят. И тогда хорошо вынуть из кармана тыщу, купить на базаре продуктов и положить в кладовке про запас. У всех – голод и смерть. А у вас, к примеру, – пир. На весь мир.

Она что-то ещё говорила, говорила: «Тут и обновку прикупить (обновку или книг, хороших больших книг в красивых глянцевых обложках, – тотчас смекнул он), наконец, просто прогуляться. Разве плохо?» Этим и убедила Игоря Петровича, уговорила его бросить своё бесконечное чтение и на выходных отправиться в лес.

Марьяне Даниловне нельзя поднимать тяжести. Поэтому она и позвала с собой бездельного соседа. Она как сердцем чувствовала, что он бездельный и согласится нести за ней огромную корзину, наполненную килограммами грибов. За это она обещала дать ему часть выручки. Кроме того, где-нибудь в чаще (в самой чаще, куда никто не ходит и где много грибов) может выскочить из кустов какой-нибудь маньяк. Одной ходить опасно.

С собой они ещё позвали друга бывшей жены Игоря Петровича – престарелого Василия Платоновича. Когда-то в молодости Василий Платонович собирал грибы, и считалось, что он сможет различить поганку, если та попадётся на пути.

Утром было весело. Впереди шествовала Марьяна Даниловна. Заприметив хоть что-нибудь, похожее на гриб, плавно наклонялась и срезала ножиком.

– Василий Платонович, поганка? – спрашивала она, полуобернувшись.

– Должно быть, нет, – отвечал Василий Платонович. – Я что-то плохо вижу. Мне в глаз попала ветвь.

Марьяна Даниловна нюхала гриб:

– Да вроде ничего. Ядом не пахнет. А... была не была, сойдёт!

И она бросала гриб в корзину, которую услужливо нёс сбоку Игорь Петрович. За спиной у него покачивался огромный рюкзак с термосом, бутербродами, салатами, кашкой в банке, молоком в бутылке и даже тёплым супчиком в специальной медной кастрюле, крышка которой закрывалась плотно.

Марьяна говорила, что не может ехать на целый день в лес и не обедать. Это очень вредно. И суп надо каждый день есть.

А вот теперь... Теперь они заблудились. Корзина оставлена на какой-то поляне, бутерброды съедены и почти весь чай в термосе выпит.

Пахнет сыростью. Скребутся по щекам ветви. Птица продолжает тянуть унылый погребальный сказ.

– Всё! – вскрикивает Игорь Петрович. – Это конец! Мы пропали! Мы не выйдем отсюда!

Он дёргает по сторонам головой. Но выхода нет. Толпами наступают деревья, всё тоньше тропинка, всё больше трав под ногами, а причитания птицы слышнее и ближе.

– Игорь, – говорит Марьяна. – Успокойся.

Наклонившись, отодвигает ветви. Её лицо хранит мирную задумчивость.

– Всякий лес имеет конец. Рано или поздно мы...

– Нет! Не всякий! Зачем обнадёживаться! Ох, зачем я только сунулся сюда?! Будь проклят тот день, когда я согласился ехать! Погибаем... заживо! О, кто поможет мне?! Второй день...

Игорь Петрович вспоминает рассказы о том, как местные жители уходили в лес – и больше не возвращались. Через год или два какой-нибудь лесник набредал на полуистлевший скелет, прижатый к сосне. Или находил разорванное тело, с торчащими рёбрами, а на рёбрах, как на вилке, – насажены очерневшие куски мяса, а вокруг в землю впечатаны медвежьи следы. Или – ничего не находили. Но и тогда было понятно всё: зашёл на гиблую поляну и утонул в болоте. Царство Небесное.

Игорь Петрович встряхнул плечами. И чего только не расскажут, не напридумывают! Да, вам хорошо плести небылицы, точно кружево, около плиты, в тёплой комнате, а вот попробуйте заблудиться. Да только от одного вспоминания этих баек тошно становится! Марьяна Даниловна...

– Разведём ночью костёр. Воду в термосе будем экономить: глоток в день – и достаточно, – решила Марьяна. Посмотрела вверх, на покрасневшие верхушки сосен, смахнула украдкой слезу и опять улыбалась.

– Василий Платонович, сколько бутербродов у вас осталось? Нужно разделить еду, чтобы не умирать сразу так, но постепенно. И подольше. В день – по кусочку, в день – по глоточку.

Василий Платонович будто не слышал. Он шаркал ногами, обмахивался еловой веткой. Если бы они оглянулись, то испугались бы мертвенности лица Василия Платоновича: застывшего, безучастного. Шёл он с закрытыми глазами. По голосу, наверное.

– Я спрашиваю, – повторила Марьяна, – сколько бутербродов осталось?

– Да не осталось, горе моё, в первый же день – проклятье ему! – сожрали всё до крошки! – Игорь Петрович нервничал. Он думал о том, что женщины оптимистичны до идиотизма. Надо же поверить в то, что если идти всегда прямо, то и выйдешь? А вот и нет! Лес-то вон, всё уплотняется. Да ещё болотом пахнет. Горьковатой сыростью. Так зачем обольщаться?! Он не боялся даже расстрела в подвале кирпичного дома. Но умереть в колючем лесу от голода, – нет, это невозможно глупо.

– Я спрашиваю Василия Платоновича.

Марьяна резко остановилась и повернула голову. Встал шедший за ней Игорь Петрович. Василий Платонович упал. Крошечные просветы неба темнели. Суетились клубы комаров, зудели толпы ночных мошек.

– Эх ты! – Василий Петрович сжал руки.

– Что с вами? – Марьяна нагнулась, повела пальцем по острому плечу Василия Платоновича. Он лежал с закрытыми глазами.

– Просто устал. Все мы устали, – произнесла Марьяна и скомандовала:

– Игорь, расшнуровывай рюкзак. Доставай спички. Переждём, ночь вон, видишь? Вон на том бревне.

Игорь Петрович надрал прутьев от кустов, Марьяна собрала пожелтевшие еловые лапы.

Василий Платонович пошевелил ногой и открыл глаза:

– Крошка, я хочу пить, – сказал он Марьяне.

– Нет, – отрезала она. – Свой глоток вы уже выпили. Хватит. Всем по глотку. Я же сказала.

Василий Платонович, закрыв глаза, притих.

– А вы бы лучше на бревно сели. Так теплее, – советовала Марьяна ему. Точно воздуху советовала: Платонович не откликнулся.

– Я не боюсь даже расстрела в подвале. Или в овраге. Да хоть на самой Красной площади! Но в этом лесу...

– Не нагнетать атмосферу!

Хорошо остаться в памяти своего рода. Далёкой легендой, полурастаявшим словом: имя, фамилия. И прибавка: вот-де жил такой в нашем роду. Его расстреляли при советской власти: он книгу запрещённую читал.

Игорь Петрович читал целых две запрещённых книги: одна – «Ленин как бельмо», другая – «Лузганские семечки: сборник басен про коммунистов». Прятал книги он в матрасе. И доставал их нечасто: раз в году, не более. Да что вспоминать! Игра молодости. Зато слух разошёлся по всему району и даже по ближайшим. Приходил как-то раз мужчина – в квадратных очках и с бородкой. Представился как любитель книг:

– Я слышал, у вас тут книгохранилище? Вы не могли бы мне продать парочку басен?

Игорь Петрович усомнился и тут же решил, что это провокация, а потому закричал:

– Пошли вон! Не магазин тут! Нет ничего! Какие басни?! Нету! – А сердце в тот момент билось сильно. Кажется, даже рубашка шевелилась. «Любитель книг», кланяясь и бесконечно извиняясь, вылетел из подъезда. Игорь Петрович с тех пор ждал расстрела. Сладко жить, когда каждый день кажется последним.

– Бутерброды остались? Я не поняла что-то. – Костёр не горел, и Марьяна мечтала хоть о кусочке хлеба с тонким ломтиком колбасы.

Василий Платонович поднял голову:

– Дай, что скажу... Игорь... – Он тут же подошёл. Василий Платонович уже спал. Рука под головой, ноги согнуты в коленях, рот чуть приоткрыт. Губы потрескались, выглядывал чёрный кончик языка. Неожиданно ресницы дрогнули, глаза раскрылись. Крик Игоря Петровича застрял в горле: вместо белков – розовая пелена, вместо зрачка – тёмно-бордовое выпуклое нагноение.

Он хотел броситься к Марьяне, но Василий Платонович вытянул руку:

– Стой! Я... наткнулся на ветви. Проколот. Игорь, не зови её. Иди в обратную сторону. А туда... туда не надо! Земля шевелится под ногами. В болото попадёшь. В болото.

– Вместе пойдём? – спросил Игорь Петрович.

– Нет сил. Иди сам.

«Блуждания без цели. Мы хотим выйти. Всё равно, куда и к чему. Главное – из лесу. Выйти из темноты. А идём в болото. Тонуть». С такими мыслями Игорь Петрович сел рядом с Марьяной Даниловной. Её свитер облепили головки колючек. Ноги в кроссовках давно промокли. Но она всё ещё не сдавалась.

– Главное – идти вперёд.

Лицо светилось решимостью.

– Нет, не главное, – вдруг возразил он. – Главное – идти правильно. Зачем вперёд? Можно и назад поворотить.

– Игорь, не смей меня.

– Но там ведь болото! Понимаешь? То самое, где тонут. Вон Савва утонул прошлым летом. Дочка Елены погибла...

– Они напролом шли. Мы – по кочкам.

– Ясно же, что не в ту сторону идём. Раз всё тесней деревья.

– Ясно, конечно. – Марьян посмотрела на него с удивлением. – Это бесспорно. Но... Мы всё-таки не повернём назад. Легче болото проскочить и выйти с той стороны леса, чем долго идти назад. И кроме того, идти на попятную – не в моём характере.

Да... Марьяна была смелая и отважная, стойкая и решительная.

– Пройдём, и всё, – сказала она и заснула.

В утренние часы, когда только-только запели птицы, по траве разметалась роса, Игорь Петрович повернул назад. Марьяна ещё спала. По щекам у неё, из-под закрытых век, текли слёзы.

Василий Платонович сидел на корточках, прислонившись к берёзе, правой рукой тербил ствол, поглаживал его, словно ласкал.

Игорь Петрович решил не смотреть в ту сторону: всё равно у друга нет сил дальше жить. Зачем мучить себя воспоминаниями о нём? Лучше хоть одному спастись, чем всем троим погибнуть в чащобе. Марьяна, что с ней сделаешь? Не хочет менять ориентир. Старик – устал идти. Он не может. Спасибо, хоть советом помог.

Игорь Петрович впервые за три дня почувствовал прежнюю уверенность в себе.

– А что? Я и большего не пугался. Запрещённые книги хранил. Подвиг целый.

Проходили деревья, проплывали поляны в землянике.

К вечеру он почувствовал усталость в коленях. Сел на поваленное бурей дерево. Лес хранил молчание. Птицы давно уже не пели. Напряжённо, словно провода с током, затрещали сучья. Заскользили на землю иголки. Очень хотелось есть. Ещё больше – пить. В горле жгло и царапало. Когда-то он в школе бросал яйца в потолок, чтобы они висели около лампы, растеклись бы липкой слизью. Это так смешно! Проверка качества: яйцо не сварено. А теперь бы...

Из-за дерева вышел Василий Платонович. Путь он нащупывал сухой, изрытой трещинами палкой. Он трогал палкой землю и осторожно делал шаг. Палка дрожала от каждого толчка, как дрожит человек в припадке бешенства, казалось, что скоро палка рассыплется в пыль: такая она была старая.

Вот он сел неподалёку на толстый пенёк, на котором росло семейство рыжиков. Прямо на грибы сел, подмял их, раздавил. Лицо безучастно ко всему, глаза крепко сжаты. Игорь Петрович не удивился. И не обрадовался. Сил не было на это. Пусть хоть русалка устроилась бы рядом – выхода нет из чёрного леса.

Желанный выход! Как поток свежей воды умирающему, как добрый взгляд одинокому. Маячит со всех сторон мечтой. И нет его.

– Ты шёл за мной, да? – хотел спросить Игорь Петрович, но передумал. Молчание легче. Сухой язык слипся с горькими дёснами.

– Да, я пошёл, – сказал Василий Платонович. – Но тут выхода нет.

– Как нет? – подскочил Игорь Петрович. – Вот новость!

Василий Платонович уныло покачивал головой, по лбу ползли морщины, словно он что-то мучительно обдумывал.

– Почему нет? Я говорю, что есть.
– Марьяна утонула, – помолчав, признался он. – Только что утонула. Ступила на кочку – а кочка провалилась.

Воздух сгущался. Закрапал дождь.

– Я знал! Я знал, что так и будет! Она упёртая. Но, Боже, мне её жалко! – Игорь Петрович снял с головы тканевую шапочку и прижал к коричневым высохшим губам.

Словно в утешение старик сказал:

– И для тебя нет выхода из лесу. Ты её бросил. А она боится быть одна. Она ничего не боится, только этого.

«А ты-то? Что ты за мной ходишь?» – собирался спросить Игорь Петрович, но вместо этого сказал:

– Никогда не думал, что доживу до семидесяти, да ещё в лесу заблужусь.

Василий Платонович встал, отряхнул штаны от муравьёв. Чему-то улыбнулся, попытался открыть глаза, но не смог: глаза слиплись от слёз и крови.

– Лес небольшой. От болота выход. И за болотом – тоже. Только не выйдешь ты...

Игорь Петрович вскочил и побежал. Он не знал давно, где начало и где конец. Бежал быстро в другую сторону от Василия.

Кожа на лице ободралась, в глаза тыкались встречные ветви. Он всё бежал.

Стукнулся об осину, упал. Неба за кронами деревьев не было видно. Над головой, на ветке, сидела серая белка. Она чуть наклонилась и робко посматривала на Игоря Петровича. Бусинки глаз не мигали, лапки с расправленными крохотными коготочками сжимали ветку, хвост вился серым облаком. Игорь Петрович улыбнулся белке. Белка подскочила и с лёгкостью, играя, полетела по стволу. Мелькнув, исчезла. Только кусочек коры, отломившись, упал Игорю Петровичу на лоб. Он сел. Обхватил колени руками, стал думать.

Зачем он убежал? Надо было бы спросить Василия Платоновича, куда дальше идти, в какую сторону. И как же теперь быть? Они разошлись. До чего дико это! В беде, говорят, люди соединяются крепкой дружбой, взаимной помощью. Значит, это неправда. Марьяна Даниловна ушла в болото. Её не переубедишь. А куда идти – знает только Василий Платонович. Почему я решил, что знает? Потому что он сам говорит, куда идти, а раз говорит, значит, бесспорно, знает. Не знал бы – молчал.

Ветви лучами расходились от ствола, чем выше – тем тоньше и прозрачнее. Конец лишь угадывался по сероватому затемнению, сквозь который пробивалась полоска света, иголки вокруг золотились теплом. Где-то там, на вершине, сидела белка, под облаками, под вечерним закатным кружением бордовых туч. А внизу было темно, сыро, холодно.

«Почему, если Василий Платонович знает, как выйти, то не может вывести? Ах, да. Он же ослеп».

Пошёл дождь, стало совсем темно. Игорь Петрович полез на осину, тяжело, с хрустом. Он хватался за протянутые колкие ветви, ногами отталкивался от ствола, то зависал между деревом и землёй на одной руке, то прижимался, крепко обнимая, ствол. Мелькнул над головой широкий сук – от соседнего дерева. Игорь Петрович оторвал сначала одну, потом другую руку, сжал тёплую шершавую кору, подтянулся, сел на сук.

От напряжения болели глаза. Дрожали руки и дрожали мысли в голове. Далеко внизу чернела лесная травка. Покачивались кусты, молодые низкие ели застыли недвижно. Верх у них тонкий и острый. Игорь Петрович, прищурившись, посмотрел вдаль.

Макушки деревьев расступались, и там, где-то в стороне заката, вился дымок. Серый, клубистый, единой нитью в небо, – дым.

Баранки к чаю

В гостях

Однажды рай закончится. Мир, где были качели и букет ромашек, сладкий чай, салфетки на столе, вздрогнув, покроется туманом. Сухой и страшной пылью небытия. Разом всё станет очень настоящим и пустым, каким-то бездонным. Только листва, вскипая, будет шуметь на ветру, над разрушенным городом.

Тугие лужи, спокойные и неподвижные, подёрнуты тонкой корочкой льда. Совсем рядом на асфальте – продолговатые щербинки, мелкие углубления тут и там, следы от «града». В этот серый вечер ноября, когда закат уже прорезался над крышами и довлеет теперь, словно чей-то огромный, воспалённый глаз, я захожу в подъезд и нажимаю кнопку звонка. За дверью слышны шаги, лёгкие, прыгающие. Минуты замирают свечкой, тихо тающей в консервной банке на столе. Воск оплывает. Собираясь вниз, капли распускаются тёплыми лепестками. Так стройное некогда мгновение, наполненное смыслом, обретает причудливые очертания смерти, сна, забвения. Я впервые догадываюсь, что минуты и мины имеют общий корень. И то и другое слишком скоротечно, необратимо, здесь и сейчас.

Скрипит замок. Меня встречает светловолосая девочка лет семи, в красном свитере под горло и валенках. Она смотрит серьёзно, совсем по-взрослому, прищурив глаза. Потом улыбается – но как-то странно: одной стороной рта, вторая остаётся неподвижной.

Потом мы проходим в квартиру, в дальние комнаты. В прихожей лежат её игрушки, куклы и плюшевый медведь в цветных шортиках на ляжке. Из многоэтажного дома некуда бежать, поэтому ночью, когда начинается обстрел, жильцы собираются здесь. Стены содрогаются, но всё ещё стоят. А девочка знает страшную тайну: ночью куклы не оживают, как говорила когда-то воспитательница в детском саду. Не просыпаются и не начинают плести друг другу косички, собираясь на бал. Они остаются немymi, никому ненужными. Пустыми оболочками. И дворца нет, и сказочного доброго льва с густой гривой – тоже.

Вероника Васильевна, бабушка девочки, в спортивном костюме и шерстяном платке на голове (из всех углов дует), греет на сковородке макароны и вдруг весело, со смехом, заявляет:

– Ты знаешь? Не верю. Вот ничему не верю. Всё не так! На самом деле... Ведь я была студенткой. Жила в общежитии, пять человек в одной комнате. Пять весёлых девок. Мы книги читали, пели под гитару. Учили немецкий. А ещё к нам приходили друзья из соседнего корпуса. Потом я встретила Пашу. Разное было, плохое, хорошее... А то, что сейчас, – того не было. Такого просто не может быть. Вот поэтому и не было.

Про свободу

– Потому что, когда облака в небе, – сказал Олег, – мне представляется домик. Такой домик среди равнины. Под серым небом. Среди дождя. И дым из трубы идёт, серый завиток. Ничего больше.

Вечером опять случился артобстрел. Олег не спускался, как другие, в подвал. Дел было слишком много! – Водоворот. Под косматым громким небом он суетился во дворе, выкладывал плиточку – от калитки к крыльцу. Потом от крыльца к калиточке самозабвенно крепил. А ночью пил чай с мёдом, довольный и почти счастливый. Шутка ли? Несколько лет собирался двор выложить плиткой. Закупил недорогую кафельную, сгрузил, а после всё откладывал и откладывал «на потом». И вот... почти готово. Собака, укладываясь возле батареи спать, елозила и негромко скулила – и всё это были звуки детства. Мама вновь открывала калитку, а пёс бежал встречать, скрипел под валенками снег, серебристо мерцающий на солнце.

Баранки к чаю

Нет ничего хуже ожидания. По данным, поступившим в штаб, штурм объекта – бывшего жилого дома на самом краю города – должен был случиться не сегодня так завтра. Но вот и сегодня уже прошло, и завтра заканчивалось. Бурый выходил на крышу дома, проверял, смотрел. С одной стороны ещё высились обугленные строения города, а с другой – уже начинались поля и село. Блёклый магазинчик у дороги, разбитая витрина закрыта досками. Ровно в пять под козырьком, на входе, загорался тусклый фонарь, и тогда сумерки обретали какое-то предновогоднее, немного сказочное звучание. Снег ещё не выпал, почва была сухой, чёрной, такой же – как многие здания вокруг, сгоревшие месяц назад. Тогда всё рвалось и гудело. Пылал недавно отстроенный деревянный храм.

Теперь по вечерам наступала тишина. Минуты стягивались в лунку ожидания, застывая на ходу. Молчание той, другой, стороны давило своей неотмирностью. Жить было душно и скучно, словно в жарком помещении под белой больничной простыней.

Впрочем, предчувствия Бурого разделяли не все. Например, весельчак с позывным Бармоглот (или сокращённо Бар) играл на гитаре и пел про пачку сигарет, а Зеленбуз, уединившись под лестни-

цей, писал какой-то философский трактат. В мирное время, рассказывали, он учился в аспирантуре и даже несколько месяцев жил в Париже, общался с ведущими мыслителями. «Экзистенциализм!» – говорил Зеленбуз, и его бледное лицо озарялось радостью. Бар очень уважал труды Зеленбуза, а потому специально для него играл сентиментальные романсы про любовь. В такие моменты Зеленбуз вспоминал Париж и плакал.

В подразделении был установлен сухой закон, но не только это увеличивало тоску. Бурый рассеянно смотрел в окно, перечёркнутое лентой скотча (казалось, на улице всегда идёт серый дождь), потом включил телевизор. «Ну, сегодня уж точно начнётся... – думал он, – мы отстоим позиции. Дойдём до Киева. Потом. Чуть позже. Может быть, весной». Вспомнились недавние бои, когда сама почва, словно необузданный конь, ходила под ногами. Тогда погиб его близкий товарищ, ополченец Гусько. На родине, под Макеевкой, у сослуживца осталась жена и трое детей. Старшая дочь, Юлия, писала стихи про берёзы и звонкую синюю даль; и читала их на камеру, скромно опустив глаза. Гусько показывал это видео, вновь и вновь крутил на телефоне – Бурому запомнилась худенькая девочка с белой волнистой чёлкой и платье её, чёрное, в блёстках, бархатный воротник, словно крылья бабочки. Ещё за друга отомстить. За всех убитых...

Внизу послышался шорох. Передёрнув затвор автомата, Бурый стремительно спустился на первый этаж. Он появился быстро и бесшумно, как тень. Но всё уже было сделано. Под прицелом нескольких автоматов стоял парень. Какой-то убогий, в модных рваных джинсах и кофте на пуговицах. Крутил кучерявой головой. (Привет, поэт!) На лице несколько ссадин.

– Вот, – сказал Зеленбуз, – ходил тут и всё фотографировал.

– Я его сразу заметил, – продолжил Бар, – но останавливать не стал. Дай, думаю, зайдёт. Посмотрим...

– Я журналист, я просто... – хлюпал носом парень, – фотограф.

– Сдаёшь свой аппарат, – кратко оценил ситуацию Бурый, – обыскали? Железо?

– Шёл мимо, смотрю, дом...

– Только техника. Ещё штатив, пакет флешек. Во дворе долго кружил...

– Ребята, да я за вас! Я свой!

– А может, за «Правый сектор»? Ха!

Из комендатуры уже ехала вызванная машина, и Бурому вновь становилось скучно. Это было не то событие, которое он ждал. Возможно, парень играет. Пришёл, что-то тут вынюхивает. Но, скорее всего, нет – слишком открыто держится. Зашёл через главный подъезд. Много сейчас таких придурков. У всех война, у них – театр. Фотосессия на руинах. Романтика. Как только не подорвался... все улицы раскурочены.

У магазина, в дымных сумерках, уже светился фонарь, бледным размытым пятном, едва заметным.

– Начинается, начинается! – закричал Бар, хлопая дверями. – Через полчаса, есть данные! Быть наготове! Через тридцать минут. Возможно...

– Ну вот, – неожиданно вяло сказал Зеленбуз, – а я голодный. Такое дело, ребята. Все консервы закончились. И хлеба нет...

– Как нет?!

Бурый открыл холодильник и сам удивился: внутри было пусто. Только бутылка кетчупа и несколько сарделек в морозилке. Майонез, какие-то приправы.

– А если осада, тогда что? Долго продержимся?

– Вот что! – Бурый уже застёгивал на ходу куртку: – Смотаюсь. Здесь рядом. Заказы есть? Пожелания?

С южной стороны послышалась серия приглушённых залпов. Погрохотало, и смолкло. В соседний район, видимо, прилетело.

– Баранки. Баранки к чаю, – мечтательно отвечал Зеленбуз.

* * *

«Ситуация так себе, средней критичности, – подумал Бурый, всматриваясь в холодное тёмное небо, – на самом деле, пять минут туда, пять обратно. Управлюсь быстро». Недавняя канонада с южной стороны напрягала не особо сильно: она была далёкой, немного вялой – «на разогрев». В то же время бой мог случиться в любой момент, и Бурый ускорил шаг.

Внизу магазин ощущался совсем не так, как сверху. Он был длинным, грязным, наскоро сколоченным из досок, с рекламными листовками, пришлёпанными около двери. На ступеньках, поджимая лапки, ютилось несколько кошек. А лампочка горела вызывающе остро и беспощадно: она словно бы разрезала реальность своими тонкими лучами, отделяя тёмную сторону от светлой. Сказочный предновогодний мираж рассеялся. Скрипнула дверь, на улицу вышла девушка. Одно мгновение она смотрела на Бурого, потом опустила глаза – и навсегда ушла, исчезла в синей мгле вечернего города. Так и осталась между ними вечная недосказанность. Тающий взгляд, лёгкая походка, чёрный капюшон, тряпичная сумка-авоська в руке. Чувство горечи и Алёны где-то внутри.

Бурый не был женат, но под Воронежем жила его любимая. Тихая, немного иконописная: такие ровные, тонкие черты лица. Волосы разделены на два пробора, тяжёлым песочным потоком спадают на плечи. Но особенно удивительными у неё были глаза, большие, серо-зелёные. И как смотрела она – всегда немного поверх предметов, печально и отрешённо. Алёна уговаривала его не ехать на войну – яростно, до слёз; а провожала на вокзал молча, сжав сухие бескровные губы. Всё отворачивалась и на платформе стояла недолго. Помахала перчаткой и пошла, не оглядываясь. Такой он её запомнил и любил, – ведь настоящему чувству не страшны испытания. Он уже обещал приехать на новогодние праздники и знал, что Алёна ждёт. Каждый день и каждый вечер. Слушает стук поездов, гул ветра, смотрит, как в небе вороны летают. Верит. А в комнате всегда тускло горит настольная лампа, отбрасывая тень.

...Земля сотряслась от далёкого взрыва, возвращая Бурого к реальности. Ночь наступала стремительно. Он поднялся по ступеням и, толкнув хлипкую дверь, оказался в узком помещении, похожем на вагон. Пахло яблоками и квашеной капустой, чем-то ещё, подвальным, скисшим. Теснотой. Вдоль витрины стояла очередь. Что-то привычно обсуждала. Есть ли в таком-то квартале свет? А вот соседка родила. Да-да, вчера. Близняшек. Лизка рассталась с Володей. Слышали? И прочее. «Бла-бла-бла». Кроме бабушек, в очереди томились мужики и совсем молодые парни, – летом Бурый наблюдал с крыши, как они гоняют во дворе футбольный мяч.

– Три, – сказал очередной мужик на кассе, и продавщица тут же сняла с полки три бутылки водки. Весело добавила:

– Граждане, через пять минут будет всё. Соблюдайте регламент!

– Ой, всё! – ахнул кто-то в очереди и засмеялся.

Неожиданно Бурый почувствовал, как его накрывает волна презрения. Пока идёт война, эти красавцы сидят на диване, потягивают пиво, смотрят сериалы, трахаются с женой и любовницей. Следят за новостями. И всё у них в жизни есть. И ничего не надо. Наблюдатели поганые.

– Мужики, – через силу произнёс Бурый, ощущая в этом слове неправду, – пропустите без очереди. А? У нас тут войнушка скоро начнётся... Успеть бы затариться.

– А-а... Ну-у... – замялся какой-то дедок в потёртых трениках и нелепой шапке-ушанке, – дак, ну это, давай, конечно...

– Проходи, родной! – поддержала старушка в чёрном платке, – мы-то всегда успеем...

Бурый оглашал свой нехитрый список (хлеб, макароны, тушёнка...), а спиной так и чувствовал сверлящий взгляд мужиков-приспособленцев. А сколько таких сбежало в Россию! Скорее, по кочкам, пока чего не вышло...

И как хорошо было потом. Ступить из вязкой духоты на улицу, в прохладную темноту, наполненную ветром. Вдохнуть полной грудью. При этом что-то цепляло. Одна навязчивая мысль... бесформенная, липкая, настойчивая, похожая на сжатую пружину.

Потом вдруг сверкнула – одновременно с проехавшей мимо машиной. Всплеск грязи из-под колёс. Баранки! Баранки не купил. Перед глазами возник образ философа, как он утирает бумажной салфеткой слезу – такой беспомощный, смешной, в очках; со своим несчастным Парижем, и при этом – желающим защищать родину, дом. Быть настоящим. Бурый повернул назад.

В этот момент раздался выстрел.

О пользе спирта (разговор в очереди)

У нас-то ладно. А вот соседний городок! Среди полей и обычных частных домов стоит девятиэтажка. Одна-единственная возвышается. По ней – все обстрелы и велись, как по мишени. Жильцы давно разъехались, только одна пожилая женщина с двумя собаками осталась. Никуда уезжать не собиралась.

- Как вы выжили?! – спрашиваю. – Страшные обстрелы! И все по этому дому!
- А я пряталась в канализационном люке. Вместе с собаками. Не пережила бы всё это... Но имелся запас медицинского спирта. Пока сидела, его пила... Собаки жались рядом и выли. Боялись страшно.
- А моя собака не смогла пережить. Она была обучена реагировать на выстрел. Но после серии бомбёжек заболела. С ней случилась эпилепсия. Везил в разные клиники, ветеринары сказали, что ничего сделать не могут – это психологическая у неё проблема. Так и умерла...
- Маркиз тоже не пережил. Как началась война...
- Как вечером загрохотало, решили мы с мужем уехать на машине. А пёс не пускает. Рычит, кидается с порога. Спустя несколько минут во двор прилетает. Там, где стояла машина, – груда металла...

Хватит

Журналистам Олег сказал, что он – за мир во всём мире. Что он устал от войны, а дел столько – просто водоворот. Плитку во дворе недавно выложил. Ещё нужно ремонт террасы закончить, давно собирался. Внутри комнат картины повесить. Какие? Да хоть фотографии терриконов на закате. А какое красивое над Донбассом небо! Такого – нигде нет. А ещё... глаза Олега радостно просияли – недавно он стихи стал писать. Да-да, никогда такого не случалось. А тут, как прошибло. Снизошло. Есть про Гиви и Моторолу, про то, как погибает незнакомая девочка с глазами из самого синего льда. На городской улице, под тёмным небом, упав ничком; а Ворошилов по-прежнему правит конём. Ай да Ворошилов! «Ну, он каменный, поэтому... – вздохнув, поясняет Олег, – не меняется». И больше, гораздо сильнее волнуют Олега другие темы – про дом, природу, взаимную любовь. Прощение. И жене такая поэзия очень нравится, она готова слушать его бесконечно. «Я счастлив!» – восклицает Олег, а потом смущённо замолкает, прислушивается к внутреннему голосу.

Выбор

– Мы – за русский мир, – сказал учёный на конференции, – у нас общий язык, общая кровь. Много общего. Одни корни. Нас долго бомбили, мы сидели в подвалах. Нас пытались сравнить с землёй. Что будет завтра, мы не знаем – но одно знаем точно. Русофобской идеологии здесь не будет. Никогда. Каждый из нас сделал свой выбор.

Пещера

Там лампадки мерцают в темноте. – Перед строгими ликами икон в деревянных окладах. Хор поёт печально, монотонно. Отворяются врата, и в центр медленно выходят священнослужители в тёмно-синих облачениях. Маленький мальчик торжественно несёт перед ними высокую пылающую свечу.

Бурый наблюдал зачарованно, – это надо же. Поздний вечер, вот-вот начнётся артобстрел. Те, кто пока ещё жив, – спрятались в подвалы. А здесь, во временном пристанище – бытовке, поставленной на месте сгоревшей церкви, своим чередом неспешно совершается служба. Сквозит из всех углов. Стены сотрясаются. Лампады гаснут, их вновь зажигают. Электричества давно нет. А хор всё поёт, теперь высоко и тонко. Бурый прислушался. Ведь только на одно мгновение, по пути забежал – свечу поставить. Так Алёна просила, когда из госпиталя выписывался и обратно ехал.

* * *

На земле ничего не менялось. По-прежнему царил сумрачный, вечный ноябрь. Небесная твердь была горькой, как полынь, и бесснежной. Только кладбище за городом росло и ширилось, как море в непогоду. Кресты вздымались на холмах.

«Христос рождается...» – разобрал два слова Бурый и очень удивился: до Рождества было ещё слишком далеко, день за днём... А пока ничего не предвещало праздника. Но в тот момент он точно знал: где-то недалеко, в подвале, в тесноте и холоде, уже рождался младенец. Молодая мама, склонившись, держала его крохотную ручку. Собака и кот сидели рядом. Тихая звезда, мерцающая, взошла... Однажды.

Проза

Священник Николай Толстик

Родился в 1958 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького, работал в газетах. Принял духовный сан, священнослужитель храма Святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. Печатался в российских и зарубежных изданиях: еженедельниках «Литературная Россия» и «Наша Канада», журналах «Крещатик», «Новый Берег», «Чайка», «Русский дом», «Наша улица», «Север», «Лад», «Южная звезда», «Сибирские огни», «Вологодская литература», «Северная Аврора», «Наше поколение», «Венский литератор», альманахах «Литрос», «Братина» и «Невский альманах». Автор четырёх

книг прозы. Победитель в номинации «Проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены – 2008 и 2010», лауреат международного конкурса, посвящённого 200-летию Н. В. Гоголя, победитель конкурса имени Ю. Дружника на лучший рассказ журнала «Чайка». Член Союза писателей России, живёт в Вологде.

Приходники

«Знак» свыше

Наш приход не забрал мир с местным предпринимателем. Бизнесмен держал в помещении обкорнанного, без куполов и колокольни, храма «Сытную лавку» и годами извлекал немалый барыш, гоня на продажу водку, мясо, сигареты. В отделение «Росреставрации», на чьём балансе числился храм, от лихого арендатора капала денежка, и все заинтересованные лица были довольны.

Хотя приходская община официально создана и зарегистрирована, в сам храм ходу нам нет: ещё на целый год сохраняется у предпринимателя срок аренды. И в очередной церковный праздник бежал к нему «на приём» наш староста и просил униженно позволить отслужить молебен возле стены храма снаружи.

Но вот бизнесмен угодил однажды в «автопеределку», выпутался из неё еле живым и, выздоровев, принёс и вручил настоятелю ключи от храма:

– Магазин съехал! Забирайте помещение досрочно!..

И всё-таки подводит человека «ретивое»! Про «знак свыше», по собственному выражению, бизнесмен вскоре забыл, ревниво поглядывая, как в храме постепенно налаживается церковная жизнь. Вроде б как ждал прежний хозяин, что «наиграются» в свои игрушки пришлые люди и уйдут восвосяи, всё останется по-прежнему.

Да не тут-то было! И прихожан прибавляться стало...

Территорию вокруг храма обступал высоченный забор из металлического профиля, ворота, как на «зоне», раздвигались с помощью электромотора. «Квадратные метры» земли предприниматель успел в своё время по дешёвке хитроумно выкупить у города, понастроить на них кирпичные гаражи. Строения он сдал в аренду, и теперь копошились в них автомеханики, чиня автомобили.

– Вы по моей территории ходите в храм! – заявил он нам на полном серьёзе и вид такой сделал, что впору – платите наличкою «проходные» или по воздуху летайте.

А раз не хотите платить – взял и подломил ломиком электропривод у ворот; теперь это тяжёлое полотнище надо было отодвигать вручную. Автомеханики, наши соседи, ребята здоровые: им ворота задвинуть или отодвинуть – раз плюнуть. Да вот беда – на работу они приходят поздно, а нам службу начинать спозаранок.

И налегает героически отец настоятель плечом на торец железного полотнища. Скрежещет препятствие, не поддается, силёнки требует...

Тут на помощь поспешает дед Геннадий. Это ему, наверное, кажется, что он быстро движется, на самом деле еле бредёт. «Божьему одуванчику» годков более чем порядочно. В храме он с женою, тоже «одуванчиком», одни из первых прихожан. И на службу, как правило, приходят первыми. Он был когда-то давно секретарём райкома компартии, она – инспектором детской комнаты милиции. Потеряли единственную дочь, внука, остались в глубокой старости одни. Ожили, когда рядом с домом храм открылся. Ходят старички в его гулкой пустоте, целуют иконы, шепчут слова молитв, затепливают в помин душ близких и родных на панихидном столике свечи. И полегче им: может, не так остро одиночество и оставленность в этом мире ощущаются. Приводит Господь людей к вере неисповедимыми путями...

– А ну помогай, жена! – призывает глуховатый дед супругу и упирается руками в торец полотнища ворот рядом с настоятелем. – Нет такой преграды в борьбе с капитализмом, чтобы не преодолела партия!

Присоединяется ещё бабушка, и ворота нехотя, со скрежетом, отворяются...

И так почти каждое утро. Пока предприниматель, видимо, ждёт очередного «знака».

Лётчик

Жорж, низкорослый старичок с плешивой головой и огромной бородищей, пономарь новый, в алтаре от всего испуганно шарахается и крестится невпопад. Состоял он прежде недолго сторожем и одновременно дворником при храме: ночью блаженствовал на топчане в сторожке, днём помахивал метлой по дорожкам внутри ограды. Числился Жорж лицом без определённого вида жительства, но, обосновавшись на приходе, стал выглядеть вполне прилично, прибарахлясь «шмотками», оставленными на паперти прихожанами. Как же иначе: «форс» держать надо – в авиации, бабкам хвастал, в молодости служил.

Жизнью такой он был доволен. Жаль, что скоро закончилась она. Жоржа взяли на послушание в алтарь вместо заболевшего пономаря. На этой «должности» блаженствовать некогда: то батюшке просфоры подай, то принеси со свечного «ящика» записки от прихожан да ещё и следы, чтобы угли в кадиле не потухли. То одно, то другое...

Вроде всё мелочи, но кругом идёт голова у Жоржа, никуда он, бедолага, не успевает, всё из рук у него валится. Морщится только он виновато на упреки батюшки да, отвернувшись, втихаря ворчит – сетует на такую судьбу.

А тут ещё и архиерейская служба подоспела. Народу в алтаре – не протолкнуться: мальчишки из архиерейской obsługi, диаконы, священники... Зажатый в угол, Жорж трясётся, ровно овечий хвостик, взирает на происходящее испуганно вытаращенными глазами и радуется, что никто у него ничего не спрашивает и не требует.

Но и про Жоржа вдруг вспомнили...

На Литургии перед началом Великого входа архиерей, стоя у жертвенника, вынимает из просфоры частицы за здоровье всех сослужащих ему в алтаре. По старшинству, от благочинного до алтарника, все по очереди подходят к Владыке и, поцеловав его в плечо, называют для поминовения своё имя. Прошли все, лишь один Жорж жмётся в своём уголке. Порядок есть порядок: ребята-иподиаконны подхватили Жоржа под локотки и – к Владыке.

Перепуганный Жорж отбивается, будто на казнь его волокут:

– Куда вы меня, охломоны, тащите?! – вопит истошно и что есть сил упирается.

– Это что у вас за больной? – сердито вопрошает архиерей.

– Да он нормальный. Авиатором был, лётчиком! – пытается сгладить неловкость настоятель.

– С парашютом неудачно спрыгнул?

– С печки упал! – честно и покаянно признался Жорж.

Всё равно согрешила!

Благочестивая старушка-одуванчик жалуется товаркам по лавочке возле храма:

– Вот же какой строгий и въедливый батюшка! Все свои грехи и грешочки на исповеди вроде бы ему выложила. А он вдруг спрашивает: «Воровала?» Да я сроду в жизни нитки чужой не брала!

Старушка какое-то время отпыхивается от возмущения и продолжает:

– Он говорит: «Валяется вот “сторублёвка” на дороге – что делать будешь?» Я молчу, думаю и так, и этак. Пенсия у меня грошовая, одни слёзы, а надо бы и дочке помочь, и внучке гостинчик купить. Может, эта денежка-то и не нужна никому, раз никто не ищет, валяется себе...

– Вот тут ты и согрешила! – восклицает батюшка.

– Так не подняла же деньгу!

– Помыслила!

Приятная мелочь

Отец Леонид – протоиерей солидного вида. В том его упрекающим мягко и беззлобно возражает: мол, «хорошего человека» должно быть много.

Архиерей, с поджарой по-спортивному фигурой, в чёрной монашеской скуфейке на голове, за рулём служебной «Волги» всегда сам. Протоиерей важно развалится рядышком на пассажирском сидении, только стёклышки очков деловито поблёскивают.

«Волга» с «генеральскими» номерами – презент архиерею от губернатора. Притормаживают на перекрёстке; «гаишник», подтянутый молодой лейтенант, почтительно наклоняясь, козыряет отцу Леониду.

Тот, поначалу изумлённый, расплывается потом в довольной улыбке: за генерала небось посчитали. Вроде бы мелочь, недоразумение, а приятно!

Только вот архиерей из-за руля что-то хмуро покосился...

Заступница усердная

В восстанавливаемом храме любой помощи рады. И жертвуют люди, кто что может по желанию и по достатку. Одна бабулька образ иконы Казанской Божией Матери принесла. Вырезана икона из настенного календаря, но заботливо скрыта под стекло и заключена в красивую рамочку.

– Заступница усердная... Возьмите! – передала свой скромный дар старушка батюшке. – Поможет когда, защитит!

Через два дня замок на дверях нашего храма взломали, ловко перекусили пассатижами у замка тоненькую дужку. Из помещения только-только выехал продуктовый магазин; хозяин его замки и те забрал с собой. Староста наш – из творческой интеллигенции. Купил он замочек в пору где-нибудь на даче на уборную вешать, и с этим запорчиком легко справился злоумышленник. В полутьме храма он сорвал со стены икону и бывал таков...

Нет худа без добра. Бизнесмен ещё не полностью освободил прихрамовую территорию: остался как раз напротив входа в храм гараж и при нём – видеокамера. Для полиции повязать грабителя было делом техники.

Икону нам вскоре вернули.

– Хоть бы старинная какая... А то простой календарь! – посетовали стражи порядка. – Никакой ценности.

– Понимали бы, что говорите! – проворчал настоятель. – Что с вором-то сделали?

– Он гастарбайтер. На историческую родину отправили как бы в наказание.

– Ловок мужик!

Старушка-дарительница приложилась к иконе, смахнула слезу:

– Пресвятая Богородица, спаси нас, грешных!.. Ты и храм от большего поругания оберегла, и пропавшему человеку-нехристу домой помогла повернуться!

Персона

Храм мы восстанавливаем в своеобразном городском квартале, прозванном в народе «дворянским гнездом». И правда, в соседних особнячках и коттеджах, прочих элитных домах тихо проживает отставная советская партноменклатура.

Даже магазин, который был прежде в обкорнанном до неузнаваемости храме, назывался «Комсомолка».

Настороженно и с удивлением следили за нами неотступно чьи-то глаза из-под занавесок на окнах.

Но первая «ласточка» из тех домов появилась. Дед, тяжело опирающийся на трость, но сохранивший прежнюю «начальственную» выправку.

Постоит он, не крестясь, до конца службы у самой соли и потом, вроде б как чем-то недовольный, убредёт.

Причина скоро выяснилась – сам он озвучил. Туг на ухо оказался.

– Почему вы мои записки о здравии и упокоении вслух никогда не читаете?

– Да как же? – возражает батюшка. – Все обязательно прочитываем на Литургии.

Но дед продолжает пенять настоятелю:

– Не под силу, что ли, вам вот так громко во всеуслышание объявить: сейчас мы будем читать записки товарища Полякова! Персонально!

Поборник морали

У проруби в крещенскую ночь следят за порядком казаки. По берегам реки толпы людей: и тех, кто окунуться в ледяную купель жаждет, и просто зевак и сочувствующих. Слепит глаза прожектор, застуженными голосами поют певчие на молебне; кружатся, падают неторопливо снежинки.

Водосвятие закончено: храбрецы устремляются к вместительным солдатским палаткам с нагретым печками воздухом и потом уже в «купальных костюмах» сигают в прорубь. Казаки на краях её топчутся, помогают купальщикам выбраться из воды.

Шумно, гамно, оживлённо.

– Эх, была не была! – решается молодой батюшка. – И я окунусь!

Тоже скрывается в палатке и выбегает из неё ясно что не в подряснике. С ходу, отчаянно творя молитву, плюхается в прорубь и выныривает обратно с жутким оханьем, выдыхая воздух и тараша глаза.

Тут же над батюшкой склоняется казак и строго грозит пальцем:

– Не матюгаться, молодой человек!

В душе поэт

Наш алтарник Валера, подвижный мужичок за «сороковник», обросший чёрной кучерявой бородой, обладает прекрасным баритоном. Запоёт, бывало, народные песни, перебирая струны на гитаре – заслушаешься! Понятно: такой в любой компании свой!

После службы спешно собираюсь на творческий вечер своего однокашника по Литинституту, известного в городе поэта.

– Куда так торопимся, отче? – недоумевает Валера.

– Да вот поэта (такого-то) поздравлять с юбилеем и выходом новой книжки.

– Возьмите меня с собой! Я хоть стихов его и не читал, но всё равно его люблю и уважаю. В одной школе мы с ним, если не ошибаюсь, учились. А фуршет там будет?..

В небольшом читальном зале городской библиотеки, где собралось десятка два человек, Валера быстро освоился: снял жмущие ему ноги новые ботинки, под монотонное чтение стихов задремал и встряхнулся только, когда присутствующие стали юбиляра шумно поздравлять.

Валера повертел головой, и вдруг взгляд его ухватил гитару с шикарным ярким бантом, повязанном на грифе. Валера забыл и про снятые ботинки – в носках стремглав подпрыгнул со стула и выхватил музыкальный инструмент из чьих-то рук. На глазах у всех он троекратно облобызался со слегка ошеломлённым поэтом, благообразным чопорным старичком, восклицая восхищенно:

– Люблю! Уважаю! Горжусь! И как представитель Церкви исполню в подарок юбиляру наверняка любимую им песню...

Все в зале настороженно попритихли, разглядывая бородатого мужичка в носках, наострили слух.

– Песню «Виновата ли я?..» – громко объявил Валера и, взяв аккорды на гитаре, зарокотал своим баритоном.

Все стихотворцы – и авангардисты, и традиционалисты – замерли в изумлении с раскрытыми ртами.

– Откуда взялся этот поп с гитарой? – растерянно спросил кто-то.

– Да не поп он, а тоже, наверно, поэт. Народный только.

Долг платежом красен

В наш храм посреди совпартноменклатурного «дворянского гнезда» иногда прибредает дед. Путь сюда, пусть и из соседнего дома, даётся ему нелегко. Заметно, что старик «отходит» от недавнего инсульта: сядет на лавочку в углу и, уперев руки в поручень своей клюшки, остаётся неподвижным до конца службы. Сразу видно – он не из «простых»: одет в весьма приличный костюм, при галстукке.

Дождётся отпуста Литургии, одним из первых подойдёт приложиться ко кресту и, повернувшись к прихожанам, возмет руку с прилипшей к ладони «пятитысячной».

– Слушайте все! Я выполняю свой долг и торжественно вношу... – дед громко сообщает всем, которую по счёту купюру сегодня жертвует, и неловко пытается дрожащими пальцами просунуть её в щель ящика для пожертвований.

Наконец это ему удаётся, и он, тяжело опираясь на трость, но стараясь гордо запрокидывать седую голову, движется среди расступившихся прихожан к выходу...

В богоборческие тридцатые годы прошлого века наш странноватый прихожанин вряд ли храмы разрушал – может, бегал пацаном в тубетейке, сшитой из обрывка поповской ризы. А вот в семидесятые годы, когда в центре города добивали танками громадину всеградского собора, вполне мог быть среди тех, кто совершал это чёрное дело. Не среди «отцов» города замшелых «партайгеноссе», подписавших приговор храму, а среди тех солдатиков-танкистов. Ничем не могли разрушить вековые стены собора, и тогда пригнали на подмогу из воинской части танки. Парнишки-комсомольцы, накануне проинструктированные замполитом «до слёз», сидя за рычагами мощных машин азартно и рьяно расправлялись с останками «проклятого и тёмного прошлого»...

Говорят в народе, что судьба тех разрушителей – и кто командовал, и кто выполнял – была печальна и трагична.

А вот, наверное, один из тех юнцов в танкистских шлемах тогда «засветился», обласканный начальством, попёр в гору по партийной линии, сменяя чин за чином и... оказался в конце жизни вдвоём с больной женой-инвалидом в просторной, но неудобной квартире, выходящей окнами на восстанавливаемый храм. И на исходе лет, видно, встрепенулась, заболела и затосковала душа у старика. Сберёг её Господь.

Враг уныния

Бывает такое на службе: не ладится – и всё тут. И певчие на клиросе фальшивят: то комариками запищат, то забасит кто из них невпопад и не к месту. Пономарь сонной мухой шевелится – из кадила угли рассыпал.

У служащего священника голос пропал: скрипит, точно разохшаяся доска в деревянном полу.

Как трудно сосредоточиться в молитве!

А ещё к середине службы прихромал старый протоиерей отец Василий. Давным-давно он за «штатом», негнущиеся ноги еле переставляет – без клюшки никуда, вдобавок почти слеп. Но слух сохранил изумительный: вроде бы не видит человека, но точно по голосу определит, кто есть кто.

Вот, наверное, мысленно подсмеивается над нашими неумёхами старик!

После службы подхожу к нему, бормочу, оправдываясь, извинения, на что протоиерей, неторопливо перекрестившись щепоткой, бодро возглашает:

– Что ты, брат, пригорюнился? Отслужили вы ведь не хуже, чем в кафедральном соборе!

Благословение

Иеромонах Амфилохий на все руки мастер в одном лице: и настоятель монастыря, и клирошанин, и трудник. В общем, «сам читаю, сам пою, сам кадило подаю».

Монастырь возрождается в благодатном месте: вблизи нетронутый сосновый бор, где под сенью вековых деревьев ласково журчат, наполняя водой крохотные озерки, целебные источники. Изумительная тишина, чистый до звона воздух.

В храме, недавно освобождённом от складских завалов, сохранились кое-где росписи, под ними – рака с мощами местночтимого святого, основателя обители.

Сначала потянулись сюда паломники, чтобы помолиться в монастырской тиши, приложиться к святым мощам, окунуться в источнике. Потом и турфирмы «разнюхали» – покатали в эти веси автобусы с разношёрстными туристами. Кто побыть в монастырской благодати, а кто просто из праздного любопытства.

В одной такой глазающей по сторонам группе крашенная дамочка с всезнающим видом заявляет:

– Надо не забыть благословение у настоятеля взять! У кого бы узнать, где он?

Озирается и видит: у скотного двора какой-то трудяга в длиннополой одежде перекидывает вилами навоз.

Морщит напудренный носик дамочка, но никого больше, кроме туристов-попутчиков, тут нет – придётся подходить и спрашивать.

– Не знаете, где найти здешнего настоятеля? Я хочу у него благословение попросить.

– А сподобитесь?

Монах улыбается, втыкает в землю вилы и стряхивает с рук унавоженные рукавицы.

– Я настоятель!

Дамочка немного опешила – но что делать под взглядами начавших усмехаться туристов! Подошла под благословение и поцеловала натруженную руку.

Пустяк

Русский пенсионер и кавказец в храме.

Старик, зайдя в храм и молитвенно сложив перед собой ладони, просит, взирая на икону:

– Мне б к пенсии моей прибавки тыщонку-другую!

В это время порог храма переступает уроженец знойного юга.

Старичок, видать, глуховат: кажется ему, что говорит-то шёпотом, а на самом деле звук слов его отчётливо раздаётся в храме. Южанин хмыкает, услышав просьбу, вытаскивает из кармана кошелек и суёт старичку пару тысячерублёвок.

– И всего-то?! – бурчит. – Стоило беспокоить Бога по пустякам.

Время – деньги

Женский, со строгими нотками, голос из телефонной трубки пригласил батюшку освятить квартиру и детский развивающий центр.

Иду по адресу. Обычная «трёшка» в пятиэтажке, увалень-хозяин и энергичная худошавая хозяйка, оба лет тридцати. Двое парнишек: один школьник, другого в детсад ещё водят.

– Вам оплата как? По часовому? – с порога деловито осведомляется хозяйка.

– Да, конечно! – отшучиваюсь.

Но, оказывается, напрасно это делаю. Потом и сам не рад. Время-то – деньги, как не крути!

Младший пацан – егоза, не сидится ему на месте: то кропило со столика ухватит, то за край епитрахили дёрнет.

Когда освящение жилища было завершено, на кухне он успел опрокинуть чайник с горячей водой. Слава Богу, не на себя, а только несколько капель обожгли парнишке руку. Малыш вопит, папаша бестолково возле него хлопочет.

– Сырой картошки ножом настрогайте и к ожогу приложите! – советую отцу.

Вроде помогает.

Мамаша следит за всей суетой бесстрастно, но беспокойно взглядывает на часы:

– Вам ещё развивающий центр освящать! – резко напоминает мне. – Время пошло!..

Испытатели

Одна бабушка после службы подходит ко мне с предложением:

– Батюшко, капусточки квашеной хочу тебе принести. Мне самой она что-то не очень нравится.

– Может, лучше не надо? – отвечаю.

– Да что ты, батюшко, Господь с тобою! Вон, регент ваш накануне её попробовал и до сих пор жив!

Цена любви

Прихожанка, учительница из соседней школы, стоит на службе в храме сама не своя. Потом рассказывает, расстроенная:

– Я – классный руководитель у пятиклашек. У них – пора первых «чувств» друг к дружке, только вот выразить их не знают как.

Мальчишка дёрнул приглянувшуюся девчонку за косу, а та в ответ – его за рубаху. Рубашка – сверху до низу тресь по шву! Выразили чувства!

Вечером родительское собрание. И сразу проявилось социальное расслоение. Мальчик – сын банкира, а у девчонки мать – простая рабочая на молокозаводе. Банкир, сытый, холёный, уверенный в себе мужчинка, приносит злосчастную рубашонку и расправляет её, располосованную, на показ, на общее обозрение. «Вот, дескать, какие нравы царят в современной школе!»

Классная руководительница рада бы превратить всё в шутку, но не тут-то было!

– Я хочу, чтобы виновные возместили мне убытки, а именно: испорченную рубашку заменили на точно такую же! – капризно надувает губы банкир.

– Давайте я вам деньгами заплачу! – поднимается с места худенькая, скромно одетая женщина.

– Я в деньгах не нуждаюсь! – сурово отрезает банкир. Возместите мне в точности утраченное!

– Да простил бы... Этакая для вас потеря! – пробурчал кто-то из родителей с задней парты.

– Не ваше дело! – резко обернулся в ту сторону банкир. – Для меня важна справедливость.

Купила женщина, мать-одиночка, на другой день банкирскому сыну такую же точно рубаху. Только носить её парнишка не стал, наверное, из «солидарности» с той девчонкой – «казнобой», которой дома от матери, без сомнения, основательно влетело.

Наши служители собирались у того банкира попросить денег на ремонт храма, да передумали. Хотя... может быть, и дал бы.

Проза

Владимир Яцкевич

Владимир Антонович Яцкевич родился в 1946 году в семье военнотружашего. Детство и юность провёл в Мурманске. Окончил Московский физико-технический институт, после чего много лет занимался разработкой радиоэлектронной техники для оборонной промышленности. Доктор технических наук. В настоящее время – профессор Вологодского государственного университета. Публиковал свои рассказы в газете «Вера», в журнале «Берега». Автор трёх книг художественной прозы.

Лучшие из лучших

Рассказ

Это случилось солнечным июльским днём в пятницу, когда горожане, закончив рабочую неделю, спешат выбраться из города. В потоке машин ехал на отцовской «тойоте» Артём – молодой школьный учитель. Напряжённая езда утомила его, и он с облегчением вздохнул, свернув с шумного шоссе на грунтовую дорогу, проложенную через лес. Опустил боковое стекло и с наслаждением вдыхал лесной воздух с запахом хвои. Дорога знакомая, как-то раз он здесь бывал. Скоро должен быть поворот, а потом ещё километров пять до дачи, где его ждёт друг Гоша. Сегодня у Гошиной жены Вики день рождения, и он везёт ей подарок, а для всей компании ещё кое-что, позвякивающее в сумке. Подарок находится рядом, на сиденье в корзинке, и тоже даёт о себе знать, мяукая время от времени. Это породистый котёнок, о котором Вика давно мечтает.

Гоша с Викторией женаты уже два года, и теперь их заботит судьба Артёма, который в свои двадцать шесть лет ещё не думает о женитьбе. А зачем ему женитьба? Он и так не обойдён женским вниманием. У него спортивная фигура, густые русые волосы и бойкая речь, от которой сразу млеет девичье сердце. Вчера Гоша сказал по телефону игривым голосом: «Вика пригласила подругу. Девушка что надо! И пока одинокая».

Конечно, всё это приятно волнует. И погода классная – под стать настроению. Вообще, день сегодня для Артёма знаменательный. Сегодня в здании областного правительства объявляли итоги конкурса на лучшего учителя математики и информатики. Артём занял первое место по области. Ему торжественно вручили грамоту, немалую денежную премию и подарок губернатора – швейцарские часы. Он снова и снова переживал волнующие минуты своего триумфа, вспоминал, как хвалила его презентацию начальник департамента образования. А как она поздравляла всех победителей конкурса: «Вы – наша надежда, вы – лучшие кадры нашей системы образования, лучшие из лучших!»

Он так увлёкся воспоминаниями, что не заметил поворота и проехал мимо. Когда машину стало потряхивать на неровностях, он переставил корзину с котёнком на пол и прижал к сумке с бутылками, чтобы не бренчали. Из-за этой возни он совершил ещё одну оплошность: не заметил дорожного знака «кирпич» и висящего под ним щита с устрашающей надписью: «Не въезжать! Обрыв!» Всё же он забеспокоился: «Что-то не видно поворота». Проехав ещё минут пять, он увидел впереди крутой подъём. «И такого подъёма не помню. Ладно, сейчас поднимусь повыше и буду звонить Гоше». Он прибавил газу, машина взлетела на горку, и тут произошло ужасное. По плавной траектории, как пикирующий самолёт, автомобиль полетел в глубокий котлован.

– Конец! – мелькнуло в голове Артёма. Он механически рванул дверь, машину перевернуло, он выпал из неё и продолжал падать, охваченный ужасом. Раздался грохот. «Машина взорвалась. Сейчас конец! Удар и конец!» – стучало в голове. Но падение продолжалось. Почему-то вокруг наступила полная темнота. «Куда же я падаю?» – эта мысль была последней, после чего сознание его померкло.

* * *

Сначала он услышал голоса. Потом кто-то прикоснулся к его лбу, потрогал за шею, и он стал отчётливо различать два мужских голоса.

– Тёплый. Живой, значит. Откудава хоть такой взялся?

– По одежде-то, как француз какой.

– Не, у него крест православный на шее.

– С городу он. Там теперича всяко одеваются. Видать, упился до беспамьятства.

– Наверяд ли. Не чую я, чтоб вином несло. Тут чего-то иное.

Артём открыл глаза и сквозь мутную пелену увидел двух бородатых мужиков.

– Очнулся, видно. – Мужик наклонился над Артёмом. – Как звать-то тебя? И откудава ты будешь?

Артём попытался ответить, но получился шёпот. Он ещё и ещё раз повторил своё имя, пока, наконец, не получилось громко:

– Артём меня зовут. Из города я ехал. Авария произошла, с высоты свалился в овраг.

Мужик закивал:

– Русский, значит, хоть и баёт иначе... А оврагов здесь никаких нету.

Потом хитро прищурился:

– А ты, случаем, не из энтих будешь? Ну, как их там кличут? Что по сёлам шатаются да народ мутят, супротив царя да властей подговаривают.

– Нет, я учитель, в школе работаю. А машину мою вы не видели? Разбилась она, где-то недалеко должна валяться.

Мужики переглянулись. Один покрутил пальцем у виска и сердито сказал:

– Машина паровая далёко отсюда ходит. Станция у нас тама, на Боровой. А что разбилась она – не слышали такого... Ты подняться-то сам можешь?

Артём стал медленно вставать. Поднялся на ноги и обнаружил, что руки-ноги целы и нигде ничего не болит. Он помахал руками, сделал два шага вперёд и засмеялся:

– Цел и невредим, а ведь с такой высоты летел!

Он осмотрелся, пытаясь увидеть злосчастный обрыв, но вокруг был кустарник, а дальше тянулся выкошенный луг.

– Паспорт-то у тебя есть? Или документ какой? – спросил тот, кто был старше.

Артём похлопал по карманам рубашки, по джинсам и вспомнил, что водительское удостоверение, бумажник с деньгами и смартфон остались в куртке, которую он бросил на заднее сиденье.

– Нет, всё в машине осталось.

– Его, батя, надо к уряднику везти – сказал младший.

– Погоди, Васёк. Без документов его урядник сразу в кутузку определит. – Старший повернулся к Артёму:

– Пойдем с нами.

Артём шёл за мужиками в раздумье: «Что за чепуха такая?! Царя поминали, теперь урядника. Одеты по-старинному. Наверное, здесь кино снимают историческое и актёры входят в роль... Нет, не похожи они на актёров, так натурально не сыграешь». Артём догнал старшего.

– Скажите, сейчас какой год?

– Чего, чего?

– Ну, год какой? От рождества Христова?

– Как какой? Одна тысяча девятьсот третий. Вот времечко-то как бежит... Ну чего встал, как столб? Не бойся, не поведём тебя к уряднику. К нам домой пойдём.

«Мистика, бред какой-то, – думал Артём. – Путешествие в прошлое невозможно. Сама эта идея приводит к нелепости. Допустим, я оказался в том месте, где мои родители должны познакомиться, и я помешаю их встрече. Значит, я должен моментально исчезнуть, будто меня никогда не было в мире. Логический абсурд. В будущее – да. Теория относительности допускает, поскольку есть эффект замедления времени при больших скоростях. А в прошлое – нет. Это только у фантастов или в сказках... Но ведь я цел остался, это тоже чудо, как в сказке».

Подожли к огромному возу сена с запряжённой в него лошастью. Младший отвязал лошадь от дерева, хлестнул вожжами, и воз со скрипом тронулся.

Вскоре добрались до деревни и двинулись вслед за возом по широкой улице. Артём крутил голо-

вой, оглядывая доселе невиданные им строения. Две женщины в белых платках стояли у дороги. До Артёма донеслось:

– Видать, к Петру сродник приехал с города. Молодой ещё, безбородый.

– Ботиночки-то у него хороши, а портки-то, гляди, узенькие да облезлые. Видно, ползал где-то.

Появились мальчишки. Шли следом, смеялись:

– Француз, француз!

Хозяйка, жена Петра, тоже сначала с удивлением рассматривала нежданного гостя. Потом повела его в дом и посадила ужинать вместе со всеми. За большим столом, кроме Петра и его сына Василия, сидели две девушки, видно, дочери Петра. Хозяйка и ещё одна женщина, жена Василия, подавали на стол. Глава семейства сразу объявил для всех:

– Гостя нашего Артёмом зовут. Беда с ним случилась – не помнит ничего. Примем странника Христа ради. Пусть поживёт у нас, глядишь, опамятуется, тогда и видно будет, куда его направить.

– Может, избили его да ограбили? – сказала хозяйка, с жалостью глядя на Артёма. Пётр возразил:

– Когда б ограбили, то часы бы забрали. Вещь-то дорогая. – Он показал на запястье Артёма, где из-под манжеты рубашки золотом поблёскивал браслет. Артём уже заметил, что часы вполне исправны и даже успел поставить на них такое же время, как на ходиках, висящих на стене.

Ели оладьи с творогом и сметаной, запивали молоком. Всё было так вкусно, что Артём с трудом сдерживал себя, чтобы есть неторопливо, как сидящие за столом хозяева.

– Значит, так, – заговорил Пётр, – завтра мы с Василием едем в Ерёмно. Купить надо кое-что по плотницкой части. А ты, Артём, ежели согласен, езжай с нами. Продашь свои часы да купишь что из одежды. Чтоб вид был, как у людей.

Раздалось шлёпанье босых ножек, в комнату вбежали дети: мальчик и две девочки. Одна из девочек прижимала к груди котёнка.

– Бабушка, гляди! Все смотрите, кого мы нашли! В нашем покосе под кустом сидел.

Хозяйка заохала:

– Ой, какой пушистый! Маша, налей ему молочка.

Артём задумался: «Вот ведь как устроена эта труба времени: пропускает только живые существа». Он уже собирался сказать, что это его котёнок, но вовремя остановился. Начнёшь объяснять, что этот красавчик ехал с ним в автомобиле, и опять увидишь, как крутят пальцем у виска...

Спать ложились рано, как только стемнело. Перед сном все стали на молитву, и Артём скромно пристроился позади. Растроганный, он оглядывал большое семейство: «Удивительные люди: меня, чужого человека, подобрали и приютили».

Постелили ему на большой лавке у окна. Он лёг и почти сразу провалился в глубокий сон. Снился кошмар: он летит и летит в чёрную бездонную пропасть, и конца-краю этому полёту не видно. Проснулся весь в поту и не сразу понял, где он находится. Лунный свет лился в окно, ярко белела огромная печь, в чёрном её зеве виднелись горшки. От матраца, на котором он лежал, шёл одуряющий запах свежего сена. Значит, всё это действительно случилось: он в деревне, в начале двадцатого века.

«Что теперь делать? Никому не расскажешь, что пришёл из другой цивилизации – засмеют. Но у меня большое преимущество: я знаю много такого, что здешним жителям и не снилось. Хорошо бы добраться до города, найти там учёных, инженеров, сообщить кое-какие неведомые им идеи. Обрадуются, будут на руках носить, провозгласят гением... Вот только что я могу рассказать? Конечно, о важных открытиях двадцатого века. Открыто атомное строение вещества и строение самого атома: ядро и электроны. Научились использовать ядерную энергию. Правда, подробностей я не знаю. Изучали, но как-то не запомнилось. Больше интересовался спортивными новостями, особенно футболом. Тут я помню всё: и какая команда как сыграла, и полсотни игроков могу назвать с их биографиями... Ну, хорошо, а если рассказывать о достижениях техники, например, об автомобилях? Но ведь я понятия не имею, как устроен автомобильный двигатель. Об электроэнергии? Начисто забыл, как устроен генератор электрического тока. Ну а телефон, радио, телевидение – здесь я вообще полный профан. О компьютере нечего и говорить. Нет, конечно, архитектуру компьютера я знаю и в операционной системе разбираюсь, но как его сделать – не знаю. В общем, не научный доклад получится, а сказка про волшебное царство, где ездит телега без лошади, летает ковёр-самолёт, а чудо-зеркало показывает далёкие страны... Ну что же, придётся приспособливаться к здешней жизни, у меня ведь тоже есть крестьянские корни: прадед был крестьянином».

* * *

С утра Василий запряг в пролётку жеребца, и поехали в Ерёмино – главное село волости. Там в лавке выменяли часы на штаны и рубашку с поясом. «Хорошо хоть завод у часов механический, а то бы обман получился», – подумал Артём.

Вещи ему понравились: суконные, добротные. Ещё и сдачи получил два рубля, но на кафтан не хватило.

– Ничего, – сказал Пётр, – к осени заработаешь и на кафтан, и на сапоги.

Когда вернулись, затопили баню. Артём помогал Василию – носил воду из колодца. Потом все по очереди мылись, и субботний день пролетел незаметно...

В воскресенье всей семьёй пошли в деревенскую церковь. Небольшой деревянный храм был полон, особенно левая его часть, где стояли женщины с детьми. Артём не был верующим, но, уступая уговорам матери, носил крест, а иногда бывал в церкви. Он заметил, что и внутренность здешнего храма, и одежда священника, и молитвы, и пение хора – всё было таким же, как в той прежней жизни. Только поминали о здравии не патриарха, а священный синод и ещё императора Николая Александровича и его семью.

Пришли из церкви, позавтракали. Женщины пошли по ягоды, остальные тоже куда-то разошлись. Артём томился. Ему, привыкшему к городской квартире и благоустроенной даче, всё вокруг казалось чуждым, неудобным. Пришлось отказаться даже от простейших удовольствий – кофе или крепкого чая, которые он привык пить несколько раз в день. Вместо этого ему предлагали молоко, или квас, или простую воду из колодца. Но больше всего он страдал из-за отсутствия привычного с детства Интернета. Кажется, он что угодно отдал бы сейчас, чтобы зайти в «ВКонтакте», обменяться новостями с друзьями, посмотреть фотки, побродить по Интернету. Он не знал, куда себя деть. Послonyaлся по двору, заглянул в конюшню, посмотрел на стоящих там двух лошадей, но подойти побоялся. Зашёл на сеновал, бросился на сено и долго валялся там, со стонами ворочаясь с боку на бок и еле сдерживаясь, чтобы не завывать во весь голос. Может быть, запах свежего сена одурманил его, но он постепенно успокоился и заснул.

Вечером Артём и Василий сидели у дома на скамейке, ели яблоки и беседовали. Артём интересовался:

– Я видел у вас полку с книгами, да и книги хороши – про путешествия, про древние времена. А кто у вас читает?

– У нас Ольга, сестра моя, до книг охочая. Бывает, и ночами керосин жжёт. Мать тоже любит читать, всё больше про угодников Божиих.

– А в какой школе вы учились?

– В церковно-приходской, трёхклассной, что в Ерёмино. Там мы все и учились.

– А кто вас учил?

– Тамошний поп, отец Фёдор. А теперь там его сын – отец Михаил.

– А гимназия где-нибудь есть?

– Гимназия и реальное училище – это всё в губернии, от нас далеко. А у нас, ежели кто из крестьянского сословия захочет дальше учиться, идут в уездное училище – это в Сытове, нашем уездном городе. Там шесть лет учатся. А кто выучится, может в чиновники выйти или на другую какую службу. Вот брат мой старший – Андрюха – выучился и нынче становым приставом служит в Сытове. А по мне, так лучше крестьянская жизнь. Конечно, в трудах и заботах, зато сам себе хозяин.

Из дома выскочили две сестры Василия. С длинными косами, нарядно одетые в цветастые сарафаны и красные платочки, они покрутились у ворот, похихикали и бойко потрусили по дорожке в сторону реки.

– Девки на гулянье побежали, – объяснил Василий. – По воскресеньям у нас молодые гуляют: хороводы водят, частушки поют под гармошку. И ты, Артём, можешь пойти. А мне, женатому, – ни к чему, я своё отгулял.

Артёму очень хотелось побежать вслед за девушками, но он боялся здешних парней. Сегодня, когда шли из церкви, встретила весёлая компания. Смотрели на него как-то не по-доброму.

– Нет, – сказал он Василию, – я лучше почитаю. Видел у вас журналы «Нива» – интересные, с картинками.

* * *

Утром собирались на работу. Василий выдал Артёму рабочую одежду – порты, рубаху, кепку – всё поношенное, но чисто выстиранное. Даже сапоги нашлись ему по ноге.

– Последние два стога сложим, и конец сенокосу. Нынешним летом, слава богу, повезло с погодой.

Пошли деревенской улицей: впереди Василий на телеге, нагруженной вилами, граблями и прочим инвентарём, за ним его жена и сёстры, позади всех Артём. Женщины одеты в длинные до пят холщовые рубахи, волосы убраны под платки. Идут быстро, малыми шажками, стройные, как молодые ёлочки... «У нас женщины ходят по другому, – вспомнилось Артёму. – В штанах, широким мужским шагом в раскачку».

На том же углу опять стояли две бабы, и опять Артём слышал их слова:

– Убогого приютили, теперича в батраках у них.

«Ничего, – успокаивал он себя. – Найду работу такую, что станут уважать. Учителем буду, здесь они тоже нужны».

На лугу он грёб сено вместе с женщинами. Грабли он держал в руках впервые, приноровился не сразу. Зато когда стали сносить сено в стога, он показал свою мужскую силу: брал на вилы большую копну, быстро нёс к стогу и подавал наверх Василию. Видел, что девушки посматривают на него с интересом.

Ещё не закончили класть первый стог, а он уже выдохся. Был весь в поту от работы и от жаркого солнца. Заболело сердце, чего с ним раньше не бывало. Шатаясь, пошёл к кусту, где была тень, и лёг плашмя. Подошла Ольга с бутылкой воды.

– Выпей водички и полежи, отдохни. Никто тебя не гонит. Что поделаешь, непривычный ты ещё.

Когда отпустило сердце, он снова вышел на поле, но прежней резвости не было. Носил сено не спеша, приспособившись к ритму этой дружной семьи.

Закончив работу, пошли к реке купаться. Девушки подались в сторону к прибрежным кустам, где издавна была заведена женская купальня. Василий, смеясь, говорил Артёму:

– Мы мальчишками туда бегали подсматривать.

Артём был хорошим пловцом, имел спортивный разряд по плаванию. Он с наслаждением бросился в воду, заплыл далеко, но на берег вернулся первым. Показывать класс плавания было некому...

На другой день Артёма повели осваивать плотницкое дело: начали строить дом для семьи Василия. Сначала всё шло ладно: таскали брёвна, заготовленные ещё зимой, распиливали их по мерке. Потом Василий с отцом стали окорять брёвна, а Артём, глядя на них, тоже взял топор и попробовал делать так же, как они. Возился он не долго: топор скользнул по бревну и ударил его по ноге пониже колена. Хорошо, что прочное голенище не пропустило лезвие.

– Вот безрукий! Видно, досель топора в руках не держал! – рассердился Пётр.

Артём молчал. Стыдно было признаться, что это правда. Да и молоток он брал в руки лишь раз в жизни – колоть орехи. Он снял сапог, осмотрел ногу.

– Нету раны, синяк только.

Пётр не унимался:

– Видно, ты из барского сословия. Иди-ка домой от греха.

– Я учитель математики, – крикнул в ответ Артём. Потом, уже тихо, со слезой в голосе добавил: – Устройте меня в уездное училище. Я в долгу не останусь...

Он шёл к дому, хромяя. В сенях снял сапоги, вошёл в горницу, сел на лавку и стал рассматривать больную ногу. Вдруг появилась Ольга.

– А я сижу в телятнике, слышу, кто-то зашёл. Бабы-то все ушли лён стлать, на меня хозяйство оставили. Ой, что это у тебя с ногой? – она увидела красно-фиолетовый расплывшийся синяк. Он не стал описывать подробности:

– Да вот, ушибся. Плотник из меня никудышный.

– Погоди, надо перевязать.

Она ушла, вскоре вернулась с корзинкой, села с ним рядом, закинула пышную косу за спину и занялась лечением. Протёрла синяк мокрой тряпочкой, положила на него тёртой картошки и перевязала ногу длинным куском льняной ткани. Артём смотрел на милое разволнованное личико, на часто вздымающуюся грудь и чувствовал, что в душе у неё не только жалость к больному, но и нечто более глубокое. Уж в этом-то он разобрался.

– Спасибо, Оленька. У меня сразу боль утихла. – Он положил свою ладонь на её руку. Она вздрогнула, покраснела, но руку убирать не спешила. Уже застучали их сердца в одном ритме, уже потянуло их друг к другу, но тут он опомнился. «Кто я такой, чтобы заводить тут романы? Хозяйка узнают – выгонят в шею. И так живу тут на птичьих правах. Приблудный, без роду, без племени и к тому же безрукий, как говорит Пётр». Он резко встал и, оставив девушку в недоумении и обиде, вышел на двор и уселся на скамейку.

* * *

В воскресенье отстояли литургию, плотно позавтракали и поехали в уездный город Сытов. Везли на продажу домотканые холсты и собирались закупить городского товару. Дорога не близкая – пятнадцать вёрст. Тряска изматывала Артёма, он слезал с телеги и спортивным шагом шёл следом. Подтрунивал сам над собой: «Давай, пришелец из будущего, научи здешних людей асфальтировать дороги. Что, не знаешь, как делают асфальт? Тогда привыкай к тряске...»

На городском рынке Артём с Василием остались торговать, а Пётр пошёл навестить старшего сына. Вернулся он часа через три, с довольным видом и под хмельком.

– Везёт тебе, Артём. Мы с Андреем ходили к инспектору училища, он говорит – учителя очень нужны. Пусть, говорит, ваш парень приходит, хоть сейчас. Побалакаю с ним, и решим. А ещё, – Пётр посмотрел по сторонам и зашептал: – Андрюха обещал документ тебе справить. Вот так-то, знай наших!..

Артём шёл к дому инспектора по главной улице города. Шагал по добротному сколоченному тротуару вдоль мощённой булыжником мостовой. Проходил мимо парка, где играл духовой оркестр и куда направлялись нарядно одетые парочки. Остановился у витрины магазина с вывеской «Ильин. Шляпы», посмотрел на себя в зеркало и остался доволен. Главное, что борода, которую он вчера подравнял овечьими ножницами, смотрелась на нём неплохо.

Встречные прохожие удивляли его. Не одеждой, нет – к здешней одежде он уже привык, – а своими лицами. Было на них выражение спокойствия, доброжелательности и ещё чего-то, что сильно отличало здешних жителей от его современников, озабоченных и вечно куда-то спешащих.

«Какая спокойная, мирная жизнь, – думал он. – А ведь их ждёт революция, потом страшная гражданская война, большевистский террор. Нельзя ли это как-то предотвратить?» Артём слышал однажды по телевизору, что, не будь Первой мировой войны, не было бы и революции. А из-за чего началась эта война? Кажется, в Сербии застрелили какого-то австрийского герцога, и тогда Австрия объявила Сербии войну. А Россия вступилась за православный народ. А что если поехать туда и не допустить этого убийства? Он представил себе, как выбивает револьвер из рук наёмного убийцы, как герцог взволнованно жмёт ему руку, не подозревая, что спасён не только он один, а полмира спасено от страшных катастроф. Только вот в какое место надо ехать и когда – этого он не знал. Историю он изучал плохо.

Он свернул за угол, как ему объяснял Пётр, и увидел кирпичный дом. «Вот сюда мне и надо», – подумал он. Волнуясь, как студент перед экзаменом, он подёргал за висящий у двери шнурок. Открыла горничная, провела его в комнату, где его встретил бодрый старичок в домашнем халате.

– Меня зовут Артём. Я к вам насчёт места учителя в уездном училище.

– Знаю, знаю, вы закончили курс в учительской семинарии, – зачастил хозяин. – Нам очень нужен учитель математики. Нас теперь преобразовали, программу расширили, мы теперь называемся «городское училище». Садитесь за стол. Сейчас мы проведём небольшие приёмные испытания.

Он достал из книжного шкафа тонкую книжку, сел в кресло и стал листать её с карандашом в руках. Потом подошёл к столу.

– Я выбрал четыре задачи. Видите, галочками отметил. Решайте. Вот вам бумага, письменный прибор. Как закончите, зовите меня. Я буду здесь, в соседней комнате.

Артём с недоумением посмотрел на чернильницу, ручку с большим железным пером, баночку с песком. Взял из стаканчика карандаш и стал читать условие задачи: «Три купца взяли ссуду в банке на общую сумму две тысячи рублей. Первый взял на пятьдесят процентов больше второго, а третий – в три раза больше, чем первый и второй вместе. Сколько денег взял каждый купец?» Эту задачу он решил быстро, составив простое уравнение. Только делить числа пришлось углом, что он, привыкший к калькулятору, делал с трудом.

Вторая задача – про двух пахарей – казалась очень простой. Он лихо написал решение, но потом заподозрил, что здесь какой-то подвох. Долго сидел в раздумье, но ничего не придумал. Тре-

тъя задача формулировалась просто: «Доказать теорему Пифагора». Рука автоматически потянулась к карману, где он привык носить смартфон, подключённый к Интернету. Но не было ни кармана, ни смартфона. А ведь недавно он излагал эту тему восьмиклассникам: скопировал урок в Интернете и показывал детям на экране рисунки с соответствующими пояснениями.

Он изрисовал треугольниками несколько листов, пытаясь вспомнить эти рассуждения, но ум его, избалованный Интернетом, не способен был рассуждать самостоятельно. За четвёртую задачу, где речь шла о шестигранной пирамиде, он даже братья не стал...

– Провалил, значит, испытания, – говорил Василий, погоняя лошадь. Уже вечерело, а они только выехали из города. – Куда же мы, батя, его определим?

Пётр молчал. Артём сидел подавленный. Печальные мысли шли в голову. Что-то не так у нас с образованием. Он, лучший учитель области, оказался непригодным для уездного училища столетней давности. Душа его страдала, будто с высокого постамента его уронили в грязь.

– Так и не вспомнил, откуда ты родом? – нарушил молчание Пётр. Артём молча помотал головой.

– У нас, у крестьян, ведь как – с детства всему учимся. И пахать, и сеять, и дом построить, и за скотиной ухаживать, и за лошадьми. А многие мужики ещё и лапти плетут, и валенки катают, и печи кладут, и лодки делают, и всякую утварь. А ты у нас – как барчук беспомощный – ничего не умеешь.

Артём перевернулся на живот, уткнулся в мешковину и всхлипнул. Пётр сменил тон:

– Ну да ладно, не горюй. Придумаем что-нибудь.

* * *

Его определили в подпаски. Он вставал чуть свет, завтракал вместе с хозяйкой, брал в руки кнут, узелок с едой и выходил к стаду коров, которых пастух гнал по улице. А что делать, другой работы для него не нашлось в этом крестьянском мире. Идти куда-нибудь в город – ему, бездомному и беспаспортному – было бессмысленно. Как страдало поначалу его горделивое сердце, когда он, перешагивая через коровьи лепёшки, плёлся за стадом.

Как-то он сидел на крутом берегу реки и сверху смотрел, как коровы, за день измученные жарой и оводами, с мычанием заходят в воду. Пастух, сам решивший окунуться, крикнул из воды:

– Пушай с полчаса помокнут, а потом погоним в деревню.

Артём не видел, что сзади к нему приближается, ускоряя шаг, молодой бычок, отставший от стада. В последний момент он услышал топот и обернулся, но было поздно. Не по годам резвое животное с разгону толкнуло его в плечо своим ещё безрогим лбом, и Артём полетел с обрыва в реку. Очутившись под водой, он сразу заработал руками, но, к своему ужасу, обнаружил, что вокруг пустота и что он летит в абсолютной темноте куда-то, как ему казалось, вверх.

* * *

Его случайно нашли рабочие на дне котлована. Он лежал далеко от своего разбитого автомобиля, лежал живой, но без сознания. В больнице его привели в чувство, но вставать не разрешили. Он сообщил телефон родителей, им позвонили, и отец тут же приехал. Мать не смогла – лежала с высоким давлением. Артём долго рассказывал отцу о своём путешествии в прошлое, а тот по его просьбе записывал всё на диктофон. Его бодрая речь успокоила отца, и всё-таки он пошёл поговорить с лечащим врачом.

– Как вы считаете, мой сын в здравом уме? Дело в том, что он рассказал какую-то странную, невероятную историю о своих похождениях.

– Вы знаете, травматический шок обычно влияет на психику, но я у него никаких психических отклонений не заметил. Знаете, что меня удивило? Его одежда. И рубашка и штаны у него были из какой-то очень грубой ткани и сшиты как-то странно, как бы самодельно.

– А где эта одежда? Можно посмотреть?

– Видите ли, когда его переодевали, эту одежду сдали на сжигание. Мы ведь думали, что нам бомжа привезли.

Отец вернулся в палату в задумчивости. Он пересказал Артёму разговор с врачом и, утешая его, добавил:

– Это там, в том мире, ты был бомжом, ни на что не годным, а здесь ты успешный, востребованный специалист, один из лучших учителей.

Артём лежал, грустно глядя в потолок.

Проза

Светлана Савицкая

Светлана Васильевна Савицкая – писатель, общественный деятель, Посол Мира от ООН – Федерация за всеобщий мир, доктор философии в области социологии и культурологии.

Единственный писатель, чьи книги оформляла ясновидящая Джуна. Автор книг: «Энергия сердца» (оформление Джуны), «Энергия вселенной» (с оформлением Никаса Сафронова), «Энергия мудрости», «Таинства русской души» – на 20 языках мира. Более 80 художественных и научных книг, обладатель более 150 лауреатских и почётных дипломов российских и зарубежных конкурсов и проектов. Академик ордена Ломоносова Международной академии интеграции науки и бизнеса, член Союза писателей России, Международного союза писателей «Новый современник», Всемирного союза писателей, Мюнхен при ЮНЕСКО, почётный член Международной академии наук экологической безопасности по секции Образование, почётный член Российского общества изучения про-

блем Атлантиды, почётный член Союза писателей г. Крагуевац, Сербия, член-корреспондент Православной русской академии, почётный член Творческого объединения «Либра» (г. Штутгарт, Германия).

Свет отражающий

Отрывок из романа

Новый роман Светланы Савицкой «Свет отражающий» основан на подлинных документах, архивах, письмах и бортовых журналах боевых кораблей Российского флота, Первой и Второй Камчатских экспедиций, большая часть из которых публикуется впервые.

Автор знакомит читателей с истоками духовной, экономической и военной мощи государства Российского, повествует о людях, отдавших все свои силы, таланты, здоровье и даже жизнь во имя становления, развития и процветания великой России. Через весь роман прослеживается судьба главного героя Чирикова Алексея Ильича, капитан-командора, одного из великих первых русских навигаторов, участника камчатских экспедиций под руководством В. Беринга, прошедших морем из Тихого в Северный Ледовитый океан и к берегам Америки. Его жизнь, полная удивительных приключений, величайших открытий, подвигов и, конечно же, любви, не оставит равнодушными никого, кто ценит свою историю.

Действие романа начинается на фоне титанических усилий Петра Первого по освобождению исконно русских территорий и приобретению выходов к Балтийскому и Чёрному морям, собиранию великой империи на западе, юге и востоке. Его борьбе с архаичностью и экономической отсталостью страны. Раскрываются истоки его образованности, целеустремлённости, преданности своей отчизне. Показана внутривластная атмосфера, в которой Пётр проводил военные, образовательные, экономические, политические и другие реформы. Описывается роль ближайших родственников, соратников и последователей Петра, судьба любимых жёниц монарха, его борьба с врагами, предателями и казнокрадами.

Пытливый читатель почерпнёт для себя чрезвычайно познавательную и многостороннюю информацию: прикоснётся к тайнам города Ниена, на фундаменте которого вырос город Санкт-Петербург, ознакомится с многотысячелетними древностями Москвы, методами добывания знаний у волхвов, первым Нептуновым обществом в Сухаревской башне, исследованиями Ивана Грозного, Лефортова, Брюса, Ньютона и Лейбница, судьбами Ломоносова, Стеллера, Мессеримид-

та, Крашенинникова. Проследует вместе с первооткрывателями по Сибири, Байкалу, Дальнему Востоку и Камчатке. Совершит собственные открытия в немецких городах Экстерштайне и Марбурге. Полюбит Беринга глазами его жены Анны Пульсе. Будет восхищаться Стеллером душой Бригитты до последнего дыхания. Сможет прочувствовать, как останапливается сердце командора на далёком острове. А когда оно перестанет биться, омыть этот остров благодарными слезами.

Но главное – искренне полюбить Алексея Чирикова и принять, как собственную награду – его самую красивую жизнь и самую высокую смерть... точнее бессмертие.

ЧАСТЬ I

ПОД ДЕСНИЦЕЮ ПЕТРА

ГЛАВА I

Начало пути

1703.13.12. Тульская губерния. Село Аверкиevo-Лужное

Туча серой медведицей опустилась ночью до земли и пошла, пошла лапами по полям и избам, оставляя клочья снега хлопьями на крышах. А поутру солнцеподобный снежный путь с великой неизбежностью притягивал и глотал сани и людей под густыми бараньими тулупами поверх тёплых зимних шуб, и раскудрявого бородатого возницу Ермолая, распушенного инеем, и хвост лошади. Чувство свершившейся удачи не вмещалось в грудь Ильи Чирикова. Сын родился, Алексей! Вёз он младенчика, покоившегося в заботливых матушкиных руках, в церковь на крестины. Да за ними родня и поспеть не могла. Далёко оторвались. Там и жена с тёщью. Брат Иван. И другие родичи. Не опоздают. Верховодит всеми дед Родион – глава рода Чириковых.

Белая карта дороги ли, судьбы для седоков казалась сбывшимся блистательным видением! Ещё вчерашним днём разбитый повозками, а сегодня девственно-нетронутый и туманно-морозный лихо нёсся навстречу белый зимник. На кружевных пышных манишках деревьев по обочинам коралловыми бусинами деловитых живых пуговиц вспыхивали яркогрудые снегири.

– Будто всё это сон, мама! – перекрикивал Илья дорогу. – Будто всё это я уж и видел. В прошлой жизни, или когда сам был мал. Да?

– Да, миленький, да, голубчик! – замёрзшими губами молвила дворянка-мать, подбирая поудобнее шубу вокруг младенца.

Укутанный в несколько тёплых одеял, новорождённый мирно спал.

Хрустко – мягко – гулко копыта утрамбовывали радостную минуту бытия. Она, такая вот минута, запоминается вселенной, записывается в летописях, передаётся из уст в уста, остаётся вехой во времени.

Лишь эта лошадь, самая быстрая да ладная из всего дворянского подворья, может обогнать любую в округе. Лишь ей доверено лететь не сломя голову, а быстро. Убористо, но не портя колеи, чтоб не растрясти ценный груз.

– Мама! Счастье-то какое! Мама!

Та варежку, вязанную полосочками пуховыми, скинула, прикоснулась, будто невзначай, ладонью к мягкой бородке своего младшенького – любимца Илюшки.

Провела по щеке. Как же хорошо, как дивно и как счастливо это тихое доброе благословение на душу легло обоим!

– Эээх, гони, Ермолаюшка! Гони! Хорошо-то как!

Радость бывает ли шире в этом мире божьем?

А в церкви белой свежо, не топлено, но светло. Ладан масляными волнами разливается меж подсвечников. Иконные лики строго смотрят. Матушка и перекреститься толком не могла – младенчик на руках проснулся. Поморщился. И снова уснул. На руках-то как мирно, на ласковых, как по сугробам в зиму на санях! Как на волнах в лодочке. Кач-кач...

– Спи, малютка моя, спи, малютка маленька-а-а!.. – тихо-тихо matka ласково убаёк напевает, одеяло за одеялом раскрывая.

В дверях показались уже и родственники. И жена Ильи, торопливою пеструшкой, развязывает платок за платком да быстро-быстро то моргает, то крестится, чтобы не прослыть невежею. Кланяется на все четыре иконы и на все кресты.

– Дайте, мама, скорей Ляксея-то, руки, поди, держать отвалились! Тяжело? – спохватывается сноха, услужливо в глаза старшей дворянке заглядывая.

– Подержу, раз взялась, не гоношись! Натаскаешься ещё!..

Народу набежало много – не каждый день такое увидишь. Все баре нарядны! Все веселы! Все добры! Подают прихожанам – кому монетку, кому свечечку, кому сушку с маком. Ставят жертву на тетракоты о покаянии у распятия Христа – голгофы, и за здоровье на круглые подсвечники у ликов Богородиц.

– Если вы желаете что-то пожертвовать, – прошептала церковная богомолка, – вам к батюшке!

Маленький Алёша уже проснулся. Батюшка Варсафоний, в праздничные одежды облачённый, с золочёным кадилом вышел. Обдал православный народ фимиамом ладана. У купели остановился. Мохнатый. Нечёсанный. Точно медведь какой. Но младенец не испугался, вцепился в поповскую бороду. Поп от крёстных родителей – матери Ильи и брата Ивана, младенца принял спокойно, вдумчиво пропевая молитвы, опустил в купель со святой водою трижды, пока все вокруг свечи держали. Человечек только зажмурился чуть-чуть, когда поп маслом стал тельце мазать, а там и ласковые руки свекрови подхватили крещёными распашонками.

Все выдохнули разом гулко, как Варсафоний вокруг купели двинулся, молитвы читать продолжая. Зашевелилось пламя свечушек. Воздух загулял в нагреваемом пространстве церковки.

Праздник.

Бабы к повозкам сразу потянулись, чтобы до дому вернуться быстрее и горницы убрать пышным застольем для гостей. А мужики – статный отец семейства Родион и его сыновья Илья и Иван – те остались у церковных книг Варсафония послушать об Истории Скифийской.

Должен был Илья убедиться, что внесён в списки человек земных его сыночек маленький. Чай не чай, не простой род – дворянский.

Варсафоний на пюпитр возложил старые-старые книги одну за другой. Выбрал то, что надо, и нараспев, как положено, прочёл ли пропел, что и заворожил и сыновей и отца, замерших со склонёнными головами, разом.

– История Скифийская, – рокотал поп, – содержащая в себе: о названии Скифии, и границах ея, и нардех скифийских монгаллах и прочих, и о амазонах мужественных жёнах их, и коих времён и яковаго ради случая татаре прозвашася и от отеческих своих мест в наши страны приидоша, и яковья народы во оных странах быша, и идеже ныне татарове обитают. И о начале и умножении Золотья орды и о царех бывших тамо. О Казанской орде и царех их. О Перекопской или Крымской орде и царех их. О Махомете прелестнике агарянском и о прелести вымышленной от него. О начале турков и о салтанах их.

Своды полукруглые вторили вдвое, а то и втрое голос батюшки. Золото, каждому созерцанию доступное, мерцало от окладов.

Варсафоний читал дворянские книги, отданные на сохранение, с великим преклонением, и лилась история из его уст, точно молитва в душу.

Бог, каждому близкий, но непонятный, где усопшие и не родившиеся наравне пребывают и греются от пламеней свечных.

– О «царех, бывших в Великой орде по Батые, и о Темир-Аксаке¹. По смерти онаго бича хри-

¹ «Скифийская история» «от разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена» и написана лета от Сотворения Света 7200-го, а от Рождества Христова 1692-го. В печатном виде появлялась всего трижды. В 1776 году в Санкт-Петербурге вышло первое издание, в 1787 году в Москве – второе. Третье появилось в 1990 году тиражом в пять тысяч экземпляров. Труд Лызлова написан на основе как не дошедших до нас русских летописей (вроде поминавшегося «Летописца Затопа Засекина»), так и работа польских и итальянских историков XVI–XVII веков: Стрыйковского, Бельского, Гваньини, Барония, опять-таки использовавших огромное количество утраченных ныне материалов из русских, польских, литовских архивов. Известно, что Лызлов пользовался монастырскими библиотеками, хранилищем московской Патриаршей ризницы – не исключено, ещё и документами из Казанского и Астраханского архивов, которые, как мы помним, столетием спустя натолкнули Татищева на «еретические» выводы, кое в чём противоречившие «официальной» истории.

стианского, злочестиваго Батыя, бысть во Орде царь сын ево, Сартак именем – яко свидетелствует в книге Степенной российской и Синописис киевской – к нему же ходил во Орду великий князь Александр Ярославич, рекомый Невский».

Обложки рукописных книг изготовлены из телячьей кожи. Батюшка, смачно поплевав на указательный палец, перелистнул сильно засаленную страницу с давно затёртым покоричневевшим уголком.

Глаза в разные стороны, как у влюблённого зайца! Очень странная лысина, шедшая и спереди и сзади, двумя дорожками, редкими острыми между лбом и затылком на макушке с чёрными волосами, а у корней совсем седыми, покрылась испариной. Порозовела. Прихожане-мужчины стойко слушали.

– Лета 6770-го умре царь Сартак сын Батыев, по нём же облада Ордою царь именем Беркай.

– Вооот! Наш-то предок – Беркай и есмь! – шепнул Родион сыновьям Ивану с Ильёй. – Вы слушайте отсель внимательней. Внимайте тщательнее!

– Сей злочестивый приела послов своих к великому князю Александру Ярославичу, – продолжал полупеть-получитать Варсафоний на старославянском, – понуждаючи его и прочих князей российских с воинствы их ходити на войну с собою. О чесом сжалился великий князь Александр, паки поиде во Орду к царю Беркаю, яко о том Степенная пишет, и уприси царя, да не будет такая нужда христианом. И отгуду великий князь Александр Ярославич шествуя, умре на Городце лета 6771-го. Потом умершу стому злочестивому Беркаю, бысть во Орде царь именем Менгутемир, иже лета 6778-го повеле умучити во Орде великаго князя Романа Олговича резанскаго, яко Степенная являет¹.

В Лужном, да и во всей Тульской губернии все знали, что Род Чириковых происходил от племянника царя Беркая, которому при крещении дано имя Пётр. Правнук оного, Пётр Игнатъевич, служил при великом князе Дмитрие Иоанновиче в Сторожевом полку и был в сражении против Мамаю. Его же потомки служили Российскому престолу в боярах, наместниками, стольниками, окольными и в других чинах², первоначально селились под Новгородом, а в конце XVI века получили за службу поместные земли под Тарусой и Алексиным, Тулой и Серпуховым³. Но во второй половине XVII века род Чириковых уже не был таким знатным и богатым, постепенно превратившись в мелкопоместных дворян. Братья Илья и Иван Чириковы жили в родовом поместье.

После искренних молитв и благодарений семейство, положив как надо кресты, в полном составе продефилировало на волю.

Снег задором буйным выслепил глаза. И щёки от румянца молодцов заалели багрянцем.

– А ещё к тому добавил бы, что батюшка сказывал, – не успокаивался старший Чириков, – род наш честной ведёт начало именно от племянника ордынского царевича Беркая, Святого Петра, ростовского чудотворца (1253), потомок которого Пётр Игнатъевич Чириков служил Дмитрию Донскому и участвовал в Куликовской битве⁴. Род записан в шестой части родословной книги Тульской губернии, а герб внесён в третью часть «Гербовника». Второй род Чириковых восходит к началу, а третий род – к концу прошлого (XVII) века, и записаны, соответственно, в шестую часть родословных книг Ярославской и Рязанской губерний и в шестую часть родословной книги Псковской губернии.

Сыновья, покорно склонив головы, с почтением и не без гордости внимали истории собственного происхождения. Выйдя к реке, по обычаю прошли к проруби узнать у крестьян, как улов. Взяли домой свежей рыбы.

Колодня, впадающая в Упу, кормила и поила местных, не жалея благодати ни зимой ни летом.

¹ Лызлов А. И. Скифийская История. – М.: Наука, 1990. С. 56.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб., 1799.

³ В Госархиве древних актов имеется много записей о Чириковых как о тарусских городских дворянах. Неслучайно родной дядя Алексея – Иван Родионович Чириков – в одной из челобитных 1722 года писал, что «деревнишки» в Тарусском уезде принадлежали его отцу и дедам «исстари».

⁴ Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. – М.: Географгиз, 1953. «...первое известие о роде Чириковых относится к 1578 году. Чириковы участвовали в борьбе против польских интервентов, державших Москву в течение восьми месяцев в осаде. За воинские доблести “Муромским Мяките да Алексею Григорьевым детям Чирикова после московской осады” были подарены вотчины...»

Аверкиево-Лужное своими крепкими избами занимало низину у реки. Заливные луга питали скот. Рощи и пролески снабжали охотный люд дичью. И совершенно неизвестно, когда приход¹ стал приходом, но тогда он составлял село, в котором три слободы с названием Аверкиево, одна слобода с названием Лужное в пять деревень: Семёно на реке Упе, Семёновское, Сухаревка и Крохино. Население всего в 985 душ мужского пола и 1031 женского пола.

Приход батюшки Варсафония² относился к третьему округу Одоевского уезда Тульской губернии. А село Лужное от Тулы всего в каких-то сорока трёх вёрстах да от Одоева – в тридцати.

– Всё вам, сыновья мои, оставлю. Плохого слова лишний раз за то не жду, – разоткровенничался, как всегда бывало на больших праздниках, сам Чириков Родион, – оставлю много не много, но уход да глаз нужен. За день ни уразуметь, как и ни объехать нет никакой возможности. Сами вот теперь и считайте³. Тарусский уезд: деревня Куприно, Подборки, Рошково тож на речке Полей⁴; деревня Лукино, «что на Мышецком отвертку», пустоши: Слизнево, Коробов Починок, Красные Холмы, Злодеевская, Кусково⁵ тож; село Ферзиково⁶; недвижимое имение в селе Аверкиевское-Лужное Тульского уезда⁷; село Никольское – на Крюку Одоевского уезда!⁸ Мало вам?

– Да куда как с добром! – поклонился Илья, не по душе ему было, когда папаша выхвалялся и благодарить заставлял. А тут прямо-таки от щедрот его высыпало!

– А ты что ж не кланяешься? – насупился он на Ивана.

– Так и я ж завсегда челом бью! – тут же спохватился Иван. Отбил поклоны.

Вовсю старались дворовые люди, вытаскивали из подпольев и чуланов холодцы и соленья. Все ждали их. Главных. А как пришли – за длинные столы сели пировать.

В это время за ситцевыми занавесками, в мелкий тёплый василёк вышитых, на широких пуховых подушках возлежал новорождённый Алексей Чириков, прильнув с любовью к груди,пил материнское молоко да слушал, что ему на жизнь желают.

И казалась ему матушка лисичкой милой. А он себе лисёнком виделся крохотным. Красивым. Рыжим да белым, как солнце зимнее!

* * *

Вечером, когда в усадьбе наконец всё стихло, дед Родион благодарно помолился на образа. Весь день он сохранял торжественность и серьёзность. В отличие от многих, он понимал сакральный смысл происходящего. Сегодня в ведение Всевышнего «поступила» челобитная на формирование судьбы раба божьего Алексея Чирикова. А дел добрых на благо рода и во славу отечества следует тому сотворить немало. И сейчас эта кроха в самом начале своего пути.

ГЛАВА 2

Загадки старого Питера

1703.20.12. Санкт-Петербург. Петру Первому 31 год

Город-призрак. Город – затонувший корабль... когда погиб он? В какое из разлитых неких наводнений перестал питать жителей солнцем? Зачем и по какой причине брошен и отторгнут цивилизованным миром? И являлся ли мир цивилизованнее того, что наблюдал теперь царь?

¹ С конца XVII века до 1865 года в селе существовал деревянный храм крестообразной формы, при разборке его по ветхости на стене за иконостасом найдена надпись: «построен сей храм при царях и князьях Иоанне и Петре Алексеевичах». Из этого храма сохранился антиминс, выданный при патриархе Иоакиме. Антиминс этот в 1867 году отослан в архиерейскую ризницу.

² Аверкиевское-Лужное. Из книги: Приходы и церкви Тульской Епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Малицкий П. И. 1895 г. / ред. Майорова Т. В., 2010.

³ Род Чириковых / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Русский биографический словарь: современная версия. – М.: Эксмо, 2007. (данные на 1696 год).

⁴ Также возможное место рождения А. И. Чирикова.

⁵ На речке Полей, «по большой Боровской и Алексинской дороге».

⁶ Ныне – село Ферзиково, в 5 км от районного центра Ферзиково Калужской области.

⁷ Ныне – село Лужное Дубенского района Тульской области.

⁸ Данные на 1790 год.

Рваные облака дремали на крышах, хоть как-нибудь пытаюсь просушиться на болезненном солнце. Их колыхало, но не отрывало от кровель неокрепшими ветрами.

Снег и не думал идти. Зато непременно моросил дождь.

Пуповинами испарений подымалась к облакам слякотная их жизнь из смрадных древних подвалов прямо через отсутствующие крыши. И с нижних пролётов винтовых лестниц можно было тонкой роговицей глаз ощутить влажность тумана, впитать морось от самых нижних ступеней до заоблачных небес.

Водяная взвесь оставляла испарину на перилах, колоннах и даже на тяжёлой старинной мебели прежних хозяев, давно покинувших эти гиблые места. Устоявшейся гнильностью несло ото всюду.

Который час царь всея Руси Пётр I заморачивался, блуждая по останкам старинного града, отбитого у шведов. Почти сто лет ни один из русских царей не мог вернуть утраченное. Поднять глыбину со дна на волю. А Пётр смог. И до конца не понимал – почему ему, а не кому ещё досталось сие сокровище земное?

Окна нижних этажей зданий, вросшие в землю на три четверти, глядели на царя и его спутников прищуром времён, точно примеряясь: а найдутся ли теперь сила, ум и величайшее терпение восстановить весь их прежний блеск и величие? Очистить артерии каналов? Восстановить соборы?

Пётр раздувал ноздри, шевелил усиками и давал небольшие команды Брюсу, Меншикову, испанцу Хулио Гарсиа, французскому инженеру Ламьеру и Зотову. Спутники едва поспевали за неутомимым самодержцем в простом офицерском морском платье, который без особых церемоний вбегал по полуразвалившимся лестницам, распахивал звонко двери на чердаки, смело вступал в кошачье дерьмо подвалов.

Хосе Хулио Умберто Гарсиа на сложенном гармошкой картоне зарисовывал увиденные на домах символы, и если Пётр задавал вопросы, то пояснял увиденное на латыни:

– Владея тайной звёзд, людей понимать легче.

Зотов, тут же переводил всё царю по своему разумению:

– И Землю слушать умей.

В левом ухе испанца красовалась золотая серьга с идеально круглой и вызывающе крупной морской белой жемчужиной. По европейской сложившейся традиции, это означало, что он пересёк на паруснике либо мыс Доброй Надежды, либо мыс Горн, где обилие штормов погубило немеряно кораблей. За мыс Доброй Надежды моряк получал право на ношение серебряной серьги. А за мыс Горн – золотой. В любом порту Европы наличие серебряной серьги в левом ухе давало право её владельцу на бесплатную кружку пива. Наличие же золотой позволяло моряку упиться до упаду. Бесплатно. Что свершил Хосе Гарсиа, оставалось загадкой и для Петра, ибо его серьга была украшена ещё и жемчужиной!

– Шведская крепость, что была здесь Ландскрона... как это по-нашему?

– Венец земли, – очень медленно по-русски ответил испанец. – От ланд – поле, крона – царское убранство. Корона. Царская земля, по-вашему, по-россейски.

– А Нейшанц?

– Ниеншанц, Ньюенсканс по-шведски, есть Невское укрепление, гер Питер!

– Помнишь, Зотов, голубчик, ты ещё в детстве рассказывал о северных землях По-Русии! Вот они! Вот они! – как одержимый повторял царь, осматривая дома переименованного в Санкт-Петербург (Святой город царя Петра) Ниеншанца один за другим. – Брюс, а ты разве не видишь во всём безмерную выгоду? Дома, что ближе к центру, пожалуем новой нашей знати. Отдадим им подачками дачи те. А вдоль каналов – купцам определяй не мешкая. Людей науки не забудь. Инженеров! Пусть каждый, заслуживший верность Россее на деле, получит по-дачу с царской руки!

Более других нравились царю дома с ротондами. С причудливыми ржавыми дверями, сводами, галереями, колоннами и чугунными лестницами, поднимающимися к куполам.

– Тьфу ты! Примерещилось! – перекрестился Зотов возле чудом уцелевших от сырости ступеней лестницы.

– Да что там тебе видится всё время? – обернулся Пётр.

– Точно вот... спускается в подвал анчутка...

– Сам Люцифер!!! Ха-ха-ха! – раздался весёлый смех царя. – Вот и загляни сюда ночью с Брю-

сом! И испанца с собою прихватите! И Ламбера! Пусть хоть кто-нибудь из вас рискнёт заглянуть сюда в полночь, чтобы получить НИЕН-шанс заключить сделку с самим Сатаной!

– Тьфу! Нечистая! – сплюнул Зотов и попятился к выходу.

Бродили они с утра и давно пропустили время обеда. Лишь один испанец как из воздуха постоянно доставал откуда-то крошечные галеты и потихоньку их грыз. Остальным было как-то неудобно попросить угоститься. Лишь Меншиков, не стерпев, протянул руку в перчатке и отдал команду:

– На бочку! Гер Питер голоден!

Впрочем, Пётр без особенного энтузиазма наблюдал, как из бездонных карманов Хулио было извлечено четыре оставшиеся маковые сушки, что было тут же поровну поделено.

Продолжалась полным ходом война. Но царь не забывал о стратегии восстановления приобретённых земель и вод!

– Эх, гавань-гавань, – вздохнул Пётр, – экий открыла бы она ход торговле с Северо-Западной Европой!

Государь прекрасно понимал, что, пока они тут прохлаждаются и упиваются победой, Карл XII всё ещё блещет на высоте своей военно-политической мощи. И отбросить Россию с освобождённых земель, по мнению всей Европы, казалось всего лишь делом времени.

Но Пётр уходить никуда не собирался, поэтому и на острове в устье Невы сразу же укрепил крепость, дав ей название Санкт-Петербург, продолжая в битвах её упорно защищать.

Смеялась Европа на эти потуги, а Пётр, не понятый ни Англией, ни Францией, ни Испанией в своей «безграничной спеси», как имели неосторожность выражаться союзники, тем временем вовсе не почивал на лаврах, а разделил работу по развитию Питера на болверки. Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меншикову, третий – графу Головину, четвёртый – Зотову, пятый – князю Трубецкому, шестой – кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. Приступили к делу основательно, не шутя. Тут же возвели деревянную церковь во имя Петра и Павла.

Святых Петра и Павла почитал он более других, ибо в их день сам родился на свет божий. Петром и Павлом называл и церкви, и хутора, и корабли...

И рядом с церковью, на месте старой рыбацкой хижины, сколотили скромный деревянный домик с двумя светлицами, кухонкой и сенями, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Домик Петра называли дворцом.

А как иначе? Пусть ходит он в простом сукне. Пусть сам работает на кузне и на верфи. Он, с лёгкого языка Зотова, «есть царь и державными стремлениями наделён, не вровень с чернью».

Комендантом крепости был определён полковник Рен. А Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над проектными и строительными процессами в возрождающемся городе.

В этот день столь высокородная команда царя и выбирала места и для гостиного двора, и для пристани, и для присутственных мест: адмиралтейства, государева дворца, садов и домов знатных господ. Город Ниен был уже упразднён, и жители одного переведены¹. Полным ходом прибывали первые петербургские поселенцы.

Откапывали под слоем наносного ила старые вымощенные дороги.

Отполированные и начищенные, походили они на челюсти доисторических черепов. Одни – с полным комплектом булыжных серых зубов, другие – с расхищенными до чёрных шербатых дыр беззубыми ртами... жадными до дождя и сырости небесной.

Народ гудел и возился, несмотря на ненастье. Завидев царя, падал ниц прямо в новые невымощенные улицы. Видя это, Пётр командовал Брюсу:

– Отметь для указа. Запретить народу падать ниц пред царём, дабы в грязи не мараться!

В плане Зотова сегодня стояло обследование обводного канала. Там-де откопали рабочие места языческих древних кладбищ с плитами и древними письменами на них. Не надо бы шевелить мощи мертвецов! Иначе будут они забирать в воду живых людей!

Вдруг что-то изменилось. Сырые туманы зашевелились. Облака, как старые чухонские племена, жившие здесь при шведах, заколыхались, загрозили отовсюду кулаками. Из окон и дверей. Из подвалов. И даже с выбоин крыш. Это погнало исследователей на волю.

¹ Одним из богатейших жителей Ниена был отец будущей жены Беринга Анны Матиас Пульсе.

– А что убогие чухонцы, – обратился Пётр к Зотову – единственному бородатому своему сопровождающему, пробираясь обратно по тесному коридору к выходу, – что, опять обряд проводили на стрелке?

– Сами они уйдут. Уйдут потихонечку, – отмахнулся старый.

– А коль не уйдут? – поднял брови Пётр. Вышел на улицу. Вдохнул ветром.

– Может, пальнуть им в самую гущу? – хохотнул Александр Меншиков, проворно ступающий след в след.

– Шаманов трогать... – вмешался испанец. – Я бы не стал.

– Ты и не царь, – съязвил Меншиков.

– А ты что думаешь? – обратился Пётр к Якову Брюсу.

– Разогнать! – однозначно ответил тот.

– Как же разогнать? Как же разогнать-то? – возмутился Никита Зотов. – Они мирно, тихо себе столетиями в этих местах провожали умерших в Нижний мир, переправляли туда на сороковой день после гибели, иначе душа превратилась бы в злого духа и наносила вред живым!

– Генеральный план покажи. План города! – дал Пётр распоряжение Брюсу. – Здесь будут массовые праздники проходить. Шаманов изгнать! Прости, Зотов.

Однако бородач не сдавался.

– Не надо бы их обижать. Они ж не токмо лишь души в нижний мир провожают, но и следят уже за упокоенными, чтоб души их обратно не вернулись...

– Ты меня знаешь, моё слово твёрдо!

– Так ведь шаманы же... проклянут!

– Пусть токмо попробуют! – отрезал Пётр. – Хосе! Покажи самое сильное место!

– Здесь, мой господин, – поклонился Хосе Хулио Умберто Гарсиа, указав на карту, любезно развёрнутую Яковом Брюсом на Стрелку Васильевского острова.

– Добро! Алексахка! Обедать едем в мой деревянный дворец! Что, Никита, надулся? Или без обеда на Обводной?

– Можно и на Обводной. Да токмо я хотел же ещё Ведьмины круги показать! Там железные источники бьют, вокруг камней рыжие такие, странные такие грибы вкруговую! Их Ведьмиными кругами чухонцы называют.

– Так пусть ими ботаники и займутся!

Перед ними развернулся серый от слизи и мороси старинный античный город, только-только начинаемый реставрироваться.

Град этот, точно чудом выжившего в душном болоте, переболевшего и почерневшего от чумы безглазого слепого, потихоньку да помаленьку подымали на колени да с колен, чтобы смог он скоро-наскоро встать в полный свой рост вровень с самыми блистательными столицами мира!

Узкая дорога, вздрогнув кустами, точно шелудивая ящерица, сбросила капли тумана и приняла потоки дождя. Повозка, разогнавшись по грязи, нанизала на себя брички и телеги, как бусы на ниточку, – и вся эта длинная рептилия опрокинулась в грязь.

Царя давка необыкновенно рассмешила.

– Вот дураки эдакие! Разъехаться по прямоходу не могли! Пиши, Яков. Да и ты пиши, Ламбер! Мостить! Все улицы камнем мостить непременно! Как встарь! И фонари пиши! Чтоб освещался город со всех сторон!

Где-то на другом конце Питера уже строили форт – ящики с камнями – сверху камни – потом вбивались сваи, все форты стояли на таких ящиках. Город гудел. Туда-сюда возили крестьянские и служивые разные повозки.

Пётр улыбался.

А Зотов грустнел.

Цвет лица петербуржцев очень быстро превращался в болезненно-серый, похожий на выцветшую куриную скорлупу или на матовый заморский фарфор.

И это расстраивало его. В быстром нездоровье крестьян, привезённых на работы из разных уголков России, виделось старому проклятие ведьм чухонских. Да только как объяснить царю о вреде и пользе потустороннего мира? Хоть кол на голове теши, больше доверял тот математическим и фортификационным наукам, да геометрии с географией.

А Петра ждали Ямы и Копорье. Ямы он, по манеру европейскому, переименовал в Ямбург и повелел укрепить. Там узнал он, что Крониорт из Лифляндии идёт с 12 тысячами в намерении напасть на Петербург. Пётр его предупредил с полками своей гвардии и четырьмя драгунскими и, встретив его в крепких местах у реки Сестры, прогнал до Выборга, положив две тысячи вражеских солдат. В то же время под Ямбург подступал нарвский комендант генерал-майор Горн, но также был отогнан с уроном от Шереметева; в разных местах сверх того шведы терпели поражение.

В это время на Олонецкой верфи, в присутствии Петра, заложили шесть фрегатов.

Из Олонца вернулся государь на новопостроенном фрегате «Штандарт» с шестью ластовыми судами. А вскоре в Петербург пришёл первый торговый корабль голландский с товарами, напитками и солью. Обрадованный Пётр велел отвести шкиперу и матросам постой в доме Меншикова. А когда обедали они и Пётр сидел за столом с ними, то самолично подарил шкиперу 500 червонцев, а каждому матросу по триста ефимков. Второму кораблю вперёд обещано тоже 300 червонцев шкиперу. Товары, по приказанию государя, тотчас были раскуплены¹.

Пётр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... Их уважали и, вероятно, ценили.

Пётр видел ещё нужду в крепости для прикрытия Петербурга и в пространной гавани, в кою могли бы входить большие корабли. Он ездил осматривать остров Котлин, лежащий в Финском заливе (в 30 вёрстах от Петербурга). Сам вымерил фарватер между сим островом и мелью, против него находившеюся; на той отмели, в море, определил построить крепость, а «на острове сделать гавани и оные укрепить и сам сделал тому план и проспект».

Потом государь с Шереметевым отправился в Москву, оставив у Ямбурга окольного Петра Апраксина с пятью полками. Дал Брюсу задание срочное – деньгами, посулами, горами золотыми, чем угодно – завербовать на службу престола Российского лучших молодых и крепких офицеров Голландии, знающих толк в корабельном деле. Вместе с голландским кораблём отправил его в Амстердам. Молодые грамотные капитаны, не искушённые западною службою, были ему ой как необходимы!

В Москву въехал царь торжественно. По указу царскому сделаны были трое деревянных триумфальных ворот. Четвёртые выстроил Меншиков.

Возвелось сие легко и быстро, потому как не на ровном поле, а на древних, веками укоренившихся фундаментах.

Города Санкт-Петербург и Москва обновлялись новыми людьми. Умами. Лесами. Товарами. Мануфактурами. Дорогами. Знаниями.

Дожелта вымывали дожди струганые доски. Но не успевала их извечная унылость теперь насквозь в древесину въедаться.

Весёлыми огнями выгревался да запахами свежееиспечённого хлеба наполнялся воздух. Калачами медовыми дразнили базары. Мятными пряниками. Пирожками подовыми, да с визигою! Солёными огурцами, грибами, хлебами... !!! – радуя глаз.

Щепою и стружкой посыпала густо-нагусто новая Россия затхлые чердаки и подвалы уходящих времён.

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1703 года, декабря 15.

Поэзия

Наталья Егорова

Наталья Николаевна Егорова родилась в Смоленске. Окончила Смоленский педагогический институт. Работала в издательстве «Современник», газетах «День», «Завтра». Автор поэтических книг «Золотые шары», «Птицы в городе», «Тысяча лет – снегопад», «Русской провинции свет», поэтических подборок и статей в журналах «Наши современники», «Москва», «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная», газетах «День», «Завтра», «День литературы», «Литературная газета», других периодических изданиях, сайтах, альманахах и сборниках. Лауреат годовых премий журнала «Наши современники», газеты «День литературы» и Всероссийской православной премии им. св. кн. Александра Невского Александро-Невской лавры. Член Союза писателей России.

* * *

О, прекрасен ты, мир, в переплёте весны –
И сверкают твои межпланетные сны,
Как посланцы мечты – без порока.
А о том, что ты груб и безумно жесток,
Я когда-то забыла дослушать урок,
Навсегда убежавши с урока!

Эти взрослые глупости мне не нужны –
Я люблю в крутобокой плавильне весны
Острый запах запретной свободы –
Дерзость быть вопреки, перейдя за черту,
Жить, распахнутой настежь, и душ высоту,
Что идут по судьбе, как по водам.

В древнем мире своём, в вольном детстве своём,
Я, забывшись, слилась навсегда с бытием –
Безоглядно, всерьёз, без остатка.
Перемазалась солнцем в горячем песке,
Засмеялась, упрятав грозу в кулаке,
Над обрывом сверкнула касаткой.

И простор захватила потоком огня
Жизнь, текущая шире и дальше меня –
Золотым полыханьем без края.
В каждом волно сверчащем, пропащем сверчке –
В каждом рот развевающем глупом мальке –
В каждом грозном дыхании мая.

Бесконечный, дразнящий поток бытия,
Ты оклики меня – ты наполни меня!
Неоглядный, живой, беспредельный!
Я – девчонка в твоём городском тупике.
Я – словечко на остром твоём языке.
Я – мишень твоей боли прицельной.

Что там перечень дивных чудес и красот –
Вот сейчас – засверкает, пальнёт, громыхнёт!
Встав у края, кулак разжимаю:
– Как тебя называть, молодая гроза?
А она, рассверкавшись, хохочет в глаза
Бесподобным раскатом:
– Не зна-а-а-а-ю!!!

Не вини же виной, не кори меня злом,
Я упрямо жила свою жизнь о другом,
Всё узнав и простивши на свете.
От грозы и любви – всем влюблённым привет!
А о том, что ни смерти, ни тления нет –
Знают даже наивные дети.

* * *

Однажды и мне, если хватит отважного духа
Увидеть судьбу за привычным набором острот,
Придётся признаться – теперь я седая старуха,
И это, пожалуй, уже никогда не пройдёт.
Седая старуха – я джинсы куплю помоднее
И, лихо пройдя переулками жизни своей,
Легко примирившись, скажу беспечно –
Бог с нею,
Поскольку Господь отмечался надеждою в ней.
И жизни своей, промелькнувшей огнями не мимо,
Озоном любви и грозою сомнений дыша,
Признаюсь я честно, что молодость неистребима,
Как неистребима и в чёрной печали душа.
И шаг не замедлив, не сбавив весёлого пыла,
Открыта для всех, словно в мире не видела зла,
Скажу откровенно, что я ничего не забыла,
Но, всё сберегая – себе ничего не взяла.

Скажу беспечально, что вечная чаша хмельная
Ещё не испита на дружеском пире до дна –
Звенит, не смолкая, по кругу плывёт, полыхая,
И манит, и дразнит – поскольку бездонна она.
Ты длись, моя жизнь, в бесконечных проулках
весенних,
Пока над холмами в высоком и вольном бреду
Гремят соловьи и грохочут шальные сирени –
Покуда сирени цветут в Гефсиманском саду...

ЛАМПАДА ИЛЬИ МУРОМЦА

Догорел у киота огарок свечи.
Развалилось крыльцо. Прохудилась бадья.
Тридцать лет и три года сидел на печи
Хворый костью и телом болящий Илья.

Старый дом по макушку в сугробины врос.
А в округе – раздолье ворью и зверью!
Но снегами прошёл мимо хаты Христос –
И помиловал нищего духом Илью.

– Ты с запечка слезай-ка, Илья, своего,
Повоюй за Христа, род спасая людской! –
И вошла в него сила – сильнее всего,
Что на снежной Руси рождено под луной.

Встал Илья воевать – во всю удаль и ширь –
За Христовую Русь – исцелённый Христом.
Тот, кто *Богом* богат, – на Руси *богатырь*
С харалужным мечом и червонным крестом.

Оседляет коня да взмахнёт булавой –
Все вражины в сугробах лежат на версту.
Но с понурой бредёт богатырь головой,
И смертельно тоскует Илья по Христу:

– Эти горе-враги не сильнее овцы!
Меч их рубит – а сердце скорбит о другом.
Исцелённый Христом – я пойду в чернецы
Воевать со грехами – крестом и постом!

Даже силушка Божья – без Бога пуста!
Станет ржавью мой меч. Станет прахом
мой конь.
Но зажгу я лампаду от Света Христа,
Чтобы цвёл над снегами бессмертный огонь!

Ты отведаешь, Родина, горя и слёз.
Враг посева затопчет и храмы спалит.
Но пройдёт мимо нищенской хаты Христос –
И великою силой тебя напоит!

* * *

Поглядит Серафим с почерневших икон –
И опять ты ребёнок, и Богом прощён.
Он в накидочке старой, с сосновой клюкой,
Обнимает медведя и крестит рукой.
Он насквозь тебя видит и ясно твердит
С камня тысячи дней неустанных молитв
В лепет детства, в сияющий свет бытия –
Бесконечное, тихое: «Радость моя!»

Заповеданный лес. Заповеданный свет.
В миг молитвы – запрятаны тысячи лет.
Мир, на травы слетающий. Звон соловья.
Неустанное, тихое: «Радость моя!»
Только разве я радость? И разве я свет?
Посмотрю на себя – ничего во мне нет.
Только тихие слёзы от счастья бегут.
Только тихие губы молитву поют.

И твержу, и твержу окаянная я,
Словно главное вспомнила: «Радость моя!»

* * *

Мама моя, из-под тихих седин
Глянь своим синим сияньем огня,
Ибо не вырвать тебя из глубин
Сердца – не вырвать тебя из меня.

Жизни не вырвать – что жизнь без любви?
Смерти не вырвать – калеке слепой.
Мама моя, говори, говори!
Гладь мои волосы тихой рукой!

Плод твой, таимый до одного дня
В древней, открытой мирам глубине, –
Как ты носила когда-то меня,
Так ты сегодня созрела во мне.

Долго ты зрела в дочерней тиши –
Мира основа, вселенская ось.
В необоримых глубинах души
Всё с твоей нежностью тихой срослось.

Всё я запомнила – голос и взгляд,
Синий-пресиний, как небо весной.
Годы твои никуда не летят.
Вечно во мне ты и вечно со мной.

Синие очи – святые огни.
Родина сердца. Печали покров.
Солнцем и светом прогретые дни.
Сладкое детское счастье без слов.

* * *

Заревёт ли медведь, зазвенит ли рассвет,
Тронет душу неведомый сон –
Здесь великие реки выходят на свет
Из берложьего зева времён.

Здесь медведицы-сосны на лапах рудых
Лижут мёды зари спозарань.
Не напейся из следа болотной воды
И медведицей лютой не стань.

От Днепровских ворот в молодом сосняке
Пеплы войн на долины летят.
Треплет русые волосы в березняке.
Узнавающе щурится взгляд.

Нас сквозь дебри смертей и рождений вели
Знаки войн и горящих планет.
Это – глубже меня, это – дольше земли,
Это знание древнее, чем свет.

Мы пришли из России и канули в Русь,
След оставив и песнь на земле.
Все пройдёт и исчезнет – но я не боюсь
Раствориться в светающей мгле.

Не рыдай о прошедшем – а тропку приметь
Через гари – в страну старину.
Заиграет ли лось, заревёт ли медведь,
Взроет дикий кабан целину.

Там, на просеке, чёрные тени лежат,
Гривы сосен от ветра дрожат,
И медведица-мать рёвет на закат
И выводит к Днепру медвежат.

ВОЛОКОВАЯ

Черны чугулки, и старинные живы ухваты,
И угли в золе полыхают, как звёзды в ночи.
Ты крестишь порог и гостей приглашаешь
у хату,
И ставишь картоху в остывшем горшке на печи.
И шепчешь устало, по углям былое читая,
А Каспля шумит и как шуку хранит твою весть,
Что волок лежал за деревнею Волоковая,
Ведь тысячу лет простояла над озером весь.
Ты многое помнишь о веке жестоком и грубом.
Твой парус серел, и была тебе смерть нипочём.
Но жжёт твои всходы литвинин по имени Ругор
И жар разбросал в твоей печке тяжёлым мечом.
Ты дровы бросала – ни бед, ни годов не считая.
Но вилы взяла и ушла в партизаны родня.

Под свисты шрапнели ты выпекла хлеб
для Баркляя.
А пленный французик дрожал и дрожал у огня.
Пришла немчура – старой бабой, от горя
горбатой,
Кричала: «Уйди!» – и внучка заслоняла собой.
Корову убили. Сожгли твою вечную хату.
Осталась лишь печка с дымящею гневно трубой.
И сколько жила ты – войной полыхала равнина,
И вечные всходы болезнью сжигала роса.
А ты всё ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.
Ты чёрные руки положишь на белую скатерть.
Кто был здесь в гостях – позавяжешь на память
узлы.
Разломишь картоху – великая вечная Мать,
Вся в чёрных морщинах чернее земли и золы.
Зарю над деревней твоей повернуло на полночь,
И звёзды над Касплей на волок идут посолонь.
Ты смотришь во мрак и, беззубая, шамкаешь:
«Помню!»
И в старой печи поднимается Вечный огонь.

* * *

Дай мне пройти цветущими садами
По улочкам, не знавшим перемен,
С накрашенными дерзкими губами,
С бессмертным алым розаном Кармен.

Пусть лётся свет. Звенят восторги встречных.
Гудят такси. Бегут волос ручьи.
И бьют часы в проулках – только вечность
Для всех влюблённых в городе любви.

Не говори, что время к нам жестоко –
Грядёт пора стареть и умирать.
Вольней и выше времени и рока
Влюблённых женщин огненная статья.

Да есть ли смерть? И рок? И ход столетий?
Смотри: весной на улочки твои
Выходят нецелованные дети –
И умереть мечтают от любви.

А мы поём... И время множит песни.
А на вопрос: «В какую даль идём?»
Смеёмся: «Золотой весной воскреснуть
И полюбить в бессмертии своём!»

И вновь с моста в грядущий ливень света
Бросает розу лёгкая рука,
И прядь волос колыхнется от ветра,
И алых юбок мечутся шелка.

Поэзия

Андрей Растворцев

Андрей Васильевич Растворцев родился в 1958 году в селе Гонжа Амурской области. Прозаик, поэт, автор книг для детей. Член Союза писателей России. Член редакционного совета журнала «Берега». Автор книг: «Тринадцатое полнолуние», «Белый кречет», «За тех, кто в поле», «Свободное плавание», «От любви до любви», «Там хлебом пахнет дым», «Полёт сквозь август», «Когда однажды обмелеют реки...», «Точка возврата», «Лунная дорога», «Хранители очага», «Домовёнок Фока и его друзья», «Новые приключения домовёнка Фоки и его друзей». Публиковался в литературно-художественных журналах: «ЛИК», «Таван Атал (Родная Волга)», «Иван-да-Марья» (Чебоксары), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Дальний Восток» и «Родное Приамурье» (Хабаровск), «Литера» (Йошкар-Ола), «Великороссь» (Лобня), «Юность», «Молодая гвардия», «Пограничник» (Москва), «Берега» (Калининград), «Однако, жизнь», «Метаморфозы» (Белоруссия). Проживает в Чебоксарах.

ГДЕ ШЁПОТОМ ЛЮБОВЬ...

Мой коммунальный рай,
где шёпотом любовь,
где жизнь без тайн
и боль почти без стона –
тебе ещё я не сказал: «Прощай!»,
и голос не прибавил на полтона...
Дым беломорный
тянется к окну
и сизоструйно уплывает в полночь,
проём окна – бесшторный
глаз во тьму,
соседкин выплеск шепоточком:
«Сволочь!»
Строй коридорный
лыж, калош, шкафов,
фальшивое крещендо песнопений...
Я вечный поднадзорный –
из углов
мой след читают пакостные тени.
И липкий запах
бесконечных склок,
и объявление: «По ночам не шляться!»
И пальцем открываемый замок,
которым бесполезно запирается...
Трамвайный перезвон,
протёртый плед,
в окне напротив обнажённый абрис...
Качает клён
листвой фонарный свет –
Я навсегда твой, коммунальный адрес...

УСПЕТЬ...

Приходит время дорожить
Или дрожать над бранным телом?..
Ах, как всё быстро пролетело!
Казалось, только начал жить!
Не знаю, стоит ли спешить –
Пожнёшь ли то, что ты посеешь?

...Покаяться всегда успеешь,
Успеть ещё бы согрешить...

О НАС И О ВРЕМЕНИ

Время не знает того, что будет.
Горе и горечь оно стирает...
За неслучившееся – не судит,
За несложившееся – прощает...

Время бездушно, как в дате прочерк...
Время не греет, в ночи не светит...
Время изменит наш детский почерк,
Лица изменит и не заметит...

Время не знает на боль ответа.
Время не ставит простых вопросов...
Время – непознанная планета,
Время – невидимая нам особь...

Время не вычурно, не спесиво –
Время не может на что-то злиться...
Время размеренно-неторопливо –
Да и куда ему торопиться?..

ПОКРОВА

Пришла в октябрьский приход
Жизнь помолиться –
Холодный синий небосвод
Румянил лица,
У входа ржавый листопад
Костром дымился,
И первый лёгкий снегопад
Вдали кружился...

Кленово тлел иконостас
Резною вязью,
Молитва тихая вилась
Духовной связью...
Оклад берёзовых икон
Сочился светом,
И колокольно-гулкий звон
Рождался где-то...

Прощалась осень – жизнь ждала.
Горели свечи...
Сияли стыло купола
В просторе вечном...
Молилась жизнь. Её слова
О всепрощенье...
И пали с неба Покрова
Нам... в утешенье...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Есть такая болезнь –
 город Санкт-Петербург.
Листопадную взвесь
 вшил мне в душу хирург.
И под сердце укол –
 Петропавловский шпиль.
От тоски валидол –
 Монферрановский стиль.
От закупорки вен
 лечит Троицкий мост.
Но не лечится плен
 белой ночи без звёзд.
Как не лечат мне раны
 далёкой любви
Лесопарков поляны
 и Спас-на-Крови.
Я бинтую годами
 щемящую грусть,
От фасадов с гербами
 разлукой лечусь.
Но нарушив режим –
 пью глотками пургу.
Петербургом своим
 не болеть – не могу.

Не ищю панацеи
 от хвори такой.
В Царскосельском лицее
 больничный покой.
Летний сад в лихорадке
 холодных дождей.
В дневниковой тетрадке:
 «Прошу, не болей...»

КУКУШКА

В безымянных лесах не остынут рябины,
Снегири красный цвет не склюют поутру,
Не поднимут сугробы взопревшие спины
И не сменят деревья седую кору...

Там солдатские лица меж трав, между кочек
Омывает весною святая вода –
Там кукует кукушка с утра и до ночи,
К их не прожитым жизням плюсуя года...

Души павших бойцов на рябиновых склонах
Прорастают травой сквозь железо войны...
Над зелёной травой ветви гнутся в поклонах,
И в июльский рассвет голоса соловьи...

ЯНВАРЬ ДЫМИЛ
НАД ЧЁРНОЙ ИОРДАНИЮ...

В ночь падал снег. Горели фонари.
В бездонном небе купола сияли.
На звонницах промёрзших звонари
Колокола к игре распеленали.

Поплыл морозно-белым январём
Роскошный бас с подпевкой тенорами,
Как будто кровь хлестала из ярём
Иль ангелы звенели голосами...

Десятки вёрст вбирали благовест.
Вселенский глас по миру растекался.
Размашисто на грудь ложился крест
Всем тем, кто на молитву отзывался...

И шли на песнь из дальних деревень,
От ближних улиц шли на омовенья...
Крещенье. Начинался новый день –
День очищенья, день благословенья...

Январь звенел морозною струной.
Январь дымил над чёрной иорданью...
Вода сомкнулась вдруг над головой –
Вот ты какой, шаг первый к покаянью...

ЛИСТ ПОДОРОЖНИКА

Листья разлапистого подорожника
Лечат на роздыхе ноги острожника.
Нежной прохладой пыльная кожа
Раны рубцует, от коих не можется.

Хоть бы проспали побудку начальники –
Передохнули б подольше кандалники...
Лист подорожника силой неброскою
Раны затянет зудящей коростою...

Лист подорожника, и сквозь столетия,
Символом стойкости и долголетия,
В русской пыли при дорогах качается –
Добрая сила его не кончается...

Как не кончаются страсти острожные –
Дни на Руси и доньне тревожные...
Долго ещё врачевать подорожнику
Раны мирянину, раны острожнику...

Я ЗАБЫТОЙ СТРАНЫ ЧАСОВОЙ...

Я забытой страны часовой,
Той страны, куда нет мне возврата.
Но она за моею спиной,
Как последний рубеж для солдата.

Ведь присягу дают только раз –
А присяга для воина свята,
Она выше, чем просто приказ, –
От неё не идут на попятный...

Нет страны, и не тот уже строй;
Я забытой страной воспитан!
Я оттуда своею душой,
Навсегда её духом пропитан!

Больно мне – молодым не понять
Нас, присягу свою не забывших!
Жаль, я им не сумел рассказать
То, что Родина не может быть бывших...

ПИЛИГРИМ

«Скажи, зачем с тоскою мы глядим
На тонкий след железной магистрали?»

«Всё просто – все когда-то уезжали
От тех, кто был и дорог, и любим.
И вот теперь, вернуться мы хотим –
Да только с возвращеньем опоздали...
Ты слышал звон, сквозь голубые дали?
Под этот звон любимых отпевали
В морозный полдень не согретых зим...»

«Ты лжёшь, старик! Я же скучал по ним –
Они мне даже весточки не слали...»

«А был ли у них адрес, пилигрим?
Они тебя до погребенья ждали...
Они молитвы в небеса кричали,
Но ты был глух и разумом своим
Ты не постиг и капли их печали...
Они твоё молчание прощали –
Ведь ты был ими до конца любим...»

«Нет, нет, старик – я ими был гоним!
Они меня совсем не понимали...»

«Глупец, глупец, тебе добра желали...
И я когда-то тоже был таким...
Мы мир с тобой на ощупь познавали,
Мы слепы были, мы не понимали,
Что в этом мире можно быть любимым –
Но и любимым ты можешь быть любимым...
Те, кто любил, нас настоящих знали...»

«Зачем, старик, мне знать твои печали?!»
«Да просто я – есть ты, мой пилигрим...»

ПОКЛОНЫ

А сегодня дожди лужам вспенили спины.
А сегодня ветра шапки сняли с осин...
И согнулись в дугу молодые осины,
И забились в поклонах из согнутых спин.

Как легко молодым прогнуться в поклоне.
Они смогут потом разогнуться и встать...
А вот я не смогу – позвоночник мой стонет,
И его не согнуть – можно только сломать...

НЕ СУДИ...

Мир ли вдруг стал невменяемым?
Я ли стал слишком мнительным?
Страшно быть обвиняемым,
Ещё страшней – обвинителем...
Пальцем-перстом указующим
Тыкать в глаза обидчика!
Но может ли быть врачующим
Острый бердыш опричника?..

Трудно остаться вменяемым
Под взглядом чужим, не прощающим.
Мне страшно быть обвиняемым,
Ещё страшней – обвиняющим...

Поэзия

Татьяна Грибанова

Автор поэтических книг: «Апрель», «Прощённый день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль»; книг деревенских рассказов: «Лесковка», «От Рождества до Покрова»; «Не трын-трава», «Настёнины “антаркти”». Член СПР, член Совета по защите родной природы при Правлении СПР. Печаталась в журналах: «Берега», «Наши современники», «Родная Ладога», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простор», «Великороссь», «Наследник», «Народное творчество», «Сельская новь», «ЛИК», «Славянин», «Странник», «Эхо России», «Дон новый»; «Волга – XXI век» и др. Лауреат-победитель в номинации «Привет, Россия!» Всероссийского конкурса «Звезда полей» им. Н. М. Рубцова (2012). Специальный диплом «Прохоровское поле» (2013). Лауреат Всероссийской премии им. Е. И. Носова (2014), Международной премии «Умное сердце» им. А. Платонова (2014), газеты «Российский писатель» в номинации «Проза» (2014 и 2019), Губернаторской премии (Орёл) в номинации «Художественная проза» (2014), Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2015), Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2015), конкурса «Книга года литературы», Орёл (2015). Отмечена Почётным знаком Союза писателей России (2015). Диплом Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества» (2016). Лауреат журнала «Берега» в номинации «Проза» (2017), Всероссийской премии им. А. А. Фета (2018), премии «Соловьи, соловьи» Алексея Фатьянова (2019). Золотая Шукшинская медаль (2018).

* * *

Ах, этот просёлок рассветный!
Взглянуть – и вовек не забыть:
деревни глухой, заповедной,
огней, что лучатся сквозь сныть,
паренья орла по-над кручею,
шеломов-стогов по жнивью,
реки с камышовой излучиной,
что в душу впадает мою.
Как мало для радости надо...
Как близок уже горизонт...
Но как же смотреть мне отрадно
на ливень берёзовых крон,
на этот просёлок рассветный,
который не в силах забыть.
Да разве осмелится сердце
себе самому изменить?

* * *

А после Троицы хлынуло лето!
Божья на мир снизошла благодать.
Снова в лугах, щедро залитых светом,
скирд новолетних несчётная рать.

Вот за Кромой, ни далёко, ни близко,
загромыхало, и сотнями риз
дождик грибной, светозарно-лучистый,
в роще берёзовой с веток повис.

Тихою радостью, горним елеем
душу мою он кропит и кропит.
Отче всещедрый! Пускай не скудеет
дней золотых этих вечная нить.

Радуг цветастых взошли полукружья –
нимб осиянный над крышами сёл.
– Сердце! Ну что тебе, мытарю, нужно?
– Эти поля, эта речка и дол.

* * *

Майское утро.
Сады в бело-розовой кипени.
Даль за рекою
раскинула светлый свой плат.
Что же ты бредишь,
душа, до сих пор ЕГО именем?
Жизнь надломилась,
уже ни вперёд, ни назад.

Я примеряла
и цвет этот розовый кипенный,
и тот, пресветлый,
как утренний дымчатый плёс...
Счастье б водилось
в дому под столетними липами,
если б надежды
судьба не списала на снос.

Ветер над садом
метелью пылит лепестковою,
словно зима
возвратилась из дальних сусек.
С кем без тебя
мне судьбу эту перебедровать?..
Будешь ли счастлив и ты без меня,
дорогой человек?

* * *

Говорят, что судьба и за печкой найдёт...
Ах, родной мой! Как хочется в это поверить!
Даже сбилась со счёту, который-то год
для тебя нараспашку и сердце, и двери.

И тебе ни за что не расстаться со мной,
даже если другой ты – навеки отрада.
Для судьбы моей жаркой ты –
дождь проливной
и стократная за прегрешенья расплата.

Ты давно для меня стал весенней листвой,
этим небом льянным в нежный час
предрассветный,
соловиною трелью в сирени густой,
этим прудом в кувшинках молочного цвета.

А ещё – первым снегом опять к Покрову, –
ты об этом не знаешь, – до боли сердечной
станешь ты ниспадать...
Эти сны наяву!..
Немота старых комнат – пудами на плечи...

* * *

На октябрьский простор – только три огонька...
Да ещё – церква Сергия свечкой на взгорье.
Но меня этот край, где полынь и тоска,
где в суглинок осыпались предков века,
узелком привязал, до неслыханной боли.

Захолынет душа ни с того ни с сего
и рванётся в его перестылые хляби.
У просёлка, что гнётся вдоль сосен дугой,
посмотри, как гостинец судьбы дорогой –
проросли зеленыя по возделанной зяби.

И сойду я с пути, и замру под сосной,
залобуюсь, как озимь гуляет волною.
Никому в целом мире узнать не дано,
что нечаянной радости стало виной,
отчего так светло плачу я в травостое.

* * *

Старый дом на горе,
голубяями поющие сени.
Как веками велось,
на Божнице – Спасителя лик.
Здесь когда-то надеждой
так густо дышали сирени
и созвездия счастья
плескал сквозь купавы родник.

На столе – самовар,
бузиною начищен до блеска...
Жизнь, как день, отцвела,
вечер выпит до дна.
По привычке рядом –
птицы райские на занавесках,
Только нитки поблёлки,
а солнце затмила луна.

Старый дом, где слышны
по ночам моих пращуров речи...
Всё наследство –
три карточки да полинялый рушник.
Только нет им цены,
как навеки утраченной вещи...
А предать память сердца –
засыпать землёю родник.

* * *

Редкий раakitник
вдогонку вдоль линии.
Скорый несёт
сквозь октябрь напролом.
Первым, легчайшим,
нечаянным инеем
ночь присолила
холмы за окном.

У полустанка –
рассветные ивы,
чёрный кустарник.
Бурьянный овраг.
На небо блёклое
катит лениво
солнца проржавленный,
тёртый пятак.

Значит, к полудню
на грош потеплеет.
Брызнет обманная
вновь синева.
Может, напрасно мне
правдою мерить
прикосновенья твои
и слова?

Друг мой сердечный,
мой путник извечный!
Годы горят,
как соломенный сноп.
Вот потому-то
осенние встречи
любишь до боли сердечной,
взахлёб.

Даже самой
удивительно-странно...
Словно навек
остаюсь молода –
до перехвата дыханья
желанны
руки родные твои
и уста.

* * *

Даже думать о тебе заказано...
Дней промозглых в никуда скольжение.
Дождь кого-то потерял под вязами –
мечется вдоль улицы в смятении.

Мне б в глаза взглянуть хоть на мгновение...
Мне без них который век недужится.
Что же делать с этим наваждением
и с судьбой, до хрипоты простуженной?

* * *

Ласточки примчались на постой
в май, умытый тополиным ливнем,
в домик над окошком свой лепной,
слаженный из радости и глины.

Плещет сад вишнёвым молоком
в малахит очнувшегося луга...
Словно всемогущею рукой
кто-то замечает душу вьюгой.

Сквозь неё встаёт аэропорт.
Рейс до Пскова?.. Или до Ростова?
Ты опять в пути. Тебе с высот
моего совсем не видно крова.

Ни взглянуть, ни протянуть руки.
В сердце боль настырная гнездится.
Встречи впопыхах, как миг... звонки...
Но не вырвать из судьбы страницы.

Ласточка за ласточкой снуёт –
счастье лепится до края лета...
В поднебесье тает самолёт...
След твой тает, тает незаметно.

Поэзия

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов родился в 1975 году в Москве. Поэт, прозаик, историк. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 1861. Автор пяти стихотворных книг и трёх книг малой прозы. Публиковался в широком круге изданий: «Бийский вестник», «День и ночь», «Дон», «Дружба народов», «Гостиный Двор», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Наши

современник», «Нижний Новгород», «Подъём», «Под часами», «Север», «Сибирь», «Сибирские огни», «Сура», «Юность» и др. Лауреат Всероссийских конкурсов имени А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2019). Владелец «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017) и специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018 и 2019). Живёт в Москве.

* * *

Скорее вспомни, скорее,
Где и кого оставил,
Не становись злее,
Не нарушай правил.

Нет на тебя управы –
Только лишь Бог и ветер, –
Жизни пиши главы,
Мир ещё так светел.

Жизнь для тебя – книга,
Жизнь для тебя – слово,
Жизнь – это полмига,
С Крещения до Покрова.

* * *

Хранитель, объясни и напиши,
Мне не понять течение нашей жизни.
Мы гибнем в затяжной дороговизне,
Мы в пересудах только хороши,
Не думая о страстной укоризне.

Случалось, я бросал и предавал,
И путались у ног моих интриги,
Но не был я героем высшей лиги –
Я брал на миг недолгий интервал
И силы черпал из отцовской книги.

Я жизнью громкой пропитался вволю,
Я вдаль смотрю, ни капли не дрожа,
Сердито пью и, закусив с ножа,
Иду на свет по царственному полю,
И надо мной святые сторожа.

* * *

В беззвёздный час, когда неразбериха
За мной проворно ходит по пятам,
Хозяйка ночи, улыбнувшись тихо,
Глядит настырно из оконных рам.

В домашнее тепло вползает морок,
В нём люди обессиленные спят,
И только мягкий свет внутри лампад
Напоминает, кто мне в мире дорог.

И в этот миг из черноглазых ниш
Крадётся перебежками, но ловко
Кичливая, раскормленная мышь,
И бьёт по жизни серой мышеловка.

* * *

Какая в длинной жизни перспектива?
Сидеть в тепле, работать за столом
И размышлять, отважно и пугливо,
Таращиться на капли за окном.

Всё рифмовать и составлять конспекты,
И понимать, что жизнь – сплошной урок,
Взирать, как переулки и проспекты
Считают каждый сброшенный листок.

И ждать покорно ангельского сыска,
Пересчитав грехов своих тома,
В которых жизнь – дрожащая курсистка –
Причины горя прячет от ума.

Предвосхищать перерождение смысла,
Который не постигнуть мне никак,
И видеть, как звезда любви нависла
И свет читает полутьме кондак.

КЛИКУНЫ

Зачем уносят счастье кликуны
В исчадие трагических промоин?
Как небо, я растроган и расстроен,
А в сердце дни тепла не спасены.
И с чувством подрастающей вины
Живу во сне, как неубитый воин.

Такой удел по мне, и что такого?
Я не считал свой временной запас,
На краткий миг даровано мне слово
В момент, когда томительно погас
Осенних ливней обнажённый час
И не осталось ничего живого.

Но прокричат, как трубы, кликуны,
Раскидывая надо мною крылья,
Что нет в ушедшей осени вины,
Что все мы будем скоро спасены
От жёлтых снов и алого бессилья
В святых отрогах горней стороны.

* * *

Столетье платежей и ипотек –
И кажется, что будет только хуже, –
Но так же на асфальте мёрзнут лужи,
И прячется в одежды человек.
Дорога к Богу разве что поуже.

Поуже, да ещё не всем видна –
Нет светофоров, постовых, разметки,
Лишь птицы красногрудые на ветке,
Целительница – полная луна,
И звёзды, заменившие таблетки.

Наш век сырыми войнами рождён,
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытаетесь даже.

* * *

Мир, возьми, в одночасье и рухни,
Только видно во мраке подпалом,
О несметном, срединном и малом
Часть меня размышляет на кухне.

Сквозь просветы я вижу, что некто
Ходит-бродит в тиши колоколен,
Вдоль немых параллелей проспекта,
Каждый вздох его, знаю, намолен.

Только встретиться нам не придётся:
Мы с ним в тёмных, затянутых ссорах,
Но сегодня в безлунных просторах
Нам рассвет приоткроет воротца.

СУГРОБЫ

Ты веришь сугробам? Они мудрецы:
Кого ни возьми, он и зорок и сед,
Учёт бесконечных и строгих бесед
Ведут от рождения зданий торцы:
Пред ними стоишь, одинок и раздет,
Ты – вечный ответчик, они же – истцы,
И так до скончания ветреных лет.

И кажется: только тебе невдомёк,
Когда был затеян морозный процесс,
Какой у сугробов действительный вес,
Но дворник решительный быстро помог –
И вот пошатнулся и твой интерес.
Быть может, тот дворник уже полубог,
Сошедший на миг с вдохновенных небес.

Не только твоё промерзает нутро,
Иди и смотри на сгущение масс.
Рождает минута межсуточный час,
Сплетение судеб вершится в метро,
И только великий горячий наказ
Приносит на землю с рассветом ядро:
Всё это создано Богом для нас.

* * *

Ты думала, кончилась сказка,
И я в строчных дебрях страниц,
Где холодно, ветрено, вязко,
Паду сокрушительно ниц.

И вечер – прощанья сподвижник –
Сотрёт в твоём сердце мой лик,
И я затеряюсь меж книг,
Как в озере снежном булыжник.

Возможно, права ты по сути:
Я вспылчив, заносчив и груб.
Но сходятся разные люди,
И книжку не сдаст книголюб.

* * *

Знаю, что ты, не уснувши,
Наносишь на прошлое штрих,
И наши не сходятся души,
И вой непогоды затих.

Снежинки спускаются робко.
К тебе я дойти не успел,
И вот между нами пробел,
Точка, тире или скобка...

Разные вводятся знаки,
Месяц в сомненьях навис.
После словесной атаки
Поставь между нами дефис.

* * *

Я знаю: расставанья не в чести,
Но свет подлунный в облаке завис,
И крысы бросили в углу скрести –
И нет в подполье суетливых крыс.

Прощайте, попрошайки-грызуны!
Я проживу без ваших цепких лап,
И солнца побеждающий нахрап
Ведёт меня в преддверие весны.

Разносчики бессонниц и чумы,
Предвестники крушенья кораблей,
Вы были возбуждением зимы,
И вы ушли, голодные, за ней.

* * *

Я снами зимними, казалось, обессилен,
Их проводы плаксивы, тяжелы,
Мне верится, блеск неземных светилен
Избавит мир от снежной кабалы.

Я не поверю льдистым челобитным
И удержу метели взаперти,
Слова и мысли полумраком слитным
К весне летят, уже на полпути.

Смущаясь, солнце подступает к тучам,
И луч пугливый, словно визитёр,
Бредёт в тоске по лежбищам скрипучим,
Как блудный сын, идущий в отчий двор.

* * *

Арсению Замостьянову

Мгновенья кружат в кольцевой атаке,
И жизни наступил полуфинал.
О чём ты думал и чего ты ждал?
Ты состоял с природой в длинном браке,
В нём листопад меняет снеговал
И греют звёзды – вечные гуляки.

Но до весны всего один вершок,
Все разойдутся, но поодиночке.
Зима уйдёт в разорванной сорочке,
Весна нажмёт на спусковой крючок
И, выпуская на деревьях почки,
Тебе подарит лето между строк.

Вкусив тепла, пророки и зеваки
Поделятся на псов и на щенят,
Осудят рай и устремятся в ад,
Не ведая, что из воздушной раки,
В дождях и вьюгах всепрощенья знаки
Им посылает Тот, Кто был распят.

Поэзия

Ольга Флярковская

Ольга Флярковская – поэт, театровед. Член Союза писателей России. Лауреат Литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2019). Победитель Международного поэтического конкурса имени поэта и воина Игоря Григорьева с вручением памятной медали Игоря Григорьева (2017). Лауреат Международного конкурса «Мгинские мосты» (2018). Победитель конкурса исторической поэзии поэтического фестиваля «Словенское поле» (2019) и других конкурсов и фестивалей. Организатор и ведущая творческого клуба «Чернильная роза» при Молодёжном историко-культурном комплексе «Особняк В. Д. Носова» (Москва).

Автор трёх книг. Стихи печатались в журналах: «Москва», «Двина», «Южное сияние», «Северо-Муйские огни», «Союз писателей», «Графит», «Плавающий мост», «Зарубежные задворки» и др.

Синичка Севера

ГДЕ ТЫ, ГДЕ ТЫ, МОЯ РОССИЯ?..

Где ты, где ты, моя Россия,
Край черничный, край аистинный,
Где о скалы гремят ключи,
Естества исполняя чин?..
Дупла беличьи там, куничьи,
Пересвист на опушках птичий,
Лешачиха живёт в лесах,
На ребят нагоняя страх.
Там опять ломают шляпы,
Там застыли в тумане цапли,
Охраняя болот покой,
Хоть потрогай его рукой,
Хоть подол окропи росой
Приозёрных лугов – густой,
Хоть печерский заслышав звон,
Лоб крести –
Всё как сон, как морок –
Этот край... Не пойму, чем дорог
Тот валун у семи дорог.
Только если забуду даже
Над Изборском пролёт лебяжий,
Переливы полей протяжных,
Сердце будет моё щемить
И щемить...
И тянуть обратно,
К терпеливым глазам Надвратной
В непроглядной сырой дали,
Где кустарник рассыпал бусы,
Где укрыты от глаз убрусом
Все сединки родной земли.
Там крестами и лапки птичьи...

По зарубкам, следам, отличьям
Я найду тебя. Я найду,
Край черничный, край аистинный,
Нищетою своей низины
Мне написанный на роду...

СИНИЧКА СЕВЕРА

В Москве рябины покраснели –
а значит, ранней быть зиме,
и день июльский днём осенним
сегодня кажется вполне.

Ещё вчера шестое чувство
гнало мечты за горизонт,
а нынче – в полдень светит люстра
и сохнет в ванной чёрный зонт...

А! Плюнь на это, в самом деле,
столице дань отдав в сердцах!
Мы удерём на две недели,
исчезнем в порховских лесах!

Билет плацкартный так ли дорог?
И путь – всего-то ночь одна.
Там вётлы встали на пригорок
и соком брызжет бузина...

И пусть хоть дождь, хоть ветер в клочья
бельё с верёвок оборвёт, –
нас книги ждут у лампы ночью,
а утро к озеру зовёт!

Где с комарьём не будет сладу –
черника спеет в сосняке,
и никаких морей не надо
с такой синичкою в руке!

«ПСКОВ – МОСКВА»

Эх, Россия... сёла, огоньки,
В сизом небе жёлтые дымки
Изогнулись, что хвосты кошачьи...
Тянутся болота и леса...
Убранное поле, голоса
Стаи последних кличут или плачут.
Зов могу я только угадать
Из окна вагона... Снова гать...
Семафор над лентою дорожной...
Станция с окошками в резьбе...
Малая зарубка на судьбе,
Тихий вздрог предчувствия под кожей,
Память крови – это ли не чушь?!
Но когда едины все пять чувств
В странном узнавании и боли,
Понимаю: потому жива,
Что ломаю сердце на слова,
Словно хлеб октябрьской юдоли...
Здесь ложится горечь на уста,
Здесь обычный счёт идёт от ста
Километров и потерь военных...
Молчаливо катится состав,
И на север тянутся места,
И комком в груди – стихотворенье...
Порхов, Локня, Жижица... Двина
На маршруте точкою видна.
Чуть мелькнёт, и вот – уже разлука...
Псковщины предзимняя тоска
В ломоте у правого виска
И стоянка на Великих Луках.

ЛЕНИНГРАДКА

Завитками позднего ампира
Стёкла разукрасила зима.
Вымершие гулкие квартиры.
Лютый холод. Утро. Голод. Тьма.
Женщина в обмотках... баба Тоня!
Ты едва бредёшь, не чуя ног,
На твоих руках уже не стонет
Крохотный двухмесячный сынок.
Ты как тень среди других страдальцев –
Еле-еле бьётся жизни нить.
Надо на Смоленском в одеяльце
Младшего в сугробе схоронить!

Скрыты звёзды напрочь туч рогожей...
Времени река не льётся вспять!
Бабушка, ах, если б было можно
Вам тепла и хлеба передать!
...путь домой лежит в январской стыни,
Ни собак. Ни галок. Ни огней.
Да вовек твоё святится имя
В беспощадной памяти моей...

В ПАЛОМНИЧЕСТВЕ

Остеофиты битого асфальта,
Мир двухэтажек, близь черничных троп,
И синяя полуночная смальта,
И сосенок предутренный озноб.

Шершавые осанистые стены,
Владычицы Печерской тихий лик...
Платочки скорби бабушек согбенных
И первые автобусы «калик».

И ты, моё возлюбленное поле,
За мощным взмахом крытых жестью стен
Зовёшь меня на якорь из неволи –
Эпохи бесконечных перемен.

Живое поле, в вышках марсианских,
Рассветную впитавшее зарю...
Из всех даров, мучительных и царских,
Я за тебя судьбу благодарю.

6 ИЮЛЯ

Лист крапивы не жалится,
Чуть коснувшись руки.
Аграфена-купальница.
Заводь тихой реки.

Оглянусь – нет свидетелей?
Лишь мальки на мели.
Солнце огненным петелом
Полыхает вдали.

Сход найду за осокою,
Окунусь с головой
В лепетань синеокою
С животворной водой...

Словно белая горлица,
Вновь ступлю на траву –
Кто сегодня омоется –
Будет год на плаву!

АВГУСТ

Тянет нивяник зелёные шейки,
Взгляд колокольчика свеж, как и прежде.
Дождь-непоседа из старенькой лейки
Вымочил луга цветные одежды.

Ягодник-август, напевник, рассказчик!
Трудно мне будет с тобою расстаться!
Сыростью тянет из порховской чащи,
Ранит осока неловкие пальцы,

Ноет комар-пустозвон, не смолкая...
Спросите: что тебе дорого в этом?
Может быть, это причуда такая,
Может быть, это такая примета –

Кровью черники окрасив ладони,
Тихо смотреть, как у самой дороги
Аисты ходят, что белые кони,
Пряча в траве голенастые ноги?

Август – скитов потаённых смотритель,
Инок Никандровой пустыни дальней...
Тянутся дней паутинные нити,
Полнит вода ключевая купальни...

ИЗБОРСК

И быстрые и медленные воды,
на городище – ветер и простор,
и ясные прощальные погоды,
и августа рябиновый убор,

и робкое дыхание Успенья...
Три Спаса, отзвонившие зарю.
«Пусть будет всё по Твоему хотенью», –
я медленно и тихо говорю.

Купель охватит обжигом студёным!
Сгорят грехи, и, в дар от этих мест,
Блеснёт на солнце алый листик клёна –
Родной земли живой нательный крест.

ИЗБОРЯНКА

Тайна сия в простоте глубока:
Озеро, лебеди, небо, река,
Волны холмов, убегающих вдаль,
В небе закатного солнца медаль.
Грозной Рябиновки мощная кладь,
Дышит невидимо здешняя рать.
Труворов крест коренаст и шершав,
В теле лампадки мерцает душа.
Плачут, звенят и ликують ключи.
В роще за кладбищем ветер ворчит.
Храм запрокинул седую главу,
Так и застыл, белым сном наяву.
Северной розы дрожат лепестки,
Пары лебяжьей скольженья легки...
Там, где лишайником скрыта скала,
Я благодать из ладоней пила.
Я изборянкой когда-то была...

ПОЛЕ ЖИЗНИ МОЕЙ

Не озарением – нравственным выбором
Станешь однажды ты, поле под Выборгом,
Поле за Троицком, поле печорское,
Поле рязанское, тульское, орское.
Поле в ухабинах, поле несжатое,
Поле, подбитое снежною ватой,
Поле, залитое кровью рассветною,
Поле с ромашками – детское, летнее,
Русское море, росистое, пряное,
Поле, как сердце, в терпенье упрямое...
Поле – полон городской разрешившее,
Поле с печальным эпитетом «бывшее».
Поле, тебя перейду я когда-нибудь
В жар августовский, в январскую заметь ли,
Стану у края, такая обычная...
Вдруг мне платочком махнёт земляничина –
В колкой стерне или в снеге протаявшем!
Или в глазу оказалась ресничина?
Или я в сонном блуждании давешнем?
Так и стою, и не чую обочины...
Сок земляничный, сомнения кончены.
Август, и облака белое сочиво.

Берега юбилеев

Владимир Костров

**Поздравляем Владимира Андреевича с 85-летием!
С благодарностью за огромный талант и литературные открытия
желаем бодрости, энергии, любви, гармонии, процветания
и новых творческих успехов!**

Владимир Андреевич Костров – поэт, переводчик, драматург. Родился 21 сентября 1935 года в деревне Власиха Боговарского района Костромской области. Окончил МГУ имени М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы. Член СП СССР с 1961 года. В 60-х годах был заведующим отделом в журнале «Техника – молодёжи», работал в журнале «Смена». С 1980 по 1986 год был секретарём СП Москвы. С 1986 по 1992 год был заместителем главного редактора журнала «Новый мир». Профессор Литературного института имени А. М. Горького. Автор двадцати пяти стихотворных книг. В настоящее время – председатель Международного Пушкинского комитета и вице-президент Международного Пушкинского фонда «Классика». Лауреат Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (2018). Лауреат Всероссийских премий имени А. Т. Твардовского (1998), И. А. Бунина (2000), Н. С. Лескова (2012), «Большой литературной премии России» СП России (2002), Литературной Бунинской премии (2010), Международной Лермонтовской премии (2012).

ПАРАД ПОБЕДЫ

Пробежала трава по опушке.
Над рейхстагом развеялся дым,
И запели царевны-лягушки
По прудам и болотам родным.
Поднимались хлеба и бурьяны,
И катилась к востоку война,
Присыпала кровавые раны
Белым цветом черёмух страна.
Лишь в июне по воле кремлевской,
Лишь когда расцвели васильки,
На горячем коне Рокоссовский
Объезжал фронтовые полки.
Сапоги, плащ-палатки и каски –
Прост и грозен военный наряд.
Мелкий дождик, неяркие краски,
Над сердцами мерцанье наград.
Все готовы по залпу орудий
По брусчатке впечатывать шаг.
И крутые, железные люди
На гранитный взошли саркофаг.
Первым тот, на которого ропщем,
И доселе, поверьте, живой,

Невысокий, рябой, и всеобщий,
И сегодня у каждого свой.
Иностранцы глядели с опаской,
Как в мундире, как будто в броне,
Выезжал из-под звонницы Спасской
Красный Маршал на белом коне.
И пошли они твёрдо и резко –
У знамён боевые клинки –
Сталинграда, и Крыма, и Бреста,
И балтийских кампаний полки.
И в разрывах салютного дыма,
Что над площадью вился роясь,
Непреклонно, как глас Серафима,
Барабанная дробь раздалась.
И по знаку командной десницы
Вдруг сомкнула Москва берега.
И упали, как мертвые птицы,
Боевые знамёна врага.
А полки уж почти бестелесны,
Растекаясь на два рукава,
Шли по спуску, где Чудом Небесным
Открывался им Храм Покрова.

* * *

Когда луна в своей четвёртой фазе
Монгольской девой припадёт к окну,
Я от мостков на рыболовной базе
Двухвёсельную лодку оттолкну.
И золото воды, стекая с вёсел,
Там за кормой оставит буруны,
И божий мир, не знающий ремёсел,
Откроет все четыре стороны.
Я поплыву по световой дорожке
Вослед за незаметным ветерком,
Туда, где лилий детские ладошки
Сомкнутся к ночи над своим цветком.
И в медленном теченье речки сельской
Затрут за мною мокрые следы.
Лишь маковки, похожие на сердце,
Лягушками проглянут из воды.
Какой наив разлит на росных ивах,
Какой мотив овладевает мной,
И пошлый шум спесивых и глумливых
Останется у лодки за кормой.

* * *

Ещё горит сияющая млечность
И молода вода в ночной реке...
Мои друзья уходят в бесконечность,
По одному уходят, налегке.
Освободившись от земного груза,
Я верю, что они идут на свет,
А там поёт пленительный Карузо
И сладкие стихи читает Фет.
Здесь ходики стучат неутомимо,
Пылают звёзды и шумят леса.
О, Господи, я верю в чудеса!
Но отчего печаль неутолима?

* * *

Беру костыль – опять меня мотает –
И самому себе твержу: держись! –
Презренного металла не хватает
На скромную оставшуюся жизнь.
И точно, не оставлю я наследства
Благодаря аптекам и врачам.
Мне много лет. И я впадаю в детство.
И мама не утешит по ночам.
Но продолжает Божий мир вращаться,
Наркоз стихов кончается уже –
И лишь душа не хочет возвращаться,
Таится, словно утка в камыше.
Мир полон и больных, и без гроша.
Но унывать – нестоящее дело.
И потому прошу тебя, душа,
Не покидай страдающее тело.

ЗАЧЕМ?

Зачем я видел белый свет,
Где цвёл кипрей и пели птицы,
Где солнце, как велосипед,
Вращает золотые спицы?
Зачем я слушал шорох звёзд,
И вновь соединяюсь с мраком,
И мир на мне поставит крест
Кладбищенский за буераком –
С неодолимой глубиной,
Под медной лунною печатью,
С неопалимой купиной,
С неутолимою печалью?

* * *

В гудках портовых сухогрузов,
Где чайки белые парят,
В одесском Доме профсоюзов
Русскоязычные горят.
Горят в побоях и проклятьях,
И понимая наконец,
Что память о Солунских братьях
Тупых не трогает сердец.
По этажам пустого зданья
Лишь пепла чёрная бразда,
Где от Христова состраданья
Отмежевались навсегда.

* * *

С историческим временем слился
Он, оставивший нам на века
Ту гармонию звука и смысла,
Тот бессрочный масштаб языка.
Мы кичимся эпохой иною,
Чтоб служить одному животу,
С безразмерной своей болтовнёю
В темноту мы идём, в немоту.
Слово Пушкина ясно и красно
И сегодняшней жизни полно,
Потому что оно сообразно
И, как Бог, соразмерно оно.

* * *

Как близкий гром,
Гремят метеосводки,
Грозой грозя.
Теперь тебе ни водки,
Ни молодки
Почти нельзя.

Не примеряется
К небесным высям
Твоя звезда:
Ты так печально
Метеозависим
Стал навсегда.
Ты стал почти
По шучьему веленью
Зависим от
Барометра, рецепта, и давленья,
И неких льгот.
Пред внешним
Непреложным содержанием
Твой пыл угас.
Но будит ночью
Раздражённым ржаньем
Тебя Пегас.

ДАВНЕЕ

Сентябрьская пора кустодиевских красок,
Беспечных воробьёв крылатая лапта.
День холоден чуть-чуть, но солнечен и басок,
И потому в душе сплошная лепота.
У нас в саду петух сидит на новой бане,
Кричит на свой гарем картавым говорком,
А в банной глубине, в сплошном парном тумане
Ты веником шуршишь и пахнешь молоком.
Восторженным глазам прозрачны даже стены,
Они и лист стальной готовы проколоть.
Когда же, наконец, как в древности из пены,
Появится твоя сверкающая плоть?
Я, кажется, рискну туда к тебе ворваться,
Чтоб жаркий пар смешать с осенним холодком.
Я визга не страшусь, мне ль веника бояться,
Неужто ты меня остудишь кипятком?

* * *

Когда померкнет в небесах,
Стихают стрелки на часах,
Я засыпаю. И во сне
Ты возвращаешься ко мне.
Ко мне тыходишь босиком.
Сверчок поёт за косяком,
И гладит волосы слегка
Твоя прозрачная рука.
И комната моя светла,
Как от парного молока,
И как астральные тела,
Летят по небу облака.
И этот шорох, этот свет

Смиряет горечь долгих лет,
И ветер ночной в печной трубе
Поёт негромко о тебе.

Г. К.

Не повернуть направо и налево,
Былых забав не воротить назад,
Гляжу вперёд, как улетает в небо
Моих страстей печальный стратостат.
Во мне обыденные фас и профиль,
А все грехи закрыты на замок.
Остались только жидкий чёрный кофе
Да сигаретки голубой дымок.
Теперь беру за ручку только палку,
Чтобы вживую перейти бульвар,
И в гастроном явлюсь, как на рыбалку,
Как по грибы, отправлюсь на базар.
Но всё же я люблю и жизнь такую
И скорого ухода не ищу,
Но, признаюсь, по прошлому тоскую
И по весёлой нежности грущу.

* * *

Все заботы уйдут. Все обиды простятся,
Мне бы только дойти до того хуторка,
Где свободною грудью дышит пространство
И ликующий свет излучает река.
В горькой памяти льётся тропинка витая
И высокие птицы смелы и вольны
Там, где мама смеётся моя молодая
И целует отца: он вернулся с войны.
Я устал. Я измучен тоской неживою,
Окаянному сердцу так нужен покой.
Я б уткнулся в подол ей седой головою,
Я б отцовских медалей коснулся рукой.
Дорогие мои, вы записаны в святцы,
И пространство молчит, как приёмный покой.
Не будите меня. Не хочу просыпаться.
О, мой сон золотой. Мой сон золотой.

* * *

Я вспоминаю всё пуше и пуше
Рубленный дом, на верёвках бельё,
Спелой черёмухи райские кущи,
Ясное солнышко – детство моё.
Мама с цыплятами в пёстром подоле,
Сжатых полос золотое жнивье,
Дальняя песня и чистое поле,
Ясное солнышко – детство моё.

Солнце в снопах и луна над амбаром,
В сенях – телёнок, в саду – соловей.
Всё это было мне отдано даром
Кроткой душою – Россией моей.
Слушать и слушать бы шелест берёзы,
Видеть лицо молодое твоё.
И вспоминать сквозь счастливые слёзы
Ясное солнышко – детство моё.

* * *

Вот и ветер затих полевой,
Вот и красное солнышко село.
Я ныряю седой головой
В молодое пахучее сено.
Каждый шорох болота сосут.
Выползает туман из оврага.
В тихий пруд, как в стеклянный сосуд,
Наливается лунная брага.
Колыбельную песню пропой
Надо мной, соловейко безвестный,
Уведи моё сердце тропой
В край, где свет затаился небесный.
Надо спать. Надо спать. Надо спать.
Светлячки догорают, как свечки.
Может быть, мне привидится мать
На родном деревенском крылечке.

* * *

Кружатся комары, как рой веснушек,
В росе дымятся песни и стихи,
В пруду поёт весенний хор лягушек,
И «петуха пускают» петухи.
Не говори, что счастьем нет возврата,
И по ветру тоску свою развей.

Давай поверим, что душа крылата,
Когда в саду лютует соловей.
Весна пришла! Забудь о зимнем мраке,
Нам и сейчас влюбляться не слабо.
В манишке дрозд.
Скворец в концертном фраке.
Ударник дятл в малиновом жабо.
Попробуем опять на годы плюнуть
И отодвинем стрелки на часах.
У птишек червячки и ноты в клювах
И юркие горошинки в глазах.
И солнышко прищурило ресницы,
И в роднике курлыкает вода.
И мы с тобою тоже будем птицы,
И улетим однажды навсегда.

ОСЕННЕЕ УТРО

На часах половина восьмого,
Синий иней на поздних цветах.
Всё, что было, – об этом ни слова.
Всё, что будет, – известно и так.
Счёт не кончен. Итог однозначен.
Мир лишь помыслом внешним храним.
День осенний колюч и прозрачен,
Лист опавший ветрами гоним.

Как ракитовый куст, облетаю,
Словно яблони в стылых садах.
Обретаю себя, обретаю
И твердею, как лёд на прудах.
Я готовлюсь метельным набегом
Раствориться в бескрайних краях,
Белым снегом, торжественным снегом,
Звёздным снегом лежать на полях.

Берега юбилеев

Сэда Вермишева

(1932–2020)

Поэт, публицист, учёный, общественный деятель, член Союза писателей СССР и Союза писателей России, лауреат многих государственных и литературных наград.

Гармония в поэзии Григория Блехмана

***Поздравляем ровесника Победы Григория Блехмана с 75-летием!
Творческих свершений, светлого вдохновения, новых книг!***

Прежде, чем я познакомилась с поэтическим творчеством Григория Блехмана, мне доводилось читать комментарии этого поэта, прозаика, публициста и литературоведа на широко известном сайте Союза писателей России «Российский писатель», щедро дополнявшие и обогащавшие публикуемые материалы. Эти комментарии не были ни сухи, ни запрограммированы. Напротив, в них ощущалась полная искренность, уважительность и доброжелательность, какие могут быть лишь при неподдельном интересе к комментируемому тексту. А также – глубокое знание лучших произведений мировой литературы.

И вызывало удивление, что в наше прагматичное время ещё есть люди, способные на бескорыстную самоотдачу и служение. Хотя и известно, что заразительны дурные примеры, в данном случае такое утверждение не работало. Заразительно было благородство и добрый пример Григория Блехмана: хотелось поучиться и перенять у него это чувство долга и ответственности не только перед отдельным человеком, но и перед чем-то большим – перед обществом. Возможно, это большое называется общественным интересом, а люди, служащие ему, – альтруистами. Вспоминаются слова одного из общественных деятелей, сказавшего, что, когда в обществе умирает альтруизм, умирает и само общество.

О тончайшем же поэтическом вкусе и чутье Григория Блехмана на таланты я узнала, прочитав его рецензии на произведения немало числа современных поэтов, а также поэтов Серебряного века и Великой Отечественной войны. И одна из этих статей – о достаточно широко известном и почитаемом поэте наших дней, о котором думала, что он лишён кругозора и глубины лирического чувства, перевернула моё представление о нём. Стихи, что представил в ней Григорий Блехман, и его комментарии, убедили меня в моей неправоте.

Уже потом я прочла изданный в 2016 году сборник его стихов «У каждой строчки есть подстрочник». Эти стихотворения не укладывались в мои устоявшиеся представления о поэзии русской классической школы – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Есенина, Маяковского, Цветаевой..., проникнутых мятежным духом, жаждой бури, где эта жажда была естественным, имманентным состоянием души каждого из них. «Пусть сильнее грянет буря!» – призывал Горький. У Лермонтова читаем: «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!» А через столетие у Блока: «Покой нам только снится... Покоя нет!»

В книге Григория Блехмана «У каждой строчки есть подстрочник» я не увидела ни жажды бури, ни поиска покоя в буре, что непонятно для обывателя и так естественно для природы мятежной, для которой покой – синоним почти что смерти, ни жажды мщения по Пушкину: «Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу. / Твою гибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу», нет и мыслей о гневе и мятеже, пронизывающих поэму Александра Блока «Возмездие». Байроновский мятежный дух, ощутимо задевший своим крылом русскую поэзию, передав ей своё бунтар-

ское начало, обошёл поэзию Григория Блехмана. А ведь так страстно призываемые русской поэзией мировые бури сегодня уже стали грозной реальностью, и призывать к ним в наше время не имеет смысла – они на пороге.

И в своих духовных исканиях поэт (а поэты, как известно, провидцы) обратился к поиску гармонии мира, к его познанию, а не к преобразованию, с целью самовластно вписаться в него, не бунтовать, не разрушать (вспомним: «Весь мир насилья мы разрушим / До основанья, а затем...»), а созидать, не разрушая, поверить в провидение, а не высокомерно усомниться в нём, вписаться в законы мироздания, быть его малой частицей, а не противопоставлять ему своё «я». Такой я ощутила поэзию Григория Блехмана, прочитав предыдущий его сборник «У каждой строчки есть подстрочник», где поэт как бы заранее предупреждает о том, что поэзия – отражённый свет этого подстрочника, которым и является жизнь. В этом я увидела принципиальную позицию автора, являющуюся, на мой взгляд, велением времени и ответом на его вызовы.

* * *

И в новом сборнике «Живёшь, свою книгу листая», куда вошли избранные стихотворения поэта, Григорий Блехман остаётся верен принципу верховенства подстрочника, то есть самой жизни над её художественным воспроизведением.

Но прочтение этого подстрочника и воплощение его в художественном произведении видится Григорию Блехману не пассивным, подчинённым подстрочнику актом. Поэт склоняется над подстрочником и перед подстрочником, чтобы не только его прочесть, но и уточнить заложенные в нём помыслы: «Поскольку там ещё не точно / Располагаются слова», пишет он. И вся книга стихов, о которой идёт речь, – уточнение подстрочника, в том числе и для самого себя: для выбора и определения целей собственной жизни, её приоритетов и императивов. Задачу свою Григорий Блехман видит в том, чтобы определить и выразить в слове понимание своего места и предназначения в жизни – суметь адекватно выразить в слове эти смыслы. Потому что «Пока живёшь, ты волен мыслить / И волен для себя решать, / Каким свой путь наполнить смыслом / Или, куда направить шаг...», пишет он. А оставленная провидением человеку свобода выбора и реализация этой свободы и поступков, принятие или непринятие тех или иных положений и определяют тебя как личность.

И Григорий Блехман видит здесь двух авторов этого процесса: это жизнь без персонификации и персонифицированная личность – в данном случае поэт и его право выбора и утверждения для себя того или иного варианта поведения. На протяжении всей книги – от стиха к стиху – поэт делает это, выстраивая и утверждая свою систему ценностей с заложенной в неё единой первоосновой. Такой первоосновой является для него идея служения Человеку в высоком значении этого слова. Его сокровенное желание: «Мне б томиком стать в дорогу, / И кто-нибудь взял читать...» И можно только восхититься, как просто, трогательно, даже по-детски выражена Григорием Блехманом эта идея служения.

Нельзя также не отметить покоряющей искренности и скромности автора этих строк. И эта скромность – не показная и не случайная черта, а утверждается поэтом как принцип: «Уметь довольствоваться малым – / Не значит малое уметь...» То есть уметь довольствоваться малым и при этом многое уметь, наверное, можно прочесть, как предчувствие возможной перспективы, когда волей-неволей придётся довольствоваться малым. В таком случае умение многого – неопределимо, так как выходит на первый план. Как уместны эти слова для современного общества потребления и культа сибаритства в условиях нарастающего дисбаланса между потребностями человека и возможностями их удовлетворения существующей экосистемой.

И так от стихотворения к стихотворению Григорий Блехман, «свою книгу листая», делает выбор, который определяет его как личность: «Каждый из нас состоит из поступков – / В них наша суть. Потому и молва / Только поступки хранит неуступно. / А остальное – пустые слова».

Или другое:

О том, что было, не жалею,
Хотел бы лишь в какой-то час
Запомниться не юбилеем,
А чем-то сделанным для вас –

Поступком ли, удачной строчкой
Из многих строчек или дел.
И только этим, знаю точно,
Запомниться бы вам хотел.

Для большей убедительности приведу некоторые строки и других стихотворений:

Не надо ждать, когда оценят,
Когда придут и позовут,
А делай только то, что ценишь,
И это не считай за труд.

Вряд ли стоит комментировать эти строки. Впрочем, как и следующие:

Хотя в сегодняшней России
Поэт не «больше, чем поэт»,
Поэзия всегда вносила
В духовное пространство свет.

И там, не ведая пределов,
Струится он из века в век,
Чтоб никогда не оскудело
Для нас понятие – «Человек».

Трудно не обратить внимание, что Григорий Блехман – рыцарь понятия «Человек». Оно для него, как и звание поэта, не девальвировалось, а звучит по-прежнему высоко и обязывающе. Поэтому привожу и другие строки его стихотворений, говорящие об этом:

... Не требует того поэта
«К священной жертве Аполлон»,
В ком боль людская без ответа
Идёт в порожней рифмы звон.

Листая книгу, мне хочется приводить и приводить стихи и строчки Григория Блехмана, настолько они говорят о главных проблемах нашего времени – тенденции к утере в человеке духовности и солидарности, чувства человеческой общности, сознания ценности этих качеств, о вульгарном индивидуализме и многом другом. В подтверждение приведу ещё несколько стихотворений этого сборника:

Можно быть интересным себе,
Но другим ты тогда интересен,
Когда главный мотив твоих песен
Станет песней о каждой судьбе.

Или другое:

Не рождается истина в споре:
Спор нередко приводит и к ссоре,
А для истины есть диалог,
Где удобно услышать друг друга,
Где не дышат ни бури, ни вьюга –
Только слово...

И что ты в нём смог.

А ещё читаю у Григория Блехмана: «И только каждый выбирает, / Как жить ему среди людей». И логическим продолжением этой мысли идёт переход от ответственности индивидуальной к ответственности коллективной. В частности – за трагедию, постигшую страну в перестройку и продолжающуюся в постперестроечный период. Эта боль поэта выражена в его гражданском цикле с лаконично «говорящим» названием: «И сами мы тому виной», в котором отчётлива мысль о том, что только коллективное усилие может вывести страну из затянувшегося и усугубляющегося кризиса:

... Поэтому и перспектива
Сейчас для каждого одна –
Воспрянуть всё же ото сна,
Вернуть недавние мотивы:
«Души прекрасные порывы»,
Чтобы и наши имена
Хранила в памяти страна.

Достигнуть этого не просто, когда нарушены или подменены понятия, иерархия которых, в том числе и при соотношении между общим и частным, чётко обозначена в уже приводимых стихах Григория Блехмана.

И переходя к конкретным явлениям сегодняшней жизни, поэт сохраняет эту – принятую для себя – субординацию понятий:

Я не жил в коммунальной квартире,
Но я жил в коммунальной стране,
Что была и добрее, и шире,
Чем пришедшая ныне извне.

Мы умели тогда свои песни
Петь без фальши и импортных фраз,
И мечтали, и строили вместе –
Всё, чему разучились сейчас...

А теперь мы в отдельных квартирах,
И давно нет в нас общей мечты,
Потому и от внешнего мира
Всё сильнее приток пустоты.

Если говорить о прошлом без идеализации, то надо отметить, что нарушенный баланс частного и общего в пользу общего в советской системе стал одной из причин гибели СССР. Нынешний же резкий немотивированный крен в пользу частных интересов привёл к тому, что мы наблюдаем сегодня и что грозит ещё большими бедами в недалёком будущем. И Григорий Блехман не обманывает в этом вопросе ни себя, ни читателя:

К чему придём, никто не знает
В «стране рабов, стране господ»,
Где с каждым днём всё больше тает
Надежда на иной исход...

Здесь можно было бы поставить точку. Но не в природе этого поэта ставить её на самой, может быть, пессимистической строке. Потому что Григорию Блехману принадлежат и такие слова: «За грехи и осудите строго, / Но вину не ставьте мне в укор – / Я искал лишь главную дорогу, / Где живёт надежда на простор...» И ещё: «Если прошлое реально, / Есть надежды на мечты». И это безоглядное, рвущееся из самых недр души желание «Всё отдать, завещать и расставить, / Что-то, может быть, и разбросать... / А себе я хотел бы оставить / Чистый лист и возможность писать» – для меня отчётливо характеризует личность этого поэта.

Я могла бы привести ещё много слов, строк и стихов, свидетельствующих о полной самоотдаче Григория Блехмана Его Величеству Слову. Именно той самоотдаче, которую Борис Пастернак называл целью творчества.

* * *

Та же мировоззренческая основа заложена и в его лирике, пронизанной светлым чувством дящегося благодарения за дарованное судьбой счастье любви – чувству, которому незнакомо прошедшее время. И мне очень хотелось бы видеть их изданными отдельной книжкой. Настолько эти стихи

о самом сильном на земле чувстве являют собой по мироощущению единое целое, отдельный мир, где неуместно слово «был»: «Ведь те, кого я так любил, / С течением времени всё ближе – / Их всё ясней с годами слышу, / Так и не тронув слово “был”».

В том же ключе написаны и стихотворения, посвящённые родным и близким, собратьям по перу.

И таким удивительным, проникновенным сопереживанием наполнены стихи Григория Блехмана о войне. Конечно, в этом определённую роль сыграло то обстоятельство, что поэт родился в семье фронтовиков в год нашей Великой Победы. Но всё равно, для того, чтобы стихи воспринимались, как написанные непосредственным участником боевых действий, нужен особый дар, ниспосланный свыше. Потому что такую достоверность и силу сопереживания редко встретишь даже в стихах поэтов-фронтовиков:

Нам только выполнить приказ
И за высотку зацепиться,
Но пулемёты косят нас
И вниз укладывают лица.

Всё это будто бы во сне –
И васильки, и стон, и лица,
Но есть приказ, и нужно мне
За этот выступ зацепиться.

И хоть осталась горстка нас,
Ещё чуть-чуть, и мы осилим...
Но там ведь тоже дан приказ,
И на кону лишь «или-или»...

Потом – такая тишина,
И в ней мотивом колыбельным
Высотку чувствует спина...
И выдох входит в мир отдельный.

Здесь соединились два взгляда, два видения случившегося: солдата живого и солдата погибшего. Монолога солдата погибшего мы уже никогда не услышим. А если бы услышали, возможно, он был бы похож на строки из другого стихотворения Григория Блехмана из этого же цикла:

День ото дня, из века в век
Друг друга где-то убивают.
И, не успев уйти, всплывает
Вопрос: «Чем болен человек?»

Зачем стремится на крови
Создать себе благополучие?»
Мирская жизнь ведь – только случай
С одним напутствием: «Живи!»

В стихотворении ещё есть одно четверостишие, но я позволю себе привести его как самостоятельные финальные строки всего, о чём уже сказала:

... День ото дня, из века в век –
Свой путь земной пройди достойно,
Чтоб в мир иной входя, спокойно
Произнести: «я – Человек».

И эти строки можно считать основой мировоззрения Григория Блехмана, отчётливо отразившегося в его новом сборнике избранных стихотворений, который, не сомневаюсь, внесёт свежую струю в нашу литературную жизнь и поэтическое восприятие души.

Берега Памяти

Михаил Фёдоров

Михаил Иванович Фёдоров окончил ВГИК, сценарный факультет. Член Союза писателей России. По профессии адвокат. Автор книг, вышедших в Москве: «Ментовка», «Сестра милосердия», «Пузыри на воде», в Воронеже: «Рыканский поворот», «Пусти ме да гинем», «Легионеры трясины», «Ноль-один, ноль-два, ноль-три», «Пёстрые вёрсты», «Ольга Алмазова», «“Громкие” дела писателей», «Человек Чернозёма», «Ролан Алан» и др. Автор серии «Замечательные люди Воронежского края». Печатается в журналах: «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Воин России», «Роман-журнал XXI век», «Новая книга», «Россияне», «Искатель», «Сельская молодёжь», «Братина», «Адвокат», «Полиция России», «Урал», «Дон», «Подъём», «Сура», «Дальний Восток», «Южная звезда» и др. Автор публикаций в «Литературной газете» и газете «Литературная Россия». Живёт в Воронеже.

Егор Исаев: «От нерва Бондарева можно прикурить»

Сердце содрогнулось при известии, что ушёл из жизни Юрий Бондарев, родоначальник «лейтенантской прозы», честный, не покрывивший совестью, защищавший родную землю, свой народ. И теперь, ощутив всю глубину утраты, мне хочется вспомнить, как отзывался о «Юре» – так называл писателя-фронтовика его друг, поэт Егор Исаев.

Он сказал: «Юра Бондарев – он действительно думающий. Он не просто думающий, а нервно думающий. От его нерва иногда можно прикурить».

Вспоминаются встречи с Егором Исаевым, когда он говорил о Юрии Васильевиче...

Одна состоялась 25 августа 2007 года. Из неё я узнал, какую роль сыграл Бондарев в судьбе поэта... Благодаря ему Егор Исаев стал студентом Литинститута...

Я тогда спросил:

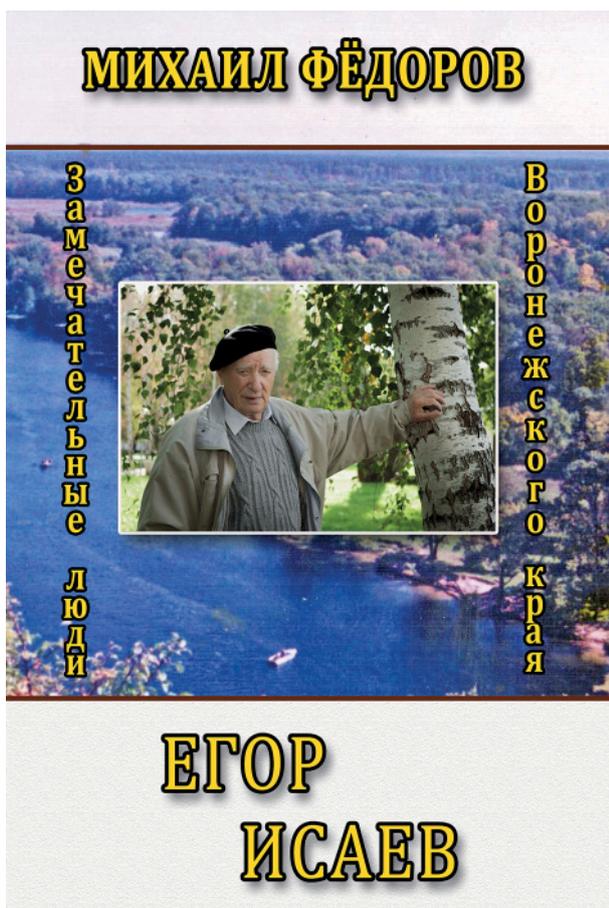
– Егор Александрович, в протоколах Воронежской писательской организации написано: «Решается вопрос о направлении в Литинститут Егора Исаева».

Исаев:

– По-моему, такого не было... Я даже не знал, есть ли она, воронежская писательская организация... А поступал в Литературный институт без воронежской писательской организации. Мне в армии предлагали остаться. Я всего лишь младший сержант, а печатался в Москве. Нас задержали. 25-й и 26-й год рождения. 26-й год, он «пострижен» был, техника уже есть, а 25-й год лёг весь... Я, подтянутый, в форме, гвардии младший сержант... Ведь у кого-то был очень заботливый ум, который очень всё понимал. К сентябрю месяцу тех, кто 26-го года рождения и имеют среднее образование, отпустить, чтобы они успели поступить в вуз! Соображал кто-то.

– И вас отпустили?

– Приехал начальник политуправления Центральной группы войск, это под Веной. Генерал-лейтенант Кладовой. И редактор Жуков. И они меня упрасивали: «Товарищ младший сержант», или «Товарищ Исаев. Вы журналист. По штату должность капитанская, майора». А я в штат не входил, но мои материалы были хорошими, да и в Москве меня печатали. «Мы вас посылаем на курсы во Львов, в политическое училище. Отделение журналистики. Проходите курсы, мы вам даём звание старшего лейтенанта, и вы остаётесь в военной редакции». А я уже в армии семь с половиной лет! Я, может быть, и согласился бы, но у меня было два письма от Долматовского и от Грибачёва. Грибачёв ведал поэзией в «Советском воине», он тогда «Красноармеец» назывался. А Долматовский – в «Смене». И ведь надо же, младшему сержанту – в Литинститут! Не уговорили меня из политуправления. А направление у меня на Бобров. Все проездные оформля-

ются туда. Откуда призвали, туда и направляли. А я – на Москву.

А пока они меня уговаривали, время-то шло. Меня не отпускали. Я приехал в Москву – знаю, что я опоздал – на Киевский вокзал. Потом на метро до Арбата, и всё равно, беги не беги, ползком ползи, время прошло. Так я бегом от Арбатского метро. Бульвар Тверской, 25. Литинститут. Какой наив, который не соглашался с доводами головы! Пришёл, на второй этаж, заведовал кафедрой творчества Василий Александрович Смирнов. Отличный прозаик. Нет, не тот, что писал «Брестскую крепость». Я: «Вот к вам...» А он на меня посмотрел и засмеялся: «Уже и занятия идут. Вот видишь. Комиссия распущена. Всё». Я поворачиваюсь и спускаюсь вниз. Выхожу в сквер, стоит один в офицерском кителе. Следы от погон. Он говорит: «Младшой, ты чего такой?» Да я-то, родной, Господи, к нему: «Да вот, опоздал». И всё это ему рассказываю. «Как – опоздал? Это армия опоздала. Пойдём». За руку – и меня опять к Василию Александровичу. И Василий Александрович уже не мне объясняет, а ему: «Ведь никакой же рекомендации!» Обычно рекомендации от писателей, ну ничего же нет. «Ну, как?»

И когда он сказал о рекомендациях, я вспомнил: «Да у меня письма есть». – «Какие пись-

ма?» – «От Долматовского и Грибачёва». – «Чего же ты не говорил?» А Грибачёв в это время уже был секретарём Союза писателей СССР. И он там же ведал партийной организацией. И вот поехал в Корею, тогда даже написал поэму «Ким Ир Сен». И он, вот представляешь, какие люди были? Уезжая в Корею, встретил Смирнова и сказал: вот если, не назвал фамилию, из Австрии приедет боец, вы его обязательно примите в Литинститут. Он и рассказывает. То есть я ни экзамены не сдавал, и комиссия-то распущена. И я стал студентом, а на следующий год уже получал Крыловскую стипендию, и уже у меня в военном издательстве вышла книжечка «Над волнами Дуная». Кто же этот был, в офицерской форме? Юра Бондарев. Вот что такое фронтовики!

Исаев о силе слова Бондарева...

Я спросил:

– Егор Александрович, Вы говорили, что один из ваших друзей – Юрий Бондарев.

Исаев:

– Видишь ли, я тебе скажу, ты не думай, что я в одних плюсах, как у попа погост весь в крестах. Я тоже. Я иной раз говорю Юре: «Ты ли это написал?» Он: «Действительно, как это можно написать». – «То есть ты простой мужик, ты простой командир батареи. А как это всё написать? Нет, это не ты».

– Вы имеете в виду «Горячий снег»?

– И не только. А «Батальоны просят огня»? А «Последние залпы»? И только раз он проговорился, в тишине... Вот она, неожиданная сила Юрия Бондарева – так раскрыться. Вот на Сталине уж поездили! Так его исковыряли! Ну, хватит уже! А вот столько лет со дня его смерти прошло – и ни одного романа о нём! А ведь было время, каждый о нём писал.

– Сейчас Карпов про него писал (разговор летом 2007 года).

– Видишь ли, Володя Карпов написал, а потом себя выдал. Перестал линию держать. А ведь он Герой Советского Союза. Командир взвода разведки. Командир роты разведки в армии. Соблазн велик. И я ему: «Володя, тебе нельзя хвостом вилять». А ведь я чувствую, хвостиком вильнул. Ну, зачем? Ну, а Юра Бондарев, наоборот, передерживает.

Эхо у Юрия Бондарева...

29 марта 2008 года снова говорил с Исаевым. Поводом послужило прочтение Исаевым моего рассказа «А у вас умирала мама?..». И вот на его примере Исаев говорил:

– «А у вас умирала мама?..» Пусть такое название немножко длинное, но это сразу уже понимаешь: умирала мама. Тут чего-то не хватает в названии... У Юрия Бондарева есть в «Горячем снеге», когда оставшимся батарейцам вручает «всё, что могу, всё, что могу, всё, что могу»... Вот это вот. «А у вас умирала мама?..» Вот близко к тому: «всё, что могу, всё, что могу»... Хорошо роль генерала Самсонова, по-моему, сыграл Жжёнов. «Всё, что могу, всё, что могу...» «А у вас умирала мама?..» Вот даже в самом названии и весь рассказ. Всё, это не констатация, а объём. Это даль. «А у вас умирала мама?..» Видишь, какая разница! Умирала мама – какая-то безатмосферность. Нет эха. Название без эха.

Я спрашивал:

– Егор Александрович! Ну, а у Юрия Бондарева были стрессовые ситуации, где ему тяжело приходилось?

Исаев:

– Ну, конечно.

– Какие? Вы же с ним близки.

– У него отец был работником НКВД. Я никогда у Юры об этом не спрашивал. Поэтому я и говорю – тишина. Она немножко прихвачена...

Видимо, отеческое нашло отражение в глубине таящегося за словом Юрия Васильевича смысла...

Он многим помогал...

Исаев замечал:

– Юра Бондарев, он же и Распутина подымал. Тот ему письма писал. Надо об этом говорить...

Я уже не буду вспоминать о многих других...

Сам собирался встретиться с Юрием Васильевичем, об этом с ним договаривался Егор Александрович, даже один раз сам дозвонился к Бондареву домой (он жил в соседнем с Исаевым подъезде), а так в большинстве на даче... И даже договорились, что приеду... Его глуховатый, ёмкий, с звонкими нотками голос до сих пор слышится мне...

Но не доехал...

А жаль...

И жаль, что не чтит его, как он заслужил того, наша писательская среда... На тех многочисленных Всемирных Русских Народных Соборах, на которых я бывал (до 2013 года), где выступали Егор Исаев, Владимир Карпов, Владимир Крупин, я голоса Юрия Бондарева не услышал...

Его замалчивали...

Светлая память бойцу-писателю и писателю-бойцу...

От многих-многих ему земной поклон...

Берега Памяти

Юлия Кирияк

Юлия Ивановна Кирияк – историк, научный сотрудник филиала Центрального военно-морского музея «Музей Балтийского флота». Окончила Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина, исторический факультет. Тринадцать лет работает в военном музее и сегодня руководит его научной деятельностью. В 2017 году открыла персональную выставку «Забывшие страницы Императорского флота. Последний причал Русской эскадры».

Тайны Балтики.

Истории затонувших кораблей Балтийского флота

Уникальный и редкий экспонат – спасательный круг с затонувшего 100 лет назад эсминца «Гавриил» – представлен сегодня в музее Балтийского флота. Эта ценная реликвия была передана нам Санкт-Петербургским военно-морским музеем несколько лет назад. Для музеев в настоящее время подобные находки со дна Балтийского моря не редкость, но эта для нас имеет особое значение. Спасательный круг непосредственно относится к легендарному кораблю Балтийского флота, из новой серии эскадренных миноносцев типа «Новик», известному за свою короткую биографию внушительными победами над англичанами. Потёртый, выцветший и почерневший от времени, он давно хранит неразгаданную тайну – гибель эскадренного миноносца «Гавриил». Тайну как своего обнаружения аквалангистами, так и самого момента взрыва. Ведь истинную обстановку той злополучной октябрьской ночи 1919 года в Копорском заливе так до сих пор и не удалось прояснить, а между тем жуткая трагедия унесла жизни огромного числа людей.

...В далёкий 19-й год, во время осенней битвы за Петроград, командование Балтийского флота приняло решение оказать помощь обороняющимся частям Красной армии. Но было решено, ввиду общего топливного кризиса, ограничиться постановкой минных заграждений в восточной части Копорского залива, чтобы помешать возможной десантной операции наступающих войск Северо-Западной армии. Для постановки были назначены четыре эсминца – «Гавриил», «Свобода», «Константин» и «Азард».

21 октября в 2 часа ночи эсминцы снялись с якоря Большого Кронштадта и вышли в море. Однако, войдя в Копорский залив, они попали в густое минное поле, поставленное противником. В 5 часов 48 минут 21 октября около параллели мыса Долгий Нос взорвался «Гавриил», шедший первым, через пару минут одновременно подорвались ещё два корабля: слева от «Азарда» – «Константин», а справа – «Свобода». На «Константине» от взрыва произошла детонация приготовленных к постановке мин – его корпус разломился пополам и эсминец мгновенно затонул со всем экипажем. «Свобода» продержалась на плаву всего восемь минут. «Азард», не растерявшись, задним ходом покинул опасный участок. Он некоторое время оставался в районе взрыва, чтобы оказать помощь, но никого не увидел и вернулся в Кронштадт. Всего на трёх кораблях погибло 484 человека. Комсостав погибших миноносцев принял все зависящие от них меры к спасению, в том числе и личного состава. Вместе со своими кораблями погибли командир «Гавриила» В. В. Севастьянов и комиссар Н. П. Лепёшкин, командиры и комиссары «Свободы» и «Константина», а также начальник 1-го дивизиона эскадренных миноносцев Л. Н. Ростовцев и комиссар дивизиона В. Т. Флягин, находившиеся на «Гаврииле». С «Гавриила» спаслось только 19 человек, со «Свободы» – 6, которые на шлюпках утром 21 октября приплыли к советскому берегу. Тела членов экипажей, которые вынесло на советский берег, были похоронены в братской могиле на Краснофлотском форту.

Позднее полученные материалы говорили о том, что комсостав всех четырёх эсминцев якобы имел тайный план о сдаче кораблей англичанам и заранее известил противника о планах похода. Предполагалось, что по прибытию в Копорский залив эсминцы будут окружены английским флотом и принуждены сдаться. Только незнание фактической минной обстановки командованием Красного Балтийского флота и вызванный этим подрыв кораблей предотвратил этот план. Но это только догадки.

Гибель трёх судов и почти полутысячи моряков стала тяжёлой потерей для Балтийского флота. Прославленные эсминцы ещё до Гражданской войны внесли весомый вклад в защиту интересов Российского государства. Так, «Гавриил», в Первую мировую войну участвуя в морских походах до октября 1917 года, выполнил немало боевых задач. Сражался в знаменитом Моонзундском сражении в октябре 1917 года, вместе с другими кораблями флота систематически ходил на разведку и в дозоры, срывал попытки противника протралить фарватеры в поставленных русскими кораблями минных заграждениях, вступал в артиллерийские поединки на Кассарском плёсе с превосходящими силами врага.

Затем он участвовал в операции по спасанию кораблей Балтийского флота от захвата германскими и финскими войсками в феврале 1918 года и перевода их из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт. Проведена она была в тяжёлых ледовых условиях, в результате чего были перебазированы 236 кораблей БФ, включая 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев, 12 подводных лодок.

18 мая 1919 года «Гавриил» вступил в первое сражение с английскими интервентами. В тот день корабль обеспечивал выход дивизиона траления на минную разведку в Копорском заливе. Встретившись с четырьмя миноносцами англичан, принял бой. Умело маневрируя и ведя интенсивный артиллерийский огонь по врагу, эсминец не прекращал его до тех пор, пока тихоходные слабовооружённые наши тральщики не вышли из-под обстрела противника.

С 27 мая по 2 июня 1919 года активно действовал по прикрытию приморского фланга наших войск. 4 июня вместе с эсминцем «Азард» участвовал в операции по потоплению английской подводной лодки L-55. 18 августа корабль, дежуривший на Кронштадтском рейде, отразил нападение семи английских торпедных катеров. Огнём артиллерии он уничтожил три катера, подобрал из воды и взял в плен трёх английских офицеров. Последней боевой операцией эсминца стала постановка мин в Копорском заливе.

После гибели трёх эсминцев командование Балтийского флота заинтересовалось причинами подрыва кораблей. Была создана следственная комиссия, которая после детального изучения всех аспектов случившегося и допросов выживших очевидцев пришла к выводу, что капитаны «Гавриила», «Константина» и «Свободы» сделали всё, что могли, чтобы спасти суда и личный состав. Но комиссия отметила и другое – что разведка на флоте практически не функционировала, была плохо налажена связь. Командование фактически не знало о минных заграждениях, уже установленных англичанами, у которых разведслужба работала прекрасно и которые были в курсе о передвижениях наших кораблей. Кроме того, следственная комиссия отметила и некоторые ошибки. Например, то, что корабли шли в условиях крайне плохой видимости очень близко друг к другу, при этом довольно сильно штормило. Поэтому взрыв первого же корабля, наскочившего на минную банку, вызвал взрывы и на других судах. Больше никаких выводов члены комиссии тогда не сделали – у них было не так много данных. Этим занялись потом историки.

Погибшие корабли недолго пролежали на дне Балтийского моря. Искать затонувшие суда принялись ещё в 20-е годы XX века. Успех был относительным – удалось найти эсминец «Гавриил» и поднять с него некоторые предметы. «Константина» и «Свободу» тогда не нашли – большой преградой в поисках стали мины с Первой мировой войны и с Гражданской. Подъём цветного металла с затонувшего «Гавриила» начал производиться уже в 1928 году, поскольку точные координаты его нахождения были известны. Тогда корабль был найден артелью «Водолаз», занимавшейся поиском цветных металлов. Удалось также обнаружить в архиве схематический чертёж положения корпуса эсминца на грунте – виды сверху и сбоку.

А вот два других судна тогда не были обнаружены. Только в 1933 году балтийский отряд ЭПРО-На (экспедиция подводных работ особого назначения) поднял отдельные части корабля «Свобода», в 1937 году – эсминца «Гавриил». Если же учесть, что артель «Водолаз» в 1928 году поднимала с «Гавриила» цветной металл, в том числе и гребные винты, то неудивительно, что дайверы

не сразу опознали эсминец. С 28 августа по 31 октября 1937 года балтийский отряд ЭПРОНа в составе спасательных судов «Трефолев» и «Сильный», водолазных ботов, буксира «Котлин», плавкрана и баржи очищал от остатков «Гавриила» фарватер, подняв 90 тонн обшивки, деталей палуб, набора, переборок.

В 80-х годах XX века подводный поиск также проводили аквалангисты ленинградских клубов «Поиск» и «Катран». В июне 1987 года состоялся завершающий этап подводно-поисковой экспедиции водолазов этих клубов совместно с гидрографами Ленинградской военно-морской базы. Целью было обследование погибшего в Копорском заливе в октябре 1919 года эсминца «Гавриил» и подъём реликвий для Центрального военно-морского музея в Ленинграде.

Экспедиция не могла состояться без активного участия военных специалистов, так как район гибели эсминцев оставался взрывоопасным: корабли погибли на неприятельском минном поле, нагруженные готовыми к постановке боеприпасами, а на каждом затонувшем эсминце было их по 60 штук. Согласно схеме, корпус корабля «Гавриил» разломился на три части и лежал на левом борту. Средняя его часть представляла собой бесформенную грудю металла; носовая часть длиной 23 метра с баковым орудием сохранила свои формы и возвышалась над грунтом на 3 метра; кормовая часть сохранила гребные винты и возвышалась на 3 метра. Командир группы водолазов-подрывников мичман В. Чайкин обнаружил часть борта корабельной шлюпки и кусок цепи. Следующий водолаз, мичман Е. Гончаров, нашёл изуродованный иллюминатор, часть машинного телеграфа и двухметровую деревянную рею.

Осмотры аквалангистов и водолазов подводной акватории позволили «создать картину»: куски некогда целой носовой части корабля лежали на левом борту и носом к берегу, но бакового орудия там не было. Далее аквалангист С. Брагин из клуба «Катран» нашёл артиллерийский планшет – латунный диск диаметром 29 сантиметров, который крепился к орудию, а рядом – трубу элеватора, по которой из носового артпогреба подавались снаряды. Сами же снаряды лежали под грудой металла, но орудия там не было. Завершилась подводно-поисковая экспедиция находкой большого количества реликвий, поднятых с «Гавриила», и торжественной передачей их Центральному военно-морскому музею. В настоящее время одна из них бережно хранится в зале музея Балтийского флота.

Сегодня холодные воды Балтики хранят множество загадок. По архивным данным, количество затонувших в Балтийском море кораблей превышает 12 000 единиц, в том числе 5 000 единиц – в Финском заливе. Из них обследовано чуть больше 500. Примерно 2 500 единиц – это военные и гражданские суда, подводные лодки, рыболовецкие боты (русские, голландские, финские, норвежские, немецкие, английские и так далее). 1 500 единиц – потерпевшие крушение военные самолёты. Помимо этого, на дне до сих пор находится около 150 000 морских мин.

Во все времена акватория Балтийского моря являлась районом интенсивного судоходства и активного ведения боевых действий в ходе войн прошедшего времени. Одной из особенностей Балтийского моря является и его сравнительная мелководность, 60 % акватории составляют участки с глубинами менее 50 метров. По данным научного руководителя группы специалистов проекта «Тайны затонувших кораблей» А. Лукошкова, с 1989 года была начата работа по составлению каталога и атласа затонувших на дне Балтийского моря кораблей. База данных превышает 10 000 объектов. Только в российском секторе Финского залива обнаружено более 5 000 объектов, из них судов – 2 500, самолётов – 1 500, остальное – лодки, транспортные средства и различное мелкое снаряжение. По «национальной принадлежности» 25 % погибших кораблей относится к русскому флоту, 19 % – немецкому, 17 % – английскому, 15 % – шведскому, 8 % голландскому, 7 % – финскому. Остальные 9 % включают норвежские, датские, французские, американские, итальянские, эстонские и латвийские суда. Все они затонули в основной своей массе в период с 1128 по 1947 год.

Только по архивным документам за годы Великой Отечественной войны Балтийским флотом потоплено 1 205 вражеских кораблей и судов. По данным аварийно-спасательной службы ВМФ, в послевоенные годы поднято со дна 613. К этому списку добавляются советские корабли и суда, потопленные противником, а также корабли и суда, потопленные в годы Первой мировой и Гражданской войн. За период ведения боевых действий на Балтийском морском театре 1941–1945 годов, по результатам проведенных документальных исследований в 80-х годах, на глубинах более 20 метров потоплено более 400 кораблей и судов Германии и СССР водоизмещением 500 и более тонн.

Сейчас в распоряжении дайверов имеется гидрографическая карта Балтийского моря, на которой выделены затонувшие объекты. Зафиксированы так называемые «места интенсивных катастроф», например Выборгский залив. До 80-х годов XX века советский участок Балтийского моря был закрыт для исследований. За ним строго следили пограничники. В середине 80-х годов запрет был снят, и в 1987 году состоялась первая крупная подводная экспедиция в Копорский залив Балтийского моря. В экспедиции участвовали водолазы и гидрографы ленинградского клуба «Поиск» и клуба «Катран» из Соснового Бора. Результаты были впечатляющие. На дне залива обнаружены останки трёх эсминцев: «Гавриил», «Константин» и «Свобода», которые подорвались на английских минах в октябре 1919 года. И с тех пор было развёрнуто исследование Балтики и на воде с помощью различной современной аппаратуры.

Чаще всего работа начинается в архивах и занимает 90 % времени. После того как найдена заветная запись о погибшем корабле, команда археологов выходит в море и, сканируя дно гидролокатором бокового обзора, пытается найти объект. Часто они находят другой корабль или вообще ничего не находят. После того как корабль обнаружен, начинается самое интересное. Команда водолазов ныряет и пытается идентифицировать корабль. Сделать это не очень просто, несмотря на то что в Балтийском море сохранность объектов очень высокая (из-за низкой солёности там мало червячка-древоточца), чаще всего сразу понять, что это за груда досок лежит, невозможно. (Редкий случай, когда корабль был идентифицирован моментально: парусно-винтовой фрегат «Олег», затонувший в 1859 году во время учений. Но, к сожалению, чаще всего корабль раскладывается на составные части.)

После обнаружения судна начинается кропотливая работа на объекте. Его надо обмерить и заснять, чтобы попытаться идентифицировать по размерам, характерным надстройкам, вооружению и так далее. Например, замер посадочного места под носовую фигуру. Часто на судне находятся характерные предметы, по которым можно идентифицировать корабль. Керамика, которая по клеймам позволяет определить год создания. Затем рисуют на пластиковых планшетах карандашами. Прежде чем что-то трогать, водолазы фотографируют или снимают на видео, чтобы можно было потом вспомнить, как всё лежало.

Основная опасность при археологических работах – возможность потеряться в открытом море и запутывание в сетях, что происходит довольно часто. Поэтому на объекте работают командой, чтобы иметь возможность помочь друг другу.

В основном поисками и подъёмом затонувших кораблей и подводных лодок в Советском Союзе занимался ЭПРОН – экспедиция подводных работ особого назначения – государственная организация. Создана она была приказом ОГПУ 17 декабря 1923 года.

История образования ЭПРОНа начинается с 1908 года, когда флотский инженер и кладоискатель-любитель Владимир Сергеевич Языков настойчиво пытался организовать работы по подъёму английского парусного корабля HMS Prince. Во время Крымской войны, в роковой день 14 ноября 1854 года, его выбросило ураганом на скалы, и он затонул под Балаклавой. С 1870-х годов «Принца» искали немцы, французы, норвежцы, экспедиция итальянского инженера Джузеппе Рестуччи, так как предполагалось, что он вёз 200 000 фунтов стерлингов золотом.

В начале 1923 года В. С. Языков попал на приём к главе ГПУ при НКВД РСФСР Генриху Ягоде и сумел заинтересовать его идеей подъёма «Принца». Инициативная группа (В. С. Языков, Д. А. Карпович и инженер-механик Е. Г. Даниленко, по проекту которого должен был строиться глубоководный снаряд для подъёма «Принца») была зачислена на довольствие ГПУ. 13 марта 1923 года Ягода отдал приказ о создании ЭПРОНа при ГПУ, утверждении её первого штата и начальника – В. С. Языкова.

Розыски «Принца» успехов не принесли, но в 1924–1928 годах ЭПРОНу удалось поднять подводную лодку «Пеликан», затопленную в конце января 1920 года белыми при входе в одесскую гавань, эскадренный миноносец «Дзержинский» (бывшая «Калиакрия»), британскую подводную лодку L-55. В 1929 году под эгидой ЭПРОНа фактически было сконцентрировано всё водолазное и судоподъёмное дело на всех морях и реках СССР.

В 1929-м ЭПРОН организовал в Ленинграде экспедицию по судоподъёмным работам на Балтийском море и р. Неве, а в 1930-м – на Севере. К 1932 году ЭПРОНу были переданы аналогичные организации всех ведомств, и он становится единственной организацией, осуществляющей судоподъёмные,

аварийно-спасательные, водолазные, опытные подводные работы, проводимые на всех морях, реках и озёрах СССР, и подготовку водолазных кадров в учебном центре – Военно-морском техникуме в Балаклаве. В начале Великой Отечественной войны организация была передана в ВМФ, где на её основе была создана аварийно-спасательная служба, а ЭПРОН как самостоятельная организация перестал существовать. За время своей деятельности ЭПРОН поднял 450 и спас от гибели 188 судов.

В настоящее время дайверы со всего мира стремятся в Балтийское море. Во-первых, Балтийское море – холодное море. В Балтике на глубине 25–30 метров придонный слой может иметь температуру 2–4 градуса, в отличие от Средиземноморья, где средняя температура 25 градусов. В таком холоде не водится ракушка-древоточец, а ведь древние суда были деревянными.

Второе, в Балтике вода более пресная, чем, допустим, на Чёрном море или в Индийском океане, что уменьшает коррозию металлических предметов. В тёплых южных морях объекты быстро разрушаются, и такие старинные корабли, как на Балтике, там попадаются крайне редко. Плюс на Балтийском море при холодных температурах и при малой солёности воды процесс разрушения исторических объектов замедляется. Также здесь обычное для больших глубин отсутствие кислорода и света. Но есть один недостаток у Балтики, в отличие от других морей, который мешает дайверам. Это мутные воды. Видимость в Балтике всего 4–5 метров. А зачастую бывает и 0,5 метра, то есть водолаз имеет только небольшое пятно обзора впереди себя. В Средиземном море видимость достигает несколько десятков метров. В Балтике видимость улучшается только зимой.

Линкор «Лефорт»

Сегодня, благодаря сайту «Лефорт», можно представить, как выглядит одноимённый объект на дне Балтийского моря – парусный линейный корабль Балтийского флота. На этом сайте воспроизведена уникальная 3D-съёмка, а сам линкор был обнаружен совершенно случайно.

С 2005 по 2016 год в нашей стране работала экспедиция «Поклон кораблям Великой Победы». Общественно-патриотическая подводно-поисковая экспедиция проводилась ежегодно под патронатом председателя комитета Государственной Думы по делам ветеранов Федерального Собрания РФ генерала Николая Ковалёва. Цель акции – отдать дань памяти тем, кто в годы войны принял свой последний бой на кораблях ВМФ, чьими могилами стали море и погибший корабль. Найти и идентифицировать неизвестные ранее объекты времён Великой Отечественной войны, выяснить обстоятельства гибели кораблей, а также увековечить память моряков. Акция получила благословение Русской православной церкви.

Участники экспедиции «Поклон кораблям Великой Победы» с помощью гидролокатора в 2013 году искали следы подводной лодки Щ-320, но неожиданно 4 мая они зафиксировали парусный линейный корабль «Лефорт», который участвовал в обороне Кронштадта в годы Крымской войны. Сразу же в июне 2013 года начались исследовательские работы с линкором, которые продолжались четыре года. На его палубе были обнаружены хорошо сохранившиеся пушки, одна из шлюпок, главный штурвал, в каютах – личные вещи моряков, холодное и огнестрельное оружие, корабельные приборы. Однако «Лефорт» сейчас называют единственным кораблём, с которого не было поднято ни одного предмета. Возможно, учёные решили пощадить братскую могилу и оставить всё как есть. Основная цель экспедиции была – сбор информации и съёмка фильма для телеканала «РТР».

Трагедия с линкором произошла в 1857 году и так потрясла жителей Санкт-Петербурга, что знаменитый художник Иван Айвазовский написал по этому случаю уникальную картину «Гибель корабля «Лефорт». Сегодня его работа хранится в Центральном военно-морском музее Санкт-Петербурга.

«Лефорт» относился к линейным кораблям 84-пушечного ранга, типа «Императрица Александра». Заложен он был в 1833 году, а в 1835-м вошёл в состав Балтийского флота. В 1836–1847 годах в составе эскадр находился в практических плаваниях в Северном и Балтийском морях и Финском заливе. В 1836 году на Кронштадтском рейде принимал участие в церемонии встречи Балтийским флотом ботика Петра I. Также он участвовал в Крымской войне 1853–1856 годов, а позже перевозил войска и грузы между г. Кронштадтом и г. Ревелем (Таллином). В 1857 году «Лефорт» затонул в результате шторма при переходе из одного порта в другой. К сожалению, в этой катастрофе погибли все: командир – капитан 1-го ранга А. М. Кишкин, 12 офицеров, 743 матроса, 53 матросские

жены и 17 детей. До гибели 28 сентября 1994 года парома «Estonia» катастрофа линейного корабля «Лефорт» являлась крупнейшей катастрофой на Балтийском море по числу жертв в мирное время. Также считается, что это самая крупная трагедия в море после «Титаника».

Сразу после кораблекрушения была создана следственная комиссия. Было озвучено несколько версий гибели «Лефорта», но к единому мнению так и не пришли. Ответ удалось найти спустя почти 160 лет, и нашли его российские дайверы, которые провели исследовательские работы на очень большой глубине – 64 метра. У линкора «Лефорт» было три палубы, нижнюю палубу строители плотно задраили, а капитан приказал разместить в одном из отсеков этой палубы пушку. Пушка была жёстко прикреплена к борту. Но во время шторма крепление расшаталось, и пушка выдвинулась из отсека. В какой-то момент она, видимо, ударилась о борт и пробила в нём дыру. По крайней мере, эту дыру и рядом пушку обнаружили наши дайверы. Когда нижняя палуба была пробита, корабль начал стремительно черпать воду и в один момент резко накренился набок. Также утверждалось, что корпус корабля не был нормально проконопачен, а груз был слишком мал и неправильно расположен. Кроме того, было предположение, что орудийные порты оставили открытыми, чтобы обеспечить доступ свежего воздуха для пассажиров – это, возможно, способствовало гибели корабля, так как вода могла залиться через открытые порты, когда корабль накренился.

Найден «Лефорт» был не сразу, а лишь 4 мая 2013 года экспедицией «Поклон кораблям Великой Победы» под руководством Константина Богданова между островами Гогланд и Большой Тютерс. Когда искали советскую подводную лодку Щ-320, которая погибла в годы Великой Отечественной войны, но совершенно неожиданно на экране гидролокатора бокового обзора обнаружили неизвестный объект размером 60 на 15 метров. Так получилось, что необходимый запас смеси газов для глубоководного погружения был только у участника экспедиции Михаила Иванова. Погрузившись на 55 метров, он оказался на палубе корабля и сразу понял, что это «Лефорт».

На верхней палубе корабля прекрасно сохранились главный штурвал, одна из шлюпок, пушкаронады в ютовой надстройке и личные вещи экипажа. В том же году началось обследование судна специальной экспедицией.

При дальнейшем обследовании парусника было обнаружено много останков погибших пассажиров корабля и множество других артефактов, которые требуют тщательного изучения. Исследования проводились с помощью телеуправляемого подводного аппарата компании «Тетис ПРО». Был произведён замер корпуса корабля, подсчёт количества пушек, зарисовка положения предметов на верхней палубе, а на грунте были обнаружены внешние украшения – носовая фигура орла и кормовой герб Российской империи, которые также подтвердили, что это именно «Лефорт». Его корпус заилен примерно на треть. Обнаружение такого корабля – большое историческое событие. Этот объект важен и с точки зрения истории кораблестроения, истории культуры, археологии и т. п. И требует тщательного изучения.

Остов «Лефорта» лежит примерно в 5 милях севернее о. Большой Тютерс, на глубине приблизительно 70 метров. Из-за большой глубины залегания и особенностей воды в Финском заливе корабль сохранился в прекрасном состоянии. Из видимых повреждений – только сломанные, видимо, во время гибели, мачты и бушприт и частично сорванная рыбацкими сетями декоративная обшивка корпуса корабля.

Фрегат «Олег»

Достоинством внимания является ещё одна историческая находка на сегодняшний день – фрегат «Олег». Океанский рейдер был спущен на воду в 1860 году. Артиллерийское вооружение корабля было небывало мощное для своего времени – 60-фунтовое орудие, которое могло метать бомбы весом 17,7 килограмма на дистанцию почти двух морских миль. Парусно-винтовой 57-пушечный фрегат «Олег» был заложен на Кронштадтской верфи в 1858 году и был предназначен для пресечения доставки грузов в порты вероятных государств-противников.

Интересна история этого фрегата, созданного на рубеже эпох, когда господство тихоходных и величественных линкоров уже необратимо пошатнулось перед небольшими, но манёвренными судами, оснащёнными паровыми машинами. Именно парусно-винтовые фрегаты, обладающие за счёт

парусов огромной дальностью плавания и свободой манёвра за счёт механической установки, стали наиболее эффективными судами для рейдерских операций на океанских торговых путях. Совершая длительные переходы под парусами, боевой корабль мог неожиданно для противника появиться в решающем месте и в решающий момент. Парусно-винтовой фрегат «Олег», оснащённый 57 орудиями, был как раз из таких рейдерских кораблей.

Создателем проекта был корабельный инженер полковник Шоунбург. Корпус фрегата «Олег» был построен из лиственницы, дуба и сосны. Толщина наружной обшивки составляла 152 миллиметра, у ватерлинии и выше его обшивка утолщалась до 229 миллиметров.

В течение службы фрегат «Олег» ходил в дальние походы. Побывал с визитами в портах Франции, Греции и Турции. Выдерживал штормы в зимней Атлантике. О прочности и мореходных качествах фрегата хорошо отзывался его командир – капитан 2-го ранга Андреев. Причём не раз мощными ветрами «Олег» выкидывало на камни, но экипаж, к большому удивлению зарубежных специалистов, умудрялся довести корабль с разрушенным килем до доков. Такая яркая и насыщенная жизнь не могла не сказаться на техническом состоянии судна. В 1865 году «Олег» вернулся на Балтику. Главным военно-морским руководством было решено ограничить район его плавания водами Финского залива. Несколько лет подряд продолжались учебные плавания в составе эскадры Балтийского флота.

3 августа 1869 года при выполнении перестроения эскадры между островами Гогланд и Соммерс, броненосная батарея «Кремль», нечаянно столкнувшись с «Олегом», ударила своим острым тараном в борт около машинного отделения. В течение 12 минут в результате столкновения фрегат затонул.

В 2002 году специалисты ЦПИ РГО обнаружили на глубине больше 50 метров огромный корабль. Подводных исследователей поразило отличное состояние фрегата, несмотря на проведённые под водой полтора века. Весь корпус был обследован снаружи, а внутри водолазы прошли до офицерского салона в кормовой части. Фото- и видеосъёмка позволила создать предварительные 3D-модели «Олега», а поднятые артефакты дополнили коллекции Музея истории Кронштадта и других музеев России.

В настоящее время в рамках проекта «Морская слава России» на средства гранта РГО проходят исследования фрегата. В ходе первого этапа эксперты провели обследование судна и фото- и видеосъёмку корабля. В ходе второго этапа изучается наружное состояние фрегата, поднятие артефактов и ведётся съёмка документального фильма. Поднимать корабль признано нецелесообразным, рассматривается возможность создания реконструкции, куда будут помещены предметы, поднятые с корабля. К слову, это самый большой деревянный корабль, лежащий на дне Балтики. Фактически это совершенно уникальный подводный музей. Длина его палубы составляет 92 метра.

Тем не менее фрегат разрушается, прочность корпуса с каждым годом снижается. При этом подъём на поверхность может привести к гибели «Олега». К сожалению, в России пока не научились консервировать и реставрировать такие гигантские исторические объекты.

15 июля 2013 года президент РФ Владимир Путин совершил погружение на подводном аппарате «Си-эксplorер-5» к останкам парусного винтового фрегата «Олег», которые покоятся на дне Финского залива. Отвечая на вопросы журналистов, он рассказал, что корабль находится «в удивительно хорошем состоянии», лежит на правом боку. Действительно, состояние отличное, очень хорошо читается название корабля – сказал Путин. Он признался, что при погружении ему было не страшно, а наоборот, очень интересно. Отвечая на вопрос, собирается ли он искать клады, президент сказал: «Это без меня, это пусть журналисты». Президент сказал, что работа водолазов его удивила и восхитила.

«Температура воды всего +3 градуса, а они там долго работают, это уникальные специалисты. К сожалению, их здесь нет, а то я пожал бы им руку. Расстояния там крайне небольшие», – сказал Путин, добавив, что водолазам, тем не менее, удаётся проникнуть в корабль, например, через пушечные порты.

В 2017 году перед специалистами ЦПИ РГО стояла задача – оценить состояние рейдера. Предварительное заключение наших подводных археологов: негативных изменений не обнаружено. Проведена фото- и видеосъёмка объекта, профильным специалистам ещё предстоит проанализировать

все собранные данные и получить полное понимание процессов, происходящих в затонувшем корабле. Водолазы прошли до адмиральского салона и судовой церкви, кстати, прекрасно сохранившейся. Уже разрабатывается методика её подъёма. Ящики с утварью и даже восковыми свечами лежат в холодной, малосолёной и тёмной балтийской воде в неприкосновенности.

Броненосец «Гангут»

Ещё одним знаменитым затонувшим объектом в Балтийском море является «Гангут». Это броненосец Российского императорского флота, который был назван в честь боя при мысе Гангут. Этот корабль считается уменьшенной копией броненосцев класса «Император Александр II». Он был построен на Новой Адмиралтейской верфи в Санкт-Петербурге в 1890 году и вступил в строй в 1894-м. Перегрузка на 600 тонн сообразно сопоставлению с планом привела к увеличению осадки и понижению скорости.

2 июня броненосец снялся с якоря и направился для исполнения учебных артиллерийских стрельб на плёс к северу от острова Рондо и, напорвшись на скалы, затонул. К счастью, экипажу удалось спастись. «Гангут», где затонул, там и по сей день лежит на дне Выборгского залива под 29-метровой толщей воды. План по подъёму корабля так и не был осуществлён.

Практически сразу после гибели корабля совместно с флотскими водолазами на «Гангут» спустились и водолазы частных компаний, изучавших вероятность подъёма броненосца, хотя настолько большие корабли ещё никогда не поднимали. Сначала проект подъёма подал французский изобретатель Бретнаша, затем пришли предписания сразу от трёх французских компаний. Потом подключились Великобритания, США и Швеция. Более 20 прошений о предоставлении «привилегии на подъём» поступило от русских подданных, среди которых были дворяне, крестьяне, студенты, отставные военные, моряки гражданского флота.

В 1900–1903 годах на «Гангут» не один раз спускались воспитанники Кронштадтской водолазной школы, было поднято огромное количество вещей: 47- и 37-мм орудия Гочкиса, 63,5-мм орудие Барановского, торпедная установка с парового катера, кормовой орёл и немало других вещей и железного лома. Летом 1903 года было найдено повышение наклона корабля до 20°, а также ил, забивший помещения, не позволял уже свободно проникать в них.

«Гангут» и поныне лежит на дне Выборгского залива на глубине 29–30 метров. Корабль стал известным объектом посещения аквалангистами: раз в год на него исполняют спуски две-три экспедиции.

Береговой броненосец «Русалка»

Уникальным объектом для подводных исследований стал броненосец береговой обороны Российского императорского флота «Русалка». Более 120 лет назад, по пути из Ревеля в Гельсингфорс, корабль затонул у берегов Финляндии, унеся с собой 178 жизней. Попад в жуткий шторм, команда не справилась с управлением судном, и оно ушло на дно. Искать «Русалку» начали сразу в сентябре 1893 года. В поисковых работах участвовало полтора десятка кораблей, и даже воздушный шар, привезённый из Кронштадта. Поиски продолжались около месяца, но всё было безрезультатно. Проводить глубоководные исследования во всей акватории Финского залива в те годы было невозможно. «Русалку» разыскивали и в следующем году, но тщетно.

Кстати, поиск монитора производился и в советское время. Работы тогда вёл ЭПРОН – известная организация, не раз поднимавшая со дна моря затонувшие корабли. Но исчезнувший броненосец так и не был найден. Многие годы море хранило тайну его гибели.

И только через сто с лишним лет «Русалку» удалось обнаружить исследователю судну «Марэ» Таллинского морского музея, но не сразу. Потому что в том районе, который был предположительно обозначен ЭПРОНОм, погибшего корабля не оказалось.

В 2003 году эстонские подводные археологи, располагая исследовательским судном, оснащённым самой современной техникой, начали поиски «Русалки». Её искали с помощью магнитометра и гидролокатора бокового обзора. Сотрудники Морского музея занимались поисками погибших

кораблей уже четверть века. Учёный, подводный археолог, подвижник Велло Мясс, используя все имеющиеся сведения о гибели корабля и поисковых работах, провёл фактически новое исследование, с учётом хода и скорости монитора в тех погодных условиях, возможных действий командира капитана 2-го ранга В. Х. Иениша и наметил новый район для поиска.

Поиском «Русалки» эстонцы занялись системно – их интерес к кораблю был связан, в частности, с тем, что в его команду входили четверо их соотечественников. По словам капитана В. Мясса, он внимательно изучил морскую карту и как судоводитель попытался смоделировать действия командира корабля. Были проанализированы погодные условия и направление ветра в Финском заливе в роковой день 7 сентября 1893 года. Так был рассчитан квадрат, в котором начались поиски «Русалки». Они продолжались в течение месяца и увенчались успехом. Помощь эстонцам оказали коллеги из Финляндии. Выяснилось, что «Русалка» находится на расстоянии трёх миль от места, указанного ЭПРОНом. Именно там, гораздо южнее предполагаемого места гибели, на глубине 74 метров и обнаружили корпус затонувшего судна. Эстонские и финские водолазы обследовали его, не заходя внутрь, и убедились, что это именно «Русалка».

Погибший корабль стоял фактически вертикально, почти до половины погрузившись носом в ил, опутанный рыболовецкими сетями. Именно таким его и увидели дайверы, которые через сто с лишним лет смогли подойти к исчезнувшему с поверхности моря кораблю.

24 июля 2003 года эстонские водолазы спустились к останкам корабля и засняли их на видеокамеру. Велло Мясс полагает, что ошибки быть не может – другие броненосцы береговой обороны в этом районе не пропадали. Катастрофа произошла всего в 25 километрах к югу от Хельсинки – значит, большую часть маршрута корабль Иениша всё же успел пройти. Более того, по положению корпуса удалось установить, что командир в последние минуты жизни всё же отдал приказ возвращаться в Ревель. Более того, именно при повороте корабль, видимо, и накрыла волна. Здесь можно вспомнить данные комиссии, которая занималась расследованием гибели «Русалки»: штормовые крышки палубных люков были оставлены в Кронштадте, когда отряд Бурачека выходил на стрельбы. Видимо, потоки воды, сметая всё на своём пути, попали через открытые люки в носовую часть «Русалки», и она стремительно погрузилась в воду. Эстонцы рассказывают, что корпус «Русалки» своей бронёй вошёл, как нож, в глинистое дно залива.

Спустя несколько дней собранные материалы и фотодокументы В. Мясс передал российскому посольству в Эстонии: «Мы не проникали внутрь корабля, – подчеркнул он. – Подводная могила осталась неприкосновенной. Но собранных сведений достаточно для того, чтобы сделать окончательное заключение. Совпадают все параметры, длина и ширина корабля, равно как и увиденные детали говорят о том, что ошибка практически невозможна. В идентификации “Русалки” нам помогли и финские водолазы, пришедшие к такому же заключению, что и мы. “Русалка” успела пройти две трети пути от Ревеля к Гельсингфорсу, когда случилась трагедия, подводная могила расположена в финских экономических водах. Решать дальнейшую судьбу находки будет российская сторона, это боевой корабль, и члены его экипажа служили на Императорском флоте (Финляндия в те времена, как и Эстония, входила в состав Российской империи)».

Крейсер «Паллада»

Более 100 лет назад, 11 октября 1914 года, в 80 километрах от Ревеля немецкая подводная лодка U-26 под командованием капитан-лейтенанта фон Боркхейма торпедировала и потопила российский крейсер «Паллада». Вместе с кораблём погибли тогда все 598 членов экипажа. Это поражение заставило командование Балтийским флотом отнестись к подводным лодкам с осторожностью. «Паллада» стала первым российских боевым кораблём, погибшим в Первой мировой войне. Кроме того, этот крейсер изменил ход всей войны, отыскав за свою боевую жизнь секретные немецкие коды.

Броненосец «Паллада» был назван в память о крейсере I ранга «Паллада» (1899 г.), потопленном японской осадной артиллерией в Порт-Артуре во время Русско-японской войны (1904–1905). Крейсер был спущен на воду в 1906 году и представлял собой 137-метровый боевой корабль водоизмещением около 8000 тонн с 32 пушками и 8 пулемётами. Корабль принадлежал к крейсерам типа «Баян» – самой многочисленной серии броненосных крейсеров Русского императорского

флота. В течение нескольких лет эти боевые корабли составили ядро морских сил Балтийского флота, но к началу Первой мировой войны стало ясно, что этот тип крейсеров уже стал устаревать. Корабль участвовал в Первой мировой войне в составе Балтийского флота и сыграл очень важную в ней роль.

13 августа 1914 года при участии крейсеров «Паллада» и «Богатырь» был уничтожен севший на мель вблизи острова Осмуссаар в Финском заливе германский крейсер «Магдебург». При этом была захвачена сигнальная книга, которая была передана британскому Адмиралтейству, что сыграло решающую роль в раскрытии военно-морского кода Германии. Раскрытие кода оказало впоследствии значительное влияние как на боевые действия на море, так и на ход войны в целом. Но, к сожалению, уже через месяц немцам удалось покончить с неуловимой «Палладой».

28 сентября 1914 года при возвращении из дозора в устье Финского залива крейсер был торпедирован германской подводной лодкой U-26 под командованием капитан-лейтенанта фон Боркхейма и затонул в результате детонации боезапаса. Он был потоплен, выполняя боевое задание в Финском заливе, не предприняв при этом никаких мер противолодочной защиты.

Получив донесение о гибели крейсера, командующий Балтийским флотом немедленно выслал в море все свободные миноносцы, которые в течение двух дней подряд обшаривали устье Финского залива, но германская лодка так и не была обнаружена. После потопления «Паллады» U-26 уничтожила ещё несколько наших судов. Но в августе 1915 года немецкая субмарина не вернулась из очередного похода, предположительно подорвавшись на mine у берегов Финляндии. Весь её экипаж, включая командира, погиб.

Музейное ведомство Финляндии в 2012 году официально сообщило о найденном недалеко от Ханко российском броненосном крейсере, хотя объект был обнаружен одной из групп аквалангистов ещё в 2000 году, однако его находка 12 лет держалась в секрете. Лишь недавно группа приняла решение обнародовать свои данные. Большая статья опубликована в ежемесячном приложении к газете «Хельсингин Саномат». Крейсер длиной более 130 метров лежит на глубине 60 метров в районе Ханко и является одним из наиболее крупных и интересных объектов с точки зрения военных археологов и дайверов-любителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернышёв А. А.* Российский парусный флот: Справочник. Т. 1. – М.: Воениздат, 1997.
2. *Конкевич Л.* Летопись крушений и других бедственных случаев военных судов русского флота. – СПб.: Морское Министерство, 1874.
3. *Богданов М. А., Гармашев А. А.* Эскадренные броненосцы «Гангут» и «Наварин» // *Стапель.* – 2007. – № 4. – СПб.: ЛеКо.
4. *Крестьянинов В. Я.* Судьба эскадренного броненосца «Гангут» // *Судостроение.* – 1986. – № 7.
5. *Чернышёв А. А.* Погибли без боя. Катастрофы русских кораблей XVIII–XX вв. – М.: Вече, 2012.
6. *Кузнецова Н.* Броненосец «Русалка»: трагедия и слава / <https://beta.baltija.eu/>
7. Сайт «Гибель крейсера «Паллада» / STENA. ee
8. *Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В.* Броненосные крейсера типа «Баян». – М., 1997.
9. *Веретенников Владимир* // *Lenta.Ru.* – 2016. – 18 мая.
10. *Князева Н.* // *Маяк.* – 2014. – 24 октября.
11. *Капитанов В.* Эсминец «Гавриил» // *Нептун.* – 2008. – № 6.

Берега прочтения

Людмила Воробьёва

Член Союза писателей Беларуси с 2017 года, лауреат Международной литературной премии им. Н. Гоголя «Триумф» (2019), Международной литературной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2017), Международного литературного конкурса «Славянский калейдоскоп – 2018», академик Международной литературно-художественной академии Украины (с 24 ноября 2019 г.). Автор книг литературной критики: «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018). Живёт в Минске.

Литературно-критические статьи публиковались в российских газетах: «День литературы», «Литературный Санкт-Петербург», «Дагестанская правда», «Приневский край» (Гатчина); белорусских: «ЛіМ», «Звезда»; журналах: «Берега», «Молодая гвардия», «Подъём», «Невский альманах», «Приокские зори», «Язык и литература: проблемы теории и практики» РАН Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, «Аспект» (Belgrade – Minsk), «Новая Немига литературная», «Белая Вежа», «Родное слова»,

а также на Интернет-порталах: «Российский писатель», «Литературный Санкт-Петербург», «Осиянная Русь», «Русское Воскресение», на сайте газеты «День литературы», холдинга Издательского дома «Звезда» – «Созвучие: литература и публицистика стран СНГ», республиканском сайте Союза писателей Беларуси.

«Божьего слова родник...»

О поэзии Натальи Егоровой

Любовь и слово – вместе вы всегда...

Наталья Егорова

Сегодня, когда мы можем наблюдать расширение границ различных литературных направлений, их уход от традиционных жанров и стилей, важно сохранить эстетическое соотношение правды жизни и правды искусства. Вот что пишет Наталья Егорова о современной поэзии, пытаясь разрешить проблемы русского слова: «Мы утратили нечто первостепенно важное и фундаментальное, – тот строй души, породивший особый строй русского стиха, который, подчас независимо от воли поэта и вразрез со сказанным, самим своим глубинным, неразрушимым христианским духом – любовью, гармонией, чистотой, архитектурной, звуком – свидетельствовал о том, что человек создан по образу Божьему». Дабы дать читателю почувствовать динамику забытой письменности, аромат древнерусского источника, обратимся к её стихам «Берестяная грамота», в которых она развивает идею Божественности Слова. Основа сущего – древнерусский язык славян, когда всё соединено в Боге, весь наш мир, представляющий вселенскую матрицу человечества с его бесконечным количеством судеб, записанных на всевозможных наречиях и языках:

Вскинешь голову – полночь, прохлада. / Звук неясный... Невнятная мысль...
И спит белизною и ладом / Рябь стволов, уходящая ввысь.
Словно букву, под веяньем мига / Метку чёрную тронет рука,
И раскроется древняя книга / В мерном шелесте березняка.
Это наши разлуки и встречи, / Весь наш мир до глубинных основ
Записала усталая вечность / На глаголице дальних миров.

Древнее Слово, полузабытое ныне, инобытие – самое трогательное прикосновение к душе человека, равноценное прикосновению Бога. И самые сильные, самые лучшие слова надо искать в истоках старославянского языка. Утерянная связь вещи и слова, не столь ощутимая сейчас, была неразрывна и очевидна на Руси. О чём это говорит? О том, что человек был ближе к Богу, к природе, к вечности, у этого человека не было лишних вещей и предметов, а было только существенное. Где и когда мы утратили эту «ариаднину нить»? – волнует и не покидает поэта мысль, от которой так много зависит в судьбе и в творчестве художника слова. Екатерина Козырева выделяет редкое качество литературного дара Натальи Егоровой – «писать стихи, как древнюю грамоту». Она и пишет их, словно разворачивает ветхозаветный свиток, вмещающий длинную историю земли, где открывается один исторический пласт за другим.

И за жизнь, что дарована даром / Вместе с белой берестой дней,
 Как за короб, набитый товаром, / Каждый просит цены – покрупней.
 Но ведь мы-то бессмертны, как Боги, / В блеске звёзд, на дорогах страны.
 И не зря этих рожиц чертоги / Шепчут в полночь, что мы спасены.
 И не вся наша правда – о хлебе, / Если лёгкий, как Божий сквозняк,
 Разметавшись в темнеющем небе, / Спит и грезит во сне березняк.

«Истина – есть духовное завоевание», – считал Н. Бердяев. Истинный момент мировоззренческих поисков Н. Егоровой, её духовное завоевание – первозданное русское Слово. В письме к Батюшкову Куприн говорил: «Но есть одна – только одна область, в которой простителен сам узкий национализм. Это – область родного языка и литературы». Он считал, что язык «требует самого нежного, самого бережного и любовного отношения», а «русскую народную культуру и мудрость» определял как «крестьянскую культуру и крестьянскую мудрость» («Слово о русском Слове», очерк А. Байбородина). Н. Егорова аналогично уверена в том, что сохранение нашей речи и нашего языка во многом означает и сохранение нас самих. Её стихи «Берёзовый венок», какие действительно можно назвать исконно русскими, поскольку катастрофически иссякает духовный родник, питающий подобную поэзию, напоминают нам о сакральных тайнах творчества, когда изначально поэт был человеком песенного и письменного текста. «Вскрывается Божье слова родник», и Боян, и Ходына – два русских песнотворца – поют о любви. Н. Егорова, а это невозможно сделать искусственно или, скажем, умышленно, концентрирует в себе уникальный талант: выразить в поэтическом слове целый спектр чувств, эмоций, смыслов, которые как Божественное благословение нисходят к ней свыше. Этот «берёзовый звук» «берёзовой музыки», характерный только для русской поэзии, чего не отыскать ни в одной зарубежной литературе, – непреходящая мелодия всей России и мелодия её мощной лиры, становящейся с течением времени лишь многомерней, философичней. Она гениально высвечивает значимость творческого и человеческого наследия выдающихся русских художников слова:

Я в берёзовой роще закрою глаза – / Меж стволами плывут голоса, голоса...
 Русский терем души, белой Троицы храм – / Только листья и слёзы кипят по стволам!
 Это Пушкин поёт о сиянии глаз. / Это Лермонтов демона зрит сквозь Кавказ.
 Это плачет Есенин о рощах земли. / Это к Блоку, как музы, летят журавли.
 Это Тряпкин из гнёзд выкликает скворцов. / Это спит в соловьином яйце Кузнецов.

В чём же вообще предназначение творчества? Проклятие невыраженности Н. Егорова рассматривает применительно к себе в стихах, написанных в форме доверительного разговора с самим Творцом: «Попросила я Бога: “Даруй мне, Святой, / Дар поэзии – счастье без муки! / Стоит мира подлунного сон золотой! / Стоят верности вещи звуки!”» Но бывает ли творчество без муки?! Занятие делом поэзии – ближе всего к понятию миссии, когда ипостась поэзии – само глубинное предназначение, как собственная возможность – справляться с жизнью. «Белый дом запылал посреди тишины. / И узнавши, что люди – не братья, / Я пошла по руинам великой страны, / Имя Бога твердя, как заклятье», – человеческое измерение, что соединяется с измерением Спасителя, как видим, при всей гиперболизации, художественном обобщении образов исключает что-либо абстрактное, чисто афористичное. Особая сосредоточенность авторской мысли направлена на усиление главного акцента, высвечивающего кардинальную цель – человек и Бог. Человечество же как таковое не имеет цели, когда одним человеком, говоря всерьёз, и стоит заниматься. Н. Егорова совершает выход в область собственной свободы духа, поражая своей крутой откровенностью. Для поэтов, подобных

Н. Егоровой, это неизменно, непреложно. Исповедальность её не замыкается лишь на себе, на своей личности, она полна боли за страну, за разорение отчих мест, за покинутые хаты и деревни, преданные забвению. Автор исповедуется перед Богом и за нас, тогда творчество и становится служением. Сегодня многие художники ставят человека не перед Богом, а перед собой, сосредотачиваясь на го-лом самовыражении, лишённом подлинной правды. «Великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений “исповедального характера”. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла, для того ли, чтоб родиться для новых созданий, или для того, чтоб умереть, – только оно может стать великим», – на все времена сказал Блок. «Меняются тревожные картины / Столиц, морей, роящихся светил. / Земную жизнь пройдя до половины, / Стою в лесу, как Данте говорил», – личное признание в текстах Н. Егоровой переходит постепенно в извечную философскую исповедь человека и художника, ответственного за свои земные деяния. Отсюда понятна и жизнестойкость такой строки: «Ищу и в безысходности исхода», как понятна и её гражданская «смелость жить разоренью назло...»

Следует обозначить и особенности художественного стиля, что присущи поэзии Натальи Егоровой, обратить пристальное внимание на процесс построения её стиха, совмещающий, казалось бы, несовместимое и вызывающий интерес своей достаточно объёмной композицией. Белинский всегда призывал художников создавать исключительно лаконичное и короткое лирическое произведение. Но у Н. Егоровой не всё однозначно, когда лирическое тесно сплетается с эпическо-драматическим. К тому же не бывает правила без исключений. Нет, я не пытаюсь доказать особую исключительность автора. Некоторые критики уже обращали внимание на длинноты её стиха, где-то чрезмерные для поэтического текста. Возможно и так, но лишь отчасти. Лично я нахожу всё возможное и невозможное в произведениях Н. Егоровой, мне они напоминают поэтические поэмы, либо особую поэтическую прозу, когда неисчерпаема глубинная философия каждой строфы, ты не можешь напиться, не можешь утолить жажду, генетически накопившуюся в тебе, разливающуюся в твоей крови, бегущую по твоим жилам и нервам. Всегда ли одна краткость – основное качество таланта? Тот же Белинский отмечал следующее: «Творческая деятельность поэта представляет собою <...> особый, цельный, замкнутый в самом себе мир, который держится на своих законах, имеющих свои причины и свои основы, требующие, чтоб их прежде всего приняли за то, что они суть на самом деле, а потом уже судили о них». Вот и многие стихотворения Н. Егоровой словно предчувствуют пред-стихотворный вариант, некий глубинный код, некую бесконечную словесную фактуру стиха. Вопреки канонам, она и творит свою поэзию, которую нужно понять и принять внутренне, в широком философском контексте, при этом осознать как непреложную данность, никем другим неповторимую, прочитать как собственную жизнь. А ещё услышать нарастающую, как гул, насыщенную метафоричность её поэтической речи. Н. Егорова изумительно использует такие тропы, как метафоры, которые тоже нужно чувствовать, ведь за ними очень часто стоит жёсткая конкретика.

Я жила, как кувшинка озёр и болот: / Донный стебель толкнув в никуда,
Выплывала над глубями тёмных свобод, / Чтоб цветок не накрыла вода.
На губах отцветал неслышанный стих – / Звук крушения, вкус лебеды.
Но держала я голову выше других, / Золотую – над топью беды.
Мир тянулся сорвать, не по-детски жесток, / Заплести меня в чей-то веноч.
Но пружинистый стебель звенел про исток, / Вглубь толкал непокорный цветок.
И посмела я сердцем живым уцелеть / В тёмной тине и омутах вод.
И посмела я песню по-своему спеть / О застойном дыханье болот.
О теченьях и илах на сумрачном дне, / О зелёной речушек крови,
О таинственной древней озёр глубине, / Что меня родила для любви.

(«С легких вёсел срываются брызги вразлёт»)

Здесь буквально всё построено на метафоре, красочной, эмоциональной и по-философски глубокой. У автора нет безысходности, новое и вечное начало побеждает. «Я знаю в поэзии толк!» – воскликнет она в других стихах, увлекающих своей сказочной фантастичностью. Или, к примеру, стихи «Гонец неземного эфира...», где получается особый и загадочный оттенок поэтического слова, который и придаёт жизни магнетическое напряжение, заставляющее автора «писать в неизвестную вечность, / Любить неизведанный Свет!». В русле этой метафорической образности не следует ставить во главу угла и сам критерий соответствия реальности в поэзии. Он в творчестве Н. Егоровой весьма условен.

Метафорическое восприятие мира, напряжённая образность, космическая интуиция дистанцируют художника от его текста. «Поэт начинается там, где кончается человек», – утверждал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, подразумевая то, что поэту открыто гораздо больше, чем обычному человеку, он способен творить то, чего нет, несуществующее. По мнению великого мыслителя и писателя Льва Толстого, именно только «реальное изображение жизненных безобразий есть самая большая ложь в искусстве, ибо не из них состоит жизнь». Нечто недостижимое, невидимое в реальности бытия пытаются найти и Н. Егорова, пытается постигнуть тайну слова. Слова и реальности исследовал Н. Бердяев в книге «Судьба России». Он писал: «Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живём в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимые от их содержания». Магическая власть слова, творящего чуда, живёт и в поэзии Н. Егоровой, в нём одном заключается и великое счастье, и неизживаемая боль поэта.

Достаточно тонко и не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд, раскрывается в творчестве Н. Егоровой и философия любви. Впрочем, сколько людей – столько историй любви. Исконная женская судьба выпадает у автора из обычного празднично-бытового ряда: любовь приобретает как всеобъемлющее, равносильное космическим стихиям, так и личное, глубоко исповедальное звучание. «За каплю веры – свет в ночном окне – / Грозится век десницею своей. / Я всё отдам, но дело не в цене. / Служу Любви, как лучшей из идей», – это великое чувство она обязательно укрепляет верой. «Бог есть любовь», – лаконично сказано в Священном Писании (1 Иоанна 4:8), но не секрет, что постижение данной истины требует порой целой жизни. Любовь и даётся нам как великий дар, как предназначение нести свет:

Диктуют звёзды, поджидает рок, / Грозится смерть, смакуя слово «прах»,
 Но солнцем жжёт огонь в разрывах строк / И вспыхивает выюгами в мирах.
 А в подворотне старенький фонарь / Скрипит всю ночь – киваю фонарю.
 В морозный шарф закутавшись, январь / Звенит коньками... Я опять люблю...
 И учит непрожитая зима / Вставать со льда, собрав осколки сил.
 Но что мне целый мир, коль я сама – / Вселенная в снегу ночных светил!

Нет, прямых параллелей не провожу, но отдельные произведения Натальи Егоровой напоминают и крупного русского поэта XX века Инну Лиснянскую, которая писала пронзительные стихи, полные сострадания к человеку, обожествляла любовь и жизнь, видела определённую свободу в самой смерти, открывающую новые возможности иной жизни, не обременённой телом. Душа же человеческому телу инородна: «Так сложилось моё бытие, / Что душа в моём теле первична / И вторичны покровы её», – мудро выделяла она суть главных вещей, перенося душу и любовь в вечность. Категории вечного в любви главенствуют и в поэзии Н. Егоровой: «Золотой весной воскреснуть / И полюбить в бессмертии своём!» – такая любовь ждёт лишь избранных. Её лирическая героиня дерзко и смело бросает вызов обществу, оправдывая страсть любви. Ведь страсть – слово многозначительное. Страсть – это и страдание.

Дай мне пройти цветущими садами / По улочкам, не знавшим перемен,
 С накрашенными дерзкими губами, / С бессмертным алым розаном Кармен.
 Пусть льётся свет. Звонят восторги встречных. / Гудят такси. Поют волос ручьи.
 И бьют часы в проулках – только вечность / Для всех влюблённых в городе любви.
 Не говори, что время к нам жестоко – / Грядёт пора стареть и умирать.
 Вольней и выше времени и рока / Влюблённых женщин огненная стать.

Ярчайшая метафоричность, когда весь мир словно вращается на мандельштамовской метафоре и «земля гудит метафорой...», будто встречаются равновеликие стихии. Только так и можно утвердить свою извечную женскую сущность, своё высшее право быть женщиной, обречённой на любовь. А иначе вселенная не имеет смысла, лишь ради любви в ней стоит жить и умирать! Невозможно запрограммировать жизнь, «любовь случайна...», она, словно «невызнанная тайна», не бывает без страсти: «Надену сарафанчик продувной. / Качну качели в неподвижных звёздах. / Смешает ветер волосы с листвою, / И месяц раскачается в берёзах. / Всплывут со дна кувшинок огоньки / Огнём любви и ревности забытой. / Спою, взлетев над омутом реки, / О вечной страсти дерзко и открыто». К тому же все произведения о любви проникнуты лиризмом, что-то есенинское сквозит в таких стихах поэта, как «Вечный май, горячий бред любовный...» – вещь «дерзкая» и редкая для сегодняшней русской лирики.

Дабы настроиться на восприятие стиха Н. Егоровой, обратимся к образности, к сравнениям, к символу. Мистическое произведение, своеобразная переключка с веком Серебряным:

За годами и снегом не видно во мгле, / Что нам Бог на земле приготовил.
Светит роза сухая на тёмном столе, / Словно сгусток запекшейся крови.<...>
Затянуло фрамугу узорами льда, / Паутиной седого мороза.
В мирозданье за рамой замёрзла вода. / Это я – твоя чёрная роза.
Это мне предназначено ждать и терпеть, / Тлеть и вянуть, считая напасти,
В паутине сухими цветами гореть, / В алый прах рассыпаясь от страсти. <...>
И сквозь годы и снег ощущаю спиной, / Как с весёлой и дерзкой отвагой,
Раскрасневшись от ветра свободы шальной, / Лепестки наполняются влагой.

Символ сухой розы говорит о метафизических предчувствиях неясности бытия, когда уходит время и чувства уже напрасны. Н. Егорова чудесным образом напитывает свою давно увядшую розу вспыхнувшим чувством любви, и она оживает, будто по велению свыше вдыхая в человеческую душу любовь. Образ розы присутствовал и в средневековой поэзии, земной мир как пустота внутри мировой розы воспринимается в самой мистической книге XX века «Розе Мира» Даниила Андреева, где роза – цветок, способный стать духовным оформлением нашей планеты, символом соборной Любви и вселенского разума. Только любовь способна возвысить нас над бренностью бытия: «А всё ж мы любили, и выжить на свете смогли мы...» – благодаря любви, нежной, спасительной и всеильной, убеждена Наталья Егорова. Ибо настоящая любовь вне времени. Она может ждать хоть целую вечность – любовь предопределяет жизнь и судьбу.

И вполне закономерно, о чём бы ни писала Наталья Егорова, к каким бы темам и образам ни обращалась, в её творчестве всегда ярко выражены грани православной традиции, на которой базируется русская литература. Валерий Хатюшин в критическом очерке «Без Божества» пишет о том, что «выше Бога нет ничего, и хотя бы только по этой причине религиозное чувство в человеке и в конечном счёте в художнике выше и важнее чувства эстетического». Известный поэт и публицист обращает внимание и на момент «отрицательной творческой энергии», когда художник намеренно отказывается от сакрального, сосредотачиваясь лишь на самовыражении, что в конечном итоге приводит его к духовному опустошению. Читая, поэзию Натальи Егоровой, как раз и убеждаешься, что феномен русской культуры и искусства вне своей религиозной природы и традиции не имеет смысла. Её произведения впитали многомерность, многосложность этой единой культуры, она сама живёт в её большом времени, оставаясь честна перед собой и перед читателем.

Всё в мире имеет путь и цель, всё движется к своему началу, к всеобщей жизни, сотворённой Господом. Собственное начало и заключает в себе это удивительное умение возвращаться к истокам. Поэзия Н. Егоровой возвращает нас к истокам народной памяти, к сокровенным истокам художественного образа Руси, к ясному осознанию единства всего живого на земле с единством бесконечного космоса. И возвращаться свойственно не только птицам, но и людям. Должна быть в жизни какая-то логическая завершённость. «Быть и сбыться – времени назло», – так скорбная и светлая поэзия Натальи Егоровой продолжает побеждать само время, продолжает покорять великой правдой, добром и красотой.

Завершая путешествие-исследование в мир поэзии Натальи Егоровой, с лёгким изумлением нахожу у неё и эти потрясающие стихи, настолько отчётливо, пророчески они звучат, словно написаны сейчас и адресованы нам всем, страстно мечтающим о любви и единении в столь смутные, неясные времена:

Дорогие мои, я прошу – продержитесь подольше,
Проживите побольше на этой весёлой земле.
Пусть в прихожей смеётся залётной судьбы колокольчик,
И глазуня шипит на тяжёлом дубовом столе.
Это просто, как жизнь. Надо только поверить: ты – вечен!
И любить эту землю и этих небес польнью.
И отступится зло. И окажутся долгими встречи.
И обиды, и ложь не польстятся на душу твою.
Так сойдёмся же в круг и степенно беседу затынем
Всё о том же, о том, что нас больно и ясно роднит.
Пусть гармошка поёт и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красною птицей парит.

Берега прочтения

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Мастер спорта СССР по хоккею с шайбой. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия».

Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки.

Автор одиннадцати сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России, лауреат двух Международных и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. А. Блока, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, им. И. А. Бунина, «Слово-2017».

Впечатление о сборнике поэзии Валентины Коростелёвой

«И всё-таки – в дорогу!..»

(Москва: ООО Издательство «Вече»)

В одном из разговоров с русским поэтом Геннадием Ивановым услышал от него фразу мудрого армянского поэта Амо Сагияна, который, размышляя о природе поэзии, сказал: «Первая строчка приходит от Бога, а дальше твоя забота – написать на этом уровне другие строчки».

Вроде бы, просто. Но, чтобы «твоя забота» привела к должному результату, необходимо получить «от Бога» не только первую строчку, а ещё и то, неподдающееся точным формулировкам состояние, которое испокон веков называют вдохновением.

Многие поэты посвящают этому – самому желанному – состоянию стихи. Вот как пишет о вдохновении Валентина Коростелёва:

*Сплетаются жизни мгновенья,
И будет лишь сниться полёт, –
Пока наконец вдохновенье
Тебя от земли оторвёт.*

*О, радость волшебного мига,
О, щедрость ума и души, –
Когда отпускают вериги
И музыка правит в тиши!*

*И не было горя как будто,
И – близость небесных светил...
За эти святые минуты
Кто сердцем своим не платил!*

Эта «музыка правит в тиши» тоже у каждого по-своему. Но поэт, опять же «от Бога», наделён свойством почувствовать и сказать о своём так, будто сказал о каждом из нас.

В поэзии Валентины Коростелёвой есть редкое сочетание – мудрости, которая приходит только с годами (да и то далеко не ко всем), и молодого мироощущения, которое подвластно лишь молодой душе. Поэтому, когда она говорит:

*... Но меня к земле не тянет,
Мне по нраву небеса... –*

это абсолютно органичное для неё состояние.

Вообще же вся поэзия Валентины Коростелёвой – это летопись души. Недаром Евгений Нефёдов, прекрасный поэт, свою пародию на неё закончил строками:

*Как много, душечка Валюша,
В твоей поэзии души!*

Причём в разных жизненных ситуациях, касается это лирики или даже публицистики. По-иному она не умеет, да и не хочет.

Например, Валентина в стихотворении «Когда жива душа...» пишет о себе:

*Жива душа – и путь заветный прям,
И дарит свет любимая икона,
А память возвращается к полям
Родной земли и небесам бездонным.
Когда жива душа – поёт любовь
И мёдом разливается по жилам,
И двум сердцам почти не надо слов,
Поскольку всё за них любовь решила.*

Не правда ли, ведь и в каждом из нас происходит нечто подобное, «когда жива душа»?

И будто продолжением разговора о том, что всегда живёт в нас и в памяти нашей и в свой срок оживает, звучит стихотворение «Любовь и свет»:

*Ах, было! Лишь глаза прикрою –
Летела жизнь на всех парах,
И было что-то гулевое
В весенних праздничных ветрах.
Мечты сбывались то и дело,
И не горька слеза была.
А это молодость гудела,
А это юность всё могла.*

*Мы были искренно счастливы
И не стыдились ясных глаз.
И честь, и вера в справедливость
Ещё вели надёжно нас...
А нынче всё на душу пало –
Волна чернухи, тяжесть лет –
И всё же сердце не устало
Благословлять любовь и свет!*

Думаю, две заключительные строчки этого стихотворения и дали посыл к названию книги, вышедшей в издательстве «Вече», потому что «и всё-таки в дороге...» поэт может сказать лишь в том случае, когда чувствует желание «благословлять любовь и свет». Ведь дорога бывает и внешняя, и внутренняя – «по волнам» собственной памяти, которая зовёт:

*Туда поехать, в вятскую глубинку,
Увидеть бесподобные снега
И трепетную тонкую рябинку –
С одной серёжкой в виде огонька.*

*Туда поехать, где дороги помнят
Моих шагов летучий говорок,
Где хоть и не бывало счастье полным,
Но был зато родимый уголок.*

*Туда поехать, в небыли и были,
Туда, где юность всё-таки была,
Где мы с тобой так многое любили,
Что и душа ранимая цвела...*

И конечно, не угасает память о тех, кто вынес все тяготы Великой Отечественной, как погибший отец Валентины, и мать, поднявшая и воспитавшая трёх дочерей. Тем более что с возрастом и мыслить начинаешь глубже, поскольку всё больше хочешь понять главное из того, что выпало постичь за прожитые годы.

*Вот и время жалеть матерей,
И прощать им капризы, как детям,
И прощаться потом у дверей,
И в тревоге не спать до рассвета.
А они, живы нашим теплом,
А уж коли точнее – любовью,
Возвращаются в старенький дом,
Где тускнеют полы и обои,
И, согревшись с дороги чайком,
Золотым, обжигающим губы,
Снова письма разложат рядом –
Те, что помнят военную вьюгу...*

Беречь в душе эту память и всё чаще обращаться к тем ценностям, о которых редко говорят, но чувствуют каждой клеткой кожи и жизнь свою соизмеряют именно с ними. У Валентины эта тема занимает немало места в творчестве, в том числе представлена и в этой книге:

*О, Судьба, ничего не итожь,
И не надо мечты оперенья, –
Сдёрни с неба вселенскую ложь,
Подари мне тепла и смиренья.
Я сегодня не девочка та,
Что зависит от сна и погоды.
Знаю я, в глубине – высота,
В укрощенье гордыни – свобода.
Лишь хватило бы сил побороть
Лихоимство привычек столетних!
Есть два слова – Любовь и Господь,
Остальное – что живо намедни.*

Но какими бы обобщёнными ни были философские размышления поэта, какими бы чарующими строками любовной лирики или лирики природы он ни наделял свои стихотворения, – без гражданского самосознания его поэзия не будет зрелой в полном смысле этого определения.

И когда уже в зрелом возрасте перечитываешь любимых поэтов или читаешь кого-то из заинтересовавших тебя в наши дни, постоянно ищешь слова, где выражена его гражданская позиция.

У Валентины такие слова особо искать не нужно, потому что её гражданскую позицию, прямо или косвенно, чувствуешь постоянно. Приведу лишь одно из таких стихотворений – «За душу русскую», – где так мудро и отчётливо это выражено:

*Судьба поэта – не малина,
Но страшно, если – на краю...
Уже я вовсе не наивна,
Но жизнь однако же люблю.
Пушай вино порою горько,
А счастья – так себе, щепоть,
Но видеть чёрное, и только –
Убереги меня, Господь.
Напоминай святую правду,
Рази неверия змею!..
Я не за левых, не за правых –
За душу русскую стою.*

90-е годы мало кого обошли своими потрясениями, и тем более не миновали творческих людей, острей и безжалостней вторгаясь в их жизнь. И многие строки той поры, да и нынешней в какой-то мере, – весомое этому свидетельство.

*Свалилось бремя фраз,
Всё странное измерено,
И ясно лишь сейчас,
Какие сны утеряны.
Немало битых нас,
Не ласканных парижами,
И ясно лишь сейчас,
Какие силы выжжены!..*

Могу ещё долго приводить полюбившиеся строчки стихотворений или поэмы «Баный день», которую так «сочно» написать по силам только русскому, но, думаю, любое произведение или книгу лучше читать самому, оставшись наедине с мыслями, поведанными тебе автором. Ведь у каждого из нас собственное восприятие, основанное на эстетическом вкусе, жизненном опыте, человеческой позиции... Стоит добавить, что многие стихи, вошедшие в книгу, нашли своё место и на страницах таких журналов, как «Москва», «Наш современник», «Север», «Родная Ладога», «Берега», «Сибирь», «Молодая гвардия», «Александр»...

Мне лишь остаётся поблагодарить замечательного современного поэта Валентину Коростелёву за то, что подарила возможность ощутить истинную поэзию, читая этот сборник.

*...А дух – он приходит с огромной любовью
Вот к этому небу, вот к этому полю,
И к этой бабушке на старом крыльце,
И к этой знакомой и сказочной печке,
И к этим, под небом сияющим, далям,
И к этим дорогам, где жёны рыдали,
Когда кандалы всю округу будили,
Когда на войну навсегда уходили...
Зарубки на сердце – безбожные были,*

*Но ангелы с этой землёй говорили,
И вряд ли бывает ей богаче и краше,
Но лишь бы навечно была она нашей!..*

Берега прочтения

Владимир Подлuzский

Владимир Всеволодович Подлuzский родился 5 июня 1953 года в селе Рохманово Брянской области. С отличием окончил Санкт-Петербургский государственный университет, Академию государственной службы и управления при Президенте РФ, Брянский сельхозинститут. Поэт и публицист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. За роман в стихах «Тарас и Прасковья» удостоен звания Лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества». Печатался в журналах: «Наши современник», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Берега», «Родная Ладога», «Подъём», «Александръ», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Днепр», «Новая Немига литературная», «Десна», «Глаголь», в «Литературной России», «Дне литературы», «Российском писателе» и в других изданиях. Его подборки вошли в «Антологию русской поэзии. Век XXI» и в «Антологию военной поэзии», «День поэзии». Живёт в Сыктывкаре.

Сказ о романе в стихах

*«Тараса и Прасковью» писали тысячи брянцев и запорожцев.
Я их только чуть-чуть отредактировал*

Эссе

Икона осветилась

Тогда я был млад и глуп. Честолюбив. Как все поэты, гонялся за славой. Под лёгким хмельком на берегу могучей северной реки, куда я только что перебрался из брянской Гордеевки, в творческом запале рвал советские «синие» деньги и обещал будущей жене написать громкий роман. Надеюсь, что выйдет проза. Под статью шолоховской. Через три десятка лет зазвонили, сначала глухо, как из-под льда хариусной Ижмы, притока Печоры, колокола поэзии. Музы давали о себе знать всё звонче и звонче. Звучали уже с буйных порогов Днепра у Хортицы, где я служил полтора года сержантом и встретил многих своих будущих героев. Под статью... Ну, сами решайте – кому.

На месте промёрзшего пустыря, на обрывках посеянных трояков, вырос сельхозбанк. В нём потом в сладком чине бухгалтера пересчитывала приваловские и прочие миллионы подруга жены. А однополчане иных времён, как я и предсказывал в «Тарасе и Прасковье», стали из гаубиц и миномётов молотить соседние с Запорожьем города и станицы Донбасса.

Ещё колокола мне пели про брянских красавиц, одну из которых я собирался выдать замуж за лихого парубка из приднепровских степей. Перебрал их в памяти добрую сотню, но ни одна не подходила под образ задуманной мною Прасковьи Шипикиной. Имелись лишь крохотки нужной внешности и внутреннего обаяния. По замыслу, героиня должна была стать литературной Параскевой-Пятницей, дочерью брянской партизанки и лётчика, полковника-фронтовика. С полувековой книжной судьбой, начавшейся в начале семидесятых в возрасте семнадцати-восемнадцати лет и дошедшей до почтенной, всё ещё красивой матроны, дождавшейся уже в наши дни внуков. Объединяющей черты известной православной святой и живой русской девушки, родившейся на Брянщине, у границы с Украиной. Лучше всего в Климовском или Погарском районах, хорошо мною изученным по работе в местных газетах. В Пашины матери с русским именем Арина вполне годилась моя бывшая квартирная хозяйка из Погара Софья Ильинична Федосеенко, дочь комиссара партизанского отряда имени Чапаева, и Александра Васильевна из унечского Рохманова, тоже партизанка, заведующая фермой. Родная сестра легендарного директора Брянской филармонии А. В. Шаповаленко. Некоторые черты взяты у старой разведчицы из климовского Разрытого. О похожей бабушке я писал очерк во Мглине.

Кое-что в образ главной героини внесли юные обитательницы тех районов. Однако самые красочные мазки внезапно добавила подлинная Любовь Б. из Запорожья, с кем лет десять назад как-то вдруг подружились на Майле.

Корни её из Климова. Бабушка Любы осталась круглой сиротой. Маленькой девочкой годика в четыре вместе с чуть старшим братом они пешком отправились в Киев к тётке. Я не могу представить – как, но они дошли, преодолев более двухсот вёрст. Брянский характер. Через годы внучка Люба оказалась на запорожской земле и вышла замуж за казака. Сама стала лихой и оказаченной. Она может, выгалкиваемая змеями, плыть вблизи Хортицы по Днепру. Может взобраться по скользкой глине на крутую скалу кошевого атамана Ивана Сирко, обладавшего, по преданиям, сверхъестественной силой (характерник, маг, колдун). Наказывающего всех, кто решается потревожить полковничий покой.

Живёт Люба в квартире с видом на Днепрогэс и даже пару лет назад согласилась за не такие уж и большие гривны выкрасить плотину в цвета триколора. Прямо промышленная альпинистка. В юности ведь была парашютисткой. Как и Прасковья. Держит небольшую лавку, предлагая форменным оселедцам и усам трубки, чубуки, тютюны. Тут пути прообраза не сильно расходятся с персонажем. Владелицей элитного именного ателье, шьющего известным киевлянкам русские сарафаны. Неизменной патриоткой России, гордящейся сыном, марширующим Девятого мая по Красной площади.

Впрочем, и Люба не потеряла генной русскости, брянскости. Охотно с мужем взяла в скорый поезд на вокзале дитё у совершенно незнакомой женщины, умоляющей забрать с собой её маленького сына, чтобы увезти подальше от только что нагрянувшей чернобыльской беды. Сама мама выехать не могла. Взяла у четы лишь адрес. Появилась в Запорожье через месяц. Естественно, эпизод отлично вошёл в авторскую характеристику Прасковьи.

Добавлю, что мальчика звали Тарас Шевченко. Полный тёзка Кобзаря. Если помните из одного из моих эссе, такова девичья фамилия супруги моего однополчанина Николая Самсоненко. О чём я узнал года через три после выхода романа. Как и то, что у неё есть цыганская кровь. Цыганка в роду была и у моего героя Тараса Уса. Даже танцевала перед Пушкиным в Бессарабии. Скажете, случайно я так написал? Не соглашусь.

В гостях у супругов Самсоненко их невестка Татьяна, филолог, спросила: «Как же вы смогли всё предугадать»? Я молча указал пальцем в потолок. Мол, всё пришло сверху! «Это заколашивалось Слово / На святого Летнего Николу». (То есть роман я начал писать 22 мая 2006 года.) Так подчёркивается в стихотворном прологе.

Когда я впервые читал начальные страницы романа, где несколько раз упоминается Николай Угодник, то слушавшая меня на Брянщине по телефону двоюродная сестра, у дома которой, как у бабы Ванги, в те годы со всей страны на машинах собирались толпы, желающие получить душевное и физическое исцеление, воскликнула:

– О, икона Николая Угодника осветилась!

Работа над романом закончилась в Духов День 4 июня 2012 года.

*Шёл я в церковь за святой водою
Меж постриженными тополями.
Вслед калеки под руку с бедою
Радостно стучали костылями.
Может быть, за то, что с Николаем
Восходил мучительно я к Богу,
Мир на Духа показался раем,
Снизшедшим в праздник на дорогу.*

Эти строки в романе поставили точку.

Отец Роман

Когда я лежал под наркозом после сложной операции в реанимации и врачи ничего не гарантировали, жена, узнав о моём тяжёлом состоянии, взяла из палаты только что привезённую на правку по недавней моей просьбе рукопись «Тараса и Прасковьи», пошла в церковь. Обратилась за помощью к священнику. Тот ответил, что всё в воле Божьей, но рукопись благословил на издание в Сыктывкаре. И тут жена, вздрогнув, услышала обращение служки к иерею:

– Отец Роман!

Позже уже сам сходил за благословением к нему, а по издании подарил том, на голубой обложке которого (любимого цвета Богородицы) образы любимых моему сердцу Тараса и Прасковьи, подсказанные автором художнику Алексею Попову (!) до мелочей. Между ними вдали православная церковь.

Стоит ли говорить, что через день после окончания романа ко мне на Пушкинском празднике подошёл очень известный в Коми бизнесмен и меценат Николай Николаевич, лауреат почётной греческой премии за открытие в Элладе залежей марганца, и без подготовки сказал:

– Сбрось мне на электронку роман. Я прочитаю. – Сам русский поэт, блестяще окончивший аспирантуру МГУ, он вскоре пригласил меня к себе домой и за дружеским столом заявил:

– Я издам твой роман. Подготовь расчёты и укажи издательство.

Кто его надоумил, тоже знаю. (Двоюродная сестра просветила.) Да и вы, надеюсь, сами догадываетесь.

Знакомство Тараса и Прасковьи предрёк Паше в первой юности забредший в их дом шарманщик, обладающий способностями волхва. Видать, он знал, что их дальние предки познакомились под Стародубом в военных стычках со шведским войском, спешащим к Полтаве. В другом поколении будущие родичи дружат уже во времена Переяславской Рады. Как говорят на Брянщине, любовь моим героям была наонована. И они познакомились. В Брянске. Там Тарас служил после окончания Мулинской артиллерийской сержантской школы. На одном из местных заводов. В медпункте. Солдаты тогда при случае нередко, с выгодой для части, помогали рабочим. В основном тяжести таскали. Вот Ус слегка и надорвался. Поясница стрельнула.

Фельдшер Прасковья Шипикина, мгновенно его узнав по описанному шарманщиком портрету, обильно, можно сказать, от всего сердца, вымазала будущему жениху йодом спину. Самому бравному сержанту показалось, что мазала не йодом, а мёдом! Словом, брянская краса зацепила казака. Да и сам Тарас уже не раз видел суженую во сне.

У русской Прасковьи и украинца Тараса двое сыновей. Каюсь, Остап и Андрей. Пусть Николай Васильевич не обижается. Остап – выпускник Рязанского училища ВДВ и академии. Служит в Российской армии. Полковник. Вот-вот получит генерала. Прошёл и Кавказ, и Балканы. Вместе с женой. Военной медсестрой, рожавшей сыновей между походами. По задумке автора, когда получит третью генеральскую звезду, станет губернатором Запорожья. Всё, кажется, к тому в городе на Днестре идёт.

Андрей – талантливый учёный-оборонщик. Убеждённый бандеровец. Между изобретениями промышляет разбоем на русской границе, прикрытой кадровыми российскими военными частями. Как и случилось через пару лет после выхода романа в настоящей, а не литературной жизни. Братья, как враги, сталкиваются в бою в Сербии. Но всё у них заканчивается сливовицей и трудными размышлениями о будущих судьбах Украины и России.

Что касается фамилии Ус, то я её не выдумал. В нижегородском Мулино мы с её обладателем учились в одной разведбатарее. Вместе попали служить на его родину. Чистейший запорожец. Рослый. С пшеничными усами. И потаённой любовью к горилке. Конечно, и Ус (имени не помню), и Николай Самсоненко не могли полностью создать образ Тараса, сына Героя Соцтруда, впоследствии главного инженера, председателя колхоза, первого секретаря райкома, а после развала СССР вахтовика-нефтяника в Сибири, поднакопившего там деньжонок и купившего хуторок в степи под Запорожьем. Так сказать, хохлацкого довольно успешного фермера, до Майдана торговавшего овощами и фруктами с Россией. Ещё добрый десяток мужиков по обе стороны границы помогли довести образ героя до кондиции. У каждого за плечами по сотне-другой живых «припёк». В том числе и среди украинцев, живущих и промышляющих вахтами в нашей стране. Север, например, ими полон.

Сирин и Гамаюн

Теперь я понимаю, что роман в мою судьбу был вписан заранее. Его только требовалось выстрадать и положить на бумагу, всё время чутко прислушиваясь к небесам. Работая газетчиком в Погаре, Мглине, Климово, Комаричах, Суземке, Гордеевке, поэт Владимир Подлузский купался в россыпях русских характеров, многочисленных говоров, до коих не добрались ни Даль, ни Ожегов, невероятных судеб, всеобщих раздумий и собственных прозрений. Слава богу, я в те годы не оказался в вожделенном «Брянском рабочем», главной газете Брянщины, который в миг бы отдалил меня от благословенного народа. Главного источника вдохновения. Каждый день надо мной витали мифиче-

ские славянские птицы Сирин и Гамаюн, свившие гнёзда в отведённых им закоулках произведения. Добрым словом я вспомнил в романе многие райцентры, сёла, посёлки и просёлки. Почти всегда сохранял брянскую топонимию. До сих пор многие прообразы, даже мимолётных персонажей, коих в произведении около полутысячи, живут в Унечском, Климовском, Мглинском, Погарском, Суземском и других районах. При том не подозревают, что сослужили литературе добрую услугу. Надеюсь, эссе восполнит сей исторический пробел. Тысячи брянцев помогли мне написать роман в стихах «Тарас и Прасковья». Все они из прежних советских времён. И вполне заслужили, чтобы остаться на страницах отмеченного Москвой произведения. Среди прообразов бывший первый губернатор Юрий Лодкин. Писатель. Представляющий на автобусной остановке девицам меня в юные годы солнцем брянской поэзии. Телевизионный журналист Борис Соколов, газетчики Владимир Гуторов, Юрий Раханский и Александр Ковалевский. Со всеми я не раз в жизни встречался и обо всех могу сказать только добрые слова. Коррупционные скандалы и аресты губернаторов на Брянщине и в Коми тоже в романе были предсказаны. Что легко проверить.

Словом, крест, возложенный на меня в два годика в Бытоши моим дедом-священником, которого, как попа-зэка, с Беломорканала после личной напряжённой беседы освободил сам Сталин, и густой флёр мистики, приданный деревенским детством в противовес крестильной рубахе, создали густо удобренную духовную почву для романа. После праведных речей проповедник месяц ждал расстрела, а получил команду на выход с вещами и бумагу в Орловскую епархию на новый приход. Непознанное жило каждую ночь в любом уголке родного унечского Рохманова. Сотни бытовавших тут легенд всегда имели некую подоплёку. Местный Звонов лог мало чем по сказам отличался от тургеневского Бежина луга. Кажется, и сам Гоголь, ездивший по лужам в коляске через соседний Погар, бывал в нашем селе и подсмотрел своих будущих героев. Не зря каждое лето с братьями моей бабушки Марии Тимофеевны, поповны и учительницы, Николаем и Александром, учившимися в Неженской семинарии, приезжал в Рохманово их соученик Павло Тычина, впоследствии знаменитый украинский письменник. Неудачно, между прочим, сватавшийся к бабушке. Помню лишь в домашнем архиве плотные и полустёртые снимки-картонки гарных парубков в парадной «бурсовской» форме. Если добавить, что далёкий предок по отцу ещё в конце 17-го века был ректором Киево-Могилянской академии, а дядя родителя, академик, числился одним из редакторов Русских орфографических словарей, то сам Бог мне велел засесть за роман «Тарас и Прасковья».

После публикации на знаменитом местном портале Брянск TODAY, куда поэт отправил письмо по ошибке, думая, что пишет в «Брянский рабочий», а на самом деле следуя планиде, я понял, что почти фантастическая история с получением в Москве Национальной литературной премии не закончилась. Она требует пояснений и анализа. Попробую осмыслить то, что, как считают литературные критики, понять почти невозможно. Сам шестилетний литературный процесс.

То есть довольно условное время работы над классической, как считают многие, вещью. По крайней мере, на одном из русско-украинских порталов её посетили за семь лет более десяти миллионов человек. Иногда до десяти тысяч за сутки. Особенно в канун Майдана. Ведь в романе, вышедшем за два года до киевских событий, можно сказать, непостижимым образом расписан весь сценарий госпереворота. Вплоть до доставки из тюрьмы Юлии Тимошенко в «неведомой колеснице» на Козье болото, где бесновался митинг. И вплоть... до возвращения на трон Виктора Януковича. Которое всё более, судя по опросам украинцев, становится реальным. Зря Администрация Президента Украины отмолчалась, когда я отправил электронную версию романа задолго до сумасшествия и крови. Хотел Виктора Фёдоровича предупредить. Письмо до сих пор бродит в Интернете. Как потерянная гоголевская грамота.

Моя помощница мусульманка Назира

Презентацию вышедшей книги (29 декабря как раз ей было восемь лет), русские и украинские диаспоры вскоре тогда провели в американском Бостоне и немецкой Вестфалии. Любопытно, что в Штатах организатором читательской конференции была узбечка, мусульманка, кандидат юридических наук, родившаяся в Самарканде и успешно защитившаяся в Москве Назира Коршиева. Когда она училась в России, настойчиво предлагала своим русским друзьям, среди которых были учёные, общественные деятели, писатели, священники, прочитать главы из ещё не опубликованного романа. Те читали и, по словам Назир, очень восторгались. Дама даже ходила с электронной распечаткой

на приём к пресс-секретарю Патриарха. Между прочим, выпускнику Литинститута. И тот обещал показать рукопись Святейшему. Как я с Коршиевой познакомился? Да сама попросилась в соцсетях в друзья. Написала, что роман вошёл в её сердце. А если честно, на моё произведение навела её коллега и подруга из Запорожья Татьяна Журавлёва, связавшая меня потом с тамошними писателями, знакомыми по областному литобъединению при Союзе писателей, которое я иногда посещал, будучи ещё сержантом срочной службы. Читал свои стихи по-русски. Оценки выслушивал на украинском. В том числе от истинных маэстро Павла Загребельного и Натана Рыбака.

В специальных папках у меня хранятся положительные отзывы из Канады, Новой Зеландии, Крита и других заповедных местечек. Знаменитая Казахстанская Ванга – Вера Лион, не сходящая с мировых экранов, которую я знакомил по мере написания глав с романом, назвала вашего покорного слугу пророком. Упомянутый тут Александр Ковалевский сравнил роман с «Горем от ума» и составил своеобразный словарь цитат, будущих, на его взгляд, афоризмов.

А на конце выстрел

Я почти никогда не вёл дневников. Не верьте, что писатели без них не обходятся. Ещё как. Отсутствие заметок стирает из памяти ненужные детали. Остаются важнейшие блоки, которые легко потом поддаются философским обобщениям. Иногда, правда, ругнёшься про себя, что не записал, и начинаешь напрягать память.

Трудно ли было писать роман? Скажу так: нелегко. Были, правда, дни и даже недели, когда сегодня стоило задумать главку из трёх-четырёх страниц и она назавтра являлась на свет божий. Некоторые шли вообще без всякой авторской правки. Что настораживало и даже пугало. Несколько раз, как бы извинившись, напоминал читателю, что я только переписчик уже созданного на небе. Так что прошу высокие понятия талант и гениальность отнести к Творцу, а не к вашему покорному слуге.

А с чего, собственно, всё началось? Где-то лет семнадцать назад мне всё чаще стали вспоминаться армейские будни. Я вдруг понял, насколько сильно полюбил Запорожье и свой реактивно-миномётный дивизион из прославленной в войну артбригады. По крайней мере, батарея капитана Флёрова, давшая первый в истории залп из «Катюш», входила именно в неё. Точнее, в наш дивизион. Вспомнился командир подразделения – подполковник Погорелов Николай Михайлович. Может, даже брянский родом. Потому что он как-то попросил Николая Самсоненко, зама командира взвода управления, обратиться к родителям с несколько необычной просьбой. Прислать маринованных брянских грибочков. Наверное, был на седьмом небе от счастья, когда Коля передал ему гостинец. Это был настоящий русский офицер, типа лермонтовского Максима Максимовича, прихрамывавший после Чехословакии и с гордостью носивший орден Красной Звезды. Мне он прочил большое литературное будущее и на некоторые мои молодецкие проделки поглядывал сквозь пальцы. Вот ему я и захотел посвятить поэму, вылившуюся в роман.

Очень быстро мои наброски в каких-то сорок страничек (на выходе без малого четыреста) раскритиковал писатель Николай Фёдорович Иванов. Я понял, нужно создавать многоплановое полотно, и легендарный земляк стал одним из первых читателей. На сей раз оценка была близка к самой высокой. Об этом я услышал от тогда ещё сопредседателя Союза писателей России Н. Иванова прямо из кабины мощного грузовика МЧС, входящего с колонной гуманитарного груза в Донецк. Мне показалось, что мой роман тоже въезжает в Донбасс, как один из берегов Русского Мира. Потом, между прочим, он окажется на столе у тогдашнего руководителя Союза украинских писателей Виктора Баранова. На пока ещё мирном Крещатике. Несколько отрывков из романа в год юбилея Гоголя опубликует в Москве один из культурных Центров при украинском посольстве.

У Тараса и Прасковьи, символизирующих Москву и Киев, как и у наших стран, тоже была размовка. Из-за необоснованной, в общем-то, ревности. Вплоть до срывания со стены берданки. Тарас, встретив смелый и готовый ко всему взгляд Прасковьи, так и не смог выстрелить. Зато потом, когда в дом первого секретаря райкома партии перед разломом СССР нагрянут бандеровцы и начнут пытаться Уса его же саблей, доставшейся от далёких казацких предков, Прасковья схватит табельный пистолет мужа и ранит одного из налётчиков. Другие в ужасе сбегут. Вот такая любовь. Это вам, дорогие читатели, ничего из современной истории двух стран не напоминает?!

Русский мир без границ

Берега Австрии

Интервью Нелли Холлер с Виктором Клыковым

*русским переводчиком, инженером,
экономистом-международником, поэтом,
журналистом, живущем в Австрии*

«Наполнить смыслом каждое мгновение!»

1. Уважаемый Виктор, здравствуйте. Поздравляю Вас с серьёзным юбилеем – 80 лет! Как Вы себя чувствуете? Как переносите карантин коронавируса?

– Мы, к счастью, не заболели. И карантин в Донауштадте, задунайской части Вены, где мы живём, проходит довольно легко. В этой части города не так много людей на улице. Рядом старица Дуная (Мюльвассер), вдоль неё естественный парк, где приятно прогуляться в хорошую погоду. Да и литературной работы много – начал писать воспоминания.

2. Очень интересно. В Вене Вы известны как руководитель Литературного клуба «Русская поэзия в Австрии» при Российском Центре Науки и Культуры. А как складывалась Ваша жизнь в Советском Союзе? Если не ошибаюсь, Вы ведь родились за год до войны. Что Вам особенно запомнилось из военного и послевоенного времени?

– Помню, как холодной ночью меня привезли в затемнённый город (Ярославль), на плечах внесли в дом, оставили на кухне в темноте у печки и надолго забыли. Там было тепло и приятно, но очень хотелось есть. И тут я увидел на столе тёплый чугунок с дымящейся картошкой. Я не вытерпел и съел одну картофелину, другую... А когда за мной пришли, то картошки-то и не осталось. Потом родственники долго вспоминали этот случай, а я много позже написал стихотворение «Чугунок 43 года». В Москву вернулся в 1947 году, жил в самом центре нашей столицы. Из этого времени особенно запомнились два исторических события города и страны, в которых я счастлив был принять участие. Первое – это торжественное открытие спорткомплекса «Лужники» в июле 1956 года, самого современного на долгие годы спортивного сооружения в стране. Это была ударная стройка. Комплекс был построен всего за 450 дней на низком берегу Москвы-реки на сильно заболоченной почве, где до этого выращивали капусту. Поэтому всю площадь под комплекс пришлось поднимать почти на метр и вбивать в землю 10 тысяч свай.

Весной того года к нам в школу пришли люди и отобрали учеников для участия в открытии стадиона в Лужниках. В июне в подмосковном спортивном лагере мы занимались спортивной гимнастикой и готовили программу выступления. Для нас это была большая честь, поэтому мы все очень старались и очень хорошо выступили. Надо сказать, что этот стадион был главной спортивной ареной и Летних Олимпийских игр 1980 года в Москве, в которых я тоже принимал участие, но уже как переводчик французского языка.

Второе событие – это VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве в июле 1957 года. На этом фестивале я выступал несколько раз в танцевальном ансамбле на сцене главного павильона ВДНХ перед фонтаном «Дружба народов СССР». После окончания концертов я ехал домой на Пушкинскую площадь в латышском национальном костюме. На улицах было очень много праздничной публики. Меня останавливали и просили дать автограф, и я, к всеобщей радости, с удовольствием

расписывался в протягиваемых мне блокнотах. Это чувство всеобщей радости и свободы, пожалуй, можно сравнить с похожими чувствами, охватившими всех во время чемпионата мира по футболу в 2018 году. Это я видел, гуляя по Красной площади, Никольской улице и в центре Москвы.

3. А чем был знаменателен для Вас следующий период Вашей жизни? Какое образование Вы получили? Может быть, Вы встретили любимую девушку на всю жизнь?

– Вы как в воду смотрите. В 1958 году я поступил в Московский инженерно-строительный институт им. Куйбышева (МИСИ). На следующий год постановлением правительства другой Московский институт инженеров гражданского строительства Моссовета был влит в наш институт. И на том же факультете оказалось много красивых девушек. Одной из них была Оля, которая и покорила моё сердце. Она стала моей верной спутницей на долгие годы. Мы стараемся поддерживать друг друга во всём. Многие творческие проекты мы также делаем вместе.

4. Виктор, а как Вам удавалось сочетать работу инженера с работой переводчика?

– По первому образованию я и моя жена инженеры-строители. Но я ещё в институте окончил специальные курсы иностранного языка, это позволило мне работать не только инженером, но и переводчиком французского языка. Осенью 1964 года я работал переводчиком-стендистом на первой в СССР Международной выставке строительных машин в Лужниках. Там произошла моя встреча с Н. С. Хрущёвым. Он осматривал выставку и неожиданно появился пред нашим стендом. Мы выстроились: французы, муж с женой, и я. Хрущёв подошёл и энергично пожал нам руки. Меня спросил: «Ты кто?» – «Я русский, инженер-строитель», – отрапортовал я. «Молодец!» – похвалил он меня и пошёл со своей свитой дальше. Я ошалел и недели две не мыл пожатую руку, хвастаясь перед родственниками и знакомыми. А через две недели его сняли, когда он отдыхал в Крыму. Была фотография, где я с Хрущёвым на первом плане, но её, к моему сожалению, стащил французский архитектор павильона. Он был на фото в толпе на заднем плане. Вот такая история.

По окончании учёбы в МИСИ меня направили на работу в Научно-исследовательский институт технологии автомобильной промышленности (НИИТАВТОПРОМ) инженером по промышленной вентиляции в конструкторский отдел. Это была очень интересная работа, мы создавали новое технологическое оборудование для автомобильных заводов страны, и я один в институте занимался разработкой для него вентиляционных установок. Две работы с моим участием получили государственную премию.

Учитывая моё знание иностранного языка, руководство приглашало меня время от времени в качестве переводчика на встречи с французскими делегациями в Министерстве автомобильной промышленности и разрешало брать отпуск за свой счёт для работы переводчиком на международных выставках Всесоюзной торгово-промышленной палаты СССР.

5. Я слышала, что Вы встречались с Юрием Алексеевичем Гагариным. Где и как это произошло?

– Да, это так. В 1965 году меня пригласили поработать переводчиком фирмы А. Туполева в советском павильоне на Международном авиационном салоне в Бурже во Франции. Однажды по павильону разнеслась весть: «Космонавты приехали, космонавты и... с ними Юрий Гагарин!» После прогулки по салону Юрий Алексеевич с космонавтами К. П. Феоктистовым, В. М. Комаровым и Б. Б. Егоровым, уже изрядно уставшие, пришли к нам в павильон. В Париже стояла ужасная жара. Их пригласили передохнуть и пообедать. Космонавтам захотелось пива, но его не оказалось. Тогда я бросился в ближайший киоск и на свои деньги купил ящик пива. Космонавты были довольны, пригласили меня сесть с ними за стол. Как замороженный, смотрел я на них и слушал их разговоры. Прощаясь, Юрий Алексеевич подарил свою фотографию и по моей просьбе подписал её моей жене: «На память Оле Новокрещеновой – Юрий Гагарин». Это была незабываемая встреча. Тогда же я познакомился с О. К. Антоновым, генеральным конструктором самолётов серии «Ан». Его воздушный гигант «Антей», самый большой в мире самолёт-аэробус, стал на салоне настоящей сенсацией. Другой сенсацией советского павильона были вертолёты М. Л. Миля, впервые показанные за границей. Оба выдающихся конструктора были замечательными людьми. У меня сложились с ними тёплые дружеские отношения. Очень симпатичным при встрече оказался и родоначальник французской авиации Анри Потез, на самолёте которого летал и погиб замечательный писатель и лётчик Антуан де Сент-Экзюпери.

*Встреча с французской авиаделегацией.
Справа налево: Миль, Антонов, Дементьев,
Клыков, 1965 г.*

6. А как Вы стали экономистом? Вы же могли бы и дальше работать инженером и переводчиком.

– Да, Вы правы. Но в 1967 году было принято решение строить новое здание института, и руководство решило сделать меня своим представителем в этом проекте. Предложение было финансово выгодно, но оно не соответствовало моей специальности и надолго связало бы мою жизнь с ним, так как в стране тогда строили очень медленно. Одновременно меня пригласили в научный институт Госплана СССР на технико-экономическую работу, более отвечающую моим интересам. Работая там, я окончил Высшие курсы Госплана и стал экономистом со специализацией «планирование». В 1971 году поступил в очную аспирантуру Института экономики АН СССР, где защитил диссертацию к. э. н. по теме «Экономическая эффективность международных инвестиционно-производственных проектов». Разработанная мной методика оценки их эффективности использовалась, в частности, в рамках сделки века «Газ – Трубы» СССР – Германия 1972 – долгосрочного соглашения между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германия о поставке в СССР труб большого диаметра, которые тогда не делали в стране, и другого оборудования для строительства газопровода в Западную Европу с оплатой их газом. Построенный тогда газопровод до сих пор снабжает газом Европу.

7. Виктор, а когда и почему Вы приехали в Австрию и как сложилась здесь Ваша жизнь?

– Здесь соединились закономерность и случайность. После защиты диссертации, связанной с международным сотрудничеством, я, естественно, стремился работать и дальше по этой проблеме. Участвовал в подготовке и проведении международных экономических симпозиумов. Но Институт экономики занимался в основном внутренней экономикой нашей страны, и продолжать работу по теме диссертации я не мог. Однажды в институт пришла заявка на экономиста для учёбы на факультете экономистов-международников Академии внешней торговли. Случайно узнав об этом, я подал необходимые документы, сдал экзамены и был принят. После короткой стажировки и окончания Академии в 1983 году меня пригласили на работу в Организацию Объединённых Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) в Вене.

Самое замечательное было то, что я работал в ЮНИДО по теме моей диссертации, занимаясь подготовкой технико-экономических обоснований инвестиционных проектов для развивающихся стран. В этой работе я смог использовать все мои знания, полученные в институтах, опыт инженера и экономиста и знание иностранных языков. Об этом раньше я мог только мечтать. Помогали мы также и нашей стране в разработке национальной методики на основе методологии ЮНИДО для оценки таких проектов. Кстати, в 90-х годах с группой экспертов ЮНИДО я провёл в Калининграде для местных специалистов учебный семинар по использованию «Компьютерной модели для разработки Технико-экономических обоснований инвестиционных проектов (КОМФАР)». Позже за работы по методологии технико-экономических обоснований инвестиционно-производственных программ был избран членом-корреспондентом Международной академии системных исследований (МАСИ). Награждён Памятной медалью «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову». Последние два года по просьбе правительства Алжира я представлял ЮНИДО в этой стране, работая директором её офиса. Проработав в ЮНИДО 18 лет, я получил возможность и дальше жить в Австрии. Вена очень красивый и приятный для жизни город в любое время года. Читайте мои стихи на эту тему.

8. В каких странах Вы ещё побывали и что Вам больше всего запомнилось? Вы ведь работали в Африке. Может быть, Вам что-нибудь известно о происхождении прадеда С. А. Пушкина Ганнибала?

– Работая в ЮНИДО и живя в Вене, я постоянно ездил в командировки. По делам службы побывал в более чем 30 странах, особенно часто в Африке. Одной из интереснейших была командировка в Чад и Камерун в 1990 году. Поездка в Чад была рискованной, так как там только что закончилась война с Ливией и в стране сохранялось военное положение. Но мне надо было туда лететь с экспертами ЮНИДО, чтобы обсудить на месте предварительные итоги нашего обоснования строительства цементного завода и заодно осмотреть месторождение известняка в Камеруне для будущего проекта. По дороге в Камерун мы остановились переночевать на озере Чад, воспетом Н. Гумилёвым в его романтических стихотворениях «Озеро Чад» и «Жираф». К моему разочарованию, озеро оказалось пустынным и прозаичным. Мы не увидели ни пальм, ни жирафов. Далее из Чада недалеко от города Логон мы въехали в Камерун. Я не обратил внимания на название Логон. Но российская экспедиция, организованная в 1999 году в связи с 200-летием со дня рождения А. С. Пушкина, доказала, что его прадед А. П. Ганнибал был сыном султана, родился в султанате Логон, находившемся в конце XVII – начале XVIII века на территории, в те времена принадлежавшей Эфиопии, а теперь Камеруну. И возможно, не случайно Н. Гумилёв в своей африканской экспедиции оказался именно в этой местности, так как город Логон в связи с Ганнибалом уже упоминался в его время. Вот так неожиданно командировка ООН позволила мне соприкоснуться с историями наших великих поэтов, а также написать стихотворение «На озере Чад». К этому добавлю, что А. Ганнибал в Камеруне теперь считается национальным героем. В этом году я был приглашён в Камерун на Дни Абрахама Петровича Ганнибала, которые должны были пройти с 31 марта по 4 апреля этого года в столице Яунде. К сожалению, из-за коронавируса всё отменилось. Но в Вене, к радости российских соотечественников и австрийских друзей русской поэзии, можно пойти к памятнику его правнуку Александру Сергеевичу Пушкину, почитать его стихи и поговорить с ним. Так мы и делаем. А в его день рождения каждый год собирается особенно много народу, школьников и взрослых.

9. При такой занятости Вы ещё уделяли время общественной и литературной деятельности. Как Вы успевали?

– Знаете, если вам интересно, то многое можно успеть. Ещё в детстве мой старший брат привёл меня в танцевальные коллективы Дома медработников и Клуба МВД в Москве. Моя любовь к танцам сохранилась на всю жизнь. И почти через тридцать лет уже в Вене я в 1984-м начал снова танцевать и петь в хоре Представительства СССР при Международных Организациях в Вене, потом в хоре «Русский сувенир», в ансамблях «Калинка» и «Кумушки», созданном моей женой Олей, вплоть до 2016 года. После выхода на пенсию встал вопрос, как жить дальше? Полная потеря нужности обществу! Всё, что сделал, осталось в тех организациях, где я работал. Но ведь не всё! Ведь параллельно с основной работой я писал стихи. Конечно, когда появлялось время и соответствующее настроение и, особенно, когда надо было выразить свои чувства восторга или разочарования, эмоции негодования и радости, любви. Ещё в 1992 году я отобрал несколько стихов и сделал для себя мою первую книжицу «Чувства и впечатления» на компьютере в одном экземпляре. Читал стихи жене, друзьям-приятелям. Нравилось. Тогда я понял, вот где моё спасение! Надо собрать мои стихи вместе и сделать настоящую книгу! Это было трудно, я ведь писал в записных книжках, на отдельных листочках, салфетках в разных странах, в метро, поезде, самолёте, в кафе, в отпуске, рано утром и поздно вечером, ночью. За десятки лет стихи были перемешаны с другими бумагами в Москве и в Вене. Много не сохранилось. Пришлось хорошо потрудиться, чтобы их собрать, отобрать интересное, доработать и сделать из этого настоящую книгу. На это ушёл примерно год. Показал другу семьи Владимиру Устинову, известному музыканту и поэту. Он сделал несколько замечаний и сказал: «Можешь опубликовать». Книга «Сердце русское волнует...» вышла в Москве в 2001 году. Правда, для вывоза её за границу нужно было получить справку в Таможенной службе Российской Федерации. Справка была с таким неожиданным заключением: «Предъявленные произведения печати являются современными изданиями и как предметы культурного назначения не представляют значительной культурной ценности». Увы и ах! Сначала расстроился, а потом понял, что с другим заключением я бы её не вывез.

*Встреча клуба «Русская поэзия в Австрии», Вена, 2009 г.
Слева направо: поэты Бирюков, Мнацаканова, ..., Кацюба, Клыков, Кедров*

После этого я полностью посвятил себя литературной деятельности. Стал принимать участие в поэтических конкурсах. Был неоднократно отмечен. В 2004 году – победитель от Австрии Первого международного поэтического конкурса «Литературной газеты» среди соотечественников, живущих за рубежом. В 2010 году – победитель конкурса, посвящённого 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, с награждением медалью А. С. Грибоедова. Позднее получил медаль «Литературный Олимп» и орден В. В. Маяковского «Светить всегда» от Лиги писателей Евразии, Союза писателей и переводчиков России, серебряную медаль Давида Бурлюка, отца русского футуризма, от Академии Зауми. Увлёкся поэтами классического авангарда. Стал писать стихи в этой технике. Участвовал также в международных литературных встречах и фестивалях поэзии в России и в других странах. В 2009–2010 годах представлял Россию на Европейском фестивале поэзии в Австрии, в 2018 году – на Международном фестивале поэзии и ликёра в Китае. В 2017–2018 годах был членом жюри Международных литературных фестивалей «Центр Европы» в Полоцке. В 2018 году – Серебряный лауреат 2-го Евразийского литературного фестиваля ЛиФФТ в Москве. Мои стихи и эссе опубликованы в семи книгах и в многочисленных антологиях, журналах и газетах на русском, немецком, английском, французском и китайском языках.

В 2006 году создал литературный клуб «Русская поэзия в Австрии» при РЦНК в Вене. Остаюсь его бессменным президентом. К настоящему времени проведено более 115 встреч с общим посещением более 3000 слушателей. На встречах кроме членов клуба выступали известные российские, австрийские и другие иностранные поэты. Наиболее значимым стало проведение клубом в 2009 году Русско-австрийских дней литературы и поэзии в Вене с приглашением известных поэтов русского авангарда XXI века: К. Кедрова, Е. Кацюбы и С. Бирюкова. Посвятил им стихотворение.

В 2008–2011 годах был членом Координационного Совета Соотечественников, проживающих в Австрии, по литературным проектам. Последние три года участвую как сопредседатель в работе Литературного Совета Ассамблеи Народов Евразии и в подготовке поэтических антологий «Писатели Современной Евразии», а также фестивалей ЛиФФТ в России и в странах Евразии. С 2009 года я член Московской городской организации СП России, представитель в Европе Союза писателей России, литературной группы «ДООС» (Добровольного общества охраны стрекоз), Союза писателей XXI века и др. Член австрийского Центра Международного ПЕН-клуба и литературного Общества любителей лирики (Die Gesellschaft der Lyrikfreunde).

Виктор и Ольга с семьёй. Золотая свадьба

10. 18 июля Вам исполняется 80 лет! Немцы говорят в этом случае, что это возраст, которым можно гордиться. А чем Вы гордитесь больше всего, оглядываясь на прожитые годы?

– Я горжусь тем, что в целом успешно работал переводчиком, инженером, экономистом, учёным и международником, добился результатов, которые принесли пользу не только мне и моей семье, но и людям в нашей стране и в тех странах, где я работал. Кроме того, я стал неплохим поэтом со своим индивидуальным почерком. Теперь я понимаю, что мудрость жизни в том, чтобы наполнить смыслом каждое мгновение и быть самим собой наперекор судьбе.

11. Считаете ли Вы себя счастливым человеком?

– Да. У меня любимая жена, дружная семья, дочка, внук и внучка. Недавно внук порадовал нас замечательным правнуком. Когда происходят радостные события в семье, когда я делаю то, что захватывает меня полностью, когда приходит вдохновение, я пишу стихи, и они получаются! Вот мгновения, когда я совершенно счастлив! А с моей женой Олей мы уже отпраздновали золотую свадьбу.

12. Поздравляю Вас с этим замечательным событием, не каждому выпадает такая удача в жизни. А как Вы думаете, Вы добились целей, которые Вы поставили перед собой в юности? Или цели возникали постепенно в процессе жизни?

– Знаете, в начале пути я не ставил каких-то глобальных целей. Меня интересовала жизнь вокруг. Узнавая её, я начал пробовать себя в доступных мне направлениях. Цели появились в институте, когда я понял, что люблю иностранные языки и мою будущую профессию. Цели менялись и формулировались мной в процессе жизни. На разных её этапах они были разные. Но если я брался за что-то, то обязательно стремился достигнуть максимальных результатов. Мне кажется, что мне это удалось. Моя жизнь – творчество во всех областях, которыми я занимался. И как сказал поэт: «Цель творчества – самоотдача!»

*Беседу вела Нелли Холлер,
профессор, доктор философии, Вена, 27.05–16.06.2020*

Виктор Клыков

ЧУГУНОК 1943 ГОДА

Опять симфонию дождя
играют в небе небеса,
а я задумчиво стою
и вспоминаю жизнь свою.
Была война и Ярославль.
Он затемнённым был тогда,
Я вижу ночи чёрный мрак,
в которой на больших плечах
меня вносили в тёмный дом –
он сладко печкой пах.
Тот, кто принёс меня,
в другую комнату ушёл,
где свет горел, был шум и гам
и взрослые гуляли там.
А я был рад
остаться в кухне в темноте
и греться у печи в тепле,
забыв про ночи холод, мрак.
Потом сказала тётя мне:
«Гуляли мы не просто так.
В тот день узнала вся страна,
что первый город нами взят,
что гоним немцев мы уже –
у всех был праздник на душе.
А в Ярославле прошлой ночью
бомбили грузовой вокзал,
но не убили никого,
попали в сахарный состав.
Народ доволен был и рад:
достался людям рафинад».
Пришли друзья, чтобы отметить
столь долгожданную победу
за дверью в комнате большой,
меня забыв на кухне тёмной
у печки тёплой.
А ОН стоял, большой и чёрный,
КАРТОШКИ полный, ещё тёплой,
чугунный чудный ЧУГУНОК.
И... я открыл мой ротик, РО-О-О-ОТ,
и ел её с мундиром вместе,
и рот закрыл, когда во мне
последний клубень сладко таял.
Тут взрослый кто-то подошёл
и чугунок пустым нашёл.
Все гости в кухню сбежались
и очень долго удивлялись:
такой мальчонка с ноготок
СЛУШИЛ КАРТОШКИ ЧУГУНОК!
«Ну, Витёк, каков шельмец,

А в общем, парень – молодец!..»
И вспоминали много лет,
Каким голодным был малец.

ГАГАРИН

Всё замёрзло, пустынно блестит,
А в Смоленске тепло ещё было.
Первый снег тонким слоем лежит,
Проезжаю Гагарин¹ я мимо.

Ах, Гагарин, Гагарин – мне друг,
Очень часто тебя вспоминаю,
Как в Бурже мы увиделись вдруг:
Пива кружка, улыбка простая.

Ты тогда был уже знаменит,
Над землёю летать продолжая,
Как Икар, вдохновлял ты живых,
Эру новую нам открывая.

И сейчас ты живёшь сквозь года.
Люди космос уже обживают.
Профиль твой на вокзале мелькнул –
Будто юность меня провожает.

ОСЕНЬ В ВЕНЕ

Осень, ясная осень,
осень на улице так хороша...
Золото листьев в небе кружится,
ей подпевает тихо душа.

Жёлтая осень в окна стучится,
золото листьев в небе парит.
«Только хорошее может случиться», –
тихо, мне тихо душа говорит.

Новая осень, совсем молодая,
пышная баба, румянец горит.
Вена нарядная пьёт и смеётся,
весело в вальсах и в листьях кружит.

В венских гаштетах жизнь забурлила,
шраммелей музыка бодро звучит,
вино молодое графинами пьётся,
молодость снова в сердце стучит.

Выпьем за Вену, за тёплую осень,
за то, что так вольно, приятно дышать,
за то, чтоб хорошее только случилось
и чтоб нам в Вене жить-поживать!

¹ Гагарин – город в Смоленской области.

Русский мир без границ

Берега США

Вера Зубарева

Вера Зубарева – доктор филологических наук. Родилась в Одессе, проживает в Филадельфии. Автор литературоведческих монографий, книг поэзии и прозы. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Главный редактор журнала «Гостиная», президент проекта «Русское Без-рубежье». Первый лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной и других международных литературных премий.

Колыбельная для взрослых

* * *

Ветер в грусти задувал звезду.
С колокольни глазела птица.
Всякий в захоlustье на виду,
И в его нуле единица.

Каркнул ворон, словно дали под дых,
Свет зари по росе прохлопал.
Запотел от мыслей простых
Лобастый купол.

Переплыли небо облака
И аукнулись басом.
– Этот день уйдёт наверняка, –
Убаюкивал разум.

* * *

Лунный свет бродил по берегу,
Гребни тёплых волн очерчивал.
По утёсу крутоверхому
Рисовал прибой подсвеченный.
Спали дети в дальних странствиях,
Покрывалось небо звёздами,
И в его безбрежном царствии
Только боги были взрослыми.
То и снится, что аукнется
В памяти, где мы – вчерашние,
Где уводит к морю улица
Чуть запавшей чёрной клавишей.
Там сидим на побережье мы,
Временем не опечалены,
И следы детей по-прежнему
Скачут буквами печатными.

* * *

Это ничего,
Это только ветер,
Это только машина завелась у дома,
Это только голубь
На подоконнике бредит
И голубка бубнит в ответ монотонно.

Это только поздняя осень в учебнике.
Это только запах жёлтой страницы.
В нём настольная лампа
И свет предвечерний...
Это ожил отец.
Это только снится.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ах, ухватиться б за подол заката,
И плыть, и плыть – туда, где, не объято
Никем, пространство жмётся на краю
Всего земного, что уму понятно,
И напевает «баюшки-баю».

И на зеркально-синей акварели
Качаются, как лодки, колыбели,
Плывут, как сны, туманы вдоль земель,
И лунный свет играет на свирели
И нить судьбы мотает на свирель.

А ночью кроны – что большие крыши.
Под ними заклинается в двустийше
Магическое «баюшки-баю».
Ты слушаешь. Ты спишь. А край всё ближе.
Как ни ложишься, проснёшься на краю.

И смешивая сумрак с небесами,
Единый кто-то, множась голосами,
Поёт одно и то же: «не ложись!»,
Но исподволь меняет всё местами.
Очнёшься, вздрогнув. Полоснёт, как пламя...
«Кто это был?» И вдруг прозреешь: жизнь.

* * *

Оттого ль, что ветер стукнул в окно,
Оттого ль, что чеканка стёрлась в луне,
Оттого ль, что из всех приснившихся снов
Только этот заученно снится мне,
Оттого ль, что, на рифах навек осев,
Безутешно из вод сигналит маяк,
Оттого ль, что кто-то прошёл сквозь свет,
Сдвинул ночь, опрокинул звезду второпях,
Оттого ль, что сделалось там темно,
Оттого ль, что небо сковал ледник,
Ты за тысячу световых снов
«Ш-ш-ш!» сказал и ко мне приник.

* * *

Последний час,
Который отдан солнцу.
Оно уже не проникает вглубь,
Оно на верхних этажах, на кронах,
Само, как плоскость –
Светлый плоский диск.
Объём огня потерян до заката,
Потерян так, как будто бы сто лет
До потрясения солнцем, до возврата
Мазка – в явленье, а штриха – в предмет.
Объёмы сумерек, объёмы ожидания...
И расплылось в раздумьях мирозданье,
И не найти связующую нить,
И ядовито потемнели шторы,
Чтоб сразу за вопросом «Час который?»,
Незыблемое в зыбкое сманить.

* * *

Вечер заполнил комнату доверху,
Будто открыли шлюз,
Дав свободу фиолетовому воздуху
С вкраплениями русаловидных муз.
Выхватываются пламенем из невесомости
Ручки кресел и мимика стен.
И даже радуешься, что нет совести
У ночных аварийных смен.

* * *

Моря достались Альбиону...
А. С. Пушкин

Ночь состоит из ломаных линий
И вспышек комнаты между веками.
Уснёшь, и снова в тёмном камине
Древо шаркает сухими ветками,
Волхвует, откатывая дни за днями.
«Не тот ли, – думаешь, – дуб зелёный?»
И продвигаешься к долговой яме.
А море отчаливает к Альбиону.
Крошки звёзд просыпались в пропасти,
Налетели чёрные птицы-вороны,
Молчаливо склевали горсть за горстью,
И раздул их ветер на четыре стороны.
В середине мира – дыра над бездною.
На вершине мира – кормушка звёздная.
У подножья мира – кровать железная
И чьё-то «я», никем не опознанное.
Свечка, зеркало, горстка пепла,
Сползло Лукоморье к самому склону.
Там же звезда перед смертью ослепла.
Кому всё достанется? Спи. Альбиону.

* * *

Утечка летней благодати, и дождь
Срывает небо в приступе истерик,
А ты идёшь, идёшь, идёшь, идёшь –
Как одинокий движущийся берег,
Минуя погрустневшие дома,
Стоящие всю жизнь свою на рейде.
Мечта уплыть – навек погребена
В фундаменте, как мавзолее смерти.
Всё мимо, мимо – чьих-то окон, глаз,
Планет, сосущих млечности созвездий...
Ты движешься, и сохранён баланс
Между чредой стремлений и бездействий.
Ты порождаешь цели бытия –
Его извечный вектор, центр и фокус.
И предназначен постигать тебя
Вокруг располагающийся космос.

* * *

Прохлада к вечеру – как охлажденье.
Мир возвращён делам первоначальным.
В себя приходят медленно растения,
Покачиваясь в такт воспоминаньям.
От слишком концентрированной дозы
Тумана, начинающего таять,

Не может вспомнить, где должны быть звёзды,
Сырых небес рассеянная память.
Зачем-то прожит этот день, зачем-то
Остались волны мутного, живого.
Здесь кто-то был и усугубил лето,
И на прощание расплавил слово.
Упала тень от ветки на ступени.
По ним с утра вбегали только сутки.
И кто-то ожил, обхватил колени
И слушал уплывающие звуки.
Преодолев накопленную вялость,
Поднялся ветер и разнёс их в клочья.
От августа до сентября осталась
Часть вечера и капля ночи...

ЖЕЛЕЗНОВОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ

1

Уже прояснилось подножье горы,
Всё выше ползёт туман,
На вершине клубятся облачные пары,
Как действующий вулкан.

Гора вернулась издалека,
Можно сказать – с небес,
И эти последние облака
Снимают её стартовый стресс.

Какая всё-таки здесь благодать!
Сиди, не разгибая спины,
И расписывай, как церковь, свою тетрадь
Строчками всевозможной длины.

Нет-нет и взгрустнётся всё же о том,
Что муж твой – не горный дух,
И ждёт тебя типовой твой дом
С мусорником для мух.

А тёмный воздух касается крон
Или твоей головы,
К горе подступают со всех сторон
Сумерки, точно волхвы.

И ты сидишь, закусив губу,
И сил шевельнуться нет,
Будто решит и твою судьбу
Их чернокнижный совет.

2

Горбунья гуляла по парку,
По тихим аллеям сырым.
– Как славно сегодня, не жарко! –
Сказала, как мы говорим.
Но голос особенный, певчий,
Таких не бывает у нас.
Не речь, а сияние речи –
Возник, озарил и угас.
А леса клавиатура
Звенела под эхо-педаль.
И шла её бабка хмуро,
И молча сверлила даль.
На волосы русой горбуньи
Листву роняли дубы,
И знали лесные колдуньи
Значенье её судьбы:
Однажды, свернувши к лесу,
От горной тропы левой,
Она превратится в принцессу
Семи голубых кровей.

3

Бог бросает пригоршни птиц
С вершины своей горы.
Небо, вышедшее из-под рук кружевниц,
Ловит его дары.
Совсем мальчишка. Никаких забот.
С утра до ночи один.
Не носит нимба и вообще живёт,
Словно простолюдин.
Он так легкомысленно мчится вниз,
Выделывая «колесо»!
И я умоляю себя: «Берегись,
Он быстро забудет всё».

4

Последний вечер. В сиреневый свет
Нарядилась моя гора.
Со склонов мне машут все, кто воспет.
– Прощайте, – шепчу, – пора!
На вершине торжественно зажигается Марс
В их, разумеется, честь.
А меня можно выдумать тысячу раз
И как угодно прочесть.

Русский мир без границ

Берега Франции

Николай Вырубов

Николай Васильевич Вырубов в военной форме.
Париж. 1945 г.

Генерал Франции Пешков, приёмный сын Горького

(подготовка публикации, перевод и комментарии Екатерины Фёдоровой)

В последние 20 лет в периодике было немало публикаций, посвящённых удивительной судьбе генерала французской армии Зиновия Пешкова, брата большевика Якова Свердлова. Сегодня мы представляем новый документ – личные впечатления и соображения о нём соратника по борьбе против нацизма Николая Васильевича Вырубова. Стилю Вырубова, война и практика, присуя лаконизм, скупость выражения и точность – во всех дошедших до нас воспоминаниях и свидетельствах (Обращаем внимание на издание: Русский барин – герой Франции Н. В. Вырубов. – М., 2017). Эта черта делает и эти его заметки выразительными и исторически ценными.

Публикатор данного текста – племянник Н. В. Вырубова, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, сообщает: «В своих бумагах я нашёл страницы публикации из какого-то французского периодического издания. Это – воспоминания моего дяди, героя Французского Сопротивления Николая Васильевича Вырубова (1915–2009), посвящённые генералу Французской армии Зиновию Пешкову (1884–1966). Они содержат интересные и, быть может, неизвестные российскому читателю сведения о крестнике писателя Максима Горького».

Е. Фёдорова

Зиновий Пешков. 1916 г.

Генерал Пешков

Недавно опубликованная книга, которую написал М. Юр (М. HURE), рассказывает о французской жизни генерала ПЕШКОВА, опуская все обстоятельства его происхождения и жизни в России. Здесь мы приводим воспоминания, написанные свидетелем, близким как к самому генералу, так и к его самому тесному кругу. Они дополняют и уточняют воспоминания М. Юра.

Соломон Свердлов, будущий генерал ПЕШКОВ, родился в Нижнем Новгороде (Россия) в 1884 году. Совершив поддельное крещение ¹, он возьмёт имя Зиновий и фамилию своего крёстного отца ПЕШКОВА, более известного по его литературному псевдониму: Максим ГОРЬКИЙ.

Отец Соломона, Михаил, держал типографскую мастерскую, и на ежегодной Нижегородской ярмарке 1896 года, где он владел ларьком, он и познакомился с Максимом ГОРЬКИМ, который выставил там свои книги.

¹ В XIX – начале XX века евреи в Российской империи часто принимали христианство для того, что это снимало ряд существенных ограничений, действовавших до 1917 года и применяемых к исповедовавшим иудаизм.

Младший брат Соломона, Яков СВЕРДЛОВ, был революционных убеждений, стал близким другом Ленина и первым главой РСФСР в 1917 году; обе его сестры были преданными активистками, сам же Соломон – более сдержанным революционером.

Максим ГОРЬКИЙ, познакомившись с семьёй Свердловых, проникся симпатией к Соломону и решил взять его под своё крыло.

В 1902 году Горький, по выходе из тюрьмы за революционные сочинения, был помещён под домашний арест в г. Арзамасе Нижегородской области. Он пригласил к себе Соломона в качестве секретаря и предложил помочь ему в продолжении образования. Соломон, обладая актёрскими дарованиями, хотел поступить на драматическое отделение Московского филармонического училища, но ему препятствовали как еврею, не желающему обращаться, и пришлось ему совершить фиктивный акт крещения. В Арзамасе был священник, о. Федор Владимирский, политически им близкий, к тому же нуждавшийся в деньгах для осуществления проекта по разведке воды; ГОРЬКИЙ вручил ему 1000 рублей и взамен получил акт крещения, согласно которому Соломон СВЕРДЛОВ стал Зиновием ПЕШКОВЫМ, а ГОРЬКИЙ – его крёстным отцом.

Благодаря этому акту крещения в 1903 году Зиновий смог поступить в школу Московского художественного театра; в 1904 году он был призван на 4-летнюю военную службу, но, желая уклониться от неё, ободрённый в этом ГОРЬКИМ, который достал для него заграничный паспорт, уехал в Финляндию, откуда отправился в Канаду. И это станет началом его долгого путешествия. При содействии ГОРЬКОГО он проживал в США, Новой Зеландии и Австралии, так и не найдя ни работы, ни постоянного места жительства.

В 1910 году, находясь всё ещё на перепутье, Зиновий уехал в Италию к ГОРЬКОМУ, на Капри. Он женился на молодой русской женщине Лидии Бурого, которая в 1911 году родила ему дочь Елизавету.

Не имея работы и средств к существованию, в 1912 году Зиновий уехал в Канаду с женой и ребёнком. Жена находит работу в Торонто, а Зиновий работает на шахте в другом конце страны.

Поскольку жизнь его всё ещё неустроенна, друзья побуждают семью вернуться в Италию, но и там он оказался не в состоянии обеспечить семью, и жена получает развод в 1913 году.

В 1914 году, когда была объявлена война, ГОРЬКИЙ призывает всех русских, которые не могут вернуться в Россию, вступить во французскую армию. Таким образом, Зиновий вступает в Иностранный легион в Марселе.

В 1915 году он потерял в бою руку и был освобождён от действительной службы, но не вышел из Легиона. Он будет выполнять множество поручений на службе в армии или на Набережной д'Орсе¹, со временем получая чины и звания – вплоть до выхода на пенсию в чине генерала.

В 1940 году он живёт в Марокко и решает присоединиться к генералу ДЕ ГОЛЛЮ в Лондоне, совершив путь через Нью-Йорк. Генерал ДЕ ГОЛЛЬ поручает ему множество миссий, повышая в чинах, которые должны соответствовать миссии. Он будет бригадным генералом при фельдмаршале Яне Христиане Смэтсе² в Южной Африке, а затем генерал-майором при Чан Кайши³ в Чунг Кинге. После войны он будет послом Франции в Токио со званием генерал-лейтенанта.

В 1917 году, возвращаясь назад на родину, посол Франции при русском Временном правительстве Жозеф Нуланс⁴ держал при себе капитана ПЕШКОВА для контактов с революционными

М. Горький, З. Пешков, сын М. Горького Максим

¹ Французское министерство иностранных дел находится на набережной Орсе, и поэтому МИД Франции часто называют именем улицы.

² Ян Христиан Смэтс (1870–1950) – военный и государственный деятель Южной Африки, премьер-министр Южноафриканского союза (1924–1948) и фельдмаршал (с 1941).

³ Чан Кайши (1887–1975) – президент Китайской республики, маршал, генералиссимус.

⁴ Жозеф Нуланс (1864–1939) – французский дипломат, в 1917 году – посол Франции при Временном правительстве России. После Октябрьского переворота 1917 года – один из организаторов заговоров и восстаний против Советской власти, будучи посредником между Антантой и белогвардейскими организациями России.

*Елизавета Зиновьевна Пешкова.
Италия. 1937 г.*

кругами, которые необходимо было убеждать прервать агитацию в рядах армии в пользу прекращения войны – важнейшая тема революции.

Во время своего пребывания в Петрограде ПЕШКОВ встретится со своим младшим братом Яковом. Но их политические разногласия приведут к окончательному разрыву и осуждению Зиновия революционными лидерами, что будет иметь драматические последствия для его дочери Елизаветы¹, когда она, выйдя замуж за секретаря посольства СССР в Италии, вернётся в страну в 1937 году.

Именно во время пребывания ПЕШКОВА в Петрограде мой отец, тогдашний заместитель министра внутренних дел², познакомился с ним.

ПЕШКОВ окажется в контакте с правыми кругами, поддерживающими свержение правительства Керенского. Замешанный в перевороте генерала Корнилова, он будет отозван в Париж.

Зиновий никогда не заботился о своей дочери Елизавете, которая жила в Италии и Франции. Ей помогали друзья. А её мать, вскоре после развода в 1913 году, снова вышла замуж за итальянца.

В 1934 году Елизавета вышла замуж за секретаря посольства СССР Ивана МАРКОВА³. У них родится сын Александр, и к моменту их возвращения в СССР она будет носить под сердцем второго ребёнка.

Вскоре после их прибытия в Москву МАРКОВ будет арестован и расстрелян. Елизавета, через три месяца после рождения второго сына, Алексея, тоже будет арестована, помещена в тюрьму и избита так, что попадёт в тюремную больницу. Она будет разлучена со своими детьми, помещёнными в детский дом. Тюремное заключение продлится до 1944 года, до тех пор, когда старший офицер, узнав о её прошлой специальности, добился её назначения в армейский переводческий отдел, где она будет находиться до 1949 года. Оставаясь осуждённой, она будет вновь отправлена в ссылку – до 1960 года⁴. После реабилитации она отправится жить в Сочи,

¹ Елизавета Зиновьевна Маркова-Пешкова (1911–1989) – училась в монастырской школе, в гимназии и коммерческом училище, окончила университет в Риме (отделение романских языков). В 1934 году вышла замуж за И. А. Маркова и приняла советское гражданство. Отец был против её брака с сотрудником советского посольства. После ареста мужа арестовали и её. Добываясь доноса на мужа, выбили ей все верхние зубы. Находясь в лагере, в 1944 году Е. З. была вызвана для работы с иностранными языками и преподавания в закрытых военно-учебных учреждениях; за успешную работу ей было присвоено звание ст. лейтенанта админ. службы. Но в результате «кадровых гонений» на её покровителей в 1949 году она была выслана из Москвы. После реабилитации мужа ей один раз разрешили побывать на могиле отца в Париже и несколько раз – в Италии. См.: Я. В. Свирида <https://vkimo.com/елизавета-пешкова-работала-в-ВИИЯ>. 20.04.2020.

² Василий Васильевич Вырубов (1879–1963) – земский деятель, товарищ (заместитель) министра внутренних дел во Временном правительстве России в 1917 году. В эмиграции – председатель и член Временного всероссийского земского союза за границей (Земгор), оказывавшего помощь русским беженцам; член парижской группы партии кадетов.

³ Иван Александрович Марков (1903–1938) – старший лейтенант органов НКВД. Сотрудник Советского посольства в Италии. Разведчик-нелегал. В 1937 году «засветился» перед итальянской полицией и был вынужден вернуться в СССР. Расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности. Реабилитирован в 1957 году.

⁴ Елизавета Пешкова работала в ВИИЯ. «В 1944 году генералу Н. Биязи, возглавившему Военный институт иностранных языков, потребовались преподаватели для налаживания нормального учебного процесса... Он вспомнил о своей знакомой по Италии Елизавете Марковой и разыскал её с помощью своих подчинённых. Он сильно рисковал своей репутацией. Надо заметить, что нарком внутренних дел Берия пошёл на некоторые послабления в отношении осуждённых в колонии-поселении... Генералу Биязи удалось вернуть Елизавету из ссылки, разыскать её двух сыновей, предоставить для проживания двухкомнатную квартиру... В Москве было холодно и голодно, спасал продовольственный паёк от института. Елизавета начала преподавать итальянский и французский язык на разных курсах... В мае 1946 года, согласно приказу начальника Главного управления кадров, старшего преподавателя по вольному найму кафедры итальянского языка Маркову-Пешкову определили в кадры ВС СССР и назначили на эту же должность с присвоением воинского звания старший лейтенант административной службы. Казалось, все её мучения и горести позади... В 1947 году... Елизавету Зиновьевну «допустили к исполнению должности начальника кафедры итальянского языка»... А в декабре 1946 года на генерала Н. Биязи посыпались доносы «доброжелателей» в Главное политуправление Красной

*Иван Александрович
Марков*

*Е. З. Пешкова. Москва.
1940-е гг.*

*Сыновья И. А. Маркова и Е. З. Пешковой
Алексей и Александр. 1960-е гг.*

где окажется в тяжёлых условиях. Она найдёт двух своих сыновей¹. По случаю визита Жоржа Помпиду, встреча которого с Брежневым проходила в Сочи, она подаст запрос на визу во Францию, чтобы повидаться с отцом; так, лишь много лет спустя, в 1974 году, она получит её; и тогда же, по просьбе Набережной д'Орсе, мне представится случай позаботиться о ней. У неё не было обиды на отца, к которому она испытывала безграничное восхищение.

В 1964 году, узнав по радио, что её отец отправляется с миссией к Чан Кайши по поручению генерала ДЕ ГОЛЛЯ, она написала ему письмо на адрес банка «Креди Лионе», вспомнив, что у её отца был там счёт. ПЕШКОВ ответил ей в безразличном тоне (у меня есть копия письма), раздражённый тем, что она попыталась связаться с ним. Он не упомянет её в своих распоряжениях по завещанию, написанных в 1966 году в пользу своей экс-супруги ДЕЛОНЕ-БЕЛЬВИЛЬ, а та откажется встретиться с Елизаветой в 1974 году. Когда ПЕШКОВ окончательно выйдет на пенсию, он будет жить в студии на улице Лористон, где несколько раз я буду навещать его. А он будет часто обедать у нас.

Будучи членом «Ассоциации офицеров иностранного происхождения в рядах Французской армии», он подружится с князем Николаем ОБОЛЕНСКИМ², долгое время бывшем участником Сопротивления и заключённым концлагеря. Оболенский, став священником, будет духовником ПЕШКОВА, который в то время горячо обратится к православию. Они оба покоятся в одной могиле на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Сведения о публикаторах

Публикатор – Н. Д. Лобанов-Ростовский, племянник Николая Васильевича Вырубова, сын его сестры Ирины Васильевны Вырубовой, в зам. княгиней Лобановой-Ростовской; Рюрикович в 33-м колене; известный общественный деятель, коллекционер, меценат. Перевод и подготовка публикации – Е. С. Фёдорова, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор культурологии, к. ф. н., научный куратор ГБОУ ДМШ имени С. И. Танеева. Родилась в Москве. Работает в МГУ с 1990 года. Прямой потомок декабриста Василия Петровича Ивашева и Камиллы Ледантю, а также генерала 1812 года Петра Никифоровича Ивашева.

Армии... Парткомиссия при ГлавПУРе припомнила генералу Биязи о «неправильном подходе в подборе кадров постоянного состава, в результате такой практики институт оказался засорённым сомнительными, а в отдельных случаях чуждыми советскому строю людьми»... В июне 1948 года последовал приказ об увольнении Марковой-Пешковой в запас... Опять на помощь пришёл её верный друг и покровитель генерал Биязи. На этот раз генерал перестарался... Он порекомендовал её переводчицей-машинисткой в ТАСС, но там в отделе кадров сидели сверхбдительные люди, и они докопались до её прошлого, сравнительно недавно ссыльной... В районном отделении милиции у ничего не подозревавшей плохого Елизаветы Зиновьевны взяли паспорт, поставили отметку «минус сто», что означало – запрет селиться в любом городе, расположенном ближе, чем в ста километрах от Москвы. И добавили в нём запись: без права проживания во всех районных и областных центрах страны». См.: В. Я. Свирида <https://vkimo.com/елизавета-пешкова-работала-в-ВИИЯ>. 20.04.2020.

¹ Старший, Александр, капитан морской пехоты, погиб в автомобильной катастрофе в 1968 году. Младший, Алексей, журналист, жил в Минске, умер в 1993-м. У него родилась дочь Елизавета, названная в честь бабушки, и сын Александр – в честь погибшего брата. См. там же.

² Князь Николай Александрович Оболенский (1900–1979) – крестник Императрицы Марии Фёдоровны и Вел. кн. Константина Константиновича. Закончил Пажеский корпус, затем Женевский университет. Участник Французского Сопротивления. В 1944–1945 годах узник концлагеря Бухенвальд. Офицер ордена Почётного Легиона (1957). Протоиерей собора Александра Невского в Париже (с 1963). Муж казнённой нацистами участницы Французского Сопротивления Вики Оболенской (Веры Аполлоновны, ур. Макаровой, 1911–1944).

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «Литерра», гл. ред. Владимир Фёдоров

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счёт: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru